

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования «Российский университет дружбы народов»

На правах рукописи

ЧЕРНОВА ВЕРОНИКА ЮРЬЕВНА

**ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ КАК ФАКТОР МОДЕРНИЗАЦИИ
ВНЕШНЕТОРГОВОЙ И СТРУКТУРНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ (НА ПРИМЕРЕ
АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СЕКТОРА)**

08.00.14 – мировая экономика

Диссертация
на соискание ученой степени
доктора экономических наук

Научный консультант:
доктор экономических наук, профессор
Хейфец Борис Аронович

Москва – 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ.....	22
1.1. Теоретические подходы к понятию и сущности импортозамещения	22
1.2. Зарубежный опыт использования политики импортозамещения для повышения международной конкурентоспособности стран	39
1.3. Движущие силы политики импортозамещения на современном этапе развития мировой экономики.....	72
1.4. Формирование парадигмы импортозамещения в российской экономике...104	
Выводы по главе 1	122
Глава 2. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СЕКТОРА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ	125
2.1. Агропродовольственный сектор России: оценка импортозависимости.....	125
2.2. Россия на мировом рынке продуктов питания	148
2.3. Влияние политики импортозамещения на продовольственную безопасность РФ	170
2.4. Анализ хода и эффективности реализации политики импортозамещения в агропродовольственном секторе РФ.....	194
Выводы по главе 2	204
Глава 3. МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ СТАБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СЕКТОРА И ДОСТИЖЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО САМООБЕСПЕЧЕНИЯ.....	207
3.1. Роль зарубежных многонациональных корпораций в проведении политики импортозамещения на первом этапе её реализации.....	207
3.2. Реализация политики импортозамещения в агропродовольственном секторе РФ на примере главных транснациональных игроков продуктового рынка	220
3.3. Механизмы стимулирования локализации производства многонациональных корпораций в России для повышения их роли в импортозамещении и модернизации агропродовольственного сектора	239
Выводы по главе 3	248
Глава 4. ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ СЕКТОРЕ РФ.....	250
4.1. Перспективы внедрения цифровизации в агропродовольственном секторе РФ, как фактор повышения международной конкурентоспособности	250
4.2. Потенциал интеграции в агропродовольственном секторе стран ЕАЭС	268

4.3. Концептуальные подходы к определению стратегических приоритетов государственной политики импортозамещения в агропродовольственном секторе России	292
4.4. Возможности повышения эффективности национальных проектов в области политики импортозамещения в агропродовольственном секторе	306
Выводы по главе 4	317
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	320
Основные научные результаты диссертации.....	320
Рекомендации по практическому использованию результатов диссертационного исследования.....	329
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	330
Приложение А (обязательное). Динамика производства основных видов импортозамещающей продукции по укрупненным товарным группам ...	371
Приложение Б (рекомендуемое). Крупнейшие агрохолдинги России по итогам 2018 г.....	372
Приложение В (рекомендуемое). Обзор методик оценки потенциала импортозамещения	379
Приложение Г (обязательное). Определение весовых коэффициентов и расчет интегральных индикаторов в методике оценки эффективности импортозамещения	383
Приложение Д (рекомендуемое). Многонациональные корпорации на агропродовольственном рынке РФ	386
Приложение Е (рекомендуемое). Потенциал кооперации и развития торговли со странами ЕАЭС	392
Приложение Ж (рекомендуемое). Участие национальных проектов в реализации импортозамещения в агропродовольственном секторе	395

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования

После глобального финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг. в мире возродилось внимание к теоретическим и практическим аспектам импортозамещения, особенно усилившееся в последние 5 лет. Это связано с развитием новых тенденций в мировых экономических отношениях, прежде всего, с усилением протекционизма в межгосударственной торговле и инвестициях (только с 1 января 2017 г. по 15 ноября 2019 г. правительства всех стран мира ввели 2723 новых ограничительных мер, совокупный эффект которых затрагивает 40% мировой торговли), а затем и с нарастанием геополитической напряженности в мире, вызвавшей использование таких чрезвычайных мер, как экономические и технологические санкции в невиданных в прошлом масштабах. Особенно наглядно усиление протекционизма проявляется в торговой политике США, развязавшими торговые войны со многими государствами. В ряде случаев торговые войны переросли в настоящие экономические войны, которые по длительности превосходят многие крупные вооруженные конфликты. США ввели экономические санкции против более чем 20 стран, в число которых, кроме России, входят Иран, Северная Корея, Венесуэла, Куба и другие страны, а также Китай, Пакистан и Турция, не находящиеся, в полном смысле, под действием санкций, но ставшие мишенями для других ограничительных экономических мер. Протекционизм привел к снижению делового доверия до исторического минимума, снижению инвестиций и падению спроса на средства производства, что стало одним из важных факторов замедления производства и мировой торговли.

Пандемия COVID-19 вызвала срыв поставок конечной продукции, промежуточных товаров, падению спроса на сырьевые товары и энергетические ресурсы, и, хотя и является чрезвычайной ситуацией, добавила ряд весомых аргументов в пользу импортозамещения на основе развития национальных производств.

Новые задачи в импортозамещении встают и в связи с развитием технологий четвертой промышленной революции. Принципиально новые технологии значительно расширяют возможности производства, способствуют росту эффективности и ведут к повышению конкурентоспособности. Вместе с тем возрастает и технологическая конкуренция, которая также ставит новые задачи в области импортозамещения. Не случайно в современных программах структурно-технологической модернизации некоторых стран (Made in China 2025, Make in India) значительное место отводится созданию высокотехнологичных производств, замещающих импорт.

В таких условиях назрела необходимость глубокого исследования фундаментальных причин и переоценки роли политики импортозамещения, выработки новой теоретической концепции импортозамещения, которая могла бы стать основой для выработки практических рекомендаций в данной сфере.

Конечно, разные страны ставят разные цели такой политики, исходя из конкретных условий своего экономического развития. В то же время, имеются ряд общих закономерностей нового этапа импортозамещения, которые должны быть приняты во внимание. В частности, ни при каких условиях импортозамещение не должно вести к экономической и технологической изоляции национальной экономики. В этом плане заслуживает внимание концепция экспортоориентированного импортозамещения, которая предполагает создание таких национальных производств, которые не только обеспечат внутреннее потребление, но и будут конкурентоспособны на внешних рынках. Такой подход к импортозамещению позволяет использовать эту политику для усиления конкурентных позиций страны в глобальной экономике в целом; в то же время он ставит новые задачи перед экономической наукой, которая должна разработать подходы к выбору импортозамещающих и экспортоориентированных производств, а также к принципам оценки их конкурентоспособности и степени вариативности, в зависимости от роли того или иного сектора.

Реализуемая в настоящее время в России политика вынужденного импортозамещения в условиях санкций и ответных российских мер, с опорой пре-

имущественно на внутренние силы при недостаточном использовании внешних связей, не способствует достижению целей обеспечения прорывного научно-технологического и социально-экономического развития России и повышения уровня жизни ее граждан. Кроме того, она имеет побочные негативные эффекты в виде снижения благосостояния потребителей, роста производства неконкурентоспособной продукции, несет риск снижения продовольственной безопасности страны.

Отличие политики импортозамещения в агропродовольственном секторе от импортозамещающей политики в других отраслях и секторах экономики определяется его ролью в экономике страны, высокой социальной значимостью и спецификой производства. Продовольственная безопасность является составной частью национальной безопасности, а межотраслевой характер сектора предопределяет значительное влияние на эффективность и конкурентоспособность всей экономики. Продукция агропродовольственного сектора удовлетворяет жизненные потребности населения в продуктах питания, оказывает определяющее воздействие на здоровье нации, влияет на социальную стабильность в обществе. Объемы производства агропродовольственного сектора и его эффективность в значительной степени зависят от наличия и пригодности для использования в агропроизводстве земельных ресурсов, от природно-климатических факторов.

Особое значение политика импортозамещения в агропродовольственном секторе приобретает в современных условиях. Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшение питания, содействие устойчивому развитию сельского хозяйства являются одной из 17 важнейших целей программы ООН по обеспечению устойчивого развития до 2030 г. Удовлетворение потребностей в продовольственных продуктах является важнейшим условием сохранения человеческой жизни.

Россия в этой сфере не только решает общие задачи, но и ставит свои цели и обладает огромными возможностями, позволяющими нарастить ее экспортный потенциал. В 2019 г. экспорт продовольствия и сельскохозяйственно-

го сырья вырос в 2,8 раза в сравнении с 2010 г., в 1,5 раза в сравнении с 2015 г., и вышел на второе место в российском экспорте среди крупных товарных групп после топливно-сырьевых товаров, превысив доходы от экспорта вооружений на 5,1 млрд руб.

В то же время, в России наблюдается значительное отставание фактического потребления ряда продуктов питания от рекомендуемых Минздравом рациональных норм, а доля расходов домашних хозяйств на продовольственные товары превышает аналогичный показатель развитых стран в 2,5–3,0 раза, что сказывается на показателях здоровья россиян и не способствует увеличению продолжительности жизни.

Вступившая в силу в начале 2020 г. новая Доктрина продовольственной безопасности РФ до 2030 г., к сожалению, не дает ответы на многие подобные вопросы, так как не учитывает ряд новых вызовов экономического развития. В частности, существующая система оценки эффективности политики импортозамещения не отражает связи со структурно-технологической модернизацией отраслей и ростом их конкурентоспособности. В результате сохраняется острая необходимость модернизации концепции импортозамещения в агропродовольственном секторе с позиции стабильного обеспечения экономической доступности и продовольственной обеспеченности, а также с учетом потенциала интеграции России с другими странами.

Импортозамещение в России сталкивается с рядом серьезных проблем. Важнейшими из них являются сохранение барьеров, препятствующих отечественным сельхозпроизводителям вносить свой вклад в обеспечение продовольственной безопасности и повышать конкурентоспособность отечественного агросектора в системе международного разделения труда. Это происходит из-за медленного внедрения новых технологий, неконкурентоспособности части отечественной агропродукции, недоиспользования потенциала агропродовольственного сектора и неустойчивости его развития, аномальной структуры с преобладанием сверхкрупных агрохолдингов, препятствующих развитию фермерских хозяйств.

Российская политика импортозамещения слабо учитывает успешный опыт развитых и развивающихся стран в отношении иностранных производителей и многонациональных компаний (МНК) для вовлечения их в процесс формирования конкурентоспособных отраслей отечественной экономики и развития их экспортного потенциала.

Вышеуказанные и некоторые другие причины обуславливают как теоретическую, так и практическую значимость диссертационного исследования, посвященного новым вопросам теории импортозамещения и выработке вытекающих из этого практических рекомендаций по повышению эффективности политики импортозамещения Российской Федерации как фактора модернизации внешнеторговой и структурной политики России в современных условиях, а также повышения конкурентоспособности страны на мировом рынке продовольствия.

Степень разработанности проблемы

Фундаментальные основы политики импортозамещения заложены в трудах Г. Брутона, Л. Вестфаля, Т. Уилкинсона, У. Галенсона, А. Хиршмана, А. Кругера, Р. Вейда, А. Амседе, У. Тейта, Дж. Грея, Дж. Шихана, Я. Литтла, Т. Скитовского, Ф. Листа, Р. Пребиша, Г. Зингера, М. Скотта, П. Кадочникова, Н. Волчковой, А. Кнобеля, В. Оболенского. История российского импортозамещения проанализирована в работах А. Строганова, Л. Жилиной, И. Пичурина, В. Кондрашина, Д. Ушкаловой.

Подходы к формированию стратегии модернизации раскрыты в трудах В. Полтеровича, Е. Ленчук, С. Бодрунова, А. Шаститко, С. Афонцева, С. Плаксина, А. Городецкого. Варианты применяемых моделей новой промышленной политики для трансформации экономик разных стран, а также их изменение в разные периоды рассмотрены в работах Д. Стиглица, А. Андреони, Е. О'Силливана, А. Харрисона, Х. Синха, Х. Чанга. Необходимость структурной трансформации и кардинальных качественных изменений в отраслях агропродовольственного сектора экономики рассмотрена в работах А. Алтухова, И. Ушачева, О. Бекетовой и Н. Барышниковой, Д. Нильсона, С. Коллинсона, Д.

Мунгалова, Б. Фрумкина. Проблема недообеспеченности кадрами отечественного агропродовольственного сектора исследована в коллективной работе Г. Шипиловой, В. Рождественской и др., С. Сибиной. Неравномерность распределения государственной поддержки среди сельхозпроизводителей разных форм организации бизнеса и по регионам подчеркивается во многих научных работах, к примеру, в работах Т. Платонова.

Значительный вклад в развитие методик оценки эффективности импортозамещения внесли П. Кадочников, Л. Матвеева, В. Климук, К. Лебедев, Ю. Сухотин, В. Дементьев, А. Петров, Ю. Овсиенко, С. Митяков, И. Ершова, Н. Шухов, Дж. Перски, Э. Фейзер, Б. Балашша, Д. Гринвэй, К. Милнер и др.

Проблемы, связанные с обеспеченностью и доступностью продуктов питания в разных странах, широко отражены в научной литературе в трудах Д. Кендела, Дж. Клэппа, С. Вегна, С. Нилсона, М. Покка, А. Садовски и А. Байер-Навровски, Н., Шагайды, В. Узун, Ж. Аяповой, Е. Пожидаевой, В. Бурцева, А. Балясовой, И. Троцук, А. Никулина, С. Вегрена, О. Трибушининой, Н. Куркиной, Р. Мансурова, К. Бородина, Н. Киреевой, С. Санинского, М. Лебедева, Е. Костенко, А. Миненко, Т. Белугиной и А. Белугина, А. Грешонкова и Л. Абрамовой, В. Копейна и других.

Роль и влияние МНК на развитие стран с так называемой «переходной экономикой» достаточно полно изложены в научных публикациях. В частности, разнообразие рыночных факторов, которые привлекают МНК к определенным российским рынкам, а также институциональные условия и риски ведения бизнеса для МНК в России, влияние санкций и российских контрмер на условия работы зарубежных компаний исследованы в работах И. Гуркова, З. Саидова, К. Зубачевой, М. Джонсона. Вопросы деятельности МНК с позиции экономической и национальной безопасности стран, привлекающих прямые иностранные инвестиции (ПИИ), проанализированы в научных статьях В. Новицкого, В. Белошапки, В. Плотникова, В. Рокоча, С. Якубовского и др. Роль ПИИ в модернизации экономик и их содействие экономическому росту принимающих стран исследованы в трудах Дж. Даннинга, Е. Грехэма, Л. Хэлперна, К.

Чена, К. Калдерона, Д. Лекро, О. Богаевской и др. Перспективы расширения участия России в глобальных цепочках добавленной стоимости (ГЦДС) проанализированы в работе П. Кадочникова, В. Малыгина, Н. Смородинской, Д. Катукова, модернизация российских предприятий в цепочках создания стоимости – С. Авдашевой, В. Голиковой, А. Яковлева, И. Буданова.

Перспективы экономических союзов, с учетом влияния макроэкономических и политических факторов, нашли отражение в работах А. Кнобеля, Б. Хейфеца, Ю. Князева, Д. Ушкаловой, С. Жильцова, П. Павлова, А. Каукина, И. Андроновой, С. Глинкиной, А. Мигранян, М. Тураевой, А. Яковлева, А. Воробьева, А. Тодорова, Е. Ленчук, Т. Алиева, М. Баева, С. Воскресенского, А. Синицина и др.

Однако, несмотря на большое количество публикаций отечественных и зарубежных ученых по проблемам политики импортозамещения, мирового опыта ее реализации, в них освещены, по большей части, только отдельные аспекты этой проблемы. В результате отсутствия цельности взглядов проблема ее успешной реализации и эффективности в условиях санкций не получила должного освещения. Не выработаны конкретные подходы к реализации политики импортозамещения в условиях так называемых «контрсанкций», не устранены разногласия в трактовке продовольственной безопасности, не выработаны инструменты обоснования селективного экспортоориентированного импортозамещения и инструменты измерения экономической доступности продовольствия, а также мониторинга хода реализации импортозамещения. Доработки требуют Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации и пакет государственных программ развития агропродовольственного сектора.

Цель диссертационного исследования заключается в разработке новой теоретической концепции и формировании на ее основе практических рекомендаций по повышению эффективности политики импортозамещения Российской Федерации как фактора модернизации внешнеторговой и структурной политики России в современных условиях, а также для решения проблем продоволь-

ственной безопасности и повышения конкурентоспособности страны на мировом рынке продовольствия.

Для достижения цели поставлены и решены следующие **задачи**:

1. Исследовать теоретико-методологические основы и особенности реализации политики импортозамещения с целью обоснования их применимости в российском агропродовольственном секторе в условиях формирования многополярного мирового устройства.

2. Проанализировать мировой опыт реализации политики импортозамещения с целью выявления ее движущих сил и факторов, влияющих на ее развитие.

3. Раскрыть глобальное значение продовольственной безопасности и особенности российского подхода к ее обеспечению.

4. Разработать концепцию импортозамещения с позиции достижения продовольственной безопасности.

5. Выявить особенности политики импортозамещения в агропродовольственном секторе России, проанализировав современное состояние агропродовольственного сектора, динамику самообеспеченности и импортозависимости.

6. 6. Научно обосновать новые подходы к оценке продовольственной безопасности, а также целесообразность пересмотра ключевых понятий Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации и методики их оценки с учетом новых вызовов и изменившихся условий.

7. Разработать систему показателей оценки продовольственной самообеспеченности для формирования более ясной картины состояния доступности продовольствия для российского потребителя.

8. Раскрыть роль новейших технологий и передовых управленческих практик в решении задач достижения продовольственной безопасности страны, обеспечения населения качественными и безопасными продуктами питания в достаточном количестве и развития ее экспортного потенциала.

9. Предложить новую методологию оценки эффективности импортозамещения с позиции роста конкурентоспособности агропродовольственного секто-

ра, как необходимого условия достижения высокого уровня продовольственной самообеспеченности.

10. Исследовать специфику функционирования МНК на российском агропродовольственном рынке в условиях санкций, эмбарго, обострения геополитической обстановки, и их роль в стабилизации российской экономики. Выделить общие и специфические черты успешных стратегий МНК для возможного использования другими иностранными инвесторами.

11. Разработать механизмы стимулирования локализации производства МНК в России для повышения их роли в импортозамещении, насыщении российского рынка качественными продуктами питания, достижении продовольственной самообеспеченности.

12. Разработать перспективные направления инновационного развития отрасли с целью роста конкурентоспособности и улучшения позиций России в системе международного разделения труда.

13. Выявить направления развития кооперационных связей России со странами ЕАЭС и потенциал наращивания взаимной торговли в отраслях агропродовольственного сектора.

14. Предложить новый концептуальный подход к определению стратегических приоритетов политики импортозамещения с позиции достижения продовольственной самообеспеченности и экспансии на внешние рынки на основе роста конкурентоспособности отечественного агропродовольственного сектора.

15. Разработать рекомендации по встраиванию импортозамещения в систему национальных проектов и повышению их эффективности в области политики импортозамещения в агропродовольственном секторе.

Объектом исследования является политика импортозамещения Российской Федерации в агропродовольственном секторе в современных условиях.

Предметом исследования является система экономических отношений, связанных с политикой импортозамещения в агропродовольственном секторе, и складывающихся в современных условиях специальных экономических мер с

позиции необходимости повышения продовольственной безопасности и повышения конкурентоспособности страны на мировом рынке продовольствия.

Область исследования соответствует требованиям следующих пунктов паспорта ВАК для специальности 08.00.14 Мировая экономика:

П. 21. Развитие ресурсной базы мирового хозяйства. Экономические аспекты глобальных проблем – экологической, продовольственной, энергетической. Мировозьяйственные последствия глобальных процессов, пути и механизмы их решения.

П. 27. Международная и национальная экономическая безопасность. Теоретические и методологические основы обеспечения внешнеэкономической безопасности России.

П. 18. Современные рыночные стратегии и их роль в развитии международного обмена. Методические аспекты международной конкурентоспособности. Формы и методы конкуренции в различных секторах мирового рынка.

П. 29. Участие России в международном разделении труда. Формирование и перспективы развития экспортного потенциала и импортных потребностей российской экономики. Возможности улучшения международной производственной специализации России.

П. 23. Место и роль транснациональных корпораций в современной мировой экономике, их взаимодействие с национальными хозяйствами стран базирования и стран пребывания их зарубежных филиалов.

Теоретической основой диссертационного исследования стали фундаментальные положения, теории, концепции и научные гипотезы в области импортозамещающей политики и продовольственной безопасности, международного разделения труда, экономического роста, промышленной политики, прямых иностранных инвестиций (ПИИ) и МНК, представленные в классических и современных публикациях отечественных и зарубежных ученых в области изучения импортозамещающей политики и продовольственной безопасности.

Методологической основой исследования послужил комплекс взаимодополняющих общенаучных (абстрагирование, индукция и дедукция, класси-

фикация, сравнение, научное доказательство, диалектический, логический, ретроспективный и сравнительный методы анализа) и частных методов познания (структурно-функциональный, субъектно-объектный, логический и др.). Также были использованы экономико-статистические методы, методы табличной и графической интерпретации данных, экспертных оценок, корреляционно-регрессионного анализа.

Информационно-статистическую базу научного исследования формировалась на основе: нормативно-правовых актов и законов Российской Федерации, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан и Кыргызской Республики; статистических баз данных международных организаций (ФАО, Всемирного Банка, ЮНКТАД, МВФ и др.); официальных баз данных национальных статистических органов стран ЕАЭС; официальные концепции и стратегии в сфере обеспечения продовольственной безопасности и развития агропродовольственного сектора; аналитические обзоры и материалы информационных агентств; экспертные оценки научных и практических работников; официальные сайты российских и многонациональных компаний (МНК).

В исследовании использованы данные Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, Центрального Банка Российской Федерации, Евразийской экономической комиссии, Евразийского банка развития (ЕАБР) и др.

Достигнутые результаты исследования определяются тем, что в работе предложены оригинальная теоретическая концепция и **практические** рекомендации по формированию модели импортозамещения, как фактора модернизации внешнеторговой и структурной политики России в современных условиях, а также для решения проблем продовольственной безопасности и повышения конкурентоспособности страны на мировом рынке продовольствия.

Научной новизной, полученных в исследовании результатов, являются следующие положения.

1. **Разработана** новая теоретическая концепция импортозамещения, в которой **обоснована** совокупность основных тенденций и явлений, формирую-

щих изменившиеся подходы к теории импортозамещения. **Новая концепция** основывается на понимании, что импортозамещение в современных условиях представляет собой длительный процесс роста конкурентоспособного национального производства с кумулятивным эффектом, который затрагивает почти все отрасли экономики и аспекты общества при избирательном, и часто одновременном, использовании инструментов ограничения импорта в импортозамещаемых отраслях (или видах экономической деятельности) при либерализации внешней торговли в других отраслях для валютной, технологической поддержки импортозамещаемых производств и обеспечения их промежуточными товарами, сырьем и другими факторами производства.

2. **Установлена** взаимосвязь продовольственной импортозависимости стран с уровнем ВВП на душу населения и обеспеченностью сельскохозяйственными землями. **Систематизированы** причины возникновения продовольственной импортозависимости, и меры по ее снижению в зарубежных странах. **Выявлено**, что в развитых странах с высокой обеспеченностью сельскохозяйственными землями импорт продовольствия выполняет функции круглогодичного обеспечения населения сезонными продуктами питания, удовлетворения разных вкусовых предпочтений, и обусловлен совершенствованием технологий, улучшением инфраструктуры, ростом доходов населения, снижением тарифов на импорт, изменением пищевых привычек и вкусовых предпочтений вследствие развития туризма и роста миграции.

3. Определены ключевые драйверы политики сокращения импорта в зарубежных странах в современных условиях, которыми являются технологии четвертой промышленной революции, стимулирующие рещоринг, как современную форму импортозамещения в развитых странах, и государственные поддержки возврата производственных мощностей, в то время как факторами, оказывающими дестимулирующее воздействие на решения о рещоринге, являются санкционные войны и усиление протекционизма.

4. **Раскрыто** глобальное значение продовольственной безопасности и особенности российского подхода к ее обеспечению, характеризующегося из-

бирательным введением запрета на импорт продуктов питания из стран, поддержавших санкции, что привело к снижению диверсификации импорта, замене поставщиков из стран с высоким уровнем качества продуктов питания на поставщиков с более низким качеством, приоритетностью продовольственной независимости страны над продовольственной доступностью продуктов питания для населения, следствием чего стало снижение экономической доступности продовольствия для населения. **Предложена** концепция импортозамещения, как политики структурно-технологической и инновационной модернизации отечественного агропродовольственного сектора, направленной на достижение устойчивого роста внутреннего производства для обеспечения экономической доступности конкурентных по цене и качеству продуктов питания в объеме согласно рекомендованных норм потребления.

5. **Обосновано**, что методология оценки продовольственной самообеспеченности по доле собственного производства в потреблении продуктов питания искажает реальную картину состояния продовольственной самообеспеченности, особенно по товарам с высокими объемами экспорта, и, как следствие, снижает эффективность политики импортозамещения в агропродовольственном секторе РФ. **Предложено** при расчете самообеспеченности учитывать только ту часть продукции, произведенной национальными производителями, которая поступает на внутренний рынок и доступна для потребления, что позволит сформировать более ясную картину состояния доступности продовольствия для российского потребителя.

6. **Сформулирован авторский подход** к оценке реальной картины выполнения Доктрины продовольственной безопасности, основанный на устранении концептуальной и терминологической путаницы в новой Доктрине продовольственной безопасности РФ до 2030 г. В частности, в документе установлено, что продовольственная безопасность гарантирует обеспечение российских потребителей продуктами питания в объемах не ниже рекомендованных рациональных норм. В то же время, ее основной индикатор – продовольственная независимость – определяется через продовольственную самообеспеченность и

рассчитывается как доля собственного производства в текущем потреблении продуктов питания, что в условиях потребления продуктов питания в объемах значительно ниже рекомендованных норм, в результате многолетнего снижения покупательной способности населения, существенно искажает реальную картину выполнения Доктрины продовольственной безопасности. **Новый подход** основан на использовании показателя самообеспеченности в предложении, показывающего фактическое удовлетворение потребностей населения или долю произведенных на территории страны продовольственных товаров, предложенных для потребления на внутреннем рынке и доступных потребителям, и показателя самообеспеченности в нормативном потреблении, показывающего долю внутреннего предложения в потреблении, согласно рекомендованных (рациональных) норм.

7. Предложен новый подход к выбору импортозамещающих и экспортоориентированных производств на основе сравнительной оценки самообеспеченности в производстве, самообеспеченности в предложении при существующем уровне потребления, самообеспеченности в нормативном потреблении и порогового значения, установленного Доктриной продовольственной безопасности. Данный подход позволяет выявлять группы товаров с избыточным и недостаточным предложением на внутреннем рынке, в отношении которых необходимо развивать импортозамещение или экспансию на внешние рынки, а также экспортоориентированные товары с высокими объемами национального производства и низким объемом предложения на внутреннем рынке.

8. Разработана авторская методика оценки эффективности импортозамещения, основанная на концепции целевой эффективности, позволяющая учесть динамический аспект импортозамещения в виде наличия или отсутствия устойчивого роста отрасли, в которой эффективность импортозамещения характеризует отдачу от имеющегося потенциала и факторов его формирования; она определяется как отношение комплексного индикатора динамики целевых показателей импортозамещения к среднегеометрической величине комплекс-

ных индикаторов динамики факторов, способствующих формированию потенциала импортозамещения и динамики потенциала импортозамещения.

9. **Систематизированы** стратегии МНК на российском рынке, что может представлять интерес для российских компаний, стремящихся к зарубежной экспансии. **Доказано**, что, несмотря на угрозу национальной безопасности, на первом этапе импортозамещения (в условиях санкций и российских контрмер) МНК могут вносить положительный вклад в экономический рост и стабилизацию российской экономики, имеют преимущество перед российскими агрохолдингами в виде использования контрактной формы взаимодействия с отечественными фермерскими хозяйствами, обуславливающей развитие фермерских хозяйств путем распространения новых технологий и достижений научно-технического прогресса. **Рекомендовано** стимулирование участия МНК полного цикла производства конечной продукции и локализации цепочки создания стоимости в решении задачи достижения самообеспеченности продуктами питания высокого качества и роста конкурентоспособности российского агропродовольственного сектора на основе использования механизмов стимулирования локализации их производств на территории России.

10. **Обоснована** необходимость разработки и внедрения цифровых технологий для малых и средних форм хозяйствования в агропродовольственном секторе, направленная на преодоление барьеров, препятствующих фермерским хозяйствам стать эффективными участниками агропродовольственного рынка, вносить свой вклад в обеспечение продовольственной безопасности и повышать конкурентоспособность отечественного агросектора.

11. На основе проведенной оценки потенциала кооперации в производственной и торговой сферах России со странами ЕАЭС **выявлен** дисбаланс в пользу торговых отношений и невысокая заинтересованность России в развитии кооперационных связей с союзными государствами. **Предложены** возможные направления углубления взаимного сотрудничества между Россией и странами ЕАЭС, которые позволят странам Союза решить проблему более полного насыщения внутренних рынков продуктами питания.

12. Разработана комплексная методика определения приоритетных импортозамещающих проектов в агропродовольственном секторе, включающая обоснованный выбор импортозамещающих отраслей и производств, оценку потенциала импортозамещения, мониторинг хода реализации импортозамещающего проекта и оценку его эффективности.

Практическая значимость определяется возможностью использования разработанных рекомендаций в формировании политики импортозамещения как роста самообеспеченности и повышения конкурентоспособности агропродовольственного сектора в современных условиях, в том числе, при формировании программы развития агропродовольственного сектора, Доктрины продовольственной безопасности России, обосновании выбора приоритетных направлений импортозамещения и экспорта, мониторинга эффективности экспортоориентированного импортозамещения, разработки мер по усилению локализации МНК с целью повышения их вклада в развитие экономики.

Научные результаты диссертационного исследования могут быть использованы органами государственного управления (Министерством сельского хозяйства Российской Федерации, Министерством экономического развития Российской Федерации, Министерством промышленности и торговли Российской Федерации), органами управления ЕАЭС (ЕЭК), органами управления областного и районного значения, научными и учебными учреждениями.

Результаты представленного исследования могут служить основой для новых исследований и отправной точкой приращения научного знания по проблемам роли импортозамещения в обеспечении продовольственной самообеспеченности и продовольственной безопасности, структурной трансформации экономики, процессов интеграции и развития кооперационных связей в условиях жесткого обострения конкурентной борьбы между глобальными игроками на мировом рынке.

Материалы диссертационного исследования могут найти применение в учебном процессе при преподавании дисциплин по экономическим специальностям. Часть из них уже используется автором в лекционных курсах по дис-

циплинам «Мировая экономика» и «Основы внешнеэкономической деятельности» экономического факультета Российского университета дружбы народов; «Международный менеджмент», «Управление территориями опережающего развития» института экономики и финансов Государственного университета управления; «Стратегический маркетинг», «Рыночная организация» «Стратегический менеджмент» института маркетинга Государственного университета управления; «Стратегический менеджмент» и «Международный стратегический менеджмент» в бакалавриате Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

Апробация исследования. Основные положения, научные результаты и выводы диссертационного исследования докладывались и обсуждались на 23 международных и всероссийских конференциях и конгрессах: «Мировая экономика в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития» (Москва, 2019 г.), «Индустрия 4.0: Трансформация промышленности в условиях цифровизации экономики» (Москва, 2019 г.), «Мировая экономика в XXI веке: глобальные вызовы и перспективы развития» (Москва, 2018 г.), «Экономические стратегии ЕАЭС: проблемы и инновации» (Москва, 2019 г.), «Влияние санкций на социально-экономическое развитие России: последствия и перспективы» (Москва, 2016 г.), «Мировое хозяйство в XXI в.: глобализация и регионализация» (Москва, 2016 г.) и др.

Рекомендации по локализации закупок сырья, стратегий импортозамещения в современных экономических условиях, интеграции в национальные проекты России использованы транснациональными компаниями, работающими на агропродовольственном рынке: ГК Danone, Coca-Cola, PepsiCo.

Материалы диссертационного исследования использовались при выполнении индивидуальных и коллективных исследовательских проектов, поддержанных фондами и программами: РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Промышленно-технологическая кооперация России со странами-партнерами БРИКС в условиях санкционной политики США и ЕС», проект № 15-32-01029/15a1; РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Разви-

тие военных инноваций в России в условиях санкционного режима со стороны стран Европейского союза и США», проект №16-37-01009 а2; РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Разработка программы повышения международной конкурентоспособности инновационных систем российских вузов в научной среде БРИКС», № 18-010-01174; программы РУДН «5-100» в рамках проекта «Совершенствование маркетинговых инструментов поддержки и расширения импортозамещения товаров повседневного спроса в реальном секторе российской экономики»; реализации проекта «Перспективы импортозамещения в реальном секторе стран-участниц ЕАЭС и ШОС в контексте санкционной политики развитых стран», № 061219-0-000, 2018 г.; РФФИ в рамках научно-исследовательского проекта «Активизация военно-экономического сотрудничества на пространстве Организации договора коллективной безопасности и Евразийского экономического союза в контексте санкционной политики развитых стран и развития импортозамещения в РФ», проект № 18-010-01132.

Структура и объем диссертации соответствуют цели и задачам исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографии и приложений. Работа изложена на 395 страницах, из которых 327 страниц текста, включая 39 таблиц, 51 рисунок, и 7 приложений. Библиографический список содержит 389 наименований.

Глава 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

1.1. Теоретические подходы к понятию и сущности импортозамещения

Феномен импортозамещения и анализ эволюции теоретических воззрений на политику импортозамещающей индустриализации имеет много противоречий и неоднозначных толкований. Хотя некоторые попытки реализации этой политики оказались провальными, она была характерной чертой всех успешных историй позднего развития. Сами понятия «импортозамещение» и, в особенности, «политика импортозамещения», появившиеся достаточно давно, а также их цели и методы, трактуются разными учеными по-разному. Крупнейшие западные ученые в области импортозамещения – Х. Ченери, Н. Картер, П.Х. Линдерт – рассматривали импортозамещение, с одной стороны, в качестве одного из основных стимулов развития национальной экономики, и, с другой – с позиции изменения условий внешней торговли, как способа вовлечения государства в мировое хозяйство и обеспечения роста экономики за счет развития внутреннего рынка промышленных товаров. Эти идеи основаны на том, что почти все страны, достигшие промышленного успеха, так или иначе, проходили этап замещения импорта от своих более развитых соседей. С этой точки зрения импортозамещение является естественным процессом, происходящим в разное время в различных странах.

Одной из первых теоретических концепций, дающей обоснование мерам протекционизма во внешней торговле, как одному из инструментов импортозамещения, является меркантилизм. По мнению представителей этой школы (Т. Мана, У. Петти, А. Монкретьена, Ж. Б. Кольбера и др.), поощрение экспорта и ограничение импорта необходимы для достижения благоприятного торгового баланса, а также для стимулирования отечественного производства¹. Замещение импортируемых товаров товарами, произведенными внутри страны, должно не только в полной мере обеспечить внутреннее потребление, но произво-

¹ Петти В. Экономические и статистические работы. Т. I и II. – М.: Соцэкгиз, 1940. – 324 с.

даться на экспорт. Идеи меркантилизма и ныне используются некоторыми современными учеными для исследования политики развивающихся стран, проводимой ими для индустриализации своей экономики и преодоления социально-экономической отсталости¹. Кроме того, главной движущей силой экономического роста европейских стран в 19 веке стали процессы активного роста промышленности внутри страны и последующего развития торговли за пределами Европы.

Теоретическое обоснование необходимости развития и защиты национальной промышленной политики содержится в концепции немецкого экономиста 19-го в. Ф. Листа, воззрения которого тесно связаны с импортозамещающей индустриализацией. В своей работе «Национальная система политической экономии» (1841 г.), Ф. Лист утверждает, что свобода торговли взаимовыгодна только для стран, находящихся на одной ступени развития. В противном случае, более слабая в экономическом смысле страна «обрекает себя на экономическую отсталость и политическую несостоятельность»². Свобода обмена, по Ф. Листу, не приводит слаборазвитую страну в состояние экономического развития. Ф. Лист выдвинул идею «воспитательного протекционизма» на следующих основных принципах:

- таможенная защита молодых отраслей национальной экономики;
- приоритет внутреннего рынка перед внешним;
- национальное единство и национальная ассоциация производителей;
- использование «воспитательного протекционизма» в качестве временной меры.

В отличие от европейских экономистов, американские экономисты яростно отстаивали политику протекционизма: если А. Гамильтон и, вслед за ним, Д. Раймонд выступали за высокие таможенные тарифы, то Г. Ч. Кэри отстаивал высокие пошлины – не как временную меру для развития молодых от-

¹ Reinert E. S., Reinert S. A. Mercantilism and economic development: Schumpeterian dynamics, institution building and international benchmarking // OIKOS. – 2011. – Vol. 10, N 1. – P. 8–37.

² Лист Ф. Национальная система политической экономии: [пер. с нем.]. – М. : Европа, 2005. – 382 с.

раслей национальной промышленности, а в качестве постоянной политики¹. Однако, в целом, сторонники аргумента «зарождающейся промышленности» согласны, что протекционизм может быть разумным и эффективным только до тех пор, пока он не препятствует экономическому развитию нации, которая его применяет.

Одним из крупнейших теоретиков политики импортозамещения является Р. Пребиш. С позиции Р. Пребиша² и Х. Зингера³ сложившееся разделение труда между богатыми странами и бедными обрекает последних на постоянную нищету. Свободный рынок не решит проблему отсталости, более того, он сам является инструментом, который делает бедные страны бедными, а богатые страны богатыми. В отсутствие серьезных изменений в структуре мировой экономики, выручка от торговли между странами, экспортирующими, в основном, сырьевые товары, и странами, экспортирующими готовую продукцию, будет распределяться неравномерно. Кроме того, неравенство в доходах на душу населения между этими двумя типами стран с течением времени будет увеличиваться за счет роста торговли, а не уменьшаться, воспроизводя технологическую и экономическую отсталость от развитых стран, и затрагивая не только структуру экономики страны-экспортера сырьевых товаров, но и всю ее социально-экономическую сферу. Р. Пребиш обратил внимание, что рост производительности в развитых странах привел к росту заработных плат в этих странах, а не к снижению цен. В странах Южной Америки, которые, в основном, зависели от экспорта сельскохозяйственной продукции и минерального сырья, рост производительности был значительно меньше, а заработная плата удерживалась на низком уровне, из-за избытка рабочей силы, слабых профсоюзов и конкуренции между экспортерами.

¹ Блауг М. Кэри, Генри // 100 великих экономистов до Кейнса = Great Economists before Keynes: An introduction to the lives & works of one hundred great economists of the past. – СПб.: Экономикс, 2008. – 352 с.

² Prebisch R. The Economic Development of Latin America and Its Principal Problems. UN document no. E/CN.12/89/Rev.1. Lake Success. – N.Y.: United Nations, 1950.

³ Singer H. W. Economic Progress in Underdeveloped Countries. Social Research // An International Quarterly of Political and Social Science. – 1949. – N 16.1. – P. 1–11.

Со взглядами Р. Пребиша согласуется позиция П.С. Махаланобиса¹, который утверждал, что для достижения экономической независимости страна должна иметь крупный сектор капитальных товаров. Аргументы П. С. Махаланобиса были учтены при распределении инвестиций на 1956–1961 гг., и примерно 1/3 всех инвестиций была направлена в производство основных инвестиционных товаров. Предполагалось, что для успеха в развитии достаточно заменить импорт этих товаров собственным производством на основе широкомаштабного комплексного планирования. В новых независимых странах сектор капитальных товаров был небольшим или отсутствовал, и большинство капитальных товаров импортировалось. Для поощрения и стимулирования инвестиций поддерживался завышенный обменный курс национальной валюты. Таким образом, другой целью политики импортозамещения было ускорение темпов инвестиций.

В модели А. Льюиса, который рассматривает избыток рабочей силы в одном секторе как основу роста в другом и экономического роста в целом, обосновывается изменение условий торговли между развивающимися и развитыми странами на основе индустриализации стран с избытком рабочей силы².

И хотя в ряде работ (к примеру, Фей, Ранис, 1979)³ подчеркивается важность развития не только промышленности, но и сельского хозяйства, на практике, при реализации импортозамещения, развитие сельского хозяйства игнорировалось.

Наиболее полные исследования теории и практики реализации импортозамещения представлены в работах Г. Брутона (1970)⁴, Дж. Шихан (1973)¹, Я. Литтла, Т. Скитовского и М. Скотта (1970)², А. Хиршмана (1967)³.

¹ Mahalanobis P. C. The Approach of Operational Research to Planning in India, Sankahya, Dec. 1955. – N 16 (1, 2). – P. 3–120.

² Lewis W. A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour // The Manchester School. – 1954. – N 22. – P. 139–191. – DOI 10.1111/j.1467-9957.1954.tb00021.x.

³ Fei J. C. H., Ranis G. Development of the labor surplus economy. – Homewood, IL: Richard Irwin, 1964.

⁴ Bruton H. J. The Import Substitution Strategy of Development: A Survey // The Pakistan Devel. Rev. – 19707 – N 10 (2). – P. 123–146.

Г. Брутон отмечает, что планирование осуществлялось в отсутствие опыта планирования, а также надежной и полной информации, и доверия к рыночному механизму. Несмотря на широкое распространение планирования и значимую роль государственных инвестиций, при отсутствии эффективного рынка, создающего стимулы и посылающего сигналы частному сектору, и заставляющего правительство учитывать эти сигналы, планирование превратилось в неэффективный и бесполезный инструмент⁴.

Идея импортозамещения, по своей природе, предполагает защиту национальных отраслей промышленности от большого количества импорта. Исследователи политики импортозамещения обнаружили, что, во многих случаях, ставки таможенных пошлин определялись без анализа эффективного уровня, просто на основании того, что это было сочтено необходимым для обеспечения возможности осуществления деятельности. В результате, возникла огромная мешанина ставок, а их уровни, в некоторых случаях, снижали стимулы для экспорта. Меры тарифного и нетарифного регулирования дополнялись мерами контроля наличия валюты, но не как инструмент реализации импортозамещения, а в качестве средства быстрого решения проблем платежного баланса.

Еще одним широко используемым инструментом политики импортозамещения был обменный курс. Для поддержки низких цен на капитал внутри страны и ослабления инфляции применялось завышение курса национальной валюты. Переоцененный обменный курс в странах, имеющих одну-две основных статьи экспорта, затруднял экспорт других (кроме основных) товаров, и усугублял сложность развития новых, нетрадиционных экспортных товаров. Производители тратили свое время и энергию на попытки получить иностранную

¹ Sheahan J. Import Substitution and Economic Policy: A Second Review / Research Memorandum No. 50. – Williamstown, MA: Center for Development Economics, Williams College, 1972.

² Little I., Scitovsky T., Scott M. Industry and trade in some developing countries. – London: Oxford U. Press for the OECD, 1970.

³ Hirschman A. O. The Political Economy of Import Substituting Industrialization in Latin America // Quart. J. Econ. – 1967. – N 82 (1). – P. 1–32.

⁴ Там же.

валюту, а не на поиск способов производства с использованием внутренних ресурсов («голландская болезнь»).

В соответствии с преобладающей в странах Латинской Америки структуралистской точкой зрения, цены на факторы производства, особенно ставки заработной платы, незначительно влияют на выбор способа производства. Поэтому для решения проблемы бедности в странах с избыточной рабочей силой устанавливались высокие ставки заработной платы. Точно так же полагалось, что обменный курс не имеет большого значения для экспорта, поэтому его можно устанавливать для достижения других целей, таких, как стимулирование накопления капитала, или ослабление инфляции. Кроме того, в странах Латинской Америки во время реализации политики импортозамещения наблюдалось недоиспользование капитала. Причина этого заключалась в неспособности рабочей силы стран Латинской Америки адаптировать импортируемые технологии западных стран.¹ А отсутствие роста занятости в производительных секторах стало главным фактором распространенности масштабной нищеты. Причинами сложившейся ситуации, кроме нехватки рабочей силы соответствующей квалификации и отсутствия производства промежуточных товаров, была лоббистская практика предоставления государственной помощи вне связи с конечными результатами (предоставление субсидий на средства производства при низком коэффициенте их использования, предоставление импортных субсидий на основе установленной мощности, распределение инвестиций не по потребностям экономики и др.).

Не менее серьезной и разрушительной ошибкой при реализации политики импортозамещения была недооценка роли сельского хозяйства. Сельскохозяйственный сектор был крупнейшим сектором экономики в большинстве стран, осуществляющих импортозамещающую индустриализацию. Контроль цен на основные продукты питания с целью предотвратить рост стоимости жизни в городах, а также финансирование исключительно новых производств, в ущерб

¹ Winston G. C. The Theory of Capital Utilization and Idleness. // Journal of Economic Literature, American Economic Association. – 1974. – Vol. 12 (4). – P. 1301–1320.

агросектору, привело к тому, что новые сектора, в силу своей неконкурентоспособности, были не в состоянии экспортировать свою продукцию на зарубежные рынки, и зависели от слабого внутреннего спроса.

Тем не менее, несмотря на допущенные ошибки в течение первого, «легкого» этапа политики снижения импортозависимости, целью которой было, начать производить потребительские товары и простые машины и оборудование своими силами, успех проводимой политики был значительно выше, чем ожидалось: выросла доля промышленности в ВВП, произошло изменение структуры экспорта и импорта.

Однако позднее, как показано в труде [Баласса, 1984]¹, политика импортозамещения привела к серьезным искажениям и, как следствие, к неэффективному использованию ресурсов. Во-первых, медленный рост спроса на рабочую силу и медленный рост занятости, в сочетании с другими факторами, препятствовали сокращению бедности [Зингер, 1970]². Во-вторых, в странах, проводящих политику импортозамещения, наблюдался крайне низкий рост производительности, который, за исключением Тайваня, где рост производительности находился на уровне 3,3%, составлял 0,1% в год³. И хотя, по другим оценкам, рост совокупной факторной производительности [Чинери, Робинсон и др., 1986]⁴ в развивающихся странах был более высоким, он все равно был ниже, чем в развитых странах.

Таким образом, к началу 1970-х гг. было общепризнано, что применение политики импортозамещения не смогло обеспечить устойчивый рост. Однако единственной альтернативой на тот момент было устранение ошибок в ее реализации. В отсутствие новых теоретических идей и разработок, Южной Корее и Тайваню удалось продемонстрировать исключительные достижения. Изме-

¹ Balassa B. Adjustment Policies in Developing Countries: A Reassessment // World Development. – 1984. – N 12. – P. 955–972. – DOI 10.1016/0305-750X(84)90053-6.

² Singer H. W. Dualism Revisited: A New Approach to the Problems of the Dual Society in Developing Countries // J. Devel. Studies. – 1970. – N 7 (1). – P. 60–75.

³ Bruton H. J. A Reconsideration of Import Substitution // Journal of Economic Literature. – 1998. – Vol. XXXVI. – P. 903–936.

⁴ Chenery H., Robinson S., Syrquin M., eds. Industrialization and growth. – New York: Oxford U. Press for the World Bank, 1986.

ния проводимой ими политики были сделаны на рубеже 1950–1960-х гг., но уже в 1960-х гг. в обеих странах произошло заметное увеличение темпов роста ВВП: с 6,5% до 10% в Тайване, и с 4,4% до 9,1% в Южной Корее, что было намного больше, чем в любой другой стране¹. Рост занятости и борьба с бедностью также проходили намного успешнее, чем в большинстве других стран. Причем, обе страны применяли те же меры, и использовали аналогичные инструменты, как и страны Латинской Америки: завышенный обменный курс для контроля над инфляцией и субсидирования инвестиции; высокие тарифы, квоты и другие меры регулирования внешней торговли для защиты платежного баланса; контроль за поступлением иностранной валюты; монополия государственного сектора на импорт (в Тайване).

Успех этих двух стран объясняется сочетанием целого ряда факторов:

- быстрые темпы роста мировой торговли, как необходимое, но недостаточное, условие успеха в развитии экспорта;
- хорошо развитый человеческий капитал и гораздо более высокое, в сравнении со странами Латинской Америки, качество рабочей силы, что позволило заимствовать и адаптировать все более производительные технологии развитых стран;
- наличие некоторого количества научно-исследовательских центров в области сельского хозяйства;
- более эффективное управление политикой со стороны правительств;
- значимая роль экспорта;
- использование пакета взаимосвязанных и дополняющих политик.

Ключевыми характеристиками импортозамещающей индустриализации Тайваня и Южной Кореи, по мнению Г. Брутона², было возвращение доверия рыночным механизмам в сочетании с экспортной ориентацией и либерализации-

¹ Galenson W., ed. Economic growth and structural change in Taiwan. – Ithaca: Cornell U. Press, 1979.

² Bruton H. J. A Reconsideration of Import Substitution // Journal of Economic Literature. – 1998. – Vol. XXXVI. – P. 903–936.

ей импорта. В других работах (см., к примеру [Баласса, 1982¹; Вестфаль, 1990²]) сделан акцент на экспорте, как главном источнике динамизма в развитии. С другой стороны, нельзя не учитывать, что стимулирование экспорта, как и импортозамещение, требуют определенных затрат. Выбор направления политики зависит от наличия неиспользованных сравнительных преимуществ и стоимости реализации каждой из стратегий [Уилкинсон, 2005]³. Стратегия импортозамещения, с этой точки зрения, является такими же инвестициями в экономическое развитие, как и стратегия расширения экспорта, если потенциальные затраты на ее реализацию не превысят затраты на расширение экспорта.

В случае, когда качественные характеристики и/или цена товара национального производителя уступают импортному товару, то последний заменит национальный. Справедливо и обратное утверждение, как показано в модели С. Деллеру⁴, сделавшему предположение о нереализованных сравнительных преимуществах, что подтверждено эмпирическими исследованиями. Игнорирование импортозамещения, как стратегии развития, может привести к недостаточным инвестициям в экономику, а чрезмерный экспорт природных ресурсов – стать «проклятием природных ресурсов», и привести к высокой зависимости от их экспорта⁵.

В то же время, замещение импорта товара «любой ценой» может привести к истощению внутренних ресурсов. С позиции концепции «виртуальной воды» Дж. Э. Аллана⁶ страна, не обладающая необходимыми для сельскохозяйственного производства водными запасами, должна производить и экспортиро-

¹ Balassa B. Development strategies in semi-industrial economies. – Baltimore: Johns Hopkins U. Press for the World Bank, 1982.

² Westphal L. E. Industrial Policy in an Export Propelled Economy: Lessons from South Korea's Experience // J. Econ. Perspectives. – 1990. – N 4 (3). – P. 41–60.

³ Wilkinson T J., Keillor B. D., d'Amico M.. The relationship between export promotion spending and state exports in the U.S. // Journal of Global Marketing. – 2005. – N 18 (3). – P. 95–114.

⁴ Deller S. C. Import substitution and the analysis of gaps and disconnects // Targeting regional economic development, edited by S. J. – 2009.

⁵ Sachs J. D., Warner A. M. The curse of natural resources // European Economic Review. – 2001. – N 45. – P. 828–838.

⁶ Allan J.A. Virtual Water: An Essential Element in Stabilizing the Political Economies of the Middle East. New Haven // Yale University Forestry & Environmental Studies Bulletin. – 1998. – N 103. – P. 141–149.

вать те агрокультуры, которые требуют минимальных затрат водных ресурсов, и импортировать водоемкие агрокультуры. Так, выращивание пшеницы, одной из водоемких сельскохозяйственных культур, привело к серьезному истощению водных ресурсов в Саудовской Аравии, вследствие чего было принято решение инвестировать в производство пшеницы в других странах, с целью последующего ввоза пшеницы в Саудовскую Аравию по доступным ценам. Необходимо отметить, что в настоящее время производство сельскохозяйственных культур за рубежом, с последующим их ввозом на территорию страны, является достаточно распространенной практикой снижения импортозависимости и роста собственного производства странами, не обладающими достаточным количеством сельскохозяйственных земель и водных ресурсов, для обеспечения населения продовольствием (подробнее см. п. 1.2).

Существенный вклад в развитие теории импортозамещения и причин провалов этой политики внесла Новая политическая экономия, согласно которой правительство является субъектом, который стремится к максимизации своего благосостояния, не способно и не желает занимать незаинтересованную позицию по экономическим вопросам. Этим, в частности, объясняется успех реализации политики импортозамещения в Тайване и Южной Корее, которые использовали такие же инструменты, как и другие развивающиеся страны (импортные квоты и лицензии, экспортные субсидии, государственная собственность, налоговые каникулы¹), но смогли добиться гораздо более впечатляющих результатов. Основное отличие между странами заключается не в самой политике, а способах и методах ее реализации, и контроля выполнения. Данное заключение подчеркивает ключевую роль правительства в успешности реализации политики импортозамещения [Вестфаль, 1978]². Более того, как указывает У. Гэлленсон³, трудно найти какое-либо другое объяснение устойчивому про-

¹ Harrison A. Openness and Growth // Working Paper 809. – Washington, DC: Office of the Vice President, Development Economics, World Bank, 1991.

² Westphal L. E. The Republic of Korea's Experience with Export-led Industrial Development // World Devel. –1978. – N 6 (3). – P. 347–382.

³ Galenson W., ed. Economic growth and structural change in Taiwan. – Ithaca: Cornell U. Press, 1979.

мышленному буму в этих странах. Прежде всего, правительства этих стран обеспечили строгое соблюдение дисциплины и смогли стимулировать действия частных компаний, т.е. выполнить функции, которые обычно считаются рыночными. Таким образом, не минимизация роли государства (правительства) в экономике являются целью, а гибкость и оперативность правительства в принятии решений, постоянное его обучение, в том числе, и на собственном опыте¹.

Вопрос о том, насколько экономика страны должна быть открыта, является дискуссионным. Под влиянием внешних неблагоприятных факторов (таких как, рост цен на нефть, последовавший за этим долговой кризис во многих странах, а также рецессия и высокие процентные ставки в США) замедлились темпы роста в большинстве развивающихся стран, несмотря на их «открытость». В то время как Китай и Индия, долгое время придерживавшиеся жесткой формы импортозамещения, добились резкого увеличения темпов роста ВВП, сельского хозяйства, промышленности и экспорта.

В целом, критика открытости экономик и либерализации торговли усилилась в середине 1980-х гг., что не означало, однако, защиты политики импортозамещения в том виде, в котором она проводилась во многих странах. Более того, дополнительной критике, с учетом появившихся новых знаний, подверглись некоторые ее идеи. Так, особой критике подверглась идея о том, что, в результате реализации политики импортозамещения, компании развивающейся страны смогут легко перепрыгнуть из одного технологического уклада в другой, более высокий, и сразу стать конкурентоспособными на мировом рынке. Напротив, на основе подробных исследований многочисленных производственных операций в Южной Корее, Тайване, Гонконге и Сингапуре появились доказательства, что это долгий и кропотливый процесс с кумулятивным эффектом, который затрагивает почти все аспекты общества [Амсден, 1989]².

В научных дискуссиях и публикациях обычно проводят различие между экспортоориентированностью и импортозамещением, противопоставляя их

¹ Morishima Michio. Why has Japan succeeded? – Cambridge: Cambridge U. Press, 1982.

² Amsden A. Asia's next giant: South Korea and late industrialization. – New York: Oxford U. Press, 1989.

друг другу [Крюгер, 1985]¹, и, игнорируя тот факт, что наиболее успешные в промышленном экспорте страны развили свои экспортоориентированные сектора благодаря синергетической политике протекционизма и внешней ориентации, часто происходящей одновременно.

Так, Т. Чжу² отмечает, что Тайвань не сократил резко контроль над импортом, а стал проводить очень избирательную тарифную политику, со ставками тарифов от нуля до более 100 процентов. Анализ внешнеторговой политики Тайваня показывает, что в течение всего периода индустриализации продолжалось развитие импортозамещения, в частности, большая поддержка оказывалась отраслям тяжелой и химической промышленности³, что подтверждается высокими темпами роста этих отраслей в указанный период времени. Таким образом, стратегии импортозамещающей индустриализации и экспорт ориентированной индустриализации применялись не последовательно, а параллельно, и игнорирование роли импортозамещения в “экономическом чуде” стран Юго-Восточной Азии не позволит в полной мере понять его экономическую природу.

Традиционный взгляд на трансформацию экономической политики Китая, как на переход от стратегии импортозамещения к экспортоориентированной индустриализации в 1970-х и начале 1980-х гг., также является спорным. В отличие от Тайваня, поддерживаемого технологиями и оборудованием США, Китай был ориентирован на собственные ресурсы, и развитие экспортной ориентации было вызвано отсутствием новейших технологий и недостатком ресурсов для развития импортозамещения. Политика “открытых дверей” была призвана не для замены импортозамещения, а для его поддержки. Экспортная ориентация была определена, как основной метод приобретения иностранной валюты для модернизации экономики Китая: “Освоение передовых технологий, управленческого опыта Запада и получение иностранных инвестиций является

¹ Krueger A. Import substitution versus export promotion // *Finance and Development*. – 1985. – N 22 (2). – P. 20–23.

² Zhu T. Rethinking Import-substituting Industrialization: Development Strategies and Institutions in Taiwan and China // *Research Paper 2006/076*. – Helsinki: UNU-WIDER, 2006.

³ Wade R. Managing Trade: Taiwan and South Korea as Challenges to Economics and Political Science // *Comparative Politics*. – 1993. – N 25 (2).

важным дополнением к политике развития Китая, расширение экспорта, улучшение его структуры и рост валютных поступлений являются ключевыми вопросами внешнеэкономических операций Китая”¹, которые должны играть дополнительную роль в промышленном развитии.

Особого внимания заслуживает анализ импорта в политике импортозамещения.

Согласно новой теории международного разделения труда, страна импортирует те товары, которые недоступны на ее рынке из-за отсутствия или недостаточности природных ресурсов, что чревато возникновением чрезмерно высоких издержек при производстве данных товаров внутри страны.

В отличие от классического МРТ, основанного на экспорте и импорте готовой продукции, в новом МРТ страны экспортируют и импортируют все больше промежуточных товаров, а многие товары, участвующие в мировом обмене, производятся не в одной стране. Известны примеры участия нескольких десятков стран в производстве одного товара. При этом каждая компания формирует не полную стоимость товара, а лишь участвует в формировании добавленной стоимости на очередном этапе его разработки, производства и сбыта, что позволяет существенно снижать издержки производства и повышать конкурентоспособность продукции². Таким образом, стоимость импортируемых промежуточных товаров является частью издержек производства национальных товаров и влияет на их ценовую конкурентоспособность³, а любые ограничительные меры, препятствующие импорту, неизбежно ведут к росту себестоимости тех товаров, в составе которых присутствует хотя бы один импортный промежуточный товар.

¹ Yu Q. Capital Investment, International Trade and Economic Growth in China: Evidence in the 1980-90s // *China Economic Review*. – 1998. – N 9 (1). – P. 73–84.

² Кадочников П. А. Перспективные вопросы расширения участия России в глобальных цепочках добавленной стоимости // *Российский внешнеэкономический вестник*. – 2015. – № 2. – С. 8–13.

³ Волчкова Н. А., Турдыева Н. А. Микроэкономика российского импортозамещения // *Журнал НЭА*. – 2016. – № 4 (32). – С. 140–146.

О возрастающей роли импорта в росте экономик (импорт промежуточных товаров для экспорта готовой продукции) говорит увеличение его объемов в развитых странах. Так, к примеру, за период с 1990 г. по 2017 г. доля импорта в ВВП в странах ОЭСР выросла с 18,63% до 28,25% (в 1,5 раза) (Рисунок 1.1).

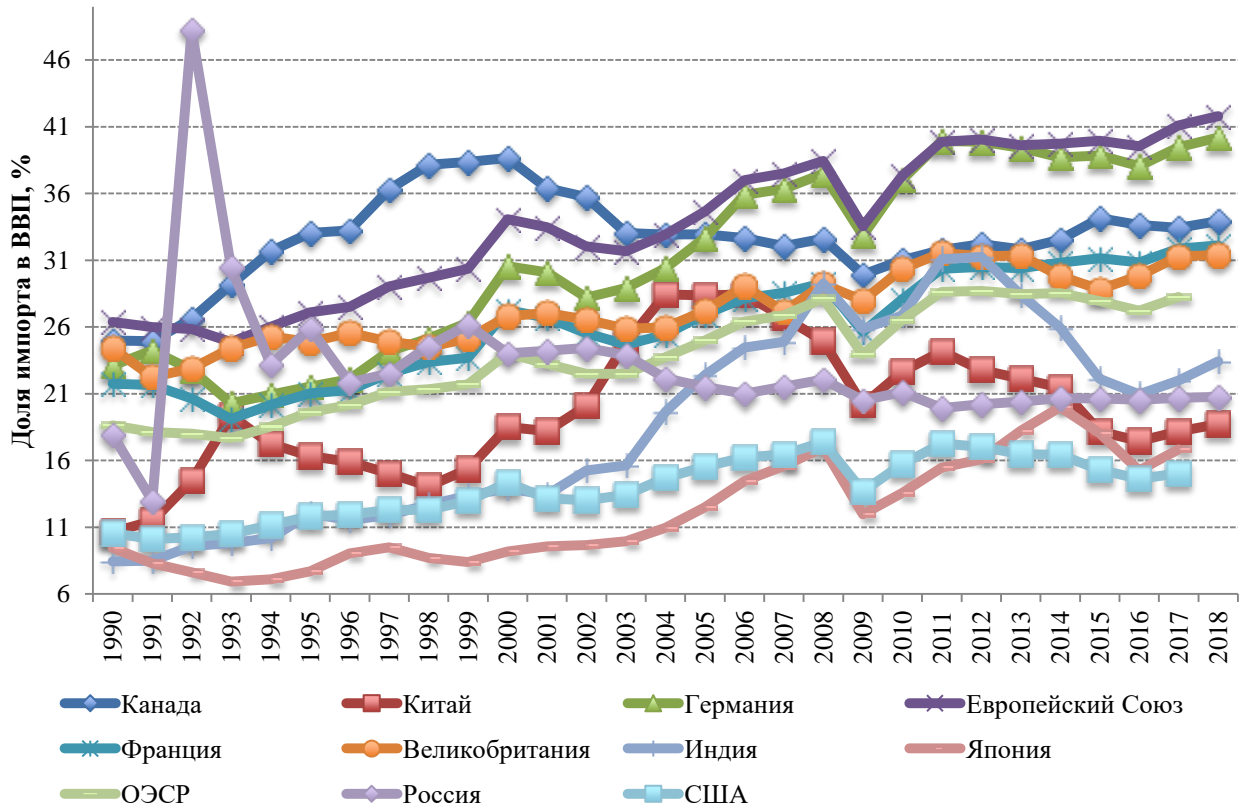

Рисунок 1.1 – Импорт товаров и услуг в процентах от ВВП, %¹

Однако при этом в странах ЕС, к примеру, в Германии, большая часть импортных поставок осуществляется между странами ЕС. Суммарная доля стран ЕС в импорте ФРГ составила 24,6%, или 185,2 млрд долл. США. Большую часть товаров Германия закупает в европейских странах, доля которых составляет около 60% (Рисунок 1.2), при этом часть продукции приходится на товары, произведенные немецкими концернами. Так, Великобритания и Чехия являются самыми большими поставщиками автомобилей в Германию, потому что в этих странах работают предприятия Volkswagen и BMW.

¹ Составлено автором по данным Всемирного банка. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.IMP.GNFS.ZS> (дата обращения: 09.12.2019).

На Китай в структуре германского импорта приходится 9,8%, Америка занимает 8% от импорта страны, США – 6,1%.

В последние десятилетия 20-го века многие компании западных стран переместили часть своих производственных мощностей в Восточную, Юго-Восточную и Южную Азию [Тэйт и др., 2014], что существенно изменило структуру мировой торговли¹.

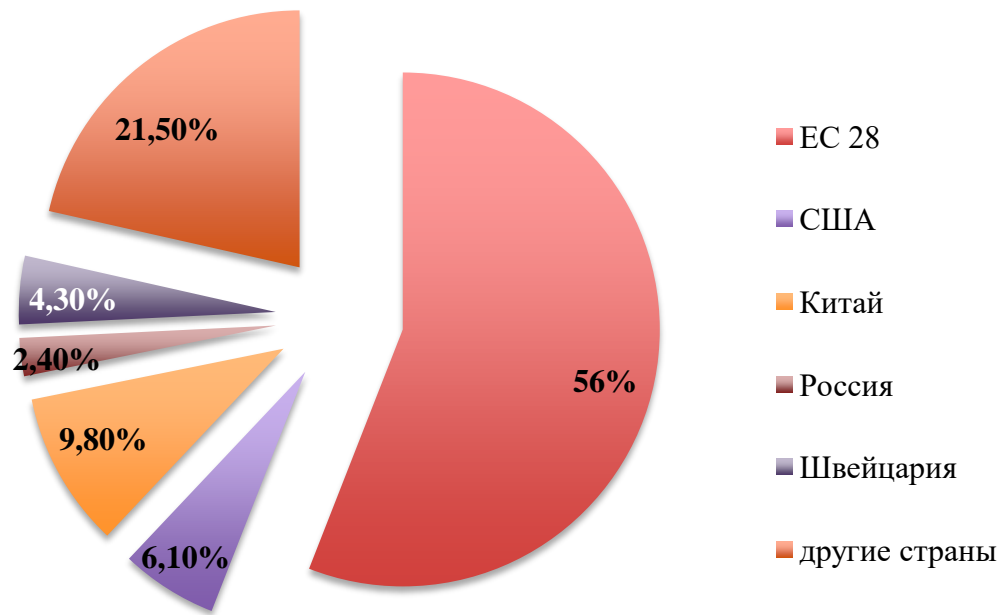

Рисунок 1.2 – Структура импорта Германии по стране-происхождению в 2018 г., %²

Основными причинами переноса производственных мощностей из развитых стран в развивающиеся страны стали ³:

- наличие дешевой рабочей силы в развивающихся странах;
- технологические инновации, которые позволили разделить производственный процесс на отдельные стадии, часть которых может быть выполнена

¹ Lipietz A. New tendencies in the international division of labour: regimes of accumulation and modes of regulation // Scott A. J. Storper M. (eds). Production, Work and Territory. The Geographical Allotment of Industrial Capitalism. – Boston: Allen & Unwin, 1986.

² Составлено автором по данным ВТО. URL: https://www.wto.org/english/thewto_e/countries_e/germany_e.htm (дата обращения: 08.12.2019).

³ Fröbel F., Heinrichs J., Kreye O. The New International Division of Labour: Structural Unemployment in Industrialised Countries and Industrialisation in Developing Countries. Translated by Pete Burgess. – Cambridge: Cambridge University Press; Paris: Éditions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1980.

неквалифицированными работниками, что позволяет снижать издержки производства;

– развитие транспорта и связи, позволяющие координировать производственный процесс, осуществляемый в территориально удаленных частях света.

Уточнение к вышперечисленным условиям сделали А. Липитс¹, Р. Хилл², которые подчеркнули, что перемещение производства в развивающиеся страны с дешевой неквалифицированной рабочей силой наиболее выгодно в отраслях, или отдельных стадиях производственного процесса, которые трудно механизировать и автоматизировать с применением существующих технологий.

Результатом переноса производственных мощностей в страны с низкими издержками производства и поэтапного свертывания производственного сектора в развитых странах стало сокращение доли промышленности в ВВП развитых стран, что в настоящее время расценивается, как крайне негативная тенденция, препятствующая стабилизации социально-экономической обстановки³. Поиск направлений экономического роста привел к пониманию того, что для экономического развития необходимо материальное производство, поскольку именно в него закладывается спрос на инновации, которые обеспечивают развитие всей экономики.

Таким образом, несмотря на некоторую утрату популярности и актуальности дискуссий о применимости на практике теории импортозамещения, вопросы замещения импорта и сокращения импортозависимости, в том числе, в форме политики повторного захвата внутреннего рынка, или решоринга, вновь стали востребованными, и активно обсуждаются в научном сообществе, политических и экономических кругах. Фактически, в нынешней мировой экономике действуют две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, провозгла-

¹ Lipietz A. New tendencies in the international division of labour: regimes of accumulation and modes of regulation // Scott A. J., Sturper M. (eds). *Production, Work and Territory. The Geographical Anatomy of Industrial Capitalism.* – Boston: Allen & Unwin, 1986.

² Hill R. C. Global factory and company town: the changing division of labour in the international automobile industry // Henderson J., Castells M. (eds). *Global Restructuring and Territorial Development.* – London: Sage, 1987. – P. 18–237.

³ Ленчук Е. Б. Курс на новую индустриализацию – глобальный тренд экономического развития // *Проблемы прогнозирования.* – 2016. – № 3 (156). – С. 132–143.

шается преимущество либерализации внешней торговли и глобализация, происходит интеграция стран через МНК, ПИИ и глобальные цепочки добавленной стоимости, с другой стороны, раскручивается спираль протекционизма и происходит нарастание дезинтеграционных процессов.

В результате, современная парадигма импортозамещения формируется в двух основных направлениях, предполагающих приоритетность либо вытеснения импорта вследствие роста конкурентоспособной отечественной продукции, или увеличение выпуска отечественной продукции вследствие ограничения импорта.

Мы полагаем, что рост мировой экономики в международной торговле в конце прошлого – начале нынешнего века обусловлен, прежде всего, качественными изменениями в материальном производстве на базе достижений научно-технического прогресса, и возникновением нового типа международного разделения труда на основе фрагментации производства. Либерализация торговли в этом процессе играла роль дополнительного импульса, облегчая доступ на внутренние рынки капитала, товаров и услуг. Причем, как точно подметил В. Оболенский, либерализация может дать дополнительный импульс экономическому росту только в том случае, если отсутствуют внешние факторы, ограничивающие этот рост¹. В то же время, замедление мировой торговли, снижение инвестиционной активности и замедление темпов экономического роста в значительной степени связаны с раскручиванием развитыми странами спирали протекционизма.

На наш взгляд, интерес представляет высказывание М. Портера, приведенное в его работе «Конкурентные преимущества стран»: «Национальное процветание не наследуется – оно создается. Национальное процветание не вырастает просто из природных ресурсов, имеющейся рабочей силы, процентных ставок или покупательной силы национальной валюты, как это настойчиво утверждается в

¹ Оболенский В. П. Открытость национальных экономик // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61, № 10. – С. 5–15.

классической экономике. Конкурентоспособность нации зависит от способности ее промышленности вводить новшества и модернизироваться»¹.

1.2. Зарубежный опыт использования политики импортозамещения для повышения международной конкурентоспособности стран

Экономическая безопасность, являясь материальной основой национальной безопасности, характеризуется уровнем развития производительных сил и экономических отношений в стране, и призвана обеспечить необходимые условия для устойчивого экономического роста, повышения уровня жизни населения и обеспечения социально-политической стабильности в обществе². Одной из ключевых составляющих экономической безопасности является продовольственная безопасность.

Способность страны стать полностью продовольственно самодостаточной зависит от природных, финансовых и экономических ресурсов, необходимых для производства продуктов питания, развитой инфраструктуры, системы распределения, технического прогресса и проводимой агропродовольственной политики. Страны, которые бедны ресурсами, имеют недостаточные земельные или производственные мощности, или страдают от неэффективного государственного управления, имеют мало шансов стать продовольственно самодостаточными, и вынуждены полагаться на импорт продуктов питания. Но даже страны, обладающие всеми ресурсами для сельскохозяйственного производства, имеют политические и экономические причины для торговли³.

В настоящее время в перечень стран, импортирующих большое количество продовольственных товаров, входят такие экономически развитые страны, как США, Германия, Япония, Великобритания, а также Китай и Россия. Ввоз большого количества продуктов питания не означает, что в стране отсутствует продовольственная безопасность. Фактически, многие из крупнейших в мире

¹ Портер М. Конкурентные преимущества стран. Конкуренция. – М.: Вильямс, 2003. – С. 162.

² Онищенко С. К. Некоторые аспекты продовольственной безопасности России и Беларуси // Современная Европа. – 2019. – № 1 (86). – С. 119–127.

³ Wegren S., Elvestad C. Russia's food self-sufficiency and food security: an assessment // Post-Communist Economies. – 2018. – P. 1–23. – DOI 10.1080/14631377.2018.1470854.

стран-импортеров продовольствия также оказываются одними из крупнейших экспортеров продуктов питания¹.

Тем не менее, из-за стратегического значения агропродовольственного сектора подавляющее большинство стран стремятся к максимально возможной самообеспеченности продуктами питания².

Для достижения продовольственной самообеспеченности используются такие стратегии, как: увеличение внутреннего производства продуктов питания; улучшение распределения продуктов питания, произведенных внутри страны; сокращение потерь и отходов продовольственных товаров; расширение способов и средств производства; расширение видов продуктов питания, производимых внутри страны; совершенствование технологий производства продуктов питания.

Целью российской политики импортозамещения в агропродовольственном секторе является снижение импортозависимости, которая по ряду продовольственных товаров, таких, например, как ягоды и фрукты, даже в настоящее время достигает 80%, и наращивание отечественного производства на основе технической и технологической модернизации агропродовольственного сектора. Опыт разных стран в реализации такой политики представляет интерес для России.

В статье [Петерсон, 2016] отмечено, что участие стран в международной торговле накладывает ограничения на выбор мер и вариантов агропродовольственных политик. М. Порка и соавт. (2017)³ в своем исследовании обнаружили, что импорт продовольствия почти повсеместно используется для преодоления локальных ограничений внутреннего роста, но реализуется в различной

¹ Porkka M., Guillaume J. H. A., Siebert S., Schaphoff S., Kummu M. The use of food imports to overcome local limits to growth // *Earth's Future*. – 2017. – N 57 – P. 393–407. – DOI 10.1002/2016EF000477.

² Baer-Nawrocka A., Sadowski A. Food security and food self-sufficiency around the world: A typology of countries // *PLoS ONE*. – 2019. – N 14 (3). – P. e0213448. – DOI 10.1371/journal.pone.0213448.

³ Porkka M., Guillaume J. H. A., Siebert S., Schaphoff S., Kummu M. The use of food imports to overcome local limits to growth // *Earth's Future*. – 2017. – N 5. – P. 393–407. – DOI 10.1002/2016EF000477.

степени, и с переменным успехом. К примеру, производственные шоки, вызванные разными причинами в странах-экспортерах, создают риск нехватки продовольствия в странах, зависящих от импорта продовольствия. В работе М. Порка и соавт. (2013)¹ отмечено, что в глобальном снабжении населения продовольствием в последние десятилетия произошли существенные изменения: за последние 50 лет население мира увеличилось более чем вдвое, практика производства продуктов питания перешла от традиционного фермерства к более интенсивному и промышленно развитому производству. Рост благосостояния и урбанизация изменили привычки потребления продуктов питания. А изменение климата усиливает конкуренцию за природные ресурсы.

В статье [Яворска, 2018] показано, что, за счет транснациональной взаимосвязанности рынков, глобализация позволяет сбалансировать нестабильность местного производства, однако это может сделать страну все более зависимой от импорта продовольствия, и ухудшить показатели продовольственной безопасности. В работе выявлено, что импорт продовольствия положительно коррелирует с физической и экономической доступностью продуктов питания, но отрицательно коррелирует со стабильностью продовольственной системы².

В работе [Колодзейчак, Малгожата, 2018]³ выявлено, что не все страны ЕС являются полностью самообеспеченными, особенно высока их импортозависимость по фруктам и некоторым овощным культурам. Однако авторы не рассматривают возможность наращивания странами собственного производства, а сосредоточились на повышении эффективности механизма перераспределения излишков продуктов питания в регионы, испытывающие дефицит продовольствия по тем или иным товарным группам. Причины возникновения импортозависимости и перспективы ее снижения в странах Африки проанализи-

¹ Porkka M., Kummu M., Siebert S., Varis O. From Food Insufficiency towards Trade Dependence: A Historical Analysis of Global Food Availability // PLoS ONE. –2013. – N 8(12). – P. e82714. – DOI 10.1371/journal.pone.0082714.

² Jaworska M. Food Imports And Food Security Of Main Global Market Players. – 2018. – DOI 10.22630/ESARE.2018.2.32.

³ Kołodziejczak M. Food self-sufficiency in EU countries: an attempted projection to 2080. – URL: https://www.researchgate.net/publication/328860153_Food_self-sufficiency_in_EU_countries_an_attempted_projection_to_2080.

рованы в ряде работ, к примеру [Мендес и др., 2014]¹. Опыт реализации политики снижения импортозависимости в Японии освещен в работах [Маркарьян, 2017²; Мучети, 2019³], развитие агропродовольственного сектора в Бразилии показано в статье [Перейра и др. 2012]⁴, решение вопросов продовольственной безопасности Китая проанализировано в работе [Ерохин, 2018]⁵, обеспеченность продовольственными товарами стран ЕС анализируется в статье [Котыза, Слабоч, 2014]⁶. В статье [Серрано, 2014]⁷ показано, что менее развитые страны экспортируют продукты с низким уровнем переработки, в то время как развитые страны в значительной степени монополизировали рынок продуктов с высокой степенью переработки. Автор справедливо утверждает, что ключевым направлением улучшения сельскохозяйственного экспорта является рост экспорта продовольственных товаров с высокой добавленной стоимостью. Потенциал роста производства продуктов питания, и вытекающая из этого продовольственная безопасность, зависят как от природных, так и от экономических факторов. В работе [Баер-Навроцка, Садовски, 2019]⁸ показано, что степень, в

¹ Mendes Ana Paula F., Bertella Mário A., Rudolph F. A. P. Industrialization in Sub-Saharan Africa and import substitution policy // *Brazilian Journal of Political Economy*. – Vol. 34, N 1 (134). – P. 120–138.

² Маркарьян С. Б. Импортозамещение в аграрном секторе Японии // *Японские исследования*. – 2017. – № 1. – С. 46–59. – DOI 10.24411/2500-2872-2017-00004.

³ Muchetu R. Food self-sufficiency and food sovereignty: Examining the fallacy of the 'change in taste and preferences mantra' in the evolution of the Japanese rice system. – 2019. – DOI 10.13140/RG.2.2.24274.81602.

⁴ Pereira P. A. A., Martha C. B., Santana C., Alves E. The development of Brazilian agriculture: future technological challenges and opportunities // *Agriculture and Food Security*. – 2012. – N4. – DOI 10.1186/2048-7010-1-4.

⁵ Ерохин В. Торговля сельскохозяйственной продукцией между Китаем и странами ЕАЭС и вопросы обеспечения продовольственной безопасности. – URL: https://www.researchgate.net/publication/327745923_Torgovla_selskhozajstvennoj_produkciej_mezdu_Kit_aem_i_stranami_EAES_i_voprosy_obespecenia_prodovolstvennoj_bezopasnosti_Trade_in_Agricultural_Products_between_China_and_the_EAEU_and_Food_Security_Iss (дата обращения: 08.04.2019).

⁶ Kotyza P., Slaboch J. Food Self Sufficiency in Selected Crops in the Czech Republic and Poland. // *Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae Mendelianae Brunensis*. – 2014. – N 62. – P. 1329–1341. DOI 10.11118/actaun201462061329.

⁷ Serrano R., Pinilla V. New directions of trade for the agri-food industry: a disaggregated approach for different income countries, 1963–2000 // *Latin American Economic Review*. – 2014. – N 23: – P. 10. – DOI 10.1007/s40503-014-0010-6.

⁸ Baer-Nawrocka A., Sadowski A. Food security and food self-sufficiency around the world: A typology of countries // *PLoS ONE*. – 2019. – N 14 (3). – P. e0213448. – DOI 10.1371/journal.pone.0213448.

которой продовольственная безопасность обеспечивается за счет внутренних поставок, сильно варьируется по всему миру. Внутреннее производство обеспечивает основу для продовольственной безопасности в развитых странах с высоким ВВП на душу человека, включая Северную Америку, Австралию, Новую Зеландию и других, и в странах, которые, хотя и не обеспечены большой площадью пахотных земель, но демонстрируют высокую интенсивность производства (в основном, европейские страны). Международная торговля в значительной степени способствует продовольственной безопасности в странах Ближнего Востока и Северной Африки, а также в отдельных странах Южной Америки, которые являются нетто-импортерами продовольственных товаров. Наиболее проблемная ситуация с продовольствием по-прежнему затрагивает страны Африки, к югу от Сахары, и Центральную Азию¹. Кроме того, из-за стратегической важности агропродовольственного сектора подавляющее большинство стран стремятся к максимально возможной автономии производства продуктов питания. И хотя международная торговля может в значительной степени компенсировать недостаток собственного производства, инструменты международной торговли могут использоваться только в том случае, если страна располагает достаточными финансовыми ресурсами для оплаты импортируемых товаров.

Импортозависимость в данном исследовании рассчитана как отношение чистого импорта к объему предложения пищевых продуктов:

$$Imp = \frac{(I-E)}{(P+I-E)} \cdot 100\%, \quad (1.1)$$

где Imp – коэффициент импорт зависимости, показывающий долю чистого импорта в объеме поставок пищевых продуктов на внутренний рынок;

I – стоимостной объем импорта;

E – стоимостной объем экспорта продуктов питания;

P – внутреннее производство пищевых продуктов.

Коэффициент импортозависимости может принимать как положительные, так и отрицательные значения. Если стоимостной объем экспорта превышает

¹ Там же.

стоимостной объем импорта, коэффициент импортозависимости принимает значения $Imp < 0$. Если стоимостной объем экспорта меньше стоимостного объема импорта, коэффициент импортозависимости принимает значения $Imp > 0$. Чем выше значение коэффициента Imp , тем в большей степени страна полагается на импорт для обеспечения населения продуктами питания. Для расчета коэффициента импортозависимости использована база данных ФАО.

В связи с тем, что потенциал производства продуктов питания и вытекающие из этого самообеспеченность и импортозависимость зависят как от природных факторов¹ (наличие земельных ресурсов, природно-климатические факторы и пр.), так и от экономических факторов², мы сгруппировали страны по уровню ВВП на душу населения, характеризующему уровень экономического развития, и уровню добавленной стоимости в сельском хозяйстве, косвенно характеризующему уровень развития технологий и обеспеченности сельскохозяйственными землями в расчете на душу населения. Это позволило нам выделить основные, присущие каждой группе стран, причины возникновения импортозависимости и направления реализации политики стимулирования собственно производства и сокращения зависимости от импорта продовольствия.

В процессе исследования мы использовали метод корреляционного анализа. Корреляционный анализ полезен для понимания того, существуют ли возможные связи между переменными. Такие взаимосвязи можно выразить при помощи следующей формулы:

$$Y = f(X), \quad (1.2)$$

где X – независимая переменная, или аргумент;

Y – функция от независимой переменной, или зависимая переменная.

Коэффициент корреляции Пирсона рассчитан по формуле:

¹ Kołodziejczak M. Food self-sufficiency in EU countries: an attempted projection to 2080. – URL: https://www.researchgate.net/publication/328860153_Food_selfsufficiency_in_EU_countries_an_attempted_projection_to_2080.

² Baer-Nawrocka A., Sadowski A. Food security and food self-sufficiency around the world: A typology of countries // PLoS ONE. – 2019. – N 14(3). – P. e0213448. – DOI 10.1371/journal.pone.0213448.

$$r = \frac{\sum_{i=1}^n (X_i - \bar{X})(Y_j - \bar{Y})}{\sqrt{\sum_{i=0}^n (X_i - \bar{X})^2 \sum_{j=1}^n (Y_j - \bar{Y})^2}}. \quad (1.3)$$

Коэффициент корреляции Пирсона может принимать значения между +1 (сильная положительная корреляция) и -1 (сильная отрицательная корреляция), следовательно, чем ближе коэффициент к любому из этих чисел, тем сильнее корреляция данных, которые он представляет. Нулевое значение коэффициента указывает на отсутствие корреляции.

Анализ причин возникновения импортозависимости и вариантов реализации политики по ее снижению в разных странах проведен на основе открытых источников (официальных сайтов министерств сельского хозяйства и Правительств стран, международных организаций, таких, как ФАО), докладов международных организаций, а также академических статей.

Обеспеченность исследуемых стран земельными ресурсами существенно различается от высокой (0,0263 км² на человека в Великобритании) до крайне низкой (около 0 км² на человека в Сингапуре). К странам с низкой обеспеченностью земельными ресурсами относится Япония, а также страны с большим количеством населения – Индия. Высокой обеспеченностью земельными ресурсами, пригодными для сельского хозяйства, обладают Великобритания, США, Канада, Россия, Бразилия (Рисунок 1.3).

Странами, производящими продовольственные товары с очень высокой добавленной стоимостью, являются, как правило, высокоразвитые страны Европы (Швеция) и Северной Америки (США, Канада) (Рисунок 1.4). Европейские страны производят продукцию с менее высокой добавленной стоимостью. Среди стран БРИКС наиболее высокий уровень добавленной стоимости у России, за которой следуют Бразилия и Китай. Продовольственная продукция Индии характеризуется низкой добавленной стоимостью.

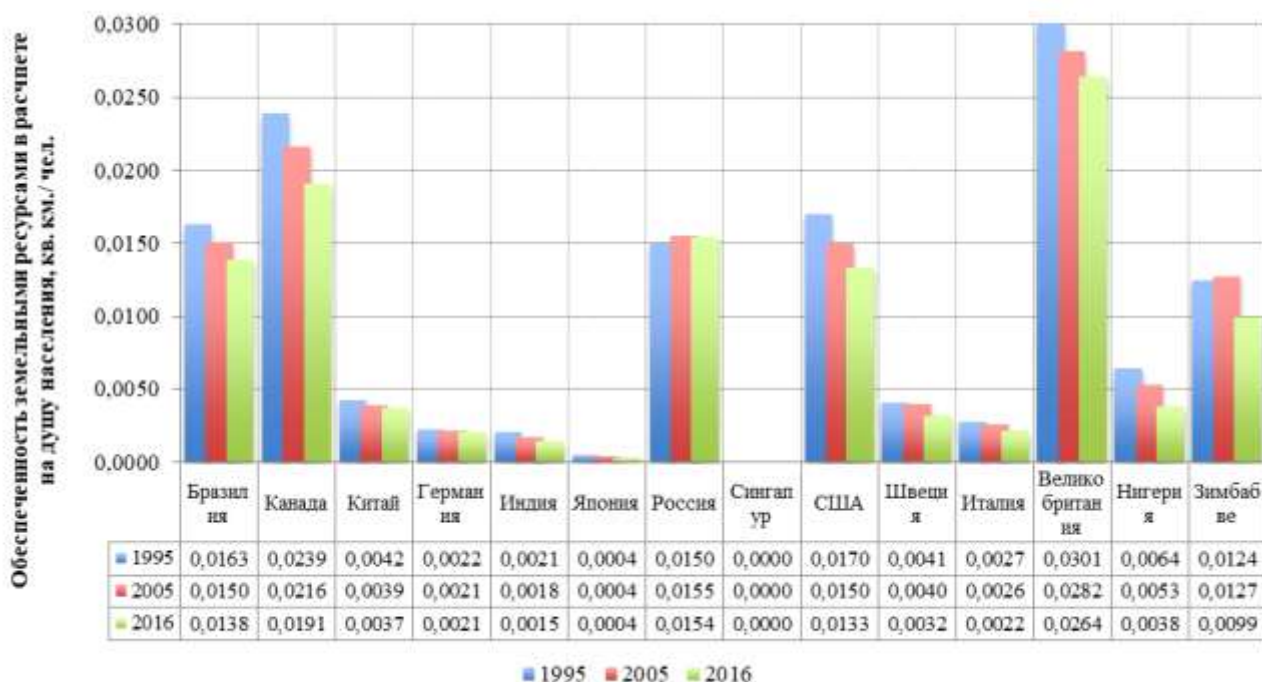

Рисунок 1.3 – Обеспеченность стран земельными ресурсами сельскохозяйственного назначения в расчете на душу населения¹

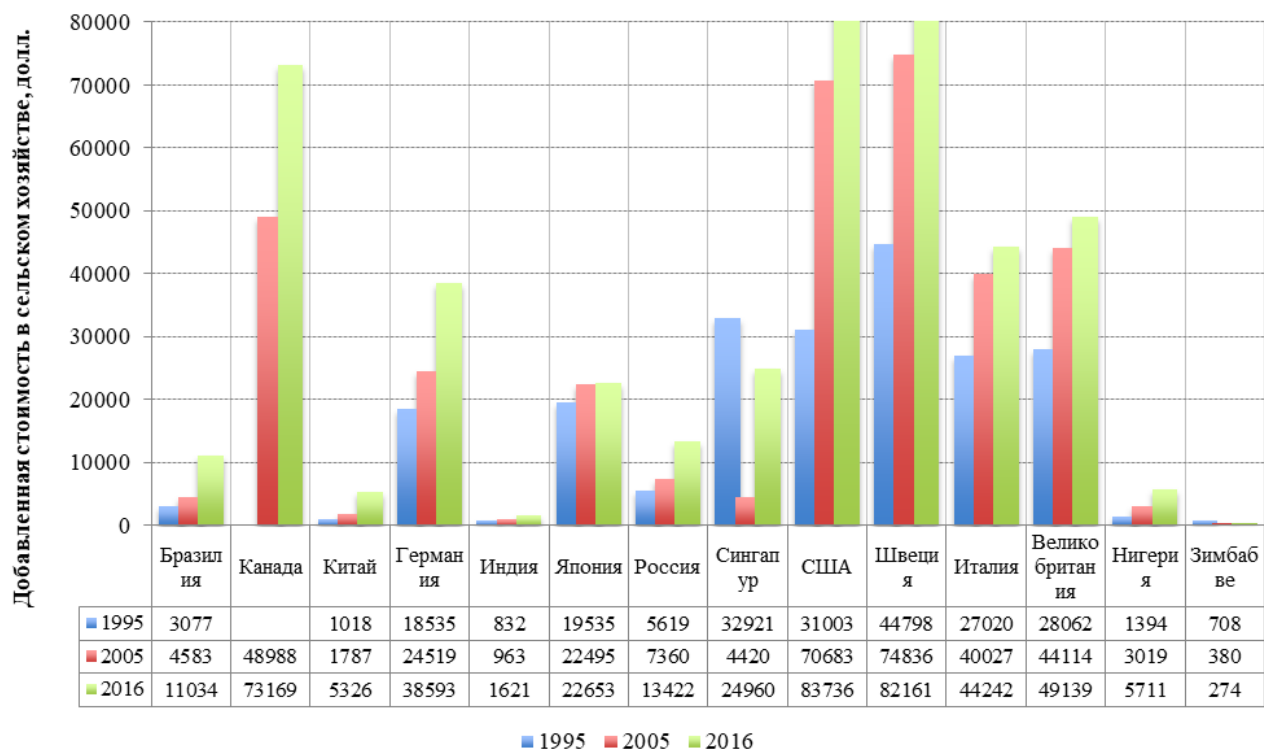

Рисунок 1.4 – Добавленная стоимость в сельском хозяйстве²

Максимальный уровень продовольственной импортозависимости отмечен у Сингапура (более 97,3% в 2005 г.), который удалось снизить к 2016 г. до

¹ Рассчитано автором по данным ФАО.

² Рассчитано автором по данным ФАО.

96,45%. Из европейских стран высокий уровень импортозависимости, примерно равный по величине Зимбабве (54,22), наблюдается у Швеции (54,76%), Великобритании (51,35%) (Рисунок 1.5).

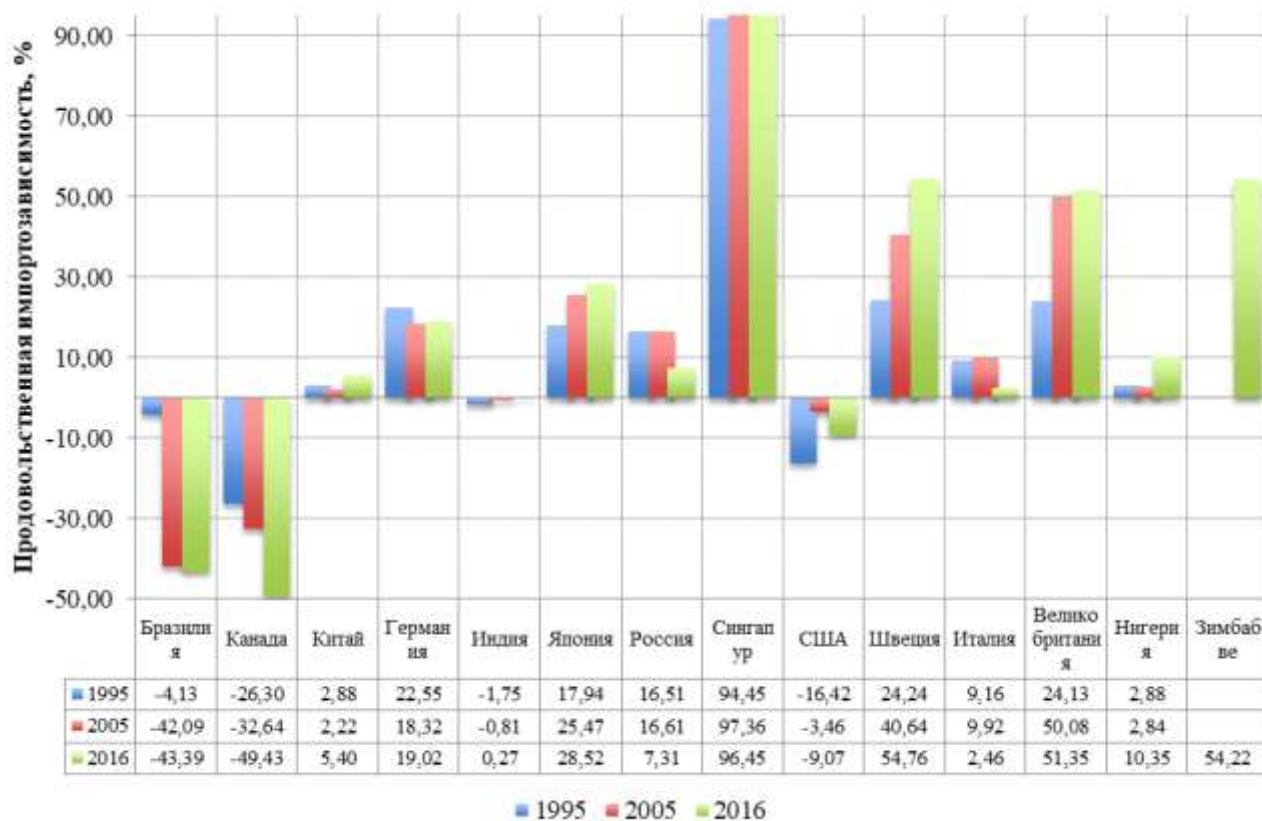

Рисунок 1.5 – Продовольственная импортозависимость стран¹

Импортозависимость Германии (19,2%), обладающей достаточно высокой обеспеченностью земельными ресурсами, лишь немного ниже, чем у Японии (28,5%). Импортозависимость США, Канады, Бразилии имеет отрицательное значение: -9%, -49,4%, -31,6% соответственно. Однако этот результат говорит лишь о том, что объем экспорта страны намного превышает объем импорта в целом, и не может трактоваться, как отсутствие импортозависимости по всем товарным группам.

Объем внешней торговли Сингапура примерно в 3,5 раза превышает ВВП¹, а общий объем импорта сельскохозяйственной продукции в 2018 г. достиг 9,9 млрд долл. США (более 90%)².

¹ Рассчитано автором по данным ФАО.

Для слаборазвитых стран, между импортозависимостью и уровнем ВВП на душу населения существует отрицательная корреляция, показывающая, что чем ниже уровень ВВП, тем выше импортозависимость. Однако у стран с высоким уровнем ВВП на душу населения, корреляция между его уровнем и импортозависимостью положительная (Таблица 1.1).

Таблица 1.1 – Коэффициент корреляции Пирсона

Страны	ВВП на душу населения, долл./чел.	Добавленная стоимость в производстве продуктов питания, долл. /чел.	Обеспеченность сельскохозяйственными землями на душу населения, км ² /чел
Группа стран с низким ВВП на душу населения	$r = -0,9995$	$r = -0,5540$	$r = 0,9960$
Группа стран с высоким ВВП на душу населения	$r = 0,5609$	$r = -0,4720$	$r = -0,3504$

Источник: рассчитано автором

Для стран с низким ВВП на душу населения характерна более высокая корреляция между импортозависимостью и добавленной стоимостью в производстве продуктов питания (страны, производящие продукцию с более высокой добавленной стоимостью, менее импортозависимы). Положительная корреляция между импортозависимостью и обеспеченностью сельскохозяйственными землями на душу населения в слаборазвитых странах свидетельствует об их узкой экспортной специализации в ущерб обеспечению населения разнообразными продуктами питания.

Крупнейшими производителями продуктов питания в ЕС-28 являются страны, входящие в ЕС-15: Германия, Италия и Испания, а в случае некоторых продуктов – также Великобритания. Среди стран ЕС-13 только польское сельское хозяйство достигло объема сельскохозяйственного производства, сопоставимого с уровнем в этих странах. В целом, ЕС-28 в настоящее время являются самодостаточными с точки зрения производства продуктов питания, за исклю-

¹ Tortajada C., Kumar T., Paramasilvam O. Singapore's Impressive Food Security. How has Singapore become the second-most food secure country in the world? – URL: <https://thediplomat.com/2015/09/singapores-impressive-food-security/> (дата обращения: 08.10.2019).

² Singapore – Agricultural Sectors. – URL: <https://www.export.gov/article?id=Singapore-Agricultural-Sectors> (дата обращения: 08.10.2019).

чением производства фруктов, спрос на которые покрывается за счет внутреннего производства примерно на $2/3$ ¹.

США являются крупнейшим экспортером и импортером продовольственных товаров. Причем с 2016 г. импорт рос более быстрыми темпами, чем экспорт. Так, в 2018 г. рост экспорта составил 1%, и его объем достиг 140 млрд долл., в то время как рост импорта вырос на 6%, и достиг 129 млрд долларов². Рост импорта продуктов питания продолжается на протяжении десятилетий и, как ожидается, продолжится, несмотря на протекционистскую политику Д. Трампа³. Более половины свежих фруктов, и почти треть свежих овощей, которые покупают американцы, сейчас поступают из других стран. Рост импорта продуктов питания, в основном из стран Латинской Америки и Канады, обусловлен такими факторами, как: улучшение состояния дорог, совершенствование технологий контейнерных перевозок и хранения; разработка новых сортов и технологий выращивания, которые позволили переместить сельскохозяйственное производство в другие страны (к примеру, выращивание таких северных ягод, как черника и ежевика, в центральной Мексике); стимулирование спроса на свежие овощи, фрукты и ягоды в течение всего года вследствие роста доходов; изменение вкусовых предпочтений и вкусовых привычек вследствие развития туризма, увеличения потока мигрантов, и других факторов; снижение тарифов и других препятствий для импорта. В результате, доля импортных свежих фруктов, потребляемых в США, по данным Службы экономических исследований Министерства сельского хозяйства, выросла более чем в 2 раза – с 23% в 1975 г. до 53,1% в 2016 г. Импорт свежих овощей вырос более чем в 5 раз – с 5,8% до 31,1%. Существенное увеличение потребления многих сельско-

¹ Kołodziejczak M. Food self-sufficiency in EU countries: an attempted projection to 2080. – URL: https://www.researchgate.net/publication/328860153_Food_self-sufficiency_in_EU_countries_an_attempted_projection_to_2080 (дата обращения: 06.08.2019).

² U.S. trade surplus smallest since 2007 // United States Department of Agriculture Economic Research Service. – URL: <https://www.ers.usda.gov/data-products/ag-and-food-statistics-charting-the-essentials/agricultural-trade/> (дата обращения: 09.09.2019).

³ Karp D. Most of America's Fruit Is Now Imported. Is That a Bad Thing? // The New York Times. – 2018. – URL: <https://www.nytimes.com/2018/03/13/dining/fruit-vegetables-imports.html> (дата обращения: 09.09.2019).

хозяйственных культур, включая манго (рост потребления на душу населения на 1850% в период с 1975 г. по 2016 г.), лайм, авокадо и других, сопровождалось сокращением потребления тех сельскохозяйственных культур, которые традиционно выращивались в США.

Несомненным преимуществом импортного бума для потребителей является возросшая доступность и разнообразие свежих продуктов, фруктов и овощей, особенно в зимний период. В то же время, из-за необходимости транспортировки скоропортящейся продукции, при выборе сорта производители отдают предпочтение сортам, подлежащим длительному хранению, что сокращает биоразнообразие, ухудшает качество продукции, подвергающейся специальной обработке, которая может ухудшить вкусовые качества¹.

Япония является одним из крупнейших в мире нетто-импортеров продовольствия. Более 60% пищевых калорий, потребляемых японцами, имеет зарубежное происхождение². За последние 50 лет самообеспеченность Японии продовольственными товарами снизилась на 20%, а самообеспеченность, с учетом потребляемых калорий, сократилась на 34%³.

Страны Африки южнее Сахары являются нетто-импортерами продуктов питания с очень низкими коэффициентами самообеспеченности и высокими коэффициентами импортозависимости соответственно. В отличие от экономически развитых стран, они импортируют многие из основных продуктов питания, включая мясо и рыбу, некоторые фрукты, молоко и молочные продукты, свежие и замороженные овощи, кофе, чай и специи, хлопья, масло, пшеницу и другие продукты. На импорт продовольствия в этих странах приходится значительная доля всего импорта.

¹ Karp D. Most of America's Fruit Is Now Imported. Is That a Bad Thing? // The New York Times. – 2018. – URL: <https://www.nytimes.com/2018/03/13/dining/fruit-vegetables-imports.html> (дата обращения: 09.09.2019).

² Hisano S. Food Security Politics and Alternative Agri-food Initiatives in Japan. Working Paper. – Kyoto University GSE, 2015.

³ Маркарьян С. Б. Импортозамещение в аграрном секторе Японии // Японские исследования. – 2017. – № 1. – С. 46–59. – DOI 10.24411/2500-2872-2017-00004.

Наличие импортозависимости в Индии и Китае связано с ростом населения и процессами урбанизации, ростом доходов населения и неэффективным сельским хозяйством, неспособным удовлетворить растущий внутренний спрос. Кроме того, существенную роль играют высокие потери выращенного урожая вследствие отсутствия инфраструктуры хранения.

Причины возникновения импортозависимости во многом определяют направления реализации политики по ее снижению. В странах с высоким уровнем ВВП на душу населения, высоким уровнем добавленной стоимости в сельском хозяйстве и высокой обеспеченностью сельскохозяйственными землями импортозамещение сводится, как правило, к инициативам отдельных партий и организаций в развитии местного производства и потребления, реализующихся на локальном уровне (местная еда) (Таблица 1.2).

Таблица 1.2 – Причины возникновения импортозависимости, и меры по ее снижению в разных странах

<i>Характеристика группы стран</i>	<i>Примеры стран</i>	<i>Характер и причины возникновения импортозависимости</i>	<i>Краткая характеристика политики снижения импортозависимости</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>
Страны с высоким уровнем ВВП на душу населения, высоким уровнем ДС в с/х и высокой обеспеченностью с/х землями	США, Канада	По отдельным группам продовольственных товаров, преимущественно по свежим фруктам и овощам для обеспечения круглогодичного обеспечения населения и разнообразия продуктов питания	Инициативы отдельных партий и организаций в снижении импортозависимости и развитии местного производства и потребления, реализующиеся на локальном уровне (местная еда)
Страны с высоким уровнем ВВП на душу населения, высоким или средним уровнем ДС в с/х и со средней обеспеченностью с/х землями	ЕС		– трансформация Общей сельскохозяйственной политики в общую продовольственную политику, охватывающую все звенья цепочки поставок от «фермы до тарелки» с акцентом на устойчивость продовольственной системы; – в отдельных странах принятие национальных агропродовольственных систем, направленных на устойчивый рост внутреннего производства, обеспечение стабильности продовольственной системы, укрепление конкурентоспособности, развитие экспорта; – локальные инициативы снижения импортозависимости и развития местного производства и потребления

Продолжение Таблицы 1.2

1	2	3	4
Страны с высоким уровнем ВВП на душу населения, высоким или средним уровнем ДС в с/х и с низкой обеспеченностью с/х землями	Япония, Сингапур	По многим основным группам продовольственных товаров (Япония), практически по всем группам товаров (Сингапур)	– защита внутреннего рынка по наиболее чувствительным товарам, стимулирования внутреннего производства, в том числе на территории других стран (Япония); – диверсификация импорта и развитие высокотехнологичного городского с/х и собственного производства на территории других стран (Сингапур, ОАЭ)
Страны со средним уровнем ВВП на душу населения, средним уровнем ДС в с/х и высокой обеспеченностью с/х землями	Бразилия, Россия	По отдельным группам продовольственных товаров в связи с узкоспециализированной сырьевой экспортной ориентацией и неэффективным с/х в предшествующие годы (Бразилия), кризисной ситуацией в экономике (Россия)	Модернизация сельского хозяйства и пищевой промышленности на основе: стимулирования внутреннего спроса (Бразилия), развития инфраструктуры, повышения производительности, развития ранее неиспользовавшихся земель (Бразилия), оказания государственной поддержки Агро производителям, оказания поддержки сельскохозяйственным исследованиям, стимулирования экспорта, применения новейших технологий, привлечения ПИИ
Страны со средним уровнем ВВП на душу населения, со средним или низким уровнем ДС в с/х и со средней обеспеченностью с/х землями	Китай, Индия	Рост населения, низкоэффективное сельское хозяйство (Индия, Китай), неспособное удовлетворить растущий спрос, отсутствие инфраструктуры хранения и переработки	Создание развитой система аграрной науки, технологий и инноваций, сети информационно-консультационных служб для нужд АПК, рост инвестиций (Китай, Индия)
Страны с низким уровнем ВВП на душу населения, низкой или очень низкой ДС в с/х	Страны Африки к Сахары	Рост населения, низкоэффективное сельское хозяйство, узкоспециализированная сырьевая экспортная ориентация	Снижение продовольственной импорт зависимости и развитие национального производства на основе: диверсификации с/х производства, агропромышленной индустриализации, повышения эффективности с/х и роста добавленной стоимости, создания совместных предприятий, развития перерабатывающей промышленности

Источник: составлено автором

В странах с высоким уровнем ВВП на душу населения, высоким уровнем добавленной стоимости в сельском хозяйстве и высокой обеспеченностью сельскохозяйственными землями импортозамещение сводится, как правило, к инициативам отдельных партий и организаций в развитии местного производства и потребления, реализующихся на локальном уровне (местная еда). В то время как в странах ЕС инициативы трансформации агропродовольственной

политики рассматриваются уже на наднациональном уровне, а в отдельных странах инициированы национальные политики на уровне правительств.

Серьезное внимание сокращению импортозависимости и развитию отечественного производства, в том числе, на территории других стран, в связи с нехваткой земельных ресурсов, уделяется в Японии. Проведение политик импортозамещения и модернизации агропродовольственного сектора характерно для стран БРИКС и развивающихся стран.

На продовольственную безопасность и общую устойчивость продовольственной и сельскохозяйственной системы влияет ряд глобальных тенденций:¹

1. Рост населения. Ожидается, что к 2050 г. население мира вырастет почти до 10 миллиардов, что приведет к увеличению спроса на сельскохозяйственную продукцию примерно на 50% по сравнению с 2013 г. при сценарии умеренного экономического роста.

2. Разнообразие питания особо чувствительно к доходу², поэтому экономический рост в странах с низким и средним уровнем доходов ускорит переход к системе питания с более высоким потреблением мяса, фруктов и овощей, и с более низким, по сравнению с существующим уровнем, потреблением зерновых, что требует изменений в структуре и объеме производства.

3. Структурные изменения в экономике: снижение доли сельского хозяйства в общем объеме производства и занятости.

4. Замедление роста производства. Хотя инвестиции в сельское хозяйство и технологические инновации повышают уровень производительности и способствуют росту урожайности, ускорению роста производительности препятствует деградация природных ресурсов, утрата биоразнообразия и распространение трансграничных вредителей и болезней растений и животных, некоторые из которых становятся устойчивыми к противомикробным препаратам.

5. Сохранение высокого уровня отходов и потерь продовольствия.

¹ The future of food and agriculture – Trends and challenges. – Rome, FAO, 2017.

² Karen T., Smith M. D., Daugherty K., Rada N. International Food Security Assessment, 2019–2029. GFA-30, U.S. Department of Agriculture. - Economic Research Service, 2019.

6. Изменение климата, которое оказывает негативное влияние на условия ведения сельского хозяйства, ставит под угрозу производство сельскохозяйственных культур, продукции животноводства, рыбоводство и рыболовство.

7. Концентрация производства и усиление конкуренции. Удовлетворение возросших потребностей в сельском хозяйстве с помощью существующих методов ведения сельского хозяйства ведет к усилению конкуренции за природные ресурсы, увеличению выбросов парниковых газов и дальнейшему обезлесению, и деградации земель. Производство продуктов питания становится все более капиталоемким, вертикально интегрированным и сосредоточенным в меньшем количестве предприятий. Мелкие производители проигрывают в конкурентной борьбе, и все чаще ищут возможности трудоустройства вне сельского хозяйства. Это приводит к увеличению миграционных потоков, особенно мужчин, являющихся членами сельских домашних хозяйств, что, в свою очередь, приводит к «феминизации» сельского хозяйства во многих частях мира.

8. Конфликты, кризисы и стихийные бедствия становятся все более многочисленными и интенсивными, нарушают доступ к продовольствию и подрывают системы социальной защиты. В среднем, доля недоедающих людей, живущих в странах с низким доходом с затяжными кризисами, в 2,5–3 раза выше, чем в других страны с низким уровнем дохода.

Ожидается, что в ближайшие годы ситуация с продовольственной самообеспеченностью в большинстве стран обострится, и станет еще более сложной, чем когда-либо.

Сингапур

Для Сингапура, как одной из наиболее открытых экономик мира, которая сильно зависит от международной торговли, ситуация, вероятно, стане еще более сложной. Продовольственная безопасность имеет основополагающее значение для национальной безопасности Сингапура – страны, не имеющей обширных земельных и других сельскохозяйственных ресурсов, и импортирующей более 90 процентов потребляемых в стране продуктов питания.

Тремя национальными стратегиями обеспечения населения продовольствием в Сингапуре, призванными снизить уязвимость страны к внешней волатильности и повышению цен на продовольственные товары на внешних рынках, являются:

- 1) диверсификация источников импорта;
- 2) развитие собственного агропродовольственного сектора;
- 3) оказание содействия сингапурским компаниям за рубежом в выходе на новые и на более крупные рынки, в снижении издержки за счет эффекта масштаба и снижении цен на экспорт¹.

Основными мерами для трансформации и развития сингапурского продовольственного сектора являются:

- стимулирование инноваций в области пищевых продуктов;
- обучение будущих фермеров организации агробизнеса в закрытых вертикальных фермах и в сфере глубоководного рыбоводства, подготовка нового поколения фермеров-технопроизводителей.

Новая правительственная инициатива, под названием FoodInnovate, будет возглавляться Enterprise Singapore, которая будет вовлекать другие правительственные учреждения, такие, как Agri-Food и Ветеринарная служба, а также использовать опыт пищевых компаний (в том числе, крупнейших ТНК, таких, как Coca-Cola, Danone и Unilever), экспертов по пищевой промышленности и отраслевых ассоциаций. Ключевыми задачами FoodInnovate являются создание базы для агропродовольственных стартапов в Сингапуре, обеспечение государственного регулирования, поддерживающего инновации, и создание платформы для «перекрестного опыления» идей в отрасли².

Одной из инициатив, которые будут способствовать развитию отрасли, является развитие и продвижение высокотехнологичного сектора аквакульту-

¹ Teh C. Parliament: 3 strategies for new agency to strengthen food security. – URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/3-strategies-for-new-agency-to-strengthen-food-security> (дата обращения: 09.09.2019).

² Lai L. New government strategy will drive food innovation. – URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/health/new-government-strategy-will-drive-food-innovation> (дата обращения: 09.09.2019).

ры. Так, Центр морской аквакультуры Агропищевого и ветеринарного управления (AVA), в сотрудничестве с лабораторией Temasek Life Sciences, вывели породу морского окуня Святого Иоанна, менее восприимчивую к заболеваниям, и обладающую способностью к ускоренному росту. А лаборатория наук о жизни Temasek нашла способ производства «риса Temasek», штамма, урожайность которого в четыре раза выше по сравнению с обычными сортами риса¹.

Сингапур стремится стать лидером в технологиях городского сельского хозяйства и аквакультуры. С этой целью в инновационном районе Джуронг ведется разработка поместья следующего поколения с подземной логистической сетью, которая освободит земли и изменит способ доставки товаров², в Сунгей Кадут строится инновационный парк агропродовольственных товаров площадью 18 га, открытие которого запланировано на 2021 г. Парк, размером примерно с 33 футбольных поля, объединит высокотехнологичное сельское хозяйство и научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы.

ЕС

Общая сельскохозяйственная политика ЕС (CAP) направлена на поддержание уровня самодостаточности всего ЕС на уровне 85%, даже если уровень самодостаточности в отдельных государствах-членах снижается³. Тем не менее, в ряде стран, прежде всего, в ЕС – 13, в 2007–2013 гг. политика в области сельского хозяйства и пищевой промышленности была сосредоточена на модернизации этих секторов экономики. К примеру, в Чешской Республике, которая является экспортером сырьевых сельскохозяйственных товаров, и значительно отстает по конку-

¹ Teh C. New aquaculture centre to work on improving Singapore's food resilience. – URL: <https://www.straitstimes.com/singapore/singapore-budget-2019-new-aquaculture-centre-to-work-on-improving-singapores-food> (дата обращения: 09.09.2019).

² Yi S. B. Parliament: Agri-food innovation park in Sungei Kadut to open from early 2021, says Koh Poh Koon. – URL: <https://www.straitstimes.com/politics/parliament-agri-food-innovation-park-in-sungei-kadut-to-open-from-early-2021-koh-poh-koon> (дата обращения: 09.09.2019).

³ Kotyza P., Slaboch J. Food Self Sufficiency in Selected Crops in the Czech Republic and Poland // Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae Mendelianae Brunensis. – 2014. – N 62. – P. 1329–1341. – DOI 10.11118/actaun201462061329.

рентоспособности в отраслях их переработки, проводится политика, направленная на поддержку и рост сельскохозяйственного производства¹.

Следует отметить, что в последние годы в ЕС происходит снижение продовольственной самодостаточности, что, тем не менее, не оказывает влияния на уровень питания населения европейских стран, где за последнее десятилетие среднее количество потребляемой с пищей энергии превышало 2200 ккал/день, что считается нижним пределом рекомендуемого потребления².

В то же время в ряде европейских стран приняты национальные агропродовольственные стратегии, направленные на устойчивый рост внутреннего производства, обеспечение стабильности продовольственной системы, укрепление конкурентоспособности, развитие экспорта. Так, Правительством Швеции выдвинута продовольственная стратегия, направленная на долгосрочное развитие всей цепочки поставок «от урожая до обеденного стола». Шведское производство пищевых продуктов известно высокими стандартами безопасности по всей цепочке поставок пищевых продуктов и высоким качеством продуктов питания. Правительство считает, что Швеция должна использовать сильные стороны в секторе производства продуктов питания для развития экспорта, что может помочь ей повысить конкурентоспособность на внутреннем рынке³.

В других европейских странах, как, например, в Швейцарии, где самообеспеченность продуктами питания в среднем находится на уровне около 60%, правительство, наоборот, не поддерживает инициативы партии Sovereign Food, направленной на повышение производства продовольствия в стране. При более детальном рассмотрении, средняя обеспеченность продуктами питания во многих странах маскирует различия в обеспеченности отдельными продуктами или товарными группами. Так, в 2016 г. швейцарское производство обес-

¹ Там же.

² Sadowski A., Baer-Nawrocka A. Food Self-Sufficiency Of The European Union Countries – Energetic Approach // Journal of Agribusiness and Rural Development. – 2016. – N 10. – DOI 10.17306/JARD.2016.44.

³ A National Food Strategy for Sweden – more jobs and sustainable growth throughout the country Short version of Government bill 2016/17:104 – URL: https://www.government.se/498282/contentassets/16ef73aaa6f74faab86ade5ef239b659/livsmedelsstrategi_n_kortversion_eng.pdf (дата обращения: 03.10.2019).

печило население страны мясом на 86%, но рыбными продуктами только на 2%. Страна сильна в производстве молока, производя больше, чем потребляет (116%), но может покрыть только четверть своих потребностей во фруктах, и примерно половину потребления яиц и овощей¹.

Согласно официальным данным, Великобритания также сильно зависит от импорта продовольствия. В настоящее время Великобритания производит 60% от общей потребности в продовольствии, в то время как 30 лет назад страна удовлетворяла 74% своих потребностей в продовольствии. При этом 79% всего импорта продовольствия Великобритании приходится на ЕС. Такое положение дел вызывает беспокойство внутри страны в связи с сохраняющейся неопределенностью по срокам и условиям выхода страны из ЕС. Наиболее уязвимыми продуктами питания, кроме фруктов, являются свежие овощи, которыми Великобритания обеспечена на 57%, свинина (61%), картофель (75%). В 2017 г. Великобритания импортировала сыра почти в три раза больше, чем экспортировала, яиц – почти в два раза, а свежих овощей – почти в 20 раз. И хотя статистические данные свидетельствуют о долгосрочном снижении самообеспеченности Великобритании продовольствием, существует большой потенциал для его преодоления. Сельскохозяйственные ассоциации Великобритании утверждают, что страна может увеличить собственное производство продуктов питания, и стать самодостаточной в продовольствии в долгосрочной перспективе².

Разработка и реализация любой выгодной для страны агропродовольственной политики возможна только в условиях ее полной изоляции. Участие же стран в международной торговле накладывает ограничения на выбор мер и вариантов политик. Ярким примером таких ограничений является политика ЕС. До создания ЕС страны имели национальные сельскохозяйственные политики,

¹ Bondolfi S. Does Switzerland produce half of all the food it needs? – URL: https://www.swissinfo.ch/eng/fact-check_does-switzerland-produce-half-of-all-the-food-it-needs-/44380058 (дата обращения: 03.10.2019).

² UK could run out of food a year from now with no-deal Brexit, NFU warns. – URL: <https://www.theguardian.com/politics/2018/aug/07/uk-run-out-of-food-no-deal-brex-it-national-farmers-union> (дата обращения: 03.10.2019).

поддерживаемые торговыми барьерами, которые позволяли сохранять различия в ценах на продовольствие и сельскохозяйственную продукцию. С образованием ЕС торговые барьеры были устранены, что сделало невозможным сохранение национальных сельскохозяйственных политик. Для перехода к общему рынку государства-члены создали Единую сельскохозяйственную политику (САР), заменив ранее существовавшую национальную политику единым набором сельскохозяйственных норм, применяемых во всех государствах-членах. Компромисс, который был достигнут при создании САР, состоял в том, чтобы установить внутренние цены на достаточно высоких уровнях, чтобы удовлетворить наименее эффективных производителей в странах-членах, широко применяя торговые барьеры, применяемые к странам-не членам для защиты этих высоких цен.

В течение долгого времени ключевой целью САР был увеличение сельскохозяйственного производства на основе роста производительности труда за счет рационального развития сельского хозяйства и оптимального использования факторов производства. Благодаря достижениям науки (биологии, химии и др.), механизации производства, поддержке цен на сельскохозяйственные сырьевые товары на уровне выше мировых, мерам протекционистской защиты и глобальному экономическому росту, ЕС перешел от чистого импорта продовольствия, имевшему место в послевоенный период, к чистому экспорту по многим сельскохозяйственным и пищевым продуктам.

Фермерская политика США шла по диаметрально противоположному пути, помогая американским фермерам прямой поддержкой доходов продавать свою продукцию по высоко конкурентным (низким) ценам. Это помогло утвердить США в качестве одного из ведущих экспортеров товаров в мире.

Сегодня фермерские хозяйства Европы больше, чем когда-либо, специализированы, практика и системы ведения сельского хозяйства очень упрощены, и интенсивно зависят от энергетики и применения химических веществ (минеральных удобрений, пестицидов, концентрированных комбикормов и пр.). Результатом всех этих изменений является снижение плодородия почв, а также

увеличение эрозии почв, ухудшение качества воды, потеря биоразнообразия в сельскохозяйственных экосистемах и увеличение выбросов парниковых газов. Что касается влияния на здоровье людей, то здесь ключевым вопросом является появление устойчивости к химикатам, применяемым в растениеводстве и разведении скота. Животноводческий сектор ЕС потребляет больше антибиотиков, чем медицинский сектор человека, и способствует распространению устойчивости к противомикробным препаратам. Поскольку антибиотики применяются и к животным, и к людям, они становятся бесполезными для животных – и неэффективными в терапии человека.

Цены и доходы в сельском хозяйстве ЕС становятся все более и более изменчивыми из-за дерегулирования международной сельскохозяйственной политики, изменения климата, повышенной изменчивости урожайности, и т. д. Кроме того, по данным Европейской комиссии, ежегодный рост совокупной факторной производительности в сельском хозяйстве снизился с 1% в 1995–2005 гг. до 0,8% в период 2005–2015 гг. Что еще более важно, в «старых» государствах – членах ЕС (ЕС-15) произошло гораздо более резкое падение: с 1,3% в 1995–2005 гг. до 0,6% в 1995–2005 гг. В период с 2006 по 2016 гг. совокупная факторная производительность в ЕС-28 ежегодно увеличивалась на 0,7% только, и на 0,5% в ЕС-15¹. Львиная доля поддержки в странах ЕС предоставляется крупным агрохолдингам, а доходы фермеров по-прежнему отстают от заработной платы во всей экономике ЕС. Так, в 2016 г. около 30% французских фермеров имели доход ниже 350 евро в месяц, что составляет менее трети минимальной заработной платы.

Внутриотраслевая и межотраслевая концентрация по всей цепочке поставок и в смежных отраслях продвигается беспрецедентными темпами. В настоящее время 70% мировой агрохимической отрасли находится в руках трех компаний, а до 90% мировой торговли зерном контролируется четырьмя транснациональными корпорациями. В 2011 г. пять крупнейших розничных продавцов

¹ Détang-Dessendre C., Geerling-Eiff F., Guyomard H. Poppe K. EU Agriculture and innovation: What role for the CAP? – INRA and WUR, 2018. – 32 p.

продовольствия в тринадцати государствах – членах ЕС имели совокупную долю рынка более 60%. В то же время, затраты фермеров выросли на 40% в период с 2000 по 2010 гг. В результате, с 2003 по 2013 гг. каждое четвертое фермерское хозяйство покинуло отрасль. Около 3% фермерских хозяйств в настоящее время владеют 52% сельскохозяйственных угодий ЕС, 20% фермерских хозяйств получают 80% платежей в соответствии с CAP. Хотя средние доходы фермеров в ЕС в настоящее время имеют тенденцию к росту, но это происходит за счет того, что многие мелкие фермы покидают рынок, или объединяются в более крупные хозяйства.

Кроме того, существует проблема старения сельского населения: 31% фермеров в ЕС старше 65 лет, 24% фермеров находятся в возрасте от 55 до 64 лет.

Нездоровое питание является ведущим фактором риска заболеваний и смертности в Европе, и наиболее сильно затрагивает более бедные группы населения. Нездоровые диеты ответственны за 49% сердечно-сосудистых заболеваний – основной причины смерти в ЕС. Более 50% населения Европы имеют избыточный вес, а более 20% страдают ожирением. Хронические заболевания, которые часто связаны с питанием, составляют 70–80% расходов на здравоохранение в ЕС. Доступ к здоровой и достаточной диете остается недостижим для миллионов человек. В 2016 г. около 43 миллионов человек, или 9,1% населения ЕС, могли ежедневно позволить себе качественную еду.

Кроме того, ряд политик, связанных с продовольственной безопасностью (политика в области сельского хозяйства, торговли, безопасности пищевых продуктов, окружающей среды, экономического развития, научных исследований, образования, регулирования рынков и конкуренции, и др.), разрабатывались на протяжении многих лет изолированно друг от друга, и к настоящему времени имеют конфликтующие цели и противоречия.

Наиболее серьезной глобальной угрозой продовольственной безопасности являются потенциально неустойчивые производственные системы, которые подрывают биоразнообразие (например, исчезновение насекомых-опылителей), ухудшают качество почвы и воды, от которых страдает само сельское хозяйство.

Узкоспециализированная, промышленно развитая, стандартизированная и ориентированная на экспорт модель сельскохозяйственной политики ЕС систематически генерирует негативные последствия и скрытые затраты, требующие коренного пересмотра существующей политики.

В ЕС на протяжении трех лет международной группой экспертов разрабатывалась реформа Общей сельскохозяйственной политики, основные положения которой были представлены на Форуме ЕС по продовольствию и сельскому хозяйству (EU Food and Farming Forum – «EU3F»)¹. С позиции авторов доклада, Общая сельскохозяйственная политика (CAP) должна быть трансформирована в Общую продовольственную политику, основной целью которой должна стать устойчивость продовольственной системы².

США

Хотя продовольственная политика ЕС и США имеет различия по некоторым вопросам, они сталкиваются с аналогичными проблемами, среди которых: отсутствие продовольственной безопасности и ожирение, деградация сельскохозяйственных земель, дисбаланс сил в пользу крупных производителей³.

Рост экспорта сельскохозяйственной продукции из США оказывает неравномерно влияние на американских фермеров, принося выгоду одним, и нанося ущерб другим. Еще большую неопределенность в развитие сельского хозяйства вносит политика Д. Трампа. Так, борьба Д. Трампа с миграцией усугубляет нехватку рабочей силы и повышает ее стоимость, что является серьезной угрозой для многих американских фермеров, и препятствием для наращивания собственного производства. Еще больший ущерб развитию сельского хозяйства наносит торговая война. В ответ на повышение тарифов на сталь и

¹ Manikas I., Malindretos G., Moschuris S. A Community-Based Agro-Food Hub Model for Sustainable Farming // Sustainability. – 2019. – N 11 (4). – P. 1017. – DOI 10.3390/su11041017.

² Galli F., Favilli E., D'Amico S., Brunori G. A transition towards sustainable food systems in Europe. Food policy blue print scoping study. Laboratorio di Studi Rurali Sismondi. – Pisa, Italy, 2018.

³ Nargi L. A 'Common Food Policy' Offers a Guide to a More Sustainable Food System in Europe. Could It Be a Model for the U.S.? – URL: <https://civileats.com/2019/02/06/a-common-food-policy-offers-a-guide-to-a-more-sustainable-food-system-in-europe-could-it-be-a-model-for-the-u-s/> (дата обращения: 11.10.2019).

алюминий, а также технологические и потребительские товары, основные торговые партнеры США, включая Канаду, Китай, ЕС и Турцию повысили тарифы на широкий спектр американских товаров, включая продукты питания. Экспорт американской сельскохозяйственной продукции в Китай упал более чем в два раза: в 2017 г. Китай импортировал сельскохозяйственной продукции на сумму 19,5 млрд долларов, что делало его вторым по величине покупателем продукции американских фермеров, а в 2018 г., в ходе обострения торговой войны, эта сумма сократилась до 9,2 млрд долларов¹. В результате сокращения экспорта американские фермеры отложили приобретение сельскохозяйственной техники, что привело к сокращению доходов производителей сельхозтехники. В частности, о падении дохода на 3% сообщила компания по производству сельскохозяйственной техники Deere. Для компенсации потерь фермеров администрация Трампа выплатила фермерам 10 млрд долл. в 2018 г., и должна выплатить 14,5 млрд долларов в 2019 г.².

Страны Африки

Неудачные попытки снижения импорт зависимости неоднократно предпринимались слаборазвитыми странами Африки. В первой половине 1960-х гг. Танзания, Замбия и Нигерия начали осуществлять крупномасштабное импортозамещение, реализация этой стратегии позднее была отмечена, в частности, в Гане и на Мадагаскаре, и вплоть до 1980-х гг. замещение импорта наблюдалось в других странах Африки к югу от Сахары. Для сокращения импорт зависимости африканские страны использовали опыт стран Латинской Америки, но, поскольку они получили независимость лишь в конце 1950-х и в 1960-х, внутрен-

¹ Drezner D. W. Donald Trump has emasculated the American farmer. – URL: <https://www.washingtonpost.com/outlook/2019/08/13/donald-trump-has-emasculated-american-farmer/?noredirect=on> (дата обращения: 11.10.2019).

² Sullivan K. Farmers are staring down Trump's trade war. WH trade adviser defends President's strategy. – URL: <https://edition.cnn.com/2019/08/18/politics/farmers-china-trade-war-peter-navarro-cnntv/index.html> (дата обращения: 11.10.2019).

ние и внешние ограничения оказались гораздо более сильными, и политика импортозамещения провалилась¹.

В настоящее время страны возвращаются к политике снижения импортозависимости. Так, в 2019 г. запущена национальная политика промышленного развития Зимбабве на период до 2023 г., ключевым компонентом которой является агропромышленная индустриализация, направленная на замену иностранного импорта отечественным производством².

Последовательная неспособность Нигерии возродить сельскохозяйственный сектор свидетельствует о ряде допущенных ошибок в ходе ее реализации. В частности, предпочтительным инструментом проводимой ранее политики были запретительные меры на импорт продовольствия, которые не способствовали развитию внутреннего производства. Новый этап сельскохозяйственной трансформации направлен на решение проблемы неэффективности сельского хозяйства страны. Целями нового этапа политики сокращения импорт зависимости являются содействие агробизнесу, привлечение инвестиций частного сектора в сельское хозяйство, сокращение потерь урожая и повышение добавленной стоимости сельскохозяйственной продукции, а также стимулирование экспорта и превращение Нигерии в нетто-экспортера продовольствия. Для достижения этих целей реализуются такие мероприятия, как создание совместных предприятий, к примеру, нигерийской компании по производству удобрений Notore и Mitsubishi для расширения производственных мощностей по производству удобрений в стране; используются схемы финансирования агробизнеса, направленные на снижение нагрузки на фермеров, связанной с выплатой процентов по кредитам; создаются заводы по переработке сельскохозяйствен-

¹ Woldemichael A., Salami A., Mukasa A., Simpasa A., Shimeles A. Transforming Africa's Agriculture through Agro-Industrialization // Brazilian Journal of Political Economy. – 2014. – Vol. 34, N 1 (134). – P. 120–138.

² Musarurwa T. Schweppes' import substitution to save US\$1m7 – URL: <https://www.sundaymail.co.zw/schweppes-import-substitution-to-save-us1m> (дата обращения: 11.10.2019).

ных культур, гарантирующие покупку этих культур у фермеров для обеспечения стабильного сбыта их продукции¹.

Попытки снизить продовольственную импортозависимость предпринимаются и другими странами Африки, являющимися нетто-импортерами продуктов питания. Так, Маврикий, с коэффициентом самообеспеченности менее 30%, импортирует многие из основных продуктов питания: мясо и рыбу, некоторые фрукты (например, апельсины, мандарины и виноград), молоко и молочные продукты, свежие и замороженные овощи, кофе, чай и специи, хлопья, масло, пшеницу, и другие продукты. В 2018 г. импорт продовольствия составил 1,1 миллиарда долларов, что составляет 20% от общего импорта Маврикия. Причинами возникновения и сохранения высокой импорт зависимости страны являются ее сравнительное преимущество в выращивании сахарного тростника и экспортная ориентация страны на торговлю этим товаром, а также отсутствие эффекта масштаба во внутренней торговле, в связи с небольшими размерами страны. В 2019 г. в стране объявлено о мерах по стимулированию несахарного сельскохозяйственного сектора.²

Намибия, которая также импортирует около 70% продовольствия, являясь нетто-экспортером не переработанной агропродукции, в качестве мер по стимулированию внутреннего производства, снижения импорт зависимости и роста экспорта, развивает сектор переработки сельскохозяйственного сырья. За период с 2008 по 2016 гг. вклад сельского хозяйства в ВВП страны сократился с 4% до 3,5%, а его рост сократился на 2,2%. Сектор переработки сельскохозяйственного сырья обладает значительным потенциалом для увеличения добавленной стоимости, создания рабочих мест, но, прежде всего, даст возможность гарантированно приобретать и перерабатывать продукцию местных фермеров,

¹ Nigeria's Import Substitution Policies: Mixed Results. – URL: <https://gro-intelligence.com/insights/articles/nigerias-import-substitution-policies-mixed-results> (дата обращения: 11.10.2019).

² Mauritius – Agricultural Sectors. – URL: <https://www.export.gov/article?id=Mauritius-Agricultural-Sectors> (дата обращения: 11.10.2019).

стимулируя, тем самым, рост производства в сельском хозяйстве, и создавая возможности для экспорта продукции¹.

Япония

С конца 19-го – начала 20-го вв. политика сокращения импорт зависимости в агропродовольственном секторе проводится в Японии². В некотором смысле, Япония является пионером использования альтернативных продовольственных инициатив³. В то же время Япония, наряду с ЕС и США, продвигает идеи свободной торговли, одновременно практикуя протекционизм (высокие таможенные пошлины по ряду особо чувствительных продуктов питания и меры нетарифного регулирования) и использование субсидирования своего сельскохозяйственного сектора. Столь противоречивая Агро политика Япония формируется под влиянием как внешних, так и внутренних факторов.

В японском обществе традиционно высоки требования к качеству и безопасности продуктов питания. С одной стороны, население Японии обеспокоено безопасностью импортных продуктов питания и предпочитает отечественные, даже если импортные продукты дешевле. С другой стороны, проблемы безопасности японских продуктов питания обострились из-за радиоактивного загрязнения вследствие аварии на АЭС «Фукусима-дайти» в марте 2011 г. В то же время во многих исследованиях (см., к примеру, [Muchetu, 2019; Hisano, 2015; Маркарья, 2017]) отмечается изменение структуры спроса населения Японии на продукты питания в сторону вестернизации.

Состояние аграрного сектора Японии характеризуется нехваткой пахотных земель, количество которых подверглось долгосрочному сокращению: пахотные земли в 2013 г. составили 4,54 млн га, что на 24,3% меньше, чем в 1965 г., а коэффициент использования обрабатываемых земель составляет 91,8% в

¹ Agro-processing can reduce dependency on food imports. – URL: <https://neweralive.na/posts/agro-processing-can-reduce-dependency-on-food-imports> (дата обращения: 11.10.2019).

² Лебедева И.П. Япония: промышленность и предпринимательство: (вторая половина XX – начало XXI в.). – Москва: Ин-т востоковедения РАН, 2007. – 221 с.

³ Hisano S. Food Security Politics and Alternative Agri-food Initiatives in Japan: Working Paper. – Kyoto University GSE, 2015.

2013 г., в то время как в 1985 г. он составлял 105%, а в 1956 г. – 138%. В то же время, по сравнению с 1975 г., в три раза увеличилось количество заброшенных посевных площадей. Значительно сократился размер агрофирм: средний размер фермерских хозяйств составляет 1,5–2,1 га. Средняя заработная плата в сельском хозяйстве Японии составляет 62% от средней заработной платы в экономике. Количество фермерских домохозяйств с 1965 г. сократилось на 74,2%, доля коммерческих фермерских хозяйств с полностью занятыми фермерами в возрасте до 65 лет составляют всего 22%, а доля коммерческих фермеров в возрасте 65 лет и старше составляет 61,2%.

С целью развития потенциала внутреннего производства и удвоения доходов фермеров С. Абэ, экономическая политика которого получила название «абеномика», в 2013 г. утвердил стратегию превращения сельского хозяйства в растущую отрасль в рамках реализации программы «Шестая индустриализация» (*“Sixth-order Industrialization”*)¹. Намечено, что к 2020 г. экспорт агропродовольственной продукции Японии должен достичь 1 трлн иен, а к 2030 г. – увеличиться еще в 5 раз. Текущий этап «Шестой индустриализации», в основном, ориентирован на относительно небольшие организации, имеющие ограничения в таких сферах деятельности, как разработка продуктов, дистрибуция, продажи, финансы, технологии, а также маркетинговые стратегии. «Шестую индустриализацию» можно определить как кооперацию или сотрудничество между производством (сельское хозяйство), переработкой (пищевая промышленность), маркетингом (торговля), промышленностью и сферой услуг, при всесторонней поддержке этого сотрудничества местными властями и фондами.

ОАЭ

Ключевой задачей Министерства по изменению климата и окружающей среде ОАЭ (MoCCAЕ) является улучшение разнообразия пищевых продуктов. Министерство выдвинуло инициативы и, в конечном итоге, законодательство, для снижения зависимости страны от импортных продуктов питания. Четвер-

¹ Masaki S., Shin D.-C. The Follow-up System in Order to Establish “Sixth-order Industrialization” // Journal of the Korean Society of International Agriculture. – 2015. – Vol. 29, N 3. – P. 251–261. – DOI 10.12719/KSIA.2017.29.3.251.

тый стратегический план на 2017–2021 гг. предусматривает освобождение фермеров от НДС, инициативы по уходу за местным скотом и животными, а также распространение лучших практик производства высококачественных продуктов питания¹.

Следует отметить, что в настоящее время в ОАЭ импортируется до 85% продовольствия. Одной из основных причин высокой импорт зависимости ОАЭ является специализация страны на экспорте нефти, высокие доходы от продажи которой вытеснили другие виды экономической деятельности. Только колебания спроса и цен на нефть вынуждают страны Персидского залива диверсифицировать виды экономической деятельности, в том числе, предпринимать некоторые шаги по развитию собственного производства и снижения импорт зависимости².

Китай

Самообеспеченность продуктами питания имеет первостепенное значение для экономики Китая. В 1996 г. Китай официально объявил о стратегии достижения 95%-го уровня самообеспеченности, как нижней границы своей продовольственной безопасности, и также обязался достичь абсолютной самообеспеченности пшеницей, рисом и кукурузой. Во время мирового продовольственного кризиса в 2007–2008 гг. Китай представил первый среднесрочный и долгосрочный план обеспечения продовольственной безопасности на 2008–2020 гг., в котором правительство подтвердило свою приверженность достижению ранее поставленных целей. Тем не менее, несмотря на увеличение внутреннего производства зерна в последнее десятилетие, импорт не только не сократился, но и продолжает расти. С 2004 по 2014 гг. общий объем импорта зерна в Китай увеличился почти на 300%, а импорт риса, пшеницы и кукурузы увеличился более чем на 800%. В 2014 г.

¹ Gokulan D. UAE to reduce dependence on imported food products. – URL: <https://www.khaleejtimes.com/nation/uae-to-reduce-dependence-on-imported-food-products> (дата обращения: 11.10.2019).

² Hvidt M. Economic diversification in GCC countries: past record and future trends. Kuwait Programme on Development, Governance and Globalisation in the Gulf States (27). – London, UK: London School of Economics and Political Science, 2013.

уровень импорт зерна в Китай (включая соевые бобы) достиг 100 миллионов тонн, что составило более 16% внутреннего потребления.

Политика достижения высокого уровня продовольственной самообеспеченности не оправдала себя по следующим причинам:

- несмотря на значительный рост сельскохозяйственного производства в Китае, рост спроса на продовольственные товары, вызванный быстрорастущим населением, ростом доходов и изменением структуры потребления, опережал рост предложения;

- политика самообеспеченности Китая стала угрожать устойчивости его сельскохозяйственного сектора: деградация почвы из-за интенсивного земледелия, интенсивное использования удобрений и пестицидов (Китай потребляет более 30% удобрений и пестицидов в мире, и имеет один из самых высоких в мире показателей использования химических удобрений на гектар);

- быстрая индустриализация и урбанизация предлагают альтернативные, и более выгодные, варианты использования земель, что соответствует интересам местных органов власти;

- сельскохозяйственные субсидии стали тяжким бременем для экономики Китая, но не смогли обеспечить высоких доходов фермерам;

- расширяющемуся сельскохозяйственному китайскому бизнесу за рубежом, который импортирует выращенную в других странах продукцию в Китай, также не выгодна политика самообеспеченности;

- изменилось восприятие Китаем системы международной торговли в результате роста его экономики.

В связи с этими проблемами политика самообеспеченности была реформирована в политику «внутреннее производство с умеренным импортом»¹.

Индия

Сельскохозяйственный сектор играет жизненно важную роль в экономике Индии, в нем занято около 60% населения страны. Страна обладает уникаль-

¹ Zhang H., Cheng G. China's Food Security Strategy Reform: An emerging global agricultural policy // China's Global Quest for Resources Energy, Food and Water. – Publisher: Routledge, Editors: Fengshi Wu, Hongzhou Zhang, 2016.

ными конкурентными преимуществами: большой площадью пахотных земель (60,44%) и разнообразными агроклиматическими условиями, позволяющими выращивать различные агрокультуры. Индия в значительной степени достигла самообеспеченности в производстве зерна, и входит в число стран с самым высоким рейтингом по объему производства таких товаров, как рис, хлопок, молочные продукты, фрукты, овощи, мясо и морепродукты. Однако отсутствие инфраструктуры хранения приводит к потерям продукции в размере до 40%, которые оцениваются в 13 млрд долл. в год. За последнее десятилетие объемы производства в сельском хозяйстве и садоводстве Индии росли ежегодно высокими темпами. Тем не менее, урожайность по-прежнему ниже, чем в среднем в мире. Такая низкая урожайность обусловлена многими факторами, в том числе:

- неустойчивые муссоны (более 50% обрабатываемых земель зависят от муссонов);
 - сокращение ресурсов подземных вод;
 - снижение плодородия почв;
 - неэффективность системы распределения продовольствия;
 - отсутствие инфраструктуры хранения и транспортировки;
 - отсутствие осведомленности фермерского сообщества о современных методах ведения сельского хозяйства и технологий;
 - непредсказуемая погода;
 - небольшие средние фермерские хозяйства, площадью 1,08 га;
- сельскохозяйственные субсидии, которые искажают рыночные сигналы и препятствуют инвестициям, повышающим производительность.

Сельскохозяйственный сектор в Индии переживает переход от традиционного сельского хозяйства к органическому сельскому хозяйству, садоводству, аквакультуре, птицеводству и молочному производству. Спрос на свежие и переработанные продукты всех видов увеличивается из-за быстрой урбанизации, роста доходов и изменения привычек потребления населения. Развитие эффективной сети «от фермы к тарелке» поможет сократить текущий уровень потерь сельхозпродукции. Федеральное правительство и правительства не-

скольких штатов работают над многими инициативами для решения проблем, стоящих перед аграрным сообществом. Ожидается, что, благодаря вмешательству в политику, ускоренной механизации, адаптации инновационных технологий и более разумным сельскохозяйственным решениям, сельскохозяйственный сектор продемонстрирует новую волну роста.

С целью удвоения доходов фермеров к 2022 г. правительство Индии разработало Политику экспорта сельскохозяйственной продукции, которая нацелена на удвоение стоимости экспорта до 60 млрд долларов за этот период. Однако у ряда экспертов такие планы вызывают сомнения, поскольку уже неоднократно правительство Индии поддерживало дешевый импорт в ситуации роста цен на важнейшие продукты питания (картофель, лук, бобовые и т. д.) для сдерживания инфляции. Практика регулирования цен посредством внезапного повышения экспортных пошлин и снижения импортных пошлин наносит вред местным производителям, как это было в 2016–17 гг., когда снижение импортных пошлин на пшеницу привело к росту импорта из Австралии и Украины.

Другой проблемой Индии, препятствующей росту экспорта сельхозпродукции, является более высокий уровень внутренних цен в сравнении с мировыми. Субсидирование цен грозит разбирательством в ВТО¹.

Еще одной проблемой Индии, как и многих стран мира, является преимущественная поддержка крупных ферм. Так, государственная поддержка в Индии оказывается фермерам, имеющим земельный участок в 10 акров (4,05 га) и выше, и только 10% мелких фермеров, со средним по площади земельным владением 4 акра (от 0,4 до 1,6 га), воспользовались правительственными схемами и субсидиями².

¹ Will India's new agricultural export policy work? Food grain buffers exceed need, global prices remain depressed. – URL: <https://www.downtoearth.org.in/news/agriculture/will-india-s-new-agricultural-export-policy-work--62430> (дата обращения: 08.10.2019).

² Sood J. India's deepening farm crisis: 76% farmers want to give up farming, shows study. Benefits of government schemes and policies go to big farmers, shows survey undertaken by CSDS on behalf of farmers' association. – URL: <https://www.downtoearth.org.in/news/indias-deepening-farm-crisis-76-farmers-want-to-give-up-farming-shows-study-43728> (дата обращения: 08.10.2019).

Исследование показало, что продовольственная импорт зависимость в той или иной степени присуща многим, в том числе, развитым, странам, которые одновременно являются и экспортерами продуктов питания

Однако между импортозависимостью стран с высоким и низким уровнем ВВП на душу населения, высоким и низким уровнем добавленной стоимости в сельском хозяйстве, и высокой и низкой обеспеченностью земельными ресурсами имеются существенные различия.

Так, страны с высоким уровнем ВВП на душу населения, высоким уровнем добавленной стоимости в сельском хозяйстве и высокой обеспеченностью сельскохозяйственными землями, импортозависимы, как правило, по отдельным группам продовольственных товаров (чаще всего, по фруктам и овощам). Этот импорт, в основном, обеспечивает разнообразие, здоровое питание и доступность фруктов и овощей круглогодично.

Страны с низким уровнем ВВП на душу населения, низким уровнем добавленной стоимости в сельском хозяйстве и невысокой обеспеченностью сельскохозяйственными землями, импортируют все, или многие, из основных продуктов питания.

В результате, варианты политик снижения импорт зависимости варьируются от инициатив отдельных партий и организаций в снижении импорт зависимости и развитии местного производства и потребления, реализующихся на локальном уровне, до защиты внутреннего рынка, стимулирования внутреннего производства, в том числе, на территории других стран, модернизации отрасли и ее реиндустриализации.

1.3. Движущие силы политики импортозамещения на современном этапе развития мировой экономики

Усиление протекционизма, несоблюдение установленных ранее правил игры и невыполнение взятых на себя международных обязательств стали характерной чертой современной мировой экономики и международных эконо-

мических отношений¹. Основным проявлением активизации политики протекционизма в мировой торговле является широкое использование странами – членами ВТО и, прежде всего, странами «большой двадцатки», мер торговой политики, ограничивающих экспорт и импорт, включая требования к доле местных компонентов, льготное кредитование, и другие нетарифные барьеры.

Несмотря на то, что наиболее существенные изменения произошли в торговой политике США с принятием так называемой «политики «America First», наиболее ярким проявлением которой стало начало двусторонней торговой войны между Китаем и США², за последние три года поворот к политике протекционизма произошел во всей мировой торговой системе, что, по мнению ряда ученых [Родрик Д., 2018³; Мюллер Д., 2019⁴]), позволяет говорить о новой эре в мировой торговле – эре популизма и национализма.

Наибольший рост торговых ограничений произошел в период с первого полугодия 2018 г. по первое полугодие 2019 г. В 2017 г. было введено 574 новых торговых ограничений, что на 10 больше, чем в 2016 г. В 2018 г. было введено уже 927 дополнительных торговых ограничений, что выше показателя 2017 г. в 1,6 раза. В 2019 г. импульс роста протекционизма несколько замедлился, и в результате были введены 704 меры, ограничивающие торговлю (Рисунок 1.6).

Таким образом, на конец 2019 г. количество вновь вводимых мер, ограничивающих свободную торговлю товарами (704), в 3,65 раза превышает количество введенных либерализационных мер (193).

Анализ торговой политики стран с 1 января 2009 г. по конец декабря 2019 г., проведенный Global Trade Alert, показал, что всеми странами используется 4913 протекционистских меры, в то время как число либерализационных

¹ Кузнецов А. В. Дезинтеграция мировой торговой системы: причины и следствия // Финансы: теория и практика. – 2019. – № 23 (5). – Р. 50–61. – DOI 10.26794/2587-5671-2019-23-5-50-61.

² Bown C. US-China Trade War Tariffs: An Up-to-Date Chart – Peterson Institute for International Economics, 2019.

³ Rodrik D. Is Populism Necessarily Bad Economics? // American Economic Review, Papers and Proceedings. – 2018. – N 108. – Р. 196–199.

⁴ Müller J.-P. What Is Populism? – University of Pennsylvania Press, 2019.

мер составило 1724. Усиление протекционистской политики прямо противоположно постоянным призывам придерживаться принципов свободной торговли, звучащим на саммитах «большой двадцатки». Следует отметить, что правительства «большой двадцатки» начали активно применять протекционистские меры еще до начала американо-китайской торговой войны. Фактически, с ноября 2008 г. было зарегистрировано 348 случаев, когда меры торговой политики, предпринимаемые правительствами 36 стран, оказывали негативное воздействие на торговые потоки свыше 10 млрд долл. К 2013 г. протекционистскими мерами было охвачено 70% мирового экспорта товаров.

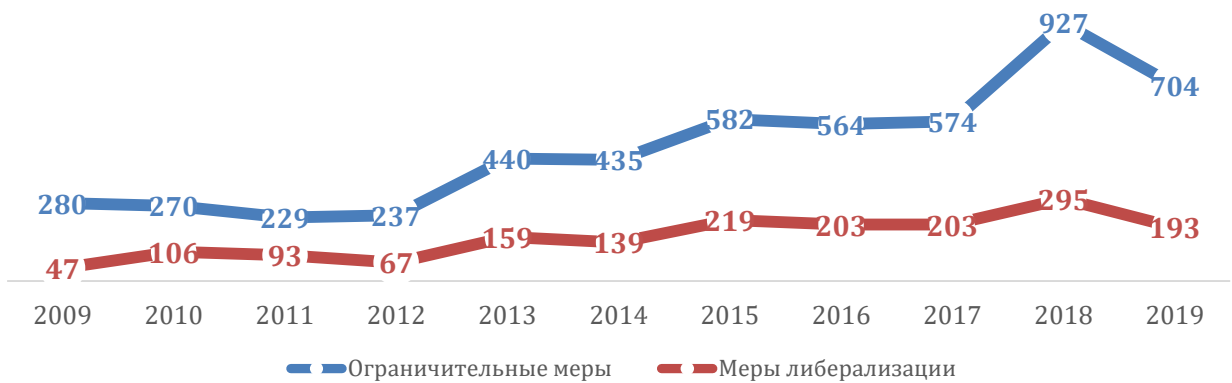

Рисунок 1.6 – Количество регуляторных мер в торговле товарами, принятых с января 2009 г. по конец декабря 2019 г.¹

Особенно наглядно усиление протекционизма проявляется в торговой политике США, которые взяли курс на борьбу с «несправедливыми» торговыми практиками². Доля экспорта стран G20, попавшая в зону риска влияния дискриминационных мер США на конец 2019 г., составляет 80,8%, среди которых 30,26% приходится на экспортные субсидии США, 67,93% – на меры содействия экспорту американских товаров, 16,52% – на рост импортных тарифов США³.

Согласно последнему отчету Global Trade Alert, под названием «Going It Alone?», который охватывает всю «эру популизма», с 1 января 2017 г. по 15 но-

¹ Составлено автором по данным: GTA. – URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics/area_goods/year-from_2017/day-to_1226.

² Хейфец Б. А. Метаморфоза экономической глобализации. – М.: Институт экономики РАН, 2018. – 41 с.

³ The 25th Global Trade Alert report. 2019.

ября 2019 г. правительства всех стран мира ввели 2723 новых ограничительных мер, совокупный эффект которых затрагивает 40% мировой торговли к ноябрю 2019 г.¹ При этом торговая война Китая и США ответственна только за 23% новых торговых ограничений, введенных в этот период.

Лидерами в применении ограничительных мер, по оценке ГТА, являются Китай (2852) и США (2064), которые захватили это первенство еще до Д. Трампа. Обращают на себя внимание высокие позиции России (838) и других стран БРИКС: Индия (975), Бразилия (740) (см. Рисунок 1.7).

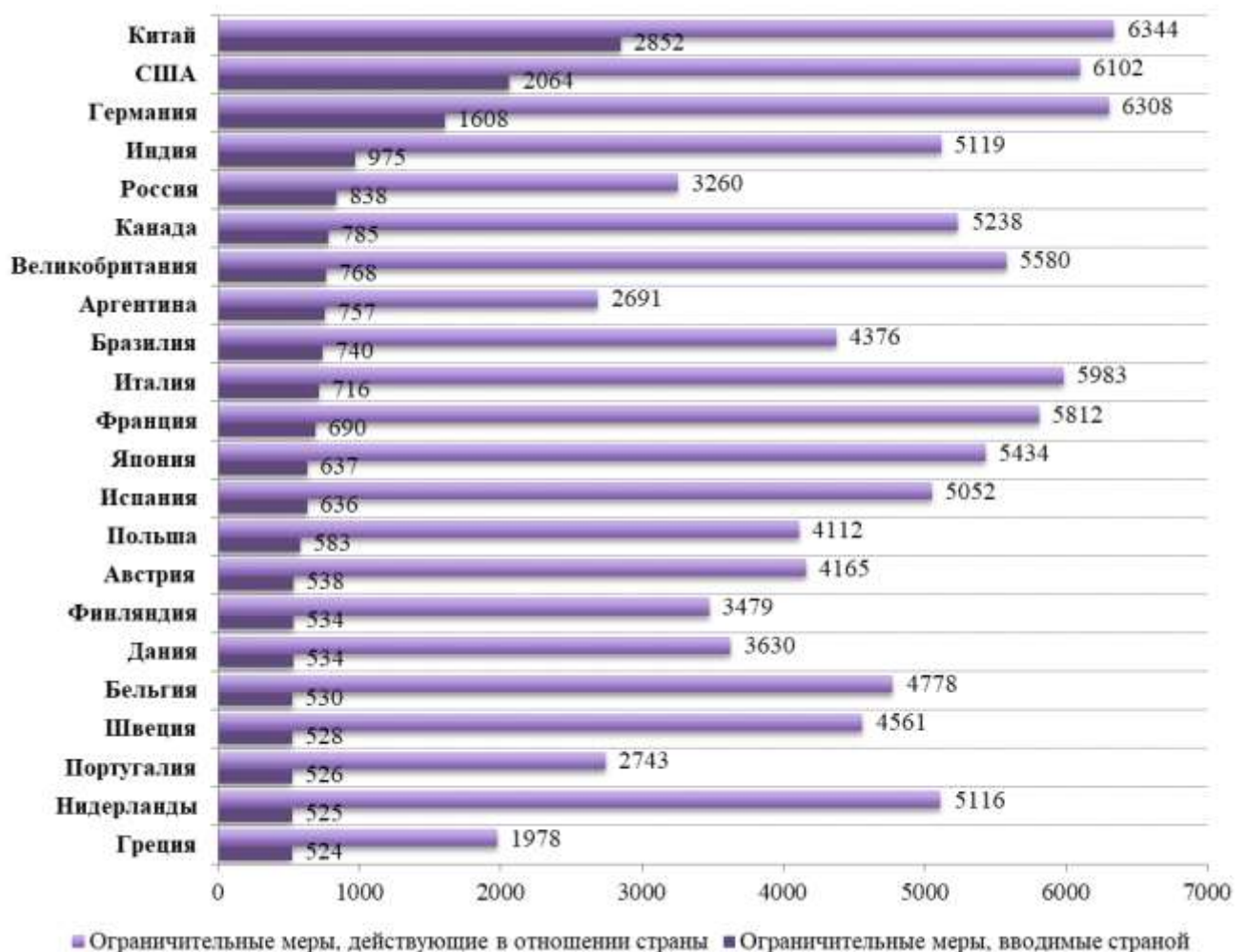

Рисунок 1.7 – Количество ограничительных мер, вводимых отдельными странами и действующих в их отношении²

¹ Там же.

² Составлено автором по данным ГТА. – URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics/area_goods/year-from_2017/day-to_1226.

Любопытна статистика ГТА по странам, которые в наибольшей степени страдают от ограничительных мер других государств, и о секторах экономики, где в наибольшей степени используются протекционистские меры. Больше всего от таких мер страдают Китай (6344), Германия (6308), США (6102), Италия (5983), Франция (5812), Великобритания (5580), Япония (5434), Канада (5238), Индия (5119), Нидерланды (5116).

Наиболее часто ограничения вводятся на изделия из чугуна и стали (221 мера за период с 2017 по 2019 гг.), автомобили, прицепы, полуприцепы и их запчасти (139 мер), прочие готовые металлические изделия (135 мер), зерновые культуры (128 мер), основные органические химические вещества (106 мер).

Среди мер, ограничивающих торговлю товарами, почти $\frac{1}{4}$ приходится на субсидии (кроме экспортных субсидий), более 18% – на условные торгово-защитные меры, более 14% – на меры стимулирования экспорта, и около 14% – на тарифные меры (Рисунок 1.8).

Рисунок 1.8 – Структура мер, ограничивающих торговлю товарами в период с 2017 г. по конец 2019 г., %¹.

¹ Составлено автором по данным ГТА. – URL: https://www.globaltradealert.org/global_dynamics/area_goods/year-from_2017/day-to_1226.

В результате к ноябрю 2019 г. 2,1% мировой торговли были затронуты повышением тарифов, а за последние три года все случаи повышения тарифов охватывают 5,8% мировой торговли. К ноябрю 2019 г. меры стимулирования экспорта затронули 28% мировой торговли. К концу 2019 г. ¼ мировой торговли оказалась под влиянием экспортных субсидий и других мер, связанных со стимулированием экспорта, которые оказали в 10 раз большее негативное влияние на мировую торговлю, чем шаги США по сокращению импорта из Китая, и ответные меры Пекина. С начала 2017 г. протекционизм достиг такой степени, что 2/5 мировой торговли товарами были затронуты ограничительными мерами, которые наносят ущерб зарубежным экспортерам. В период «эры популизма» нетарифные ограничения затронули 1/8 часть торговли товарами.

Не меньшее влияние на международную торговлю оказывает косвенное влияние протекционизма. Так, по оценке Банка Англии, косвенное влияние торгового протекционизма последних трех лет на деловое доверие и инвестиции больше, чем прямое влияние протекционистских мер на торговые потоки, цены на импорт и цепочки поставок¹. Аналитические обзоры доверия инвесторов показывают снижение показателей доверия с 2018 г. до исторического минимума. Американо-китайский торговый конфликт уже отразился на инвестиционных настроениях китайского бизнеса, и в первом полугодии 2018 г. экспорт китайского капитала в США составил всего 2,5 млрд долл. против 22 млрд долл. в ЕС². По мнению аналитиков Международного валютного фонда, повышение тарифов и длительная неопределенность в отношении торговой политики привели к снижению инвестиций и падению спроса на средства производ-

¹ Bank of England 2019. Monetary Policy Report. November 2019. – URL: <https://www.bankofengland.co.uk/monetary-policy-report/2019/november-2019> (дата обращения: 08.12.2019).

² Виноградов А. О., Салицкий А. И., Семенова Н. К. Американо-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // Вестник РУДН. Серия: международные отношения. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 35–46.

ства, что стало одним из ключевых факторов замедления производства и мировой торговли¹.

Дело в том, что увеличение тарифов в одной стране (США) провоцирует принятие ответных мер в других странах, и все это вместе вызывает цепную реакцию в тех странах, которые вовлечены в глобальные производственные цепочки, в производстве которых используются товары, в отношении которых приняты протекционистские меры. Наиболее очевидные последствия радикального протекционизма США в торговой политике будут явно ощущаться торговыми партнерами, на которых нацелена эта политика. Но оценки только прямых эффектов недостаточно для оценки масштаба воздействия мер протекционизма на мировую торговлю. Любое воздействие на одного из участников цепочки добавленной стоимости будет иметь косвенный эффект для других ее участников. Величина эффекта при этом будет пропорциональна роли, которую играет звено цепочки в создании стоимости конечного продукта. Исследование негативного влияния таможенных пошлин США на экспорт добавленной стоимости в 12 бизнес-сегментах из 63 стран в период с 1995 по 2011 годы показывает, что повышение тарифов США на один процент в отношении любой страны приводит к снижению на 0,46% экспорта добавленной стоимости (0,6% для экспорта добавленной стоимости промышленности) из страны-партнера в страну, в отношении которой введены таможенные пошлины, при прочих равных условиях². Это косвенное влияние особенно велико для таких сегментов, как транспорт (включая автомобильный сектор), машины и оборудование, а также электроника и, напротив, менее значителен для агропродовольственного сектора и текстильной промышленности. Например, Германия, Япония и сами США

¹ IMF 2019. Global Manufacturing Downturn, Rising Trade Barriers. World Economic Outlook, October 2019. – URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2019/10/01/world-economic-outlook-october-2019> (дата обращения: 08.12.2019).

² London M., Marcilly J. US Trade Protectionism: what are the knock-on effects on global value chains? // COFACE Economic Publications. – URL: <https://www.coface.com/News-Publications/News/US-protectionism-Significant-knock-on-effect-on-trade-partners-of-targeted-countries> (дата обращения: 08.12.2019).

являются тремя странами, наиболее пострадавшими от косвенного воздействия тарифных барьеров США на экспорт китайских автомобилей¹.

Оценки выигрышей и потерь от протекционизма Д. Трампа для экономики США показывают противоречивые результаты. В частности, введение дополнительных пошлин на импорт (к примеру, стали) может оказать стимулирующее воздействие на одну отрасль (черную металлургию) и привести к потерям в других отраслях (машиностроение, химическая промышленность)².

И хотя, как отмечает В. Загашвили, намерения и действия Д. Трампа, на первый взгляд, совпадают с тенденцией развитых стран к реиндустриализации и переносу производственных мощностей промышленных предприятий обратно в эти страны, «между реиндустриализацией, опирающейся на объективные закономерности, и реиндустриализацией, реализуемой на основе протекционистской политики, есть большая разница. В первом случае происходит конкурентный отбор, выявляющий наиболее перспективные решения. Во втором имеет место искусственное ограждение от конкуренции, приводящее, как хорошо известно, к консервации, неэффективности и продлению функционирования нежизнеспособных предприятий» [Загашвили, 2017, с. 33]³.

Что касается выигрыша ограждаемых от конкуренции и защищаемых мерами протекционизма отраслей, то он, по мнению В. Загашвили, продлится ровно столько, сколько будет действовать эта защита.

Торговые войны США и Европы имеют длинную историю. Нет ничего нового в том, что США используют свое доминирующее положение в мировой экономике для продвижения своих интересов. Американский рынок жизненно важен для компаний Европы и Азии как с точки зрения своих размеров, так и с позиции американской потребительской философии. Но эта жизненная значимость американского рынка для европейских и азиатских компаний приводит к

¹ Виноградов А. О., Салицкий А. И., Семенова Н. К. Американо-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // Вестник РУДН. Серия: международные отношения. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 35–46.

² Там же.

³ Загашвили В. С. ВТО и мегарегиональные торговые соглашения // Российский внешне-экономический вестник. – 2017. – № 5. – С. 27–37.

их зависимости от политики США. Более четырех пятых мировой торговли осуществляется с использованием американской валюты, и те, кто ее использует, должны соблюдать американские правила. Предшественники Трампа неоднократно напоминали остальному миру об этом обязательстве в прошлом.

В последние годы взаимные обвинения касаются поочередно то дотаций европейской компании Airbus, то американской Boeing, то говядины и бананов, то солнечных батарей и автомобилей, и каждый раз стороны применяют меры протекционистской политики¹.

Как пишет немецкая Spiegel, Вашингтон придерживается своей доктрины «America First» не только на макроуровне, в виде тарифов, налогов и штрафов, но также и на уровне отдельных компаний. Volkswagen, Daimler, Deutsche Bank, Bayer и многие другие немецкие компании, как мелкие, так и крупные, начинают понимать, насколько умелыми могут быть действия администрации Д. Трампа, когда дело доходит до оказания давления на иностранные фирмы. Своими атаками на европейские компании, игре на несовпадающих интересах Германии и Франции, вбивании клина между Восточной и Западной Европой, Д. Трамп заметно преуспел в разделении Европы².

Для защиты своих экономических интересов США используют любой доступный инструмент: правила банковского надзора, законы о картелях, Комитет по иностранным инвестициям в США (CFIUS) и др. CFIUS проверяет все транзакции, которые могут привести к тому, что иностранная компания получит контроль над организацией в США. В результате из опасений, что CFIUS наложит запрет на сделку с китайскими инвесторами, даже если рассматриваемая немецкая компания генерирует лишь небольшую часть своих доходов в США, владельцы немецких компаний вынуждены продавать свою компанию по цене, которая значительно ниже той, которую предлагает заинтересованная ки-

¹ Савинов Ю. А., Зеленюк А. Н., Тарановская Е. В., Орлова Г. А., Скурова А. В. Усиление протекционизма во внешней торговле США // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 1. – С. 36–51.

² Bartz T., Dohmen F., Hesse M., Reiermann C., Traufetter G. U.S. President Makes Life Tough for German Companies. – URL: <https://www.spiegel.de/international/world/donald-trump-making-life-tough-for-german-companies-a-1212271.html> (дата обращения: 05.11.2019).

тайская сторона. Необходимо отметить, что США ведут торговую войну буквально со всеми своими партнерами и зарубежными конкурентами. Используя хорошо разработанные юридические механизмы, США могут привлечь к ответственности практически любую зарубежную компанию или банк, что получило название «законодательного террора»¹.

Обострение геополитической ситуации в мире привело к повышению роли других барьеров в международных экономических отношениях, которые негативно отражаются на развитии экономических связей. Это, прежде всего, экономические санкции, часто имеющие взаимный характер. В отличие от протекционистских мер, ограничивающих торговлю, экономические санкционные войны связаны с серьезным ущербом для экономик участвующих стран. Они затрагивают несколько сфер экономического взаимодействия и распространяются на широкий круг экономических факторов. Экономические санкционные войны дестабилизируют мировую экономику, а также ведут к обострению политических отношений и усилению напряженности в мире².

По оценке исполнительного директора Института анализа глобальной безопасности США Г. Лафта, США ведут сейчас экономические санкционные войны, как минимум, с 19 странами мира, в число которых, кроме России, входят Иран, Северная Корея, Венесуэла, Куба, другие страны, на которые США наложили в последние годы санкции, а также Китай, Пакистан и Турция, не находящиеся, в полном смысле, под действием санкций, но являющиеся мишенями для других карательных экономических мер³.

Экономические санкции, которые являются достаточно распространенным инструментом воздействия на политические и экономические решения

¹ Виноградов А. О., Салицкий А. И., Семенова Н. К. Американо-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // Вестник РУДН. Серия: международные отношения. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 35-46.

² Хейфец Б. А. Метаморфоза экономической глобализации. – М.: Институт экономики РАН, 2018. – 41 с.

³ Luft G. The anti-dollar awakening could be ruder and sooner than most economists predict. 27 August. – URL: www.cnbc.com/2018/08/27/the-anti-dollar-awakening-could-be-ruder-and-sooner-than-most-economists-predict.html (дата обращения: 05.11.2019).

стран, получили широкое распространение в конце XX в. – начале XXI в.¹ Примеры применения санкций в отношении отдельных стран включают эмбарго ООН в отношении Ирака в 1990 г., в отношении Северной Кореи с 2006 г., эмбарго США в отношении Кубы в 1960 г. и Ирана в 1979 г. Общей чертой этих более ранних эпизодов введения санкций является использование торгового эмбарго с целью ограничения доступа страны к мировым рынкам. Однако в последние два десятилетия политика санкций сместилась в сторону более целенаправленного подхода, нацеленного на конкретных лиц, компании и операции².

В экономической литературе основное внимание, как правило, уделяется эффективности санкций для цели изменения поведения государства, в отношении которого они вводятся, в направлении соответствия интересам государства, вводящего санкции [Бапат, Морган, 2009³; Окслин, 2014⁴]. В большинстве исследований делается вывод о неэффективности санкций в достижении цели изменения нежелательной политики. Однако независимо от того, являются ли санкции эффективными или нет, они все равно оказывают негативное влияние на отношения между страной-инициатором санкций и его целью, что приводит к сокращению торговых потоков, ПИИ, трудовой миграции [Карузо, 2003⁵; Хуфбауэр и др., 2007⁶].

В более поздних исследованиях последствий санкций отмечается, что санкции могут замедлять экономический рост [Нойенкирх и др., 2015]⁷, вызы-

¹ Архипова В. В., Комолов О. О. Развитие международных санкционных режимов: исторический аспект // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016, №3. – С. 53–69.

² Ahn D. P., Ludema R. D. The sword and the shield: the economics of targeted sanctions, CE-Sifo Working Paper. – 2019. – No. 7620.

³ Bapat N. A., Morgan C. T. Multilateral versus unilateral sanctions reconsidered: a test using new data // Int. Stud. Q. – 2009. – N 53 (4). – P. 1075–1094.

⁴ Oechslin M. Targeting autocrats: economic sanctions and regime change // Eur. J. Polit. Econ. – 2014. – N 36. – P. 24–40.

⁵ Caruso R. The impact of international economic sanctions on trade: an empirical analysis // Peace Econ. Peace Sci. Publ. Pol. – 2009. – N 9 (2).

⁶ Hufbauer G. C., Schott J. J., Elliott K. A., Oegg B. Economic Sanctions Reconsidered. – Third ed. – Washington, DC: Peterson Institute for International Economics, 2007.

⁷ Neuenkirch M., Neumeier F. The impact of UN and US economic sanctions on GDP growth // Eur. J. Polit. Econ. – 2015. – N 40. – P. 110–125.

вать валютные шоки [Пексен и др., 2015]¹, увеличивать неравенство в доходах [Нойенкирх и др., 2016]² и, в целом, наиболее чувствительны для более бедных слоев населения [Афесоргбор и др., 2016]³, что привело к распространению политики «умных», или «целевых», санкций, направленных на то, чтобы сконцентрировать наносимый ими ущерб против принимающих решения элит, а не против более широких слоев населения [Дрезнер, 2011]⁴. Эмпирические исследования использования инструментов политики «умных», или «целевых», санкций в виде замораживания активов и запретов на поездки в отношении отдельных лиц, показывают, что они не имеют заметного эффекта, что дает основание сторонникам жестких санкций называть их «символическими жестами»⁵. В то же время, как отмечает немецкая Spiegel, санкции США в отношении российских олигархов оказались особенно болезненны для некоторых европейских компаний⁶.

В некоторых исследованиях отмечается, что угроза введения экономических санкций может иметь более серьезные последствия, чем их фактическое введение [Морган и др., 2014]⁷. В статье Т. Моргана и соавт. на основе эмпирического анализа показано, что воздействие угрозы санкций качественно и количественно отличается от фактического введения санкций. Авторы приходят к выводу, что угроза санкций оказывает существенное положительное влияние на двусторонние торговые потоки между страной-инициатором санкций и стра-

¹ Peksen D., Son B. Economic coercion and currency crises in target countries // J. Peace Res. – 2015. – N 52 (4). – P. 448–462.

² Neuenkirch M., Neumeier F. The impact of US sanctions on poverty // J. Dev. Econ. – 2016. – N 121. – P. 110–119.

³ Afesorgbor S. K., Mahadevan R. The impact of economic sanctions on income inequality of target states // World Dev. – 2016. – N 83. – P. 1–11.

⁴ Drezner D. Sanctions Sometimes Smart: Targeted Sanctions in Theory and Practice // International Studies Review. – 2011. – Vol. 13. – P. 96–108.

⁵ Bapat N. A., Heinrich T., Kobayashi Y. T., Morgan T.C. Determinants of Sanctions Effectiveness: Sensitivity Analysis Using New Data // International Interactions. – 2012. – N 39 (1). – P. 79–98.

⁶ Bartz T., Dohmen F., Hesse M., Reiermann C., Traufetter G. U.S. President Makes Life Tough for German Companies. – URL: <https://www.spiegel.de/international/world/donald-trump-making-life-tough-for-german-companies-a-1212271.html>.

⁷ Morgan T. C., Bapat, Kobayashi N. Y. The Threat and imposition of economic sanctions 1945–2005: updating the TIES dataset Conflict Manag // Peace Sci. – 2014. – P. 1– 18.

ной-получателем санкций, фактическое же ведение санкций оказывает существенное отрицательное влияние на торговые потоки. Данное утверждение согласуется с мнением Ван Бергейка (2009)¹ о том, что наличие времени дает возможность стране-получателю санкций реагировать на угрозу их введения путем применения мер, которые могут минимизировать экономические издержки будущих санкций. Однако, чтобы экономические агенты начали корректировать свои действия или принимать компенсационные меры, угроза должна быть достаточно серьезной².

Многочисленные попытки оценки ущерба от экономических санкций в отношении России (к примеру, [Морет и др., 2016³; Ан и Людема, 2019⁴]) показывают, что негативные последствия для США и ЕС сравнительно невелики, в то время как негативные последствия санкций для России значительны. Так, по оценкам экспертов ООН, от введения санкций против России экономика ЕС ежемесячно теряет 3,2 млрд долл. в то время, как аналогичный ущерб для экономики РФ за этот период оценивается в 55 млрд долл.⁵ Для России более «болезненны» санкционные меры ЕС, чем США, и наоборот, российские контрсанкции нанесут больший вред ЕС, чем США, которые активно к ним призывают⁶.

На практике попытки оценки влияния санкций на экономику страны затруднены из-за возможного одновременного влияния макроэкономических шоков, как это наблюдается в случае с Россией. Поэтому в большинстве исследований делается вывод о том, что цены на нефть были гораздо более значимым

¹ Van Bergeijk P. A. Success and failure of economic sanctions // *Kyklos*. – 1989. – N 42 (3). – P. 385–404.

² Afesorgbor S. K. The impact of economic sanctions on international trade: How do threatened sanctions compare with imposed sanctions? // *European Journal of Political Economy*. – 2019. – Vol. 56 (C). – P. 11–26.

³ Moret E., Biersteker T., Giumelli F. *The New Deterrent: International Sanctions against Russia over the Ukraine Crisis*. – Institute of International and Development Studies in Geneva, 2016.

⁴ Ahn D. P., Ludema R. D. *Measuring Smartness: Understanding the Economic Impact of Targeted Sanctions* / Chapter in *Disrupted Economic Relationships Disasters, Sanctions, Dissolutions*, Edited by Tibor Besedeš and Volker Nitsch. – MIT Press, 2019.

⁵ Башкатова А. ЕС страдает из-за антироссийских санкций больше, чем РФ // *Независимая газета*. – 2017. – 14 сент.

⁶ Dong Y., Li C. Economic sanction games among the US, the EU and Russia: Payoffs and potential effects // *Economic Modelling*. – 2018. – Vol. 73 (C). – P. 117–128.

фактором для объяснения экономического кризиса в России после 2014 г. с относительно небольшим эффектом, приписываемым санкциям.

В исследовании С. Дрегера и соавт. (2015)¹ с использованием модели VAR, учитывающей цены на нефть, обменный курс рубля и индекс новостей о санкциях, утверждается, что основной движущей силой обесценения рубля стало падение цен на нефть, а новости о санкциях могли оказать некоторое влияние на колебания курса рубля. К аналогичным выводам, на основе использования модели с другим набором переменных (ВВП, реальный обменный курс, инфляция, бюджетные расходы и расходы на потребление, внешняя торговля), пришли Ю. Тузова и соавт.²

Реакцией на рост протекционизма и угрозу экономических войн в ряде крупных стран стало усиление политики сокращения импорта, большая ориентация на внутренний спрос, в том числе, с целью модернизации экономики. Наиболее ярко это проявилось в программах «Сделано в Китае» (Made in China), «Сделать в Индии» (Make in India)³, в политике сокращения импортозависимости в России и в ряде других.

В настоящее время особую роль в реализации политики импортозамещения начинает играть четвертая промышленная революция.

Следует отметить, что каждая промышленная революция имеет свои ключевые факторы, стимулирующие инновации и экономический рост, к которым относятся ресурсы или факторы производства, а также способы организации и структурирования этих факторов производства.

Катализатором двух первых промышленных революций стали фундаментальные разработки, позволившие объединить физический капитал с природными ресурсами, что привело к беспрецедентному росту производительности и повышению эффективности производства как на уровне отдельных фирм и от-

¹ Dreger C. J., Kholodilin F. K., Ulbricht D. The Ruble between the Hammer and the Anvil: Oil Prices and Economic Sanctions. – DIW Berlin Discussion Paper. – 2015. – No. 1488.

² Tuzova Y., Qayum F. Global oil glut and sanctions: The impact on Putin's Russia // Energy Policy. – 2016. – Vol. 90. – P. 140–151.

³ Хейфец Б. А. Новые экономические мегапартнерства и Россия. – СПб.: Алетейя, 2019. – 288 с.

раслей, так и в масштабах целых экономик, что подтверждено значительным количеством теоретических и эмпирических исследований (см., к примеру, [Чэндлер, 1990¹; Шерер, 1970²; Солоу, 1956³, 1957⁴; Нельсон, 1981⁵] и др.).

Первая промышленная революция (1750–1830 гг.), которая была вызвана изобретением парового двигателя и развитием железных дорог, позволила механизировать производство и создать так называемый «фабричный капитализм»⁶.

Вторая промышленная революция (1870–1900 гг.) сделала возможным массовое производство с изобретением и использованием электричества, двигателя внутреннего сгорания, водопровода, коммуникаций.

Третья промышленная революция (с 1960-х гг.), с помощью электроники и информационных технологий, основанных на последовательном внедрении ряда изобретений (транзистора, 1947 г.; интегральной схемы, 1957 г.; полупроводников, 1960-е гг.; микропроцессора, 1971 г.; персональных компьютеров, 1970-е и 1980-е гг.; Интернета, 1990-е гг.; смартфонов, 2000-е гг.) способствовала автоматизации производства. В третьей промышленной революции ключевой фактор сместился с физического капитала на знания и человеческий капитал [Аджемоглу, 2003⁷; Отор, Леви, Марнейн, 2003⁸; Отор, Кац, Крюгер, 1998⁹; Бреснахэн, 1999¹; Бреснахэн и др., 2002²; Леви, Марнейн, 2004³]. Кроме

¹ Chandler A. *Scale and Scope: The Dynamics of Industrial Capitalism*. – Cambridge: Harvard University Press, 1970.

² Scherer F. M. *Industrial Market Structure and Economic Performance*. – Chicago: Rand McNally, 1970.

³ Solow R. A Contribution to the Theory of Economic Growth // *Quarterly Journal of Economics*. – 1956. – N 39. – P. 312–320.

⁴ Solow R. Technical Change and the Aggregate Production Function // *Review of Economics and Statistics*. – 1957. – N 39. – P. 312–320.

⁵ Nelson R. R. Research on Productivity Growth and Differences: Dead Ends and New Departures // *Journal of Economic Literature*. – 1981. – N 19. – P. 1029–1064.

⁶ Булдыгин С. С. Концепция промышленной революции: от появления до наших дней // *Вестник Томского государственного университета*. – 2017. – № 420. – С. 91–95.

⁷ Acemoglu D. Labor- and Capital-Augmenting Technical Change // *Journal of the European Economic Association*. – 2003. – N 1 (1). – P. 1–37.

⁸ Autor D., Levy F., Murnane R. J. The Skill Content of Recent Technological Change: An Empirical Exploration // *Quarterly Journal of Economics*. – 2003. – N 118 (4). – P. 1279–1333.

⁹ Autor D., Katz L. F., Kruger A. B. Computing Inequality: Have Computers Changed the Labor Market? // *Quarterly Journal of Economics*. – 1998. – N 113 (4). – P. 1169–1213.

того, глобализация, которая является характерной чертой третьей промышленной революции, сместила сравнительные преимущества, которыми ранее обладали наиболее успешные отрасли многих развитых стран, обеспечивающие им конкурентоспособность и высокие экономические показатели, в направлении менее развитых стран с более низкими затратами на трудовые ресурсы [Блиндер, 2009⁴; Стиглиц, 2018⁵; Блиндер, Крюгер, 2013⁶]. Технологии третьей промышленной революции способствовали фрагментации производства в глобальном масштабе, и экономическое развитие как развитых, так и развивающихся стран в значительной степени стало зависеть не только от развития экспорта, но и от способности стран импортировать компоненты товаров высокого качества для повышения темпа роста ВВП⁷.

В настоящее время четвертая промышленная революция, через развитие и слияние цифровых, физических и биологических технологий, становится драйвером для взлета производительных сил⁸. Четвертая промышленная революция, или Индустрия 4.0, характеризуется вездесущим и мобильным интернетом, меньшими по размеру, но более мощными и более дешевыми сенсорами, искусственным интеллектом и машинным обучением⁹ [Шваб, 2016, с. 7]; она предполагает комплексное преобразование всей сферы промышленного производства, предоставляет возможность повысить производительность труда, сти-

¹ Bresnahan T. F. Computerisation and Wage Dispersion: An Analytical Reinterpretation // *Economic Journal*. – 1999. – N 109 (456). – P. 390–415.

² Bresnahan R.F., Brynjolfsson E., Hitt L.M. Information Technology, Workplace Organization and the Demand for Skilled Labor: Firm-Level Evidence // *Quarterly Journal of Economics*. – 2002. – N 117 (1). – P. 339–376.

³ Levy F., Murnane R.J. *The New Division of Labor: How Computers Are Creating the Next Job Market*. Princeton. – New Jersey: Princeton University Press, 2004.

⁴ Blinder A. S. How Many US Jobs Might be Offshorable? // *World Economics*. – 2009. – N 10 (2).

⁵ Stiglitz J. E. *Globalization and Its Discontents Revisited: Anti-Globalization in the Era of Trump*. – New York: W.W. Norton, 2017.

⁶ Blinder A. S., Krueger A. B. Alternative Measures of Offshorability: A Survey Approach // *Journal of Labor Economics*. – 2013. – N 31 (2). – P. 97–128.

⁷ Доклад о мировых инвестициях за 2013 год. Глобальные производственные системы: инвестиции и торговля в интересах развития / Организация объединенных наций. ЮНКТАД. – Нью-Йорк; Женева, 2013. – С. XI.

⁸ Хейфец Б. А. Новые экономические мегапартнерства и Россия. – СПб.: Алетейя, 2019. – 288 с.

⁹ Schwab K. *The Fourth Industrial Revolution*. – New York: Crown Publishing, 2016.

мулировать экономический рост и повысить конкурентоспособность отдельных компаний, регионов и стран¹.

Основными передовыми технологиями, являющимися движущими силами четвертой промышленной революции², являются:

– большие данные, в сочетании с аналитикой, характеризующиеся большим объемом и высокой скоростью генерирования, обработки и анализа, позволяют генерировать мощные функции распознавания образов и автоматизировать функции;

– автоматизированные роботы, которые становятся менее дорогостоящими, менее сложными в программировании, более компактными, более интеллектуальными, автономными, более гибкими;

– моделирование производственных процессов для тестирования и оптимизации процессов и продуктов;

– горизонтальная и вертикальная системная интеграция, которая обеспечивает более сплоченную, сквозную и межфирменную автоматизированную цепочку создания стоимости от поставщиков к клиентам через сети интеграции данных;

– искусственный интеллект (ИИ), позволяющий машинам выполнять человеческие когнитивные функции, такие, как обучение, понимание, рассуждение или взаимодействие;

– 3D-печать, или аддитивное производство, позволяющее выполнять индивидуальную печать сложных объектов из различных материалов (пластмасс, стекла, металлов и пр.);

– нанотехнологии, благодаря которым, материалам придаются новые свойства (повышенная прочность, легкость и пр.);

¹ Frey C. B., Osborne M. A. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerization? // Technological Forecasting & Social Change. – 2017. – N 114. – P. 254–280.

² The Next Production Revolution: Implications for Governments and Business // OECD Publishing. – Paris. – DOI 10.1787/9789264271036-en (дата обращения: 08.08.2019).

– промышленный Интернет вещей (IoT), предполагающий подключение устройств и объектов к сети Интернет с использованием датчиков, в сочетании с анализом больших данных и облачными вычислениями;

– обеспечение кибербезопасности, значение которой кратно возрастает из-за роста киберугроз;

– облачные вычисления, обеспечивающие доступ к вычислительным ресурсам с минимальными усилиями по управлению;

– технологии дополненной реальности, предоставляющие информацию в режиме реального времени для совершенствования процесса принятия решений и оптимизации производственных процессов.

Основными характеристиками четвертой промышленной революции являются:

– функциональная совместимость, заключающаяся в том, что киберфизические системы позволяют работникам и интеллектуальным фабрикам соединяться и взаимодействовать друг с другом;

– виртуализация, предполагающая создание виртуальной копии умной фабрики, виртуальных установок и имитационных моделей;

– децентрализация, обеспечиваемая способностью киберфизических систем самостоятельно принимать решения и осуществлять локальное производство благодаря таким технологиям, как 3D-печать;

– получение и обработка информации в реальном времени;

– модульность, обеспечивающая гибкую адаптацию интеллектуальных фабрик к изменяющимся требованиям путем замены или расширения отдельных модулей¹.

Появившиеся в последние годы некоторые свидетельства возврата производственных мощностей в национальные границы вызваны не только ростом затрат на офшоринг, проблемами соблюдения прав интеллектуальной собственности в стране офшоринга, а также изменением восприятия стабильности

¹ Industry 4.0. // European Parliament. 2016. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/570007/IPOL_STU\(2016\)570007_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/570007/IPOL_STU(2016)570007_EN.pdf) (дата обращения: 08.08.2019).

и надежности глобальных цепочек добавленной стоимости (ГЦДС), но и цифровизацией экономики. Дело в том, что масштабная и повсеместная роботизация нивелирует преимущества переноса производственных мощностей в страны с низкой стоимостью трудовых ресурсов. С этим уже отчасти связан возврат части зарубежных производственных мощностей («решоринг» – reshoring) компаний из дальних стран либо в материнскую юрисдикцию («бэкшоринг» – backshoring), либо на территории близлежащих государств («ниаршоринг» – nearshoring)¹. Доминирующей стратегией возврата производственных мощностей среди компаний ЕС является бэкшоринг (92,4% случаев за период с 2014 г. по 2018 г.), в то время как стратегия ниаршоринга была использована только в 5,1% случаев².

Теме решоринга в последние годы уделяют все больше внимания исследователи в разных странах. Стратегия решоринга, отражающая изменение характера глобального функционирования мировой обрабатывающей промышленности, исследована в работе В. Кондратьева [Кондратьев, 2017]³, где он отмечает, что и развитые, и развивающиеся, страны все больше стали концентрировать производства в региональных и локальных хабах, перемещая их из стран с низкими издержками. Первоначально решоринг считали исправлением ранее совершенной управленческой ошибки по переносу производственных мощностей в третьи страны без учета всех затрат и рисков⁴. Более поздние исследования показали, что решения о возврате производственных мощностей часто принимаются в ответ на изменения внешней среды (развитие новых технологий, усиление протекционизма, рост стоимости трудовых ресурсов в Китае и др.). В настоящее время существует большое разнообразие мотивов решоринга

¹ Fratocchi L., Di Mauro C., Barbieri P., Nassimbeni G., Zanoni A. When manufacturing moves back: Concepts and questions // *Journal of Purchasing and Supply Management*. – 2014. – Vol. 20. – P. 54–59.

² Eurofound. Reshoring in Europe: Overview 2015–2018, Publications Office of the European Union. – Luxembourg, 2019.

³ Кондратьев В. Решоринг как форма реиндустриализации // *Мировая экономика и международные отношения*. – 2017. – Т. 61, № 9. – С. 54–65.

⁴ Kinkel S., Maloca S. Drivers and antecedents of manufacturing offshoring and backshoring: A German perspective // *Journal of Purchasing and Supply Management*. – 2009. – Vol. 15, N 3. – P. 154–165.

(см, в частности, [Стентоф и др., 2016¹; Фраточчи и др., 2016²; Шрей, Ан, 2016³]). Особое внимание в исследованиях решоринга отводится роли технологий четвертой промышленной революции [Анкарани, Мауро, 2018⁴; Хейфец, 2018⁵; Хейфец, 2019⁶].

Заметный вклад в развитие теоретических основ решоринга внесен Де Бакером и соавт.⁷, в научно-исследовательской работе которых сделан упор на государственную политику разных стран, осуществляемую для поддержки решоринга. В статье отмечено, что страны используют широкий спектр инструментов, от простого предоставления информации до финансовой помощи и, в некоторых случаях, меры государственной поддержки решоринговых компаний, создают им конкурентные преимущества на национальном рынке, при этом ставя в менее выгодное положение другие национальные компании, что не способствует росту эффективности отрасли.

Правительства развитых стран разрабатывают меры содействия решорингу с целью роста национального промышленного производства и увеличения занятости. Например, Европейский парламент принял резолюцию о реиндустриализации Европы для содействия повышению конкурентоспособности и росту устойчивости, в которой отмечено положительное влияние инициатив по решорингу для поддержки традиционных промышленных регионов ЕС. В программных документах «A Stronger European Industry for Growth and Economic

¹ Stentof J., Olhager J., Heikkilä J. Thoms L. Manufacturing backshoring: A systematic literature review // *Operations Management Research*. – 2016. – Vol. 9, N 3–4. – P. 53–61.

² Fratocchi L., Ancarani A., Barbieri P., Di Mauro C. et al. Motivations of manufacturing reshoring: An interpretative framework // *International Journal of Physical Distribution & Logistics Management*. – 2016. – Vol. 46, No. 2. – P. 98–127.

³ Srai J. S., Ané, C. Institutional and strategic operations perspectives on manufacturing reshoring // *International Journal of Production Research*. – 2016. – Vol. 54, No. 23. – P. 7193–7211.

⁴ Ancarani A., Di Mauro C. Reshoring and industry 4.0: How often do they go together? // *IEEE Engineering Management Review*. – 2018. – Vol. 46, No. 2. – P. 87–96.

⁵ Хейфец Б. А. *Метаморфоза экономической глобализации*. – М.: Институт экономики РАН, 2018. – 41 с.

⁶ Хейфец Б. А. *Новые экономические мегартнерства и Россия*. – СПб.: Алетейя, 2019. – 288 с.

⁷ De Backer K., Menon C., Desnoyers-James I., Moussiégt, L. Reshoring: myth or reality? // *OECD Science, Technology and Industry Policy*. – Papers. – 2016. – No. 27. – OECD Publishing, Paris.

Recovery» (октябрь 2012 г.)¹ и «For a European Industrial Renaissance» (январь 2014 г.)², провозгласивших цель ЕС обратить вспять сокращающуюся долю производства в ВВП, решоринг признан одним из средств достижения поставленной цели.

На национальных уровнях в ряде европейских стран также предприняты меры содействия стратегиям решоринга. Довольно активную поддержку стратегий решоринга осуществляет Франция, где около 60% компаний, которые предприняли инициативу по переносу своих производственных мощностей обратно во Францию, получили поддержку от центрального правительства и/или местных органов власти. В Нидерландах Министерство социального обеспечения и занятости создало специальный стимулирующий фонд (600 млн евро) для поддержки создания рабочих мест в процессе решоринга. В Италии правительственная поддержка осуществляется как на государственном, так и на региональном уровнях. Кроме того, три крупнейших экономики ЕС (Франция, Германия и Италия) объединили свои ключевые инициативы по цифровизации промышленности – немецкую «Plattform Industrie 4.0», французскую «Alliance Industrie du Futur» и итальянскую инициативу «Piano Industria 4.0», договорились о трехстороннем сотрудничестве, и разработали дорожную карту для поддержки и укрепления процессов цифровизации в своих производственных секторах, а также – для продвижения усилий всех стран ЕС в этой области³.

В США в 2018 г. был радикально снижен налог на прибыль юридических лиц (с 35% до 21%), а также налог на средства, которые возвращаются в страну от деятельности компаний за рубежом (до 15,5% – для наличных средств, а для безналичных – до 8% вместо прежних 35%). Дополнительно для компаний введены налоговые вычеты на капитальные затраты.

¹ A Stronger European Industry for Growth and Economic Recovery. Industrial Policy Communication // ЕС. – URL: <https://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2012:0582:FIN:EN:PDF> (accessed: 20.12.2019).

² For a European Industrial Renaissance // ЕС. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52014DC0014&from=EN> (дата обращения: 20.12.2019).

³ Shared Action Plan Industrie du Futur. Industria 4.0 in France – Germany – Italy // BMWI. – URL: <https://www.plattform-i40.de/PI40/Redaktion/EN/Downloads/Publikation/shared-actionplan-fr-de-it.html> (дата обращения: 20.12.2019).

Кроме того, в США действует программа импортозамещения (Import Substitution Program – ISP), программа экономического развития (Economic Development Program) и программа развития квалифицированной рабочей силы (Skilled Workforce Development Program), предназначенные для поддержки фирм в оценке и реализации решений о рещоринге с целью замены импорта местным производством, разработанные неправительственной организацией Reshoring Initiative¹.

В настоящее время наиболее распространенными мотивами рещоринга компаний стран ЕС являются факторы, связанные с реорганизацией бизнеса и стремлением снизить издержки производства за счет приближения к потребителям продукции и поставщикам ресурсов, снизить расходы на оплату труда, логистику, затраты на качество продукции (Таблица 1.3).

Таблица 1.3 – Мотивы рещоринга в страны ЕС и США²

<i>Мотивы рещоринга в ЕС</i>	<i>Число случаев</i>	<i>Мотивы рещоринга в США</i>	<i>Число случаев</i>
Глобальная реорганизация фирмы	61	Государственное стимулирование рещоринга	844
Время доставки продукта до потребителя	55	Близость к клиентам / рынкам	818
Автоматизация процесса производства	51	Доступность квалифицированной рабочей силы и ее более высокие способности к обучению	673
Низкое качество офшорного продукта	48	Имидж/бренд «Сделано в США»	615
Близость к клиентам	43	Оптимизация цепочки поставок	581
Эффект «Сделано в ...»	40	Влияние на отечественную экономику	408
Ноу-хау	30	Инфраструктура	352
Реализация стратегий, основанных на инновациях продукта/процесса	28	Время доставки продукта до потребителя	344
Гибкость производства	27	Автоматизация / новые технологии	274

¹ Reshoring Initiative USA (n.d.). Reshoring initiative // Bringing manufacturing back home, web page. – URL: <http://www.reshorennow.org> (дата обращения: 20.12.2019).

² Составлено автором по данным Eurofound. Reshoring in Europe: Overview 2015–2018. Publications Office of the European Union, Luxembourg. – URL: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2019/reshoring-in-europe-overview-2015-2018> (дата обращения: 20.12.2019); Reshoring Initiative USA (n.d.), Reshoring initiative: Bringing manufacturing back home: web page. – URL: <http://www.reshorennow.org> (дата обращения: 20.12.2019).

Продолжение таблицы 1.3

<i>Мотивы решоринга в ЕС</i>	<i>Число случаев</i>	<i>Мотивы решоринга в США</i>	<i>Число случаев</i>
Изменение общих затрат на снабжение	26	Более высокая производительность	230
Неиспользуемые производственные мощности	26	Улучшение обслуживания клиентов	208
Затраты на логистику	24	Синергия от объединения производства и НИОКР	204
Сокращение расходов на оплату труда	19	Цены на природный газ / химикаты / электроэнергию в США	172
Экономический кризис	18	Неполное использование производственной мощности в стране офшоринга	141
Улучшение обслуживания клиентов	17	Бережливое производство / другие методы улучшения бизнес-процессов	134
Государственная поддержка решоринга	15	Наличие развитой сети оптовой и розничной торговли	131
Близость к поставщикам ресурсов	13	Более низкие расходы на сырье	128
Верность родной стране	11	Гибкость производства	115
Высокие затраты на качество и его контроль в офшорной стране	10	3D печать / аддитивное производство	29

В то же время, среди мотивов решоринга присутствуют факторы влияния технологий четвертой промышленной революции – автоматизация производства, наличие ноу-хау в материнской компании, реализация стратегий по внедрению инноваций, а также наличие мер государственной поддержки.

В отличие от европейских компаний, на решения американского бизнеса возвращать свои производственные мощности ключевое влияние оказывает государственное стимулирование решоринга и «патриотичные» настроения (бренд «Сделано в США», влияние на отечественную экономику). Для европейских компаний мотив «Сделано в ...» был определяющим только у итальянских производителей одежды.

Следует отметить, что за период с 2014 г. по 2019 гг. мотивы решоринга компаний стран ЕС претерпели изменения. Так, в 2014–2017 гг. для европейских компаний определяющими мотивами переноса своих производственных мощностей в родную страну была государственная поддержка, стратегии сокращения издержек производства (затрат на оплату труда, логистику, снабже-

ние и др.), экономический кризис и инновационные стратегии. В 2018 г. фактор государственной поддержки стал играть существенно меньшую роль, а основные мотивы рещоринга европейские компании теперь связывают с низким качеством продукции в странах офшоринга и высокими затратами на его обеспечение и контроль, а также с некоторым ростом патриотичных настроений (верность родной стране) (Рисунок 1.9).

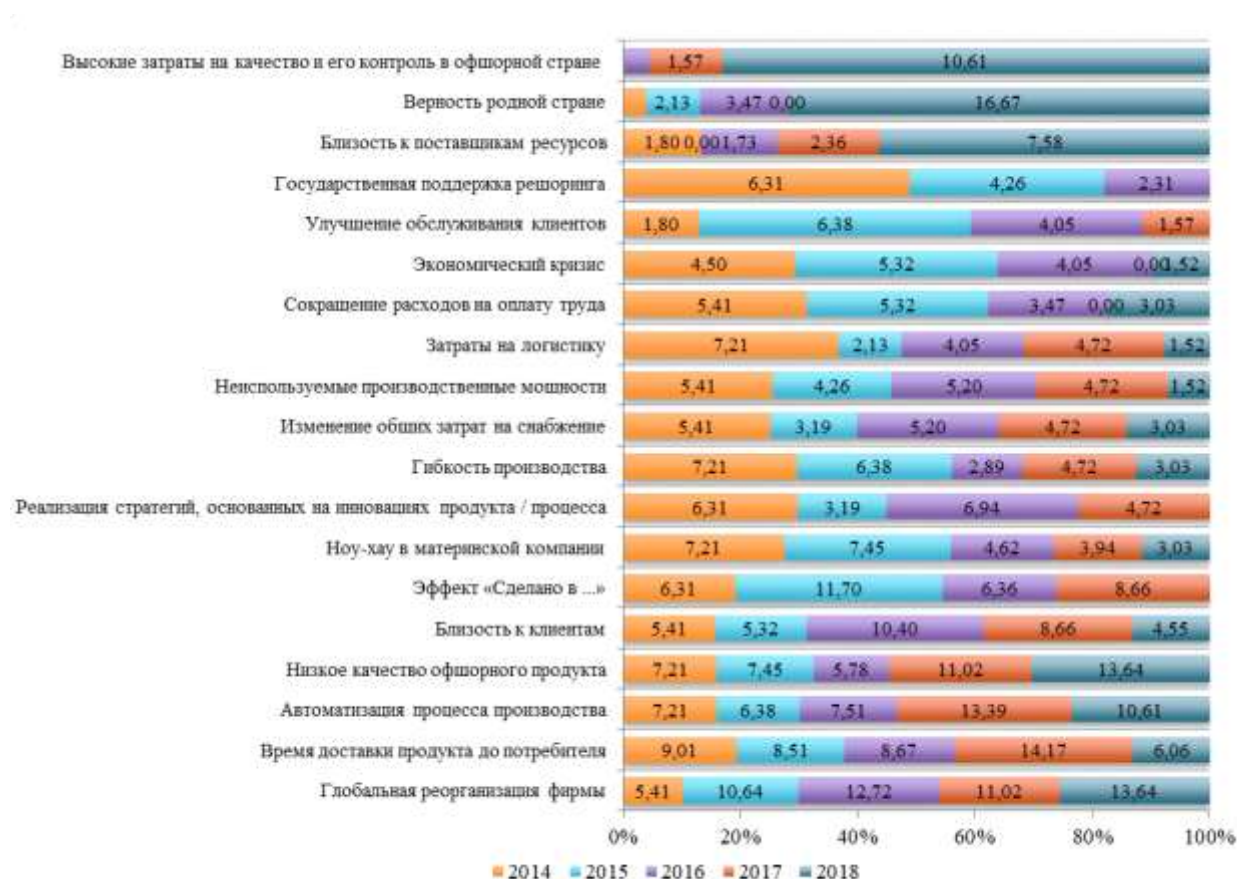

Рисунок 1.9 – Изменение мотивов рещоринга компаний стран ЕС за период с 2014 г. по 2018 г., %¹

В европейских странах решение о рещоринге наиболее часто принимают компании в низко- и среднетехнологичных отраслях (производство одежды и производство продуктов питания) (Таблица 1.4), в то время как среди американских компаний, вернувших свои производственные мощности обратно в США, значительная доля перемещенных производств относятся к высокотех-

¹ Составлено автором по данным Eurofound (2019). Reshoring in Europe: Overview 2015–2018. Publications Office of the European Union, Luxembourg. – URL: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2019/reshoring-in-europe-overview-2015-2018>.

нологичным (компьютеры, электронная продукция, электрооборудование, приборы и компоненты) и среднетехнологичным отраслям высокого уровня (транспортное оборудование).

Таблица 1.4 – Отраслевая структура решоринга в странах ЕС и США¹

ЕС	Число случаев решоринга		США	Число случаев решоринга	
	ед.	%		ед.	%
Производство одежды	29	17,3	Транспортное оборудование	772	16,6
Производство продуктов питания	24	14,3	Одежда и текстиль	560	12,0
Производство машин и оборудования н.э.	20	11,9	Производство готовых металлических изделий	419	9,0
Производство компьютерной, электронной и оптической продукции	19	11,3	Компьютеры, электронная продукция	416	8,9
Производство электрооборудования	17	10,1	Химикаты	409	8,8
Производство прочего транспортного оборудования	17	10,1	Электрооборудование, приборы и компоненты	375	8,0
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	13	7,7	Пластмассовые и резиновые изделия	351	7,5
Производство автомобилей, прицепов и полуприцепов	12	7,1	Другие отрасли	326	7,0
Другое производство	9	5,4	Машины	269	5,8
Производство мебели	8	4,8	Мебель и сопутствующие товары	169	3,6
			Еда и напитки	132	2,8
			Медицинское оборудование и расходные материалы	124	2,7
			Древесина и бумага	116	2,5
			Производство готовых металлических изделий	113	2,4
			Нерудные минеральные продукты	90	1,9
			Энергетика, бензин и угольная продукция	19	0,4

В целом, стратегия решоринга наиболее привлекательна для компаний тех отраслей, где новое производство в развитой стране имеет значительные конкурентные преимущества. Сюда относятся:

¹ Составлено автором по данным Eurofound. Reshoring in Europe: Overview 2015–2018. Publications Office of the European Union, Luxembourg. – URL: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2019/reshoring-in-europe-overview-2015-2018> (дата обращения: 20.12.2019); Reshoring Initiative USA (n.d.), Reshoring initiative // Bringing manufacturing back home, web page. – URL: <http://www.reshorennow.org> (дата обращения: 20.12.2019).

– производство товаров, затраты на морскую транспортировку которых высоки;

– производство товаров с коротким производственным циклом, требующее сверхточную логистику just-in-time;

– производства, подверженные частым изменениям дизайна;

– производства, требующие высокого уровня качества;

– производство товаров, использующих патенты и авторские права, соблюдение и защита которых имеют исключительную важность;

– производства, чувствительные к роботизации и автоматизации.

Что касается стран, из которых выводятся производственные мощности, то и американские, и европейские компании, в основном, возвращаются из Китая (1042 и 76 случаев решоринга соответственно). Кроме того, американские компании возвращаются:

– из Германии (323 случая решоринга),

– из Японии (317 случаев решоринга),

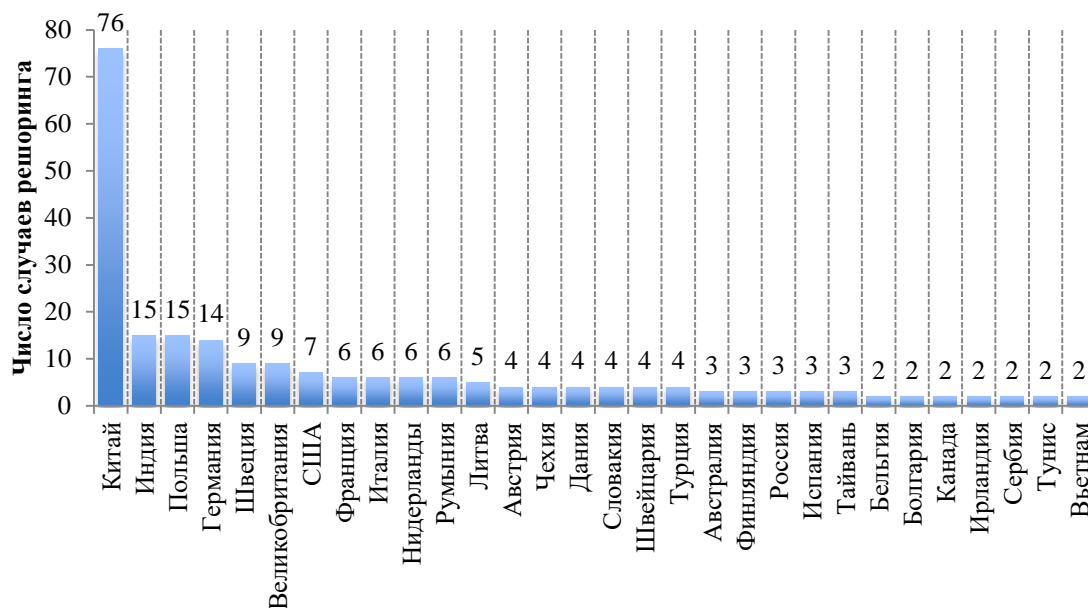
– из Канады (229 случаев решоринга).

Производственные мощности европейских компаний частично или полностью перемещаются из других европейских стран¹ (Рисунок 1.10).

Несмотря на то, что Reshoring initiative убеждает, что в ближайшие годы компании будут все более мотивированы участвовать в решоринге, статистические данные говорят об обратном.

¹ Fratocchi L., Ancarani A., Barbieri P., Di Mauro C., Nassimbeni G., Sartor M. et al. Motivations of manufacturing reshoring: An interpretative framework // International Journal of Physical Distribution & Logistics Management. – 2016. – Vol. 46, No. 2. – P. 98–127.

ЕС

США

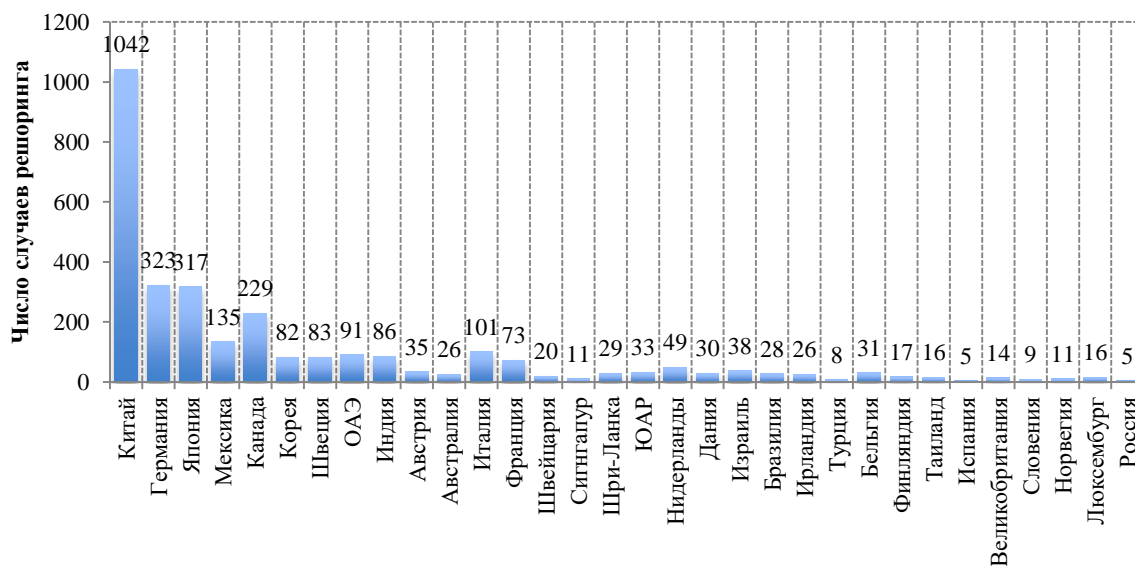

Рисунок 1.10 – Число случаев рещоринга компаний стран ЕС и США за период 2014–2018 гг.¹

Так, в ЕС число случаев рещоринга, после значительного роста в 2016–2017 гг., в 2018 г. сократилось в 1,6 раза, а число компаний, принявших реше-

¹ Составлено автором по данным Eurofound. Reshoring in Europe: Overview 2015–2018. Publications Office of the European Union, Luxembourg. – URL: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2019/reshoring-in-europe-overview-2015-2018> (дата обращения: 20.12.2019); Reshoring Initiative USA (n.d.). Reshoring initiative // Bringing manufacturing back home, web page. – URL: <http://www.reshorennow.org> (дата обращения: 20.12.2019).

ние о переносе своих производственных мощностей из третьих стран, сократилось в 1,3 раза (Рисунок 1.11).

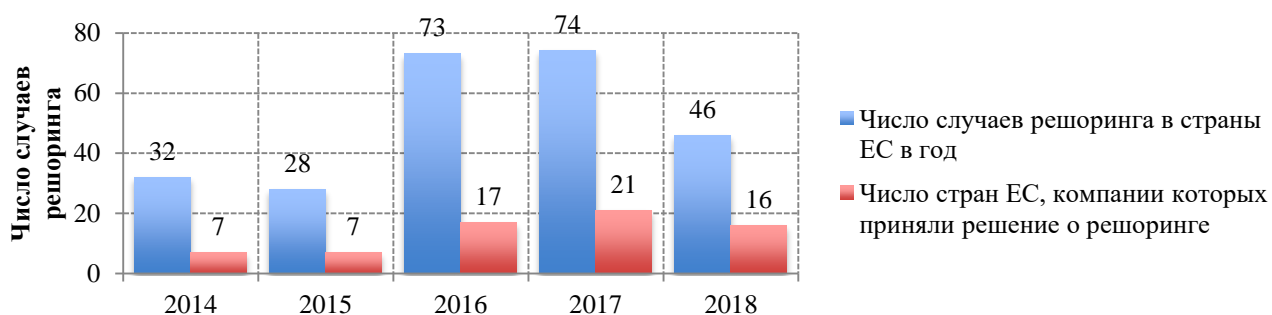

Рисунок 1.11 – Динамика случаев рещоринга компаний стран ЕС за период 2014–2018 гг.¹

Более того, в конце 2019 г. стали известны случаи возвращения перемещенных в развитые страны компаний обратно в страны с низким уровнем затрат. Так, концерн Adidas, который в 2017 г. частично вернул производство кроссовок из Азии в Германию и США, уже в конце 2019 г. объявил о закрытии этих производств, и их возвращении обратно в Азию. Проект «Speedfactories», который стал символом возвращения и возрождения ранее перенесенных в Азию производств и наглядным примером внедрения технологий «Индустрии 4.0», закончился через три года².

Предприятия, которые Adidas называет «Speedfactories», используют автоматизированные технологии для производства кроссовок. Adidas надеялся приблизить производство обуви к потребителям и сократить выбросы при транспортировке, но теперь решил использовать свои автоматизированные технологии во Вьетнаме и Китае. По мнению экспертов, такое решение вызвано тем, что:

¹ Составлено автором по данным Eurofound (2019). Reshoring in Europe: Overview 2015–2018. Publications Office of the European Union, Luxembourg. – URL: <https://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2019/reshoring-in-europe-overview-2015-2018> (дата обращения: 20.12.2019).

² Loh T. Adidas Abandons Robotic Factory Experiment in U.S., Europe. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-11-11/adidas-abandons-robotic-factory-experiment-in-u-s-europe> (дата обращения: 20.12.2019).

1) основные поставщики и основное производство расположены в азиатском регионе;

2) в Германии более высокие производственные издержки, в частности, расходы на энергию и оплату труда, поскольку роботизированное производство более энергоемко, и не исключает полностью участие человека;

3) в развитых странах наблюдается дефицит квалифицированных рабочих;

4) произошло более быстрое наверстывание азиатскими странами своего технологического отставания, чем можно было ожидать в 2016 г., когда принималось решение о решоринге¹.

В то же время, по мнению других экспертов, решение о возвращении в Азию может быть преждевременным, и концерну Adidas не хватило терпения дождаться того момента, когда его немецкая и американская фабрики начнут работать на полную мощность, и производство окажется востребованным в Европе и Америке².

Американский бизнес, несмотря на усилия администрации Д. Трампа в поощрении решоринга, переход к китайским тарифам или налоговые льготы для компаний, не переносит производственные операции обратно в США, вместо этого предпочитая диверсифицировать свою деятельность в других странах с низкой себестоимостью. По оценке А. Т. Kearney³, индекс решоринга, рассчитываемый, как доля импорта в объеме внутреннего производства, снижается третий год подряд, а темпы роста продукции обрабатывающей промышленности США отстают от темпов роста импорта из стран с низкими издержками, при заметном сокращении импорта из Китая.

¹ Ziady H. Adidas is closing hi-tech sneaker factories in Germany and the US // CNN Business. – URL: <https://edition.cnn.com/2019/11/12/business/adidas-speedfactory-plants-closing/index.html> (дата обращения: 20.12.2019).

² Thomasson E. Adidas is closing its high-tech 'robot' factories in the US and Germany just 3 years after the first one opened. – URL: <https://www.businessinsider.com/adidas-to-close-german-us-robot-factories-2019-11> (дата обращения: 20.12.2019).

³ Gott J., Van den Bossche P. US Trade Policy and Reshoring: The Real Impact of America's New Trade Policies // ATKearney: [сайт]. – 2019. – URL: <https://www.atkearney.com/operations-performance-transformation/us-reshoring-index> (дата обращения: 20.12.2019).

В целом, действия Д. Трампа вызывают обеспокоенность американского бизнеса и зачастую противоречат интересам американских производителей. Повышение импортных пошлин на сталь (на 25%) и алюминий (на 10%) с целью защиты американских производителей нанесло удар по тем американским компаниям, которые импортируют металлы для своих американских производств. Ответное повышение тарифов со стороны ЕС на готовую продукцию американских производителей привело к тому, что они получили двойной удар и были вынуждены переносить свои производственные мощности в страны с низкими издержками. Так, компания Harley-Davidson в 2018 г. объявила о переносе производства мотоциклов, предназначенных для европейского рынка, в Таиланд. Среди других компаний, которые перенесли, частично или полностью, свои производственные мощности в страны юго-восточной Азии – компания Panasonic (из США в Малайзию), производитель обуви и аксессуаров Steven Madden (из Китая в Камбоджу).

Вызывает сопротивление со стороны американских фирм и требование переноса производственных мощностей обратно на территорию США, поскольку это требование не совпадает с их экономическими интересами [Савинов и др., 2019]¹. Так, компания Ford заявила, что ей не выгодно производить модель Focus Active в США, учитывая прогноз ежегодных продаж ниже 50000², а Apple, большинство продуктов которой, включая iPhone и iPad, производятся в Китае, указала, что может быть вынуждена повысить цену своей продукции из-за повышения тарифов³. Однако позже Apple Inc объявила об оптимизации цепочки создания добавленной стоимости своей продукции и попросила своих основных поставщиков (Foxconn, Pegatron Corp, Wistron Corp, Quanta Computer Inc, Compal Electronics Inc и др.) оценить финансовые последствия перемеще-

¹ Савинов Ю. А., Зеленюк А. Н., Тарановская Е. В., Орлова Г. А., Скурова А. В. Усиление протекционизма во внешней торговле США // Российский внешнеэкономический вестник. – 2019. – № 1. – С. 36– 51.

² Ford will not build new Focus cars in US, despite Trump tariffs tweet // The Guardian: [сайт]. – 2018. – URL: <https://www.theguardian.com/business/2018/sep/09/ford-focus-trump-tariffs> (дата обращения: 18.12.2019).

³ Apple might be forced to raise prices on its products thanks to Trump's planned tariffs on China. – URL: <https://knowtechie.com/trump-apple-tariffs/> (дата обращения: 16.12.2019).

ния 15–30% их производственных мощностей из Китая в Юго-Восточную Азию (Индию, Вьетнам, Индонезию и Малайзию)¹, а также в Мексику.

Следует отметить, что перенос производственных мощностей из Китая в страны юго-восточной Азии с более низкими издержками производства, прежде всего, во Вьетнам, продолжается уже несколько лет. Примерами компаний, которые за последние десять лет увеличили долю выпуска продукции во Вьетнаме за счет их переноса из Китая, являются Nike и Adidas. Но есть и примеры переноса производственных мощностей из Китая во Вьетнам в результате напряженности в торговле между Китаем и США. Основными мотивами выбора Вьетнама для переноса производственных мощностей являются более низкая стоимость рабочей силы, близость к цепочкам поставок в Юго-Восточной Азии и благоприятный инвестиционный климат.

Другим популярным направлением переноса производственных мощностей из воюющих между собой США и Китая является Мексика, которая все чаще рассматривается как прибежище от торговых споров. В результате экспорт Мексики в США в 2018 г. увеличился на 28 млрд долл., что на 10% больше, чем в 2017 г., и является самым высоким темпом роста мексиканского экспорта за последние семь лет. Причем, Мексику в качестве места для размещения производственных мощностей выбирают не только американские компании, бегущие из Китая (GoPro), но и китайские производители, экспортирующие свою продукцию в США (Fuling Global Inc.)²

Таким образом, отсутствие стабильной и предсказуемой бизнес-среды как результат протекционистской политики Д. Трампа и его торговых войн является препятствием для более успешной реализации реиндустриализации через решоринг.

¹ Malaysia among countries eyed by Apple to move production capacity. – URL: <https://www.thestar.com.my/business/business-news/2019/06/20/malaysia-among-countries-eyed-by-apple-to-move-production-facility> (дата обращения: 17.12.2019).

² Gott J., Van den Bossche P. US Trade Policy and Reshoring: The Real Impact of America's New Trade Policies // AT Kearney: [сайт]. – 2019. – URL: <https://www.atkearney.com/operations-performance-transformation/us-reshoring-index> (дата обращения: 20.12.2019).

Существенной причиной отказа перенести свои производственные мощности обратно в США является неготовность американского рынка труда к таким масштабным трансформациям. Одним из главных факторов, сдерживающих рост производства в США, является нехватка квалифицированной рабочей силы. Число вакантных рабочих мест в производстве растет на протяжении пяти лет и в 2018 г., в среднем, составило более 0,46 млн.

Экономические выгоды от производства продукции в странах с низкими издержками продолжают играть свою определяющую роль при выборе нового места размещения производственных мощностей. Рост стоимости производства в Китае, в том числе, за счет роста расходов на оплату труда, и процесс перемещения производственных мощностей западных компаний в другие страны юго-восточной Азии с более низкими издержками продолжается уже несколько лет. Однако в результате обострения торговых конфликтов этот процесс получил дополнительный импульс.

Хотя, как отмечает В. Загашвили [Загашвили, 2017]¹, намерения и действия Д. Трампа, на первый взгляд, совпадают с тенденцией развитых стран к реиндустриализации и переносу производственных мощностей промышленных предприятий обратно в эти страны, протекционистская политика и эскалация торговых конфликтов стали ключевыми препятствиями успешной реализации решоринга, снижая инвестиционную привлекательность некоторых развитых стран.

Немаловажным препятствием возвращения производственных мощностей компаний обрабатывающей промышленности в развитые страны являются недостаточные усилия этих стран по увеличению численности квалифицированных работников, имеющих необходимые компетенции для работы с технологиями четвертой промышленной революции. Роль дефицита квалифицированных работников особенно усиливается в условиях быстрого сокращения технологической отсталости некоторых развивающихся стран.

¹ Загашвили В. С. ВТО и мегарегиональные торговые соглашения // Российский внешне-экономический вестник. – 2017. – № 5. – С. 27–37.

В целом, можно сделать вывод, что государственные политики стран, направленные на возрождение своей промышленности и технологии четвертой промышленной революции, оказывают заметное влияние на международную торговлю, что ведет к изменению позиции отдельных стран в системе международного разделения труда. В результате так называемые «догоняющие страны» получили новый шанс для улучшения своих позиций в международном разделении труда, упустить который будет непростительной ошибкой, тем более что скорость таких изменений неуклонно возрастает.

1.4. Формирование парадигмы импортозамещения в российской экономике

Первым примером импортозамещающей индустриализации, направленной на преодоление технологического отставания России от индустриальных стран Европы, можно считать реформы Петра Великого, когда в страну стали завозиться импортные товары для копирования технологий их производства с целью создания отечественного производства. Благодаря широкому привлечению западных специалистов в России удалось создать судостроение, металлургическое производство, производство вооружений, текстильную промышленность, развить горное дело и начать развивать экспорт, а роль импорта сократилась до удовлетворения потребностей в предметах роскоши¹. Однако в 19-м веке Россия импортировала уже машины и оборудование для развития и роста промышленного производства, которые покрывались экспортом леса, пушнины, зерна. А в начале 20-го века импорт стал осуществляться за счет кредитов стран Европы. В результате в 1910 г. 88% акций в металлургии, свыше 90% в паровозостроении и судостроении, 80% акций в добыче нефти принадлежали иностранным банкам и зарубежным компаниям.

Во времена СССР страна также неоднократно закупала оборудование, машины, технологии в развитых индустриальных странах. К примеру, для фор-

¹ Пичурин И. И., Блинов Д. В. Обеспечение импортозамещения после вступления России в ВТО: монография. – Екатеринбург: Изд-во УМЦУПИ, 2014. – 144 с.

сированной индустриализации в ходе выполнения планов первой и второй пятилеток Советский Союз закупал станки, промышленное оборудование, приглашал европейских инженеров, которые участвовали в реконструкции и модернизации большого числа промышленных объектов. Так, Днепропетровская ГЭС была построена при участии компаний Siemens (Германия) и Cooper Engineering (США). В строительстве Магнитогорского металлургического комбината и Горьковского автомобильного завода участвовали Ford Motor Company (США), International General Electric (США) и другие партнеры из индустриальных стран. Доля машин и оборудования в структуре импорта в 1930-х гг. составляла свыше 45%, в последующие годы не опускалась ниже 30% (Рисунок 1.12).

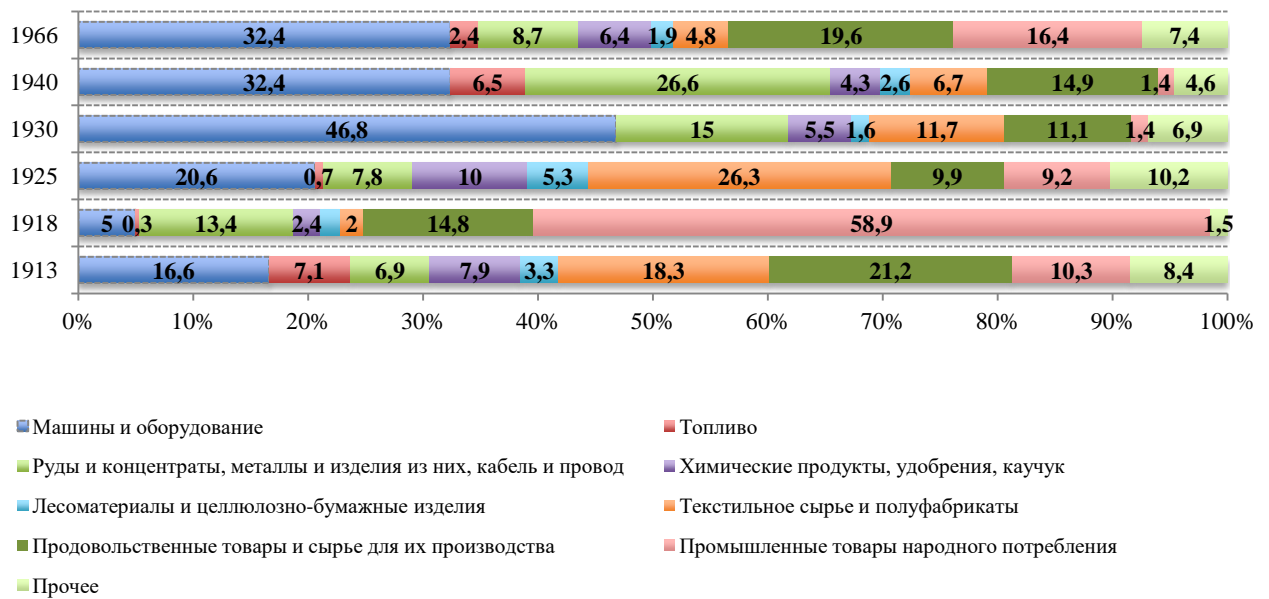

Рисунок 1.12 – Структура импорта России и СССР в 1913–1966 гг., %¹

Для получения валютной выручки из страны вывозились: зерно², лес, пушнина (Рисунок 1.13).

¹ Составлено автором по: «Внешняя торговля СССР 1918–1966 г.» (Статистический сборник). – Москва: Международные отношения, 1967.

² Кондрашин В. В. Зерно в обмен на валюту и станки: новые документы российских архивов об участии западноевропейских стран в советской индустриализации // КЛИО. – 2011. – № 3 (54). – С. 112–115.

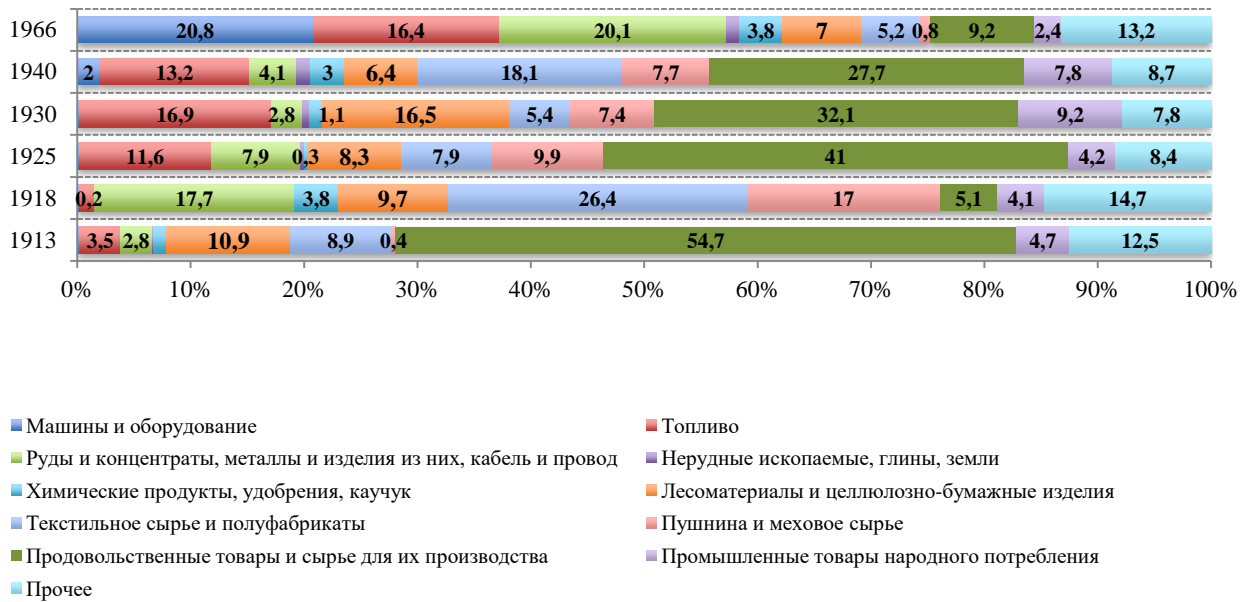

Рисунок 1.13 – Структура экспорта России и СССР в 1913–1966 гг., %¹

Таким образом, хотя политика импортозамещения того периода не предполагала участия страны в международном разделении труда и мировой торговле, развития экспорта (кроме получения средств для закупки оборудования и остро необходимых товаров), потребность страны в новейшем оборудовании неоднократно обеспечивалась импортными поставками.

Одним из примеров импортозамещения в агропродовольственном секторе стало освоение целины, когда, вследствие неурожая в начале 1950-х гг., возникла реальная угроза голода. Мировой рынок зерна для СССР был закрыт, поскольку зерно относилось к так называемым «стратегическим» товарам, экспорт которых в страны «коммунистического блока» был запрещен². Для реализации вынужденного импортозамещения был выбран очень затратный путь – освоение целинных земель, что потребовало строительства магистралей, перемещения техники и людей из западных регионов страны в Казахстан, на Урал и Западную Сибирь – регионы, по своим климатическим условиям непригодные для озимой пшеницы. К примеру, урожайность на целинных землях в среднем

¹ Составлено автором по: «Внешняя торговля СССР 1918–1966 г.» (Статистический сборник). – Москва: Международные отношения, 1967.

² Строганов А. О., Жилина Л. Н. К истории вопроса об импортозамещении в России // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – № 12-6. – С. 1278–1282.

не превышала 10 ц/га. Для сравнения – в европейских странах урожайность составляет 55 ц/га, а в современной России – 24,1 ц/га.¹

В истории Советского Союза есть немало примеров вынужденного импортозамещения под воздействием внешних ограничительных мер в виде запретов на продажу в СССР отдельных товаров (к примеру, эмбарго Аденауэра на поставку труб большого диаметра для газо- и нефтепроводов или запрет на продажу в СССР турбокомпрессоров большой мощности для прокачки газа по магистральным трубопроводам), когда советская промышленность была вынуждена в сжатые сроки налаживать собственное производство. Следует отметить, что вводимые ограничения со стороны западных стран способствовали развитию отечественного производства тех товаров, на которые были введены ограничительные меры, в результате чего отпадала потребность в их импорте. В то же время, в производстве тех товаров, где отсутствовали какие-либо ограничения на импорт, наблюдалось замедление развития и постепенный спад производства.

В конце 1960-х гг. освоение богатейших месторождений Западной Сибири и развитие экспорта нефти и газа обеспечили валютные поступления, которые дали возможность закупать за рубежом даже те товары, которые могли производиться, и производились, на территории страны, что и стало началом роста импорта. В целом, доля импорта возросла с 1% в 1950 г. до 5% в 1985 г. При этом доля машин и оборудования в структуре возрастающего импорта выросла с 22,4% в 1950 г. до 37,2% в 1985 г.

Таким образом, технологическое отставание российской промышленности и, прежде всего, машиностроения, вызванное утратой способности отечественных предприятий разрабатывать и выпускать продукцию требуемого качества, было заложено недальновидной политикой советского руководства.

В конце 1980-х гг. падение цен на нефть, продажа которой была основным источником поступления валюты, привело к сокращению объемов импорта товаров народного потребления, тотальному дефициту и скрытой инфляции.

¹ Сводный обзор конъюнктуры аграрного рынка России № 1 // Министерство сельского хозяйства РФ: [официал. сайт.]. – 2019. – URL: http://old.mcx.ru/documents/document/v7_show_print/21324.htm (дата обращения 03.07.2019).

И после открытия экономик для внешней торговли и вступления России в международные финансовые организации поток импортных товаров захлестнул страну. С 1960 г. по 1986 г. удельный вес импорта в потреблении сельскохозяйственных машин вырос на 1330%, зерна – на 5959%, мяса и мясопродуктов – на 400%, растительного масла – на 271% (Таблица 1.5).

Таблица 1.5 – Доля импорта в потреблении отдельных видов продукции (в процентах от общего объема ее потребления в натуральном выражении)¹

<i>Товарные группы</i>	<i>1960 г.</i>	<i>1986 г.</i>	<i>Прирост в потреблении, %</i>
Металлорежущие станки	4,9	7,6	55,10
Оборудование пищевой промышленности	23,3	46,8	100,86
Оборудование текстильной промышленности	13,6	53,2	291,18
Оборудование химической промышленности	36,7	49,9	35,97
Сельскохозяйственные машины	1	14,3	1330,00
Автобусы	0,1	11,3	11200,00
Прокат черных металлов	1,9	4,2	121,05
Стальные трубы	9,4	22,6	140,43
Бумага	3,1	8,6	177,42
Зерно	0,2	12,1	5950,00
Сахар	20,4	27,6	35,29
Чай	26,7	30,4	13,86
Мясо и мясопродукты	1,5	7,5	400,00
Масло животное	0,6	10,9	1716,67
Растительные масла	3,8	14,1	271,05
Овощи свежие	0,9	0,9	0,00
Фрукты и ягоды свежие	6,4	6,6	3,13
Фрукты и ягоды сушеные	62,6	66,3	5,91
Хлопчатобумажные ткани	2,3	4,6	100,00
Кожаная обувь	6,6	9,4	42,42
Мебель	9,3	11,7	25,81

Таким образом, одной из главных причин высокой импортозависимости страны стала сначала недальновидная и бездарная внешнеторговая политика, а

¹ Рассчитано автором по: «Внешняя торговля СССР 1918–1966 г.» (Статистический сборник). – Москва: Международные отношения, 1967.

затем ее полное отсутствие. Соответственно, и импортозамещение, как правило, являлось не продуманной стратегией государства, направленной на решение каких-либо определенных задач, а вынужденной мерой, направленной на противостояние внешним факторам.

Активизация современного этапа политики импортозамещения связана с обострением геополитической обстановки России со странами Запада, и переносом части политических противоречий между ними в плоскость торгово-экономических отношений, с использованием инструментов санкционной войны.

Необходимо отметить, что действующие в настоящее время в отношении России санкции не являются чем-то принципиально новым¹. Стратегия «контролируемого технологического отставания», реализуемая через международный Координационный комитет по экспортному контролю (КоКом), проводилась в отношении СССР и стран «восточного блока», начиная с 1949 г. Основной целью КоКом, в который входили 17 ведущих стран мира (и еще 5 – сотрудничали с ним), было противодействие технологическому развитию тех стран, в которых они видели угрозу своему экономическому лидерству².

Импортозамещение как одно из основных направлений российской промышленной политики воспринимается научным сообществом неоднозначно. В экономической литературе развернута дискуссия о необходимости и эффективности проведения политики импортозамещения.

По мнению В. Черновой и Б. Хейфеца «в условиях санкционного давления развитых западных стран импортозамещение признается российскими учеными как актуальная, но необычайно сложная задача, которая вызывает здоровый скептицизм и сомнения в ее успешности и эффективности, особенно с точки зрения модернизации экономики и ее отдельных отраслей. Создание новых производств и переоснащение имеющихся, действительно, более затратная и

¹ Рукинов М. В. Антироссийские санкции: структура и стратегии противодействия // Управленческое консультирование. – 2019. – № 6 (126). – С. 91–101. – DOI 10.22394/1726-1139-2019-6-91-101.

² Бобрышев А. Д., Чекаданова М. В. Направления развития национальной инновационной системы // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 522–535. – DOI: 10.18184/2079-4665.2017.8.4.522-535.

рискованная стратегия в сравнении со стратегией использования имеющихся в стране сравнительных преимуществ.

Часто не учитывается тот факт, что страны, добившиеся успеха в догоняющем развитии и структурной перестройке своей экономики, не ограничивались введением торговых барьеров для импортируемых товаров и использованием мер ограничения конкуренции для зарубежных компаний, а использовали политику, сочетающую экспортную ориентацию и импортозамещение. Импортозамещение обеспечивало национальным предприятиям более благоприятные условия для работы и, чаще всего, проводилось выборочно – в отраслях, которые сдерживали развитие других отраслей национальных экономик»¹.

Кроме того, «чрезмерно высокая зависимость от импорта в предшествующие годы стала угрозой экономической безопасности, а зависимость от импорта продуктов питания – угрозой продовольственной безопасности страны. С этой точки зрения импортозамещение является объективной необходимостью. С другой стороны, уровень технологического развития и современная мировая экономика таковы, что ни одна страна не может успешно развиваться, опираясь только на собственные силы»². Н. Волчкова полагает, что «глубокая интеграция в мировую экономику помогла бы избежать санкций, поскольку деловые интересы бизнеса всегда опережают политику. Действительно, несмотря на глубокую вовлеченность России в мирохозяйственные связи³, характер этой вовлеченности оставляет желать лучшего ввиду своей сырьевой направленности. Однако не вызывает сомнения, что “слишком видимая рука политики” в последние годы оказывает определяющее влияние на экономическую политику, игнорируя интересы бизнеса»⁴.

¹ Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Система оценки эффективности и мониторинга результатов политики импортозамещения // Экономика региона. – 2019. – № 4. – С. 1266–1278.

² Там же.

³ Хейфец Б. Политика «Открытых дверей» и экономической интеграции – ответ Вьетнама на вызовы глобальной экономики XXI века // Общество и экономика. – 2017. – № 12. – С. 92–100.

⁴ Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Глобальные ТНК в России в условиях импортозамещения // Россия и современный мир. – 2018. – № 4 (101). – С. 30–45. – DOI 10.31249/rsm/2018.04.03.

Необходимо отметить, что случай российского импортозамещения имеет существенное отличие от традиционной политики импортозамещения, проводимой в большинстве стран. В классическом варианте импортозамещения протекционистские меры предполагают запрет или рост тарифов на определенные группы товаров, вне зависимости от страны их происхождения. Следствием таких ограничительных мер становится обострение конкуренции среди импортеров данного товара. В российском варианте контрсанкции или эмбарго коснулись не всех стран-импортеров агропродовольственных товаров, а только тех, кто ввел санкции против России. В результате, как показано в нашем исследовании, импорт из одних стран был заменен импортом из других стран. В некоторых случаях такая замена привела к ухудшению качества импортируемых товаров, в случае с другими товарами – к повышению цены.

С позиции отечественных производителей санкционных товаров складывается благоприятная ситуация для наращивания собственного производства и продажи своей продукции по более высокой цене на внутреннем рынке. Наращивание производства в отраслях, выпускающих санкционную продукцию, сопровождается перетоком ресурсов из незащищенных контрсанкциями и эмбарго отраслей¹, даже если они были относительно эффективными и конкурентоспособными в досанкционный период. Подобный процесс грозит потерей эффективности всей экономики.

Вторым инструментом импортозамещения, который в условиях асимметрии информации, порождаемой как неполнотой информации, так и ее сознательным искажением (в результате лоббирования интересов отдельных групп производителей, как правило, крупных агрохолдингов), может стать источником роста неэффективности отрасли и всей экономики, является государственная поддержка. Как справедливо отмечает Н. Волчкова, выбор отрасли экономики или отдельных предприятий, которым оказывается государственная поддержка, «должен быть подкреплён выводами независимой экспертизы, исклю-

¹ Волчкова Н. А., Турдыева Н. А. Микроэкономика российского импортозамещения // Журнал НЭА. – 2016. – № 4 (32). – С. 140–146.

чающей как влияние самих отраслей, так и политических интересов правительства. Это – идеальная процедура, безусловно, нереализуемая в политико-экономических условиях большинства стран мира, поэтому процедура отбора будет обязательно искажена лоббированием, что ставит под сомнение объективность выбора» [Волчкова, Турдыева, с. 141]¹.

Позиция «открытости» экономики и «вовлеченности» в мирохозяйственные связи² имеет под собой достаточно аргументированную научную платформу, но является крайностью, как и противоположная ей позиция «опора только на себя», или импортозамещение в условиях жесткого протекционизма. По мнению Г. Идрисова, «политика импортозамещения, скорее, является ответом на сложившуюся макроэкономическую и геополитическую ситуацию. Ее реализация в некоторых импортозависимых отраслях будет способствовать появлению новых товаров и, возможно, возникновению новых отраслей, что не гарантирует достижения ими мирового уровня конкурентоспособности, и даже рентабельности»³.

Ключевая роль в ускорении экономики современной России отводится агропродовольственному сектору (см., в частности, исследование В. Миронова и Л. Коновалова. С их позиции, увеличение темпов роста ВВП может произойти при проведении разумной структурной политики за счет повышения конкурентоспособности и изменения удельных весов в совокупном экспорте и импорте страны тех секторов экономики, где высока эластичность экспорта (как в агропродовольственном секторе), а эластичность импорта низкая (как в машиностроении)⁴).

¹ Там же. С. 141.

² Кадочников П., Кнобель А., Синельников-Мурылев С. Открытость российской экономики как источник экономического роста // Вопросы экономики. – 2016. – № 12. – С. 26–42.

³ Идрисов Г., Каукин А., Моргунова О., Турунцева М. Российская промышленность отталкивается от дна // ОМЭС. – 2015. – № 15. – С. 42–46.

⁴ Миронов В. В., Коновалова Л. Д. О взаимосвязи структурных изменений и экономического роста в мировой экономике и России // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С. 54–78. – DOI 10.32609/0042-8736-2019-1-54-78.

Отличием агропродовольственного сектора от других секторов экономики является то, что на этот сектор возложено обеспечение продовольственной безопасности.

Концепция продовольственной безопасности, которая ранее традиционно связывалась с отсталыми формами сельскохозяйственного фундаментализма¹ и, во многом, с пережитком восстановительного периода по окончании Второй мировой войны, после продовольственного кризиса 2007–2008 гг. стала центральной темой в мировой продовольственной политике, а ее актуальность приобрела статус глобальной².

В период с 2007 по 2008 гг., когда цены на нефть и основные продукты питания (пшеницу, кукурузу, рис и др.) резко выросли на международных товарных рынках³, а инфляция на продовольственные товары составила 18% в Китае, 10% и более в Индонезии, Пакистане, Индии, России и Латинской Америке, интерес к теме продовольственной безопасности вырос даже в странах – экспортерах агропродукции – США, Австралии, Новой Зеландии, Великобритании, Италии и др. К примеру, Г. Лоуренс показывает⁴, что в Австралии политика либерализма, поддерживаемая правительством и промышленностью, хоть и стимулирует рост производства продуктов питания внутри страны и облегчает импорт, но не способна обеспечить долгосрочную продовольственную безопасность.

Переосмысление и обновление геополитического статуса продовольственной безопасности зафиксировано на Римском саммите ФАО по всемирной продовольственной безопасности в июне 2008 г. Основными угрозами продовольственной безопасности признаны: изменение климата и структурные про-

¹ Lobley M., Winter M. Introduction: knowing the land // Winter M., Lobley M. (Eds.). *What is Land For? The Food, Fuel and Climate Change Debate*. Earthscan. – London, 2009. – P. 1–20.

² Maye D., Kirwan J. Food Security: a Fractured Consensus. Editorial for the *Journal of Rural Studies* Special Issue: Food Security: Emerging Perspectives and Responses // *Journal of Rural Studies*. – 2013. – N 29. – P. 1–6. – DOI 10.1016/j.jrurstud.2012.12.001.

³ Ilbery B., Maye D. Agricultural restructuring and changing food networks in the UK // Coe N., Jones A. (Eds.), *Reading the Economy: the UK in the 21st Century*. – London: Sage, 2010. – P. 166–180; Rosin C., Stock P., Campbell H. (Eds.). *Food Systems Failure: The Global Food Crisis and the Future of Agriculture*. – London: Taylor and Francis, 2012.

⁴ Lawrence G., Richards C., Lyons K. Food security in Australia in an era of neoliberalism, productivism and climate change // *Journal of Rural Studies*. – 2013.

блемы, связанные с ограниченностью ресурсов и производительностью труда, быстрым ростом населения мира, эффектом «изменения питания», а также растущей взаимосвязанностью и взаимозависимостью агропродовольственных систем¹.

С учетом новых вызовов и проблем в области продовольственной безопасности, акценты сместились в сторону потребителей, устойчивости системы и конкуренции за природные ресурсы:

- удовлетворение потребностей в продовольствии и полноценном питании растущего населения на фоне изменения предпочтений в части рациона питания;

- наращивание устойчивого сельскохозяйственного производства и повышение продуктивности;

- повышение устойчивости к изменению климата;

- поиск устойчивых решений проблемы обострения конкуренции за природные ресурсы².

Концепция продовольственной безопасности ФАО «включает в себя следующие аспекты:

- физическое наличие продовольствия – наличие достаточного количества продуктов питания соответствующего качества из внутренних (национальное производство) и внешних источников (импорта), включая продовольственную помощь и возможность доставить ее в нужное место, то есть наличие инфраструктуры;

- экономическая доступность населения к продуктам питания, которая предполагает возможность приобретения соответствующих продуктов для полноценного питания;

¹ Ambler-Edwards S., Bailey K., Kiff A., Lang T. Food Futures: Rethinking UK Strategy. The Royal Institute of International Affairs, Chatham House. – URL: <http://www.chathamhouse.org.uk/publications/papers/view/-/id/695/>. (дата обращения: 17.12.2019).

² Глобальный стратегический механизм в области продовольственной безопасности и питания // Комитет по всемирной продовольственной безопасности. – URL: <http://www.fao.org/3/MR173RU/mr173ru.pdf> (дата обращения: 17.12.2019).

– качество и безопасность продовольствия, которые складываются из адекватного питания, употребления чистой воды, наличия санитарных условий и системы здравоохранения для достижения пищевого благополучия, при котором удовлетворяются все физиологические потребности человека;

– долгосрочное устойчивое состояние всей этой системы, или стабильность, которая предполагает обеспечение продовольственной безопасности всего населения и отдельных домохозяйств в постоянном доступе к продуктам питания, даже в условиях внезапных потрясений в виде экономических кризисов или климатических катаклизмов, и вне зависимости от сезонности поставок продовольственных товаров»¹. Достижение продовольственной безопасности предполагает наличие у населения страны стабильного доступа с экономической, физической и социальной точки зрения к такому объему безопасных и питательных продуктов питания, который позволяет удовлетворять их пищевые потребности и вкусовые предпочтения для ведения активного и здорового образа жизни².

В отличие от концепции продовольственной безопасности, которая не рассматривает происхождение товаров и допускает высокую импортозависимость, продовольственная самообеспеченность рассматривает не только обеспеченность продовольственными товарами, но и их происхождение, и предполагает, что страна является самодостаточной в продовольствии в той мере, в которой она способна удовлетворить потребности своих граждан в продуктах питания за счет собственного производства.

Различие между подходами к продовольственной безопасности и продовольственной самообеспеченности имеет последствия в виде применяемых политик. В то время как стремление к продовольственной безопасности может привести к тому, что страна увеличит импорт продовольствия или, по крайней

¹ Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Влияние внешней торговли на экономическую доступность продовольственных товаров в России // Общество и экономика. – 2019. – № 10. – С. 62–75.

² Глобальный стратегический механизм в области продовольственной безопасности и питания // Комитет по всемирной продовольственной безопасности. – URL: <http://www.fao.org/3/MR173RU/mr173ru.pdf> (дата обращения: 17.12.2019).

мере, будет менее склонна к его сокращению, стремление к достижению продовольственной самообеспеченности может привести к тому, что эта страна начнет проводить политику сокращения импорта¹. Иными словами, страна, стремящаяся к продовольственной безопасности, более интегрирована в международное разделение труда и открыта для внешней торговли; страна, проводящая политику продовольственной самообеспеченности, менее интегрирована в систему МРТ и внешней торговли.

Более детальное определение продовольственной самообеспеченности учитывает сельскохозяйственную специализацию и внешнюю торговлю. Клэпп, следуя ФАО, определяет *продовольственную самообеспеченность* как условие, при котором страна производит такое количество продовольственных товаров, которое равно или превышает количество потребляемого продовольствия [Клэпп, 2017]².

Хотя самообеспеченность продовольствием предполагает внутреннее производство на уровне 100%, в действительности очень немногие страны могут достичь такого уровня. Способность страны стать полностью продовольственно самообеспеченной зависит от наличия природных, финансовых и экономических ресурсов, качества и эффективности управления, уровня развития инфраструктуры и систем распределения продовольственных товаров, технического прогресса и эффективных сельскохозяйственных программ, и агропродовольственной политики [Кэндел, 2014³; Всемирный банк, 2007⁴]).

ФАО разделяет страны по уровням самообеспеченности на страны с низкой самообеспеченностью (доля внутреннего производства в потреблении ниже 85%) и страны с высокой самообеспеченностью (доля внутреннего производ-

¹ Dithmer J., Abdulai A. Does trade openness contribute to food security? A dynamic panel analysis // Food Policy. – 2017. – N 69. – P. 218–230. – DOI 10.1016/j.foodpol.2017.04.008.

² Clapp J. Food self-sufficiency: Making sense of it, and when it makes sense // Food Policy. – 2017. – N 66. – P. 88–96. – DOI 10.1016/j.foodpol.2016.12.001.

³ Candel J. J. L. Food security governance: A systematic literature review // Food Security. – 2014. – N 6 (4). – P. 585–601. – DOI 10.1007/s12571-014-0364-2.

⁴ World development report 2008: Agriculture for development. – Washington, DC: The World Bank, 2008.

ства в потреблении свыше 115%) [ФАО, 2015]¹. Россия, согласно классификации ФАО, относится к странам с высоким уровнем самообеспеченности, наряду с Австралией, Аргентиной, Канадой, и США [Клэпп, 2017]².

Стремление стран к продовольственной самообеспеченности объясняется стремлением снизить уязвимость внутреннего рынка продовольствия от влияния макроэкономических, финансовых и геополитических шоков, необходимостью увеличения занятости и сокращения безработицы. Развитые страны (Германия, США и др.) применяли протекционистскую политику для защиты своей промышленности на ранних стадиях ее развития и сменяли ее на политику либерализма во внешней торговле по мере развития и становления национальных производств. Другими причинами применения протекционистских мер являются экономический спад и затяжной кризис в экономике, потеря конкурентоспособности отрасли или отдельного производства, геополитические конфликты и торговые войны, лоббирование введения ограничительных мер в торговле отдельными видами товаров со стороны групп с сильным интересом.

Политика продовольственной самообеспеченности была популярна в 1960-х и 1970-х гг. среди развитых европейских государств. Бельгия, Люксембург, Италия, Голландия, Германия и Франция – первые шесть членов того интеграционного объединения, которое сейчас называется Европейским союзом, считали достижение самообеспеченности главной политической целью общей сельскохозяйственной политики³.

В послевоенной Европе производство сельскохозяйственной продукции и потребление продуктов питания населением были на низком уровне, в то время как зависимость продовольствия от импорта была высокой, а иностранная валюта и, особенно, доллары были дефицитным ресурсом. Вопрос повышения доходов

¹ Food hunger map // FAO. – URL: <http://www.fao.org/3/a-i4674e.pdf> (дата обращения: 16.10.2019).

² Clapp J. Food self-sufficiency: Making sense of it, and when it makes sense // Food Policy. – 2017. – N 66. – P. 88–96. – DOI 10.1016/j.foodpol.2016.12.001.

³ Zobbe H. The Economic and historical foundation of the common agricultural policy in Europe. Unit of Economics Working Papers 2001/12. – Copenhagen: The Royal Veterinary and Agricultural University, 2001.

фермеров также имел важное значение, поскольку доля занятых в сельском хозяйстве Италии в 1955 г. составляла 40%, во Франции – 26,9%, в Германии – 18,5%, а доля сельского хозяйства в ВВП была в 2 и более раз меньше – 20,7%, 11,%% и 8% соответственно¹. Таким образом, Общая аграрная политика, которая стала реализовываться после подписания Договора в Риме в 1957 г. и создания ЕЭ с 1 января 1958 г., преследовала следующие основные цели:

- повышение производительности в аграрном секторе на основе технического прогресса и обеспечения рационального производства и оптимального использования факторов производства, в частности, труда;
- обеспечение справедливого уровня жизни сельского населения, в частности, путем увеличения доходов фермеров в сельском хозяйстве;
- стабилизация агропродовольственных рынков;
- обеспечение стабильных поставок продуктов питания;
- обеспечение разумных цен для потребителей.

Аграрная политика стран Сообщества рассматривалась как часть общей структурной политики и, в то же время, структурная политика стала основным инструментом аграрной политики, поскольку, по мнению Комиссии, ценовая поддержка фермеров без структурной политики никогда не приведет к достижению цели роста доходов фермеров, и только структурная политика сможет обеспечить оптимальное распределение факторов производства².

В России основополагающим инструментом экономической политики в агропродовольственном секторе является Доктрина продовольственной безопасности, новая редакция которой подписана Президентом 27.12.2019.

Необходимость разработки новой редакции Доктрины была вызвана изменением уровня социально-экономического развития страны, изменением условий функционирования отечественного агропродовольственного сектора, возникновением новых геополитических рисков, формированием единого та-

¹ Agricultural Statistics 1955–1968. – Paris: OECD, 1969.

² Tracy M. Issues of Agricultural Policy in a Historical Perspective // Journal of Agricultural Economics. – 1984; Fearne A. The History and Development of the CAP 1945–1990 // Ritson, Harvey (eds.). The Common Agricultural Policy. – Wellingford: CAB International, 1997.

моженного пространства и развитием интеграции в формате ЕАЭС¹: «наряду с ухудшением отношений с Западом, санкциями и контрсанкциями, падением курса рубля, необходимость внесения изменений в Доктрину определяется также тем, что она была принята до вступления России в ВТО, и до образования Евразийского экономического союза»².

В связи с этим в новой редакции Доктрины продовольственной безопасности уточнен и расширен перечень рисков, в который, кроме макроэкономических (ухудшение внутренней и внешней конъюнктуры, снижение темпов роста мировой экономики и экономики России, высокая инфляция, кризис банковской системы), технологических (отставание от развитых стран), агроэкологических (природные и техногенные ЧС, снижение плодородия) и внешнеторговых (снижение уровня господдержки) рисков, включены экономические риски (снижение инвестиционной привлекательности), технические риски (различия в требованиях к безопасности пищевых продуктов), природно-климатические риски (изменение климата, аномальные природные явления), агробиологические риски (эпидемии и новые заболевания животных и растений) и социальные риски (падение привлекательности сельской жизни). Доктрина продовольственной безопасности нацелена на предотвращение перечисленных рисков, для чего предусмотрен ряд мер, в том числе:

- повышение урожайности агрокультур и плодородия земель сельхозназначения при их рациональном использовании и мелиорации;
- вовлечение в сельскохозяйственный оборот неиспользуемых земель сельхозназначения;
- развитие селекции, племенного дела, семеноводства;

¹ Ушачев И. Г., Чекалин В. С. Новая доктрина продовольственной безопасности и меры по реализации ее основных положений // АПК: экономика, управление. – 2020. – № 4. – С. 4–12.

² Продовольственная безопасность: чем заменить старую доктрину? – URL: <http://economytimes.ru/kurs-rulya/prodovolstvennaya-bezopasnost-chem-zamenit-staruyu-doktrinu> (дата обращения: 05.06.2019).

– совершенствование системы подготовки и повышения квалификации кадров, способных реализовать современную инновационную модель развития агропродовольственного сектора экономики;

– повышение качества и безопасности продовольственных товаров, контроль соответствия пищевых продуктов обязательным требованиям технических регламентов ЕАЭС;

– расширение сотрудничества со странами ЕАЭС и СНГ.

Кроме того, в новой редакции Доктрины продовольственной безопасности расширен перечень групп продовольственных товаров, в отношении которых установлены пороговые значения доли отечественного производства (Таблица 1.6).

Таблица 1.6 – Пороговые значения уровня самообеспеченности продовольственными товарами отечественного производства¹

<i>Продовольственные товары</i>	<i>Пороговое значение, установленные Доктриной продовольственной безопасности, %</i>	
	<i>2010 г.</i>	<i>2019 г.</i>
Зерно	95	95
Сахар	80	90
Растительное масло	80	90
Мясо и мясопродукты (в пересчете на мясо)	85	85
Молоко и молокопродукты (в пересчете на молоко)	90	90
Рыба и рыбопродукты (в живом весе)	80	85
Картофель	95	95
Соль пищевая	85	85
Овощи и бахчевые	–	90
Фрукты и ягоды	–	60
Семена	–	75

¹ Составлено автором по: «Доктрина продовольственной безопасности» [Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20] // Президент Российской Федерации: официальный сайт. – 2020. – URL: www.kremlin.ru. – Текст: электронный.

Основной новацией новой редакции Доктрины продовольственной безопасности является изменение методики расчета показателей продовольственной независимости, для оценки которой вместо показателя удельного веса продукции отечественного производства в общем объеме пищевых ресурсов предусмотрен международный показатель – показатель самообеспеченности. Как следует из документа, показатель самообеспеченности предлагается рассчитывать как процентное отношение объема отечественного производства агропродукции к объему ее внутреннего потребления.

Таким образом, ключевым отличием российского подхода к продовольственной безопасности является приоритетность продовольственной независимости страны над продовольственной доступностью продуктов питания для населения, следствием чего стало снижение экономической доступности продовольствия для населения¹.

По мнению автора, в агропродовольственном секторе и других технологически отстающих отраслях экономики в условиях санкций, глобального усиления протекционизма и в эпоху четвертой промышленной революции возможно только такое импортозамещение, которое не препятствует технологическому обновлению всей цепочки создания стоимости, не ограничивает импорт промежуточных товаров, необходимых для выпуска конкурентоспособной продукции, и не ухудшает положение потребителей. Оно должно быть основано на избирательном подходе к выбору импортозамещаемых и экспортоориентированных производств.

На основании изученных теорий автором сформирован уточняющий теоретический подход к импортозамещению в современных условиях. *Импортозамещение* – это процесс роста конкурентоспособного национального производства, который затрагивает все звенья цепочки создания стоимости при избирательном, и часто одновременном, использовании инструментов временного ограничения импорта в одних отраслях (или видах экономической деятель-

¹ Алтухов А. И. Первоочередные меры по реализации новой доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации // Экономика сельского хозяйства России. – 2020. – № 3. – С. 2–10.

ности) при либерализации внешней торговли в других отраслях для производственной и технологической поддержки импортозамещаемых производств.

Выводы по главе 1

1. Анализ теоретических основ политики импортозамещения показал, что вклад в развитие теории импортозамещения внесли классические теории импортозамещения, теории международного разделения труда, теории экономического роста, ПИИ, международной конкурентоспособности, теории промышленной политики, новая политическая экономия, новая теория импорта, теории догоняющего развития и другие. В последние годы парадигма импортозамещения формируется в двух основных направлениях, предполагающих приоритетность/вытеснение импорта вследствие роста конкурентоспособной отечественной продукции или увеличение выпуска отечественной продукции вследствие ограничения импорта.

2. В современных условиях политика импортозамещения приняла новые формы, используется как развитыми, так и развивающимися странами, и представляет собой длительный процесс роста конкурентоспособного национального производства с кумулятивным эффектом, который затрагивает почти все отрасли экономики и аспекты общества при избирательном, и часто одновременном, использовании инструментов временного ограничения импорта в импортозамещаемых отраслях (или видах экономической деятельности) при либерализации внешней торговли в других отраслях для валютной, технологической поддержки импортозамещаемых производств и обеспечения их промежуточными товарами, сырьем и другими факторами производства. Феномен политики импортозамещения заключается в том, что она использовалась, и используется в настоящее время, всеми странами, является ключевым этапом всех успешных историй позднего развития и причиной провала многих стратегий экономического роста, остается самой популярной и, одновременно, самой критикуемой концепцией развития. Игнорирование импортозамещения ведет к недостаточному инвестированию в национальные отрасли промышленности и

росту импортозависимости; импортозамещение любой ценой, вопреки здравому смыслу, – к истощению национальных ресурсов.

3. Современной формой импортозамещения в развитых странах является решоринг, или возврат части зарубежных производственных мощностей западных компаний из стран с низкими издержками производства либо в материнскую юрисдикцию, либо на территорию близлежащих государств.

4. Ключевыми драйверами решоринга являются технологии четвертой промышленной революции, внедрение которых нивелирует преимущества переноса производственных мощностей в страны с низкой стоимостью трудовых ресурсов, и государственная поддержка решоринговых производств.

5. Основными факторами, препятствующими возвращению производственных мощностей в развитые страны, стали усиление протекционистской политики и санкционные войны, которые оказывают дестимулирующее воздействие на решение о возврате производственных мощностей в развитые страны в пользу их размещения в других странах с низкими издержками производства, незатронутых санкциями и мерами протекционизма.

6. Основными стратегиями достижения продовольственной самообеспеченности в зарубежных странах являются: увеличение внутреннего производства продуктов питания; улучшение распределения продуктов питания, произведенных внутри страны; сокращение потерь и отходов продовольственных товаров; расширение способов и средств производства; расширение видов продуктов питания, производимых внутри страны; совершенствование технологий производства продуктов питания.

7. Ключевым отличием российского подхода к продовольственной безопасности является приоритетность продовольственной независимости страны над продовольственной доступностью продуктов питания для населения, следствием чего стало снижение экономической доступности продовольствия для населения.

8. Предложена концепция импортозамещения как процесса роста конкурентоспособного национального производства, который затрагивает все звенья

цепочки создания стоимости при избирательном, и часто одновременном, использовании инструментов временного ограничения импорта в одних отраслях (или видах экономической деятельности) при либерализации внешней торговли в других отраслях для производственной и технологической поддержки импортозамещаемых производств.

Глава 2. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СЕКТОРА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ПРОВЕДЕНИЯ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

2.1. Агропродовольственный сектор России: оценка импортозависимости

Приоритетная роль агропродовольственного сектора¹ в импортозамещении обусловлена его уникальной многофункциональной ролью в экономике страны.

Отличием агропродовольственного сектора от других секторов экономики является то, что он имеет важнейшее социально-экономическое значение для народного хозяйства – на этот сектор возложено обеспечение населения страны жизненно важными продуктами питания, а его межотраслевой характер предопределяет возможность агропродовольственного сектора стать движущей силой устойчивого долговременного роста других отраслей экономики и придать импульс динамичному развитию всего народного хозяйства страны².

Импортозамещение оказало неоднозначное влияние на агропродовольственный сектор. С одной стороны, оно помогло снизить продовольственную импортозависимость (импорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в 2019 г. составляет 82% от уровня 2010 г.) (Рисунок 2.1), способствовало увеличению производства отечественной агропродукции.

¹ Агропродовольственный сектор экономики – это та часть агропромышленного комплекса (АПК), которая занимается производством продуктов питания и кормов для сельскохозяйственных животных, косвенно участвующих в процессе производства продуктов питания, и обеспечивающих население страны продовольственными товарами. Отрасли сельского хозяйства, которые связаны с возделыванием технических культур для фармацевтической промышленности, текстильной промышленности, целлюлозно-бумажной и других отраслей, не относятся к агропродовольственному сектору. АПК – один из крупнейших межотраслевых комплексов народного хозяйства, включает отрасли экономики (сельское хозяйство, пищевая промышленность, химическая промышленность, биохимическая промышленность, лесное хозяйство, отрасли инфраструктурного блока), осуществляющие производство и переработку сельскохозяйственного сырья и получения из него продукции, доводимой до конечного потребителя.

¹ Сельское хозяйство – отрасль народного хозяйства, обеспечивающая население страны продуктами питания и выпускающая сырьевые товары для отраслей перерабатывающей промышленности (текстильной промышленности, фармацевтической промышленности и др.)

² Буздалов И. Н., Фрумкин Б. Е. Положение дел в АПК представляет угрозу не только для продовольственной, но и для всей национальной безопасности России // Экономические стратегии. – 2014. – Т. 16, № 8 (124). – С. 68–77.

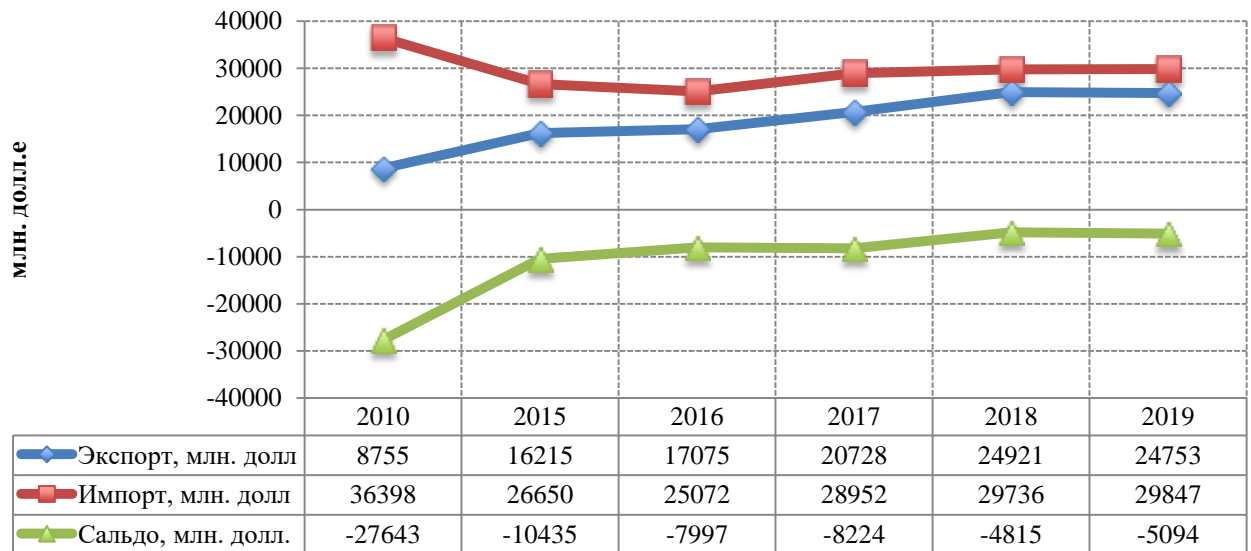

Рисунок 2.1 – Динамика внешней торговли продовольственными товарами и сельскохозяйственным сырьем России за период с 2010 г. по 2019 г.¹

С другой стороны, в ходе его реализации проявились побочные негативные эффекты в виде снижения экономической доступности продуктов питания и продовольственного благополучия населения из-за снижения покупательной способности, вызванной ростом цен и падением реальных денежных доходов населения. Кроме того, рост агропродукции во многих отраслях является неустойчивым и обусловлен преимущественными инвестициями в развитие крупных агропромышленных холдингов. Динамика производства основных видов импортозамещающей продукции по укрупненным товарным группам, в % к предшествующему периоду, представлена в Приложении А.

За период с 2014 г. по 2019 г. производство свинины замороженной увеличилось более чем в 1,8 раза, свинины парной – на 73%, заметный прогресс есть в производстве плодоовощной продукции (76%), производстве мяса замороженного (48%) и охлажденного (24%), фруктов и ягод (21%), мяса птицы (17%) и других продуктов питания. В то же время, за этот период сократилось производство рыбы и продуктов из рыбы (на 20%), колбасных изделий (на 8%) (Рисунок 2.2)

¹ Составлено автором по данным ФТС. – URL: <http://customs.ru/statistic>.

Рисунок 2.2 – Прирост производства основных видов импортозамещающих пищевых продуктов за период с 2014 г. по 2019 г., %¹

Максимальный рост спроса на продукцию отечественных производителей был отмечен в 2015 г. под влиянием девальвации рубля и снизился в 2017 г. на фоне укрепления национальной валюты и под влиянием адаптации российских потребителей к негативным макроэкономическим условиям.

Устойчивая корреляция между стоимостными объемами импорта и реальным курсом рубля проявляется достаточно очевидно, что, по мнению экспертов, согласуется с гипотезой об определяющем воздействии реального эффективного курса рубля на динамику импорта в денежном выражении² и полностью коррелирует с анализом функции спроса на импорт, выполненный различными авторами в рамках модели несовершенных субститутов. Согласно исследованиям, спрос на импортные товары зависит от доходов потребителей или производителей (если речь идет о приобретении инвестиционных или проме-

¹ Составлено автором по данным Росстата. Официальная статистика. Показатели, характеризующие импортозамещение в России. – URL: <https://www.gks.ru/folder/11188>.

² Ушкалова Д. И., Никитина С. А. Влияние внешних факторов на экспорт и импорт России // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2019. – № 6. – С. 110–122.

жуточных товаров), а также от цен на импортируемые товары и товары-субституты [Кнобель, 2011¹; Кадочников, 2006²].

Более того, и экспорт товаров с высокой степенью переработки также показывает зависимость от реального курса рубля, в отличие от сырьевых товаров (энергоресурсов, металлов), где такая зависимость отсутствует. Данные факты позволяют сделать предположение о том, что ослабление национальной валюты нельзя рассматривать в качестве фактора, способствующего экспорту высокотехнологичной продукции и продукции, в себестоимости которой имеется высокая доля импорта, поскольку «слабый» рубль ограничивает потенциал роста экспорта таких товаров³.

Сильную зависимость от курса национальной валюты, по прямым оценкам предприятий, имеют издержки, на связь которых с курсом рубля в 2017 г. указывали 84% предприятий, в 2015 г. таких было 93%. Перейти на более дешевые российские аналоги сырья, материалов, оборудования и прочих составляющих себестоимости продукции удалось 1–2% предприятий. Рост цен под воздействие девальвации рубля стал одной из причин того, что многим российским предприятиям не удалось достигнуть роста спроса на свою продукцию⁴.

По результатам 2019 г. доля импорта в товарных ресурсах продовольствия снизилась практически по всем товарам, за исключением масла растительного (+2,8%), но остается на высоком уровне по сухому молоку и сливкам (39,4%), говядине (36,1%), сырам (30,1), маслу животного происхождения (26,6%) (Рисунок 2.3).

¹ Кнобель А. Ю. Оценка функции спроса на импорт в России // Прикладная эконометрика. – 2017. – № 4. – С. 3–26.

² Кадочников П. А. Анализ импортозамещения в России после кризиса 1998 года. – Москва: ИЭПП, 2006. – 148 с.

³ Кнобель А., Фиранчук А. Российский экспорт в первой трети 2017 года // Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. – 2017. – № 12 (50). Июнь. – URL: http://www.vedi.ru/macro_r/IEP_Monitor_2017_12-50_June.pdf (дата обращения: 09.06.2018).

⁴ Цухло С. Какой курс рубля нужен российской промышленности // Экономическое развитие России. – 2017. – № 6. – С. 35–38.

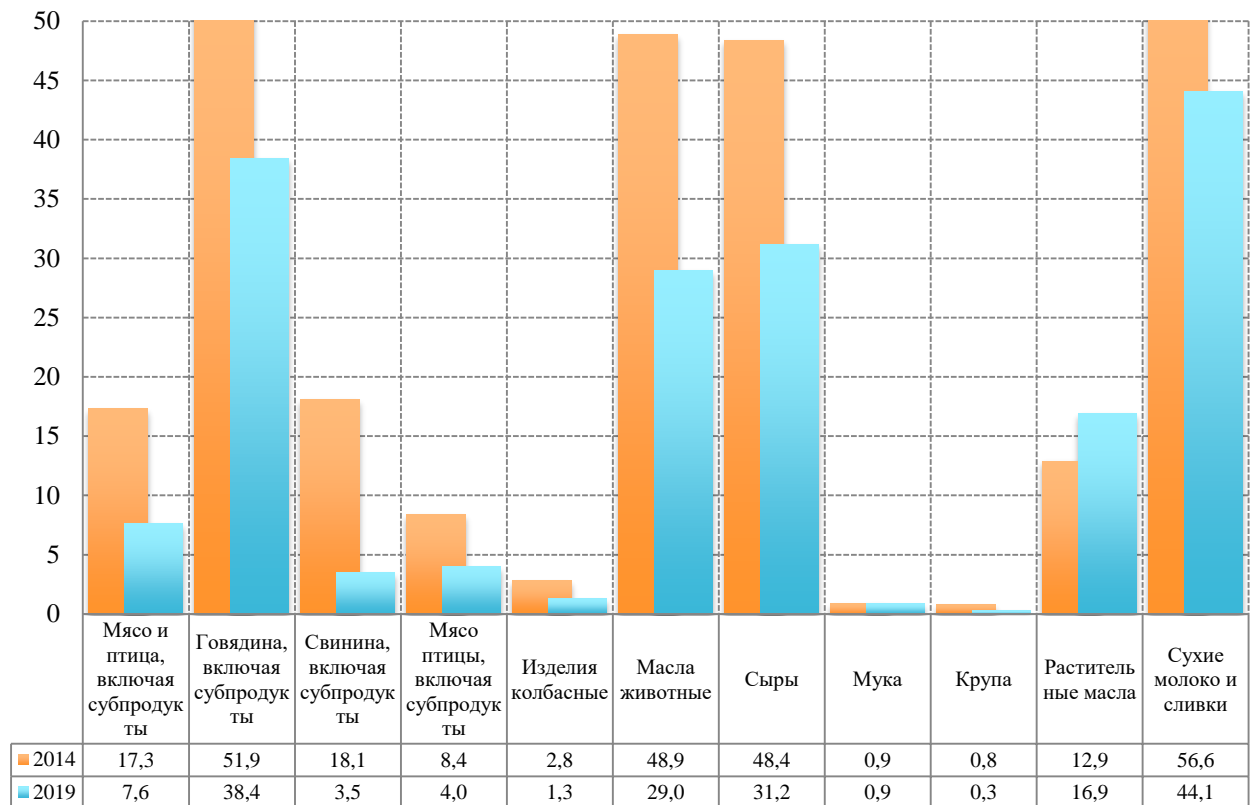

Рисунок 2.3 – Доля импорта отдельных товаров в их товарных ресурсах в 2014–2019 гг., %¹

За период с 2014 г. по 2019 г. включительно импорт продуктов животного происхождения в весовом измерении сократился с 3763 тыс. т до 600 тыс. т (в 6,2 раза), продуктов растительного происхождения – с 13171 тыс. т до 3078 тыс. т (в 4,27 раза). Ввоз мяса и продуктов переработки мяса сократился с 1664 тыс. т до 180 тыс. т (в 9 раз), рыбы – с 761 тыс. т до 125 тыс. т (в 6 раз), молока, сыра, творога – с 1279 тыс. т до 280 тыс. т (в 4,5 раза), импорт овощей сократился с 3380 тыс. т до 576 тыс. т (в 5,86 раза). В то же время, за период с 2014 г. по 2018 г. вырос импорт семян, зерна и лекарственных растений (на 12%), на долю которых в общей сумме импорта товаров растительного происхождения в 2014 г. приходилось 14,0%, в период с 2018 г. по 2019 г. сократился в 4,8 раза, а доля семян, зерна и лекарственных растений в общей сумме импорта товаров растительного происхождения в 2019 г. увеличилась до 18,8%.

¹ Составлено автором по данным Росстата. Официальная статистика. Показатели, характеризующие импортозамещение в России. – URL: <https://www.gks.ru/folder/11188>.

В исследовании автора показано, что «кроме существенного сокращения импорта продовольственных товаров, за исследуемый период заметно изменился состав участников внешней торговли. В 2014 г. основными импортерами овощей в Российскую Федерацию были: Турция (19,8%), Китай (13,4%), Нидерланды (9,5%), Польша (8,6%), Израиль (8,3%), Испания (8,3%). В 2019 г. 1/5 импорта овощей поступает из Китая (20,3%), с показателем безопасности пищевых продуктов 97,1%, за которым следуют Турция (15,1%), Иран (13,3%), Израиль (12,9%), Марокко (7,4%), Беларусь (7,1%), Азербайджан (5,3%). Аналогичная ситуация сложилась на рынке импортных поставок мяса и мясопродуктов, где с 2013 г. по 2019 г. доли стран со 100%-й безопасностью качества (Германия, Дания) сократились в пользу поставщиков с менее качественной продукцией (Беларусь). В импортных поставках мяса и продуктов из мяса в 2014 г. 43,7% приходилось на Бразилию, 10,9% – на Парагвай, 12,6% – на Беларусь, долю немного более 6% занимала Канада, 4,8% – Аргентина и 4,7% – США. В 2019 г. 34,3% мяса и мясной продукции поступило из Беларуси, 22,8% – из Бразилии, 16,6% – из Парагвая, 13,6% – из Аргентины. В 2013 г. Беларусь поставляла в Россию 38,3% молочной продукции, 8,6% импортировалось из Украины, 8,4% – из Нидерландов, 7,1% – из Финляндии. К 2018 г. практически монопольным поставщиком молочной продукции на территорию Российской Федерации стала Беларусь, доля которой в импорте молочной продукции увеличилась до 74,3%. В 2019 г. эта доля сократилась до 68,8%, но все еще остается на очень высоком уровне¹.

Изменение состава импортеров продовольственных товаров и снижение диверсификации источников импорта оказывают влияние на продовольственную безопасность. В нашем исследовании степень диверсификации источников импорта предложено определять в виде коэффициента диверсификации (R_D), представляющего собой величину, обратную степени концентрации поставщиков импортной продукции:

¹ Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Влияние внешней торговли на экономическую доступность продовольственных товаров в России // Общество и экономика. – 2019. – № 10. – С. 62–75.

$$R_D = \frac{1}{\sum_{i=1}^k y_i}, \quad (2.1)$$

где $\sum_{i=1}^k y_i$ – индекс концентрации, рассчитанный для k крупнейших импортеров, $k = 4$; $k = 20$;

Y_i – доля импортера в общей сумме импорта данного вида продовольственных товаров.

Чем выше индекс концентрации, тем более монополизирован рынок и, следовательно, ниже уровень диверсификации импортных поставок, и наоборот, чем ниже индекс концентрации, тем менее монополизирован рынок импортных поставок и, соответственно, выше уровень диверсификации.

Степень диверсификации, рассчитанная по четырем и по двадцати крупнейшим импортерам продуктов растительного и животного происхождения, а также по пищевым продуктам, напиткам и табаку, показала снижение диверсификации (Таблица 2.1).

Таблица 2.1 – Изменение степени диверсификации импортных поставок продовольственных товаров за период с 2013 по 2018 гг.¹

<i>Товарные группы</i>	<i>2013 г.</i>	<i>2018 г.</i>
Продукты животного происхождения		
Степень диверсификации, рассчитанная по 4 крупнейшим поставщикам R_{D4}	2,3753	1,6181
Степень диверсификации, рассчитанная по 20 крупнейшим поставщикам R_{D20}	1,1455	1,0881
Продукты растительного происхождения		
Степень диверсификации, рассчитанная по 4 крупнейшим поставщикам R_{D4}	3,1447	2,9586
Степень диверсификации, рассчитанная по 20 крупнейшим поставщикам R_{D20}	1,3514	1,2788
Пищевые продукты, напитки, табак		
Степень диверсификации, рассчитанная по 4 крупнейшим поставщикам R_{D4}	3,2362	3,0960
Степень диверсификации, рассчитанная по 20 крупнейшим поставщикам R_{D20}	1,3351	1,3387

Наибольшее снижение диверсификации импортных поставок в 2018 г. в сравнении с 2013 г. отмечено по товарам животного происхождения (на

¹ Рассчитано автором по данным ФТС. – URL: <http://www.customs.ru/>.

0,7572), где почти 40% импорта поставляется из республики Беларусь. Показатель безопасности пищевых продуктов России (97,5%), в пользу роста внутреннего производства которых существенно сократился импорт, также находится на уровне значительно ниже уровня развитых стран.

Импортозамещение обострило накопившиеся за предыдущие годы проблемы, среди которых:

- чрезмерная концентрация отрасли и преимущественная поддержка сверхкрупного бизнеса,
- неравномерный доступ к новейшим технологиям,
- острая необходимость технического перевооружения и модернизации отрасли,
- проблемы кадрового обеспечения и аграрного образования.

Рост концентрации и преимущественная поддержка крупнейших компаний

Агропродовольственный сектор России характеризуется доминированием крупных товаропроизводителей. Сельскохозяйственные организации выпускают 58% продукции растениеводства и значительную часть продукции животноводства: около 80% скота и птицы, более 80% яиц, около 53% молока. При этом, по данным Росстата, сельскохозяйственные организации владеют 67% посевных площадей. При практически неизменной площади земель сельхозназначения и сельскохозяйственных угодий (51,6% от земель сельхозназначения), за период с 2012 г. объем земель в собственности юридических лиц увеличился на 38%. Из зарегистрированных в России 21 тыс. сельхозорганизаций 350 производят 46,5% товарной продукции. В 61% хозяйств производится всего 4% продукции. Отчасти это связано с неравным доступом к субсидированным кредитным ресурсам и другим формам господдержки. Основная часть не входящих в холдинги компаний лишены государственных субсидий. Так, 50% сельхозорганизаций не получают, или получают незначительную, поддержку, отбор проектов субъективен, одна компания может получить до 90% от финансирования отдельных направлений поддержки. Тем самым государство безвозмездно финансирует собственников крупных частных компаний на безвозвратной основе. Можно говорить о том, что отдельные

частные компании в России получают беспрецедентно высокую поддержку, что создает им конкурентные преимущества и вытесняет малый бизнес¹. Интересен тот факт, что хозяйствами населения, владеющими всего 3% посевных площадей и не имеющими доступа к государственной поддержке, выпускается 28% продукции растениеводства, 54% КРС, около 79% овец и коз, около 40% молока.

Как показано в статье В. Черновой «высокие показатели производительности труда в агробизнесе имеют отдельные хозяйства – те, кто имеет доступ к средствам поддержки, дешевым кредитам и высоким технологиям сельскохозяйственных услуг. В результате такой поддержки в свиноводстве, к примеру, инвестиционная поддержка и повышение цен улучшили положение крупных коммерческих хозяйств. В настоящий момент в данном сегменте происходит консолидация хозяйств, и доминирующую роль играют крупные агрохолдинги. В сегменте молочного скотоводства также создано несколько мегамолочных комплексов, но в настоящее время их доля в производстве молока не увеличивается, а в перспективе, по всей вероятности, будет снижаться»².

Суммарная выручка крупнейших агрохолдингов в 2018 г. составила 2,1 трлн руб., что на 11,6% превышает показатель 2017 г., прирост чистой прибыли составил 27,3% (выросла до 113 млрд руб.), средняя рентабельность увеличилась с 4,7% до 5,4%³. Исходя из того, что совокупный оборот сельскохозяйственных организаций в 2018 г., по данным Росстата, составил 3,16 трлн руб., можно утверждать, что крупнейшие агрохолдинги аккумулируют 2/3 выручки российского агропродовольственного сектора.

В 2018 г. рейтинг крупнейших агрохолдингов возглавила ГК «Содружество» (Приложение Б), производственные активы которой расположены не

¹ Шагайда Н. И., Узун В. Я. Тенденции развития и основные вызовы аграрного сектора России. Аналитический доклад // РАНХиГС7. – URL: <https://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/12/Report-Agricultural-Sector-November-2017-Web.pdf> (дата обращения: 09.07.2019).

² Чернова В. Ю. Стратегические приоритеты политики структурно-технологической модернизации в АПК // Экономические и гуманитарные науки. – 2019. – № 1(324). – С. 90–101.

³ 50 крупнейших компаний АПК России – 2019. – URL: <http://www.acexpert.ru/analytics/ratings/50-krupneyshih-kompaniy-apk-rossii---2019.html> (дата обращения: 09.12.2019).

только в России и ЕАЭС (Беларусь), но и в странах дальнего зарубежья (Бразилия, Парагвай, Турция)¹. Головная компания зарегистрирована в Люксембурге. ГК «Содружество» занимается переработкой соевых бобов и рапса, закупкой зерновых и масличных культур. По расчетам аналитиков, самым рентабельным агрохолдингом является «Мираторг», рентабельность которого в 4–5 раз превышает среднюю (рентабельность по чистой прибыли равна 18%). В планах предприятия – крупные инвестиционные проекты по созданию двух комбикормовых заводов и крупнейшей в Европе роботизированной мясохладобойни, мощностью 525 тыс. т в убойном весе в год.

Самой динамично развивающейся компанией, по итогам 2018 г., является агрохолдинг «Степь» (агробизнес АФК «Система»), выручка которого увеличилась в 2,3 раза (Рисунок 2.4).

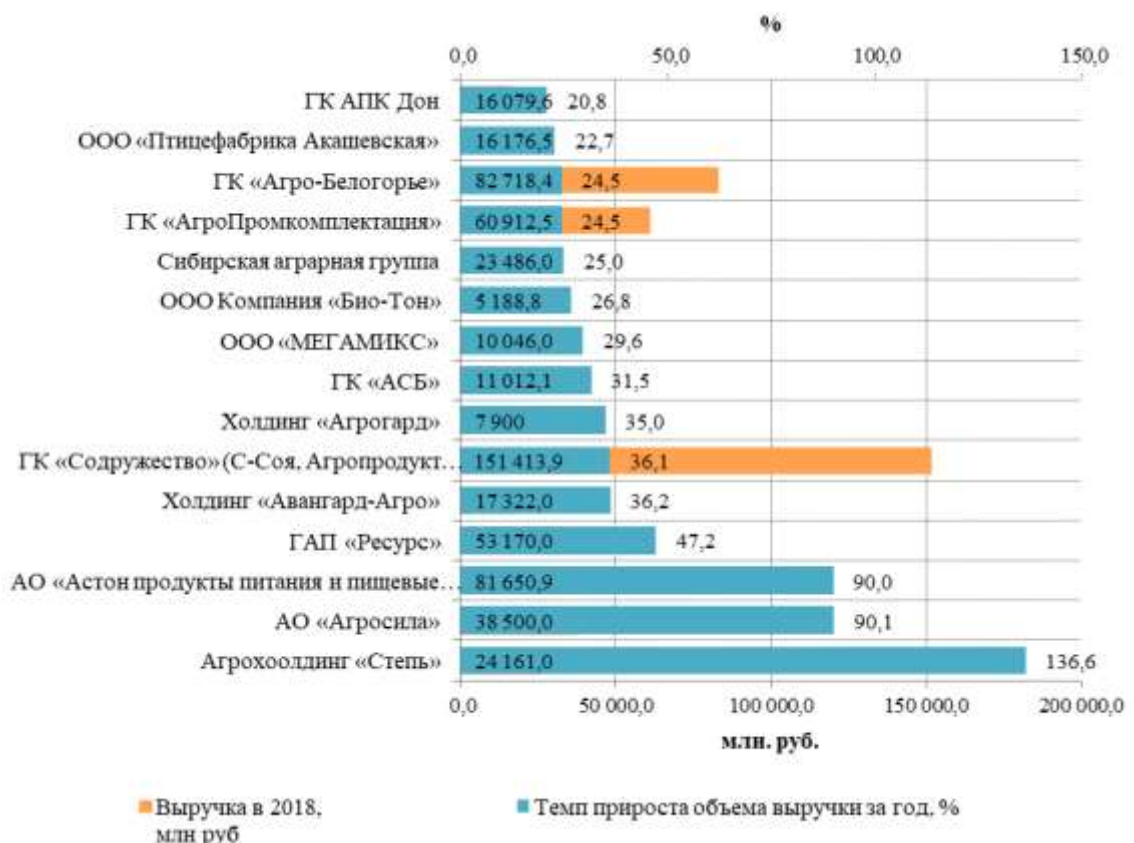

Рисунок 2.4 – Наиболее динамично развивающиеся агрохолдинги по результатам 2018 г.²

¹ Группа компаний «Содружество»: официальный сайт. – URL: <https://sodrugestvo.ru/> (дата обращения: 09.12.2019).

² Составлено автором по: 50 крупнейших компаний АПК России. – 2019. – URL: <http://www.acexpert.ru/analytics/ratings/50-krupneyshih-kompaniy-apk-rossii---2019.html> (дата обращения: 09.12.2019).

Среди наиболее эффективных компаний агропродовольственного сектора по показателю выручки на один гектар можно выделить Сибирскую аграрную группу, а по показателю производительности труда – «Агро-Белогорье», выручка которого, в расчете на одного работника в 2018 г., превысила 14 млн руб. (Рисунок 2.5).

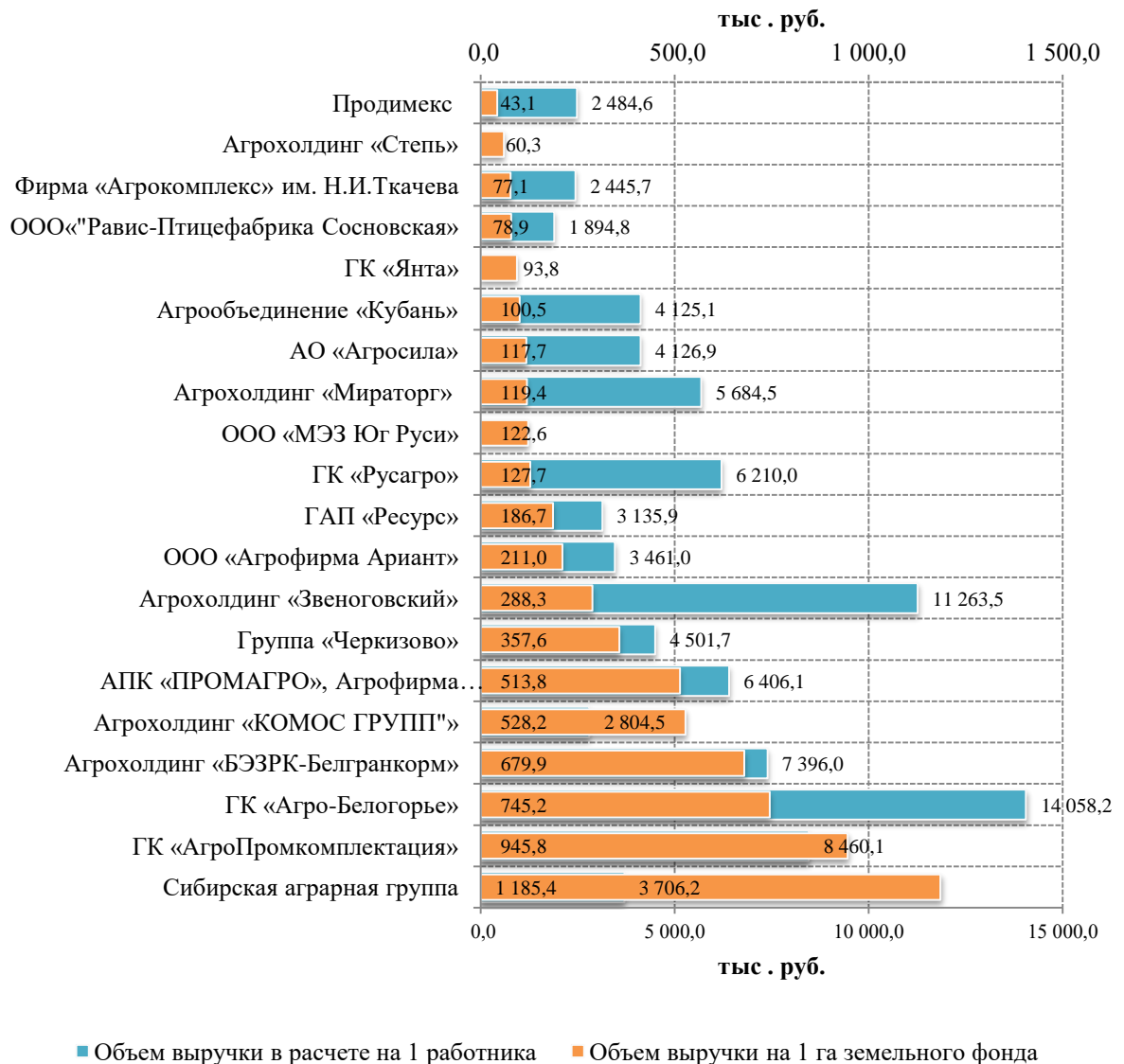

Рисунок 2.5 – Наиболее эффективные агрохолдинги по результатам 2018 г.¹

Примечательно, что в первую десятку шести отраслевых рейтингов из одиннадцати входит Агрохолдинг им. Н.И. Ткачева (Таблица 2.2).

¹Составлено автором по: 50 крупнейших компаний АПК России. – 2019. – URL: <http://www.acexpert.ru/analytics/ratings/50-krupneyshih-kompaniy-apk-rossii---2019.html> (дата обращения: 09.12.2019).

Таблица 2.2 – Позиции ведущих агрохолдингов в отраслевых рейтингах¹

<i>Отраслевые рейтинги</i>	<i>Агрохолдинг им. Н.И. Ткачева</i>	<i>Мираторг</i>	<i>Русагро</i>	<i>Агросила</i>	<i>Черкизово</i>	<i>Ариант</i>
50 крупнейших по выручке компаний АПК России – 2017	10		6	20		38
Топ-20 виноградарских хозяйств – 2017/18						1
Топ-25 компаний по общему поголовью КРС – 2018	2	1		7		
Топ-20 производителей свинины в России – 2018		1	4		2	11
Топ-20 производителей бройлера – 2018	4	9			1	
Топ-25 российских производителей мяса – 2017	6	2	10	19	1	24
Топ-5 производителей индейки – 2018					4	
Топ-20 производителей сырого молока – 2017	2			15		
Рейтинг производителей подсолнечного масла – 2017/18			9			
Топ-30 экспортеров зерна – 2017/2018 (июль-май)						
Рейтинг производителей комбикормов – 2017	6	2	7	16	1	18

Рост выручки агрохолдингов в 2018 г. во многом объясняется процессами консолидации отрасли. Так, агрохолдинг «Русагро» поглотил масложировые активы «Солнечных продуктов» (бренды «Россиянка», «Московский провансаль») и приобрел 22,5% производителя свинины ГК «Агро-Белогорье»; «Черкизово» приобрело у агрохолдинга «Приосколье» «Алтайский бройлер», курский комплекс компании «Белая птица» и купило 75% ГК «Самсон – продукты питания» (г. Санкт-Петербург), которая управляет мясокомбинатом «Всеволожский». В планах у компании на 2020 г. – дальнейшее расширение мощностей с объемом инвестиций 10 млрд долл., как за счет органического роста, так и за счет новых сделок по слияниям-поглощениям.

¹ Составлено автором по журналу «Агроинвестор». – URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/>; журналу «Вестник АПК» – URL: <https://vestnikapk.ru/>; интернет-порталу MilkNews. – URL: <https://milknews.ru/>; интернет-порталу. – URL: <https://www.oilworld.ru/>.

По мнению ряда экспертов «Агроинвестора»¹, инвесторам интересны два основных типа актива в агропродовольственном секторе: сегменты с высоким экспортным и с импортозамещающим потенциалом. С точки зрения представителей крупного агробизнеса, основным фактором, ограничивающим развитие отрасли в современных условиях, является низкий внутренний спрос населения. В результате при низком спросе на продукты питания на рынке отдельных товаров возникло перепроизводство, которое давит на цены, что обостряет необходимость развития экспорта. В частности, дальнейшее развитие свиноводства – одной из отраслей-лидеров в российском агропродовольственном секторе, в условиях перенасыщенного внутреннего рынка при существующем спросе и низкой покупательной способности населения во многом будет зависеть от выхода на новые экспортные направления.

В настоящее время ключевым барьером на пути развития многих экспортных направлений являются торговые ограничения. Рынки Европы и США для российских аграриев фактически закрыты, азиатские страны неохотно допускают российских игроков на свои рынки.

Тем не менее, «Мираторг» в марте 2019 г. отгрузил в КНР первую партию мяса птицы, а в мае того же года экспортировал в Гонконг первые 125 т свинины и говядины.

Агрохолдинг «Русагро» в 2018 г. запустил мясной комплекс мощностью 82 тыс. т. с объемом инвестиций около 28 млрд руб., выход которого на полную мощность запланирован на 2021 г. Проект предусматривает развитие экспортного направления и, в случае открытия азиатских экспортных рынков (Китай, Япония, Южная Корея), имеется возможность запуска дополнительных очередей и выхода на производственную мощность в 340 тыс. т.

ГК «Эфко» намерена создать совместное производство в Египте с египетской компанией United Oil, что позволит к 2024 г. увеличить экспорт масложировой продукции в 3 раза.

¹ Кулистикова Т. Новые старые вызовы для АПК. – 2020. – URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytcs/article/33169-novyie-staryie-vyzovy-dlya-apk-bez-masshtabnogo-razvitiya-eksporta-i-rosta-effektivnosti-agrosektoru-v/> (дата обращения: 09.02.2019).

Процессы консолидации и концентрации отрасли имеют как положительные, так и негативные последствия для развития агропродовольственного сектора.

С одной стороны, рост самообеспеченности зерном, мясом птицы, свинины, сахара и растительного масла произошёл во многом благодаря агрохолдингам.

Крупные агрохолдинги продемонстрировали возможность аккумулировать значительные финансовые ресурсы и показали, во многом благодаря господдержке, устойчивость к неблагоприятным либо неожиданным изменениям во внешней среде¹.

Вертикальная интеграция агрохолдингов «от кормов до тарелки» дает им следующие преимущества:

- обеспечение своих перерабатывающих предприятий сельскохозяйственным сырьем требуемого качества в нужном объеме;
- снижение себестоимости и повышение конкурентоспособности продукции за счет внедрения самых передовых технологий;
- сокращение транзакционных издержек посредством перевода сделок из рыночных структур во внутренние подразделения компании;
- снижение логистических затрат за счет кластерного развития полного цикла производства на ограниченной территории;
- оптимизация налоговой нагрузки за счет исключения налогов на промежуточные продукты;
- снижение затрат на качество за счет полного его контроля – от кормов и сырья до готовой продукции.

В то же время, концентрация агропродовольственного сектора ведет снижению конкуренции, вытеснению малых и средних фермерских хозяйств и мо-

¹ Родионова Е. В. Интеграционные процессы в мясопродуктовом подкомплексе АПК России: результаты, особенности, направления развития // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11, № 2. – С. 144–159. – DOI 10.15838/esc.2018.2.56.10; Шевцов В. В., Карпенко Г. Г. О некоторых аспектах работы крупных агроформирований // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2019, № 3. – С. 142–151.

нополизации рынка¹. Среди барьеров, создаваемых агрохолдингами, можно назвать:

- запрет на ведение некоторых видов деятельности вблизи агрохолдингов (ликвидация свиноводства в хозяйствах населения в Белгородской, Псковской и других областях);
- распоряжение большей частью плодородных земель;
- политическое и экономическое лоббирование, в том числе, в получении господдержки².

Кроме того, агрохолдинги оказывают негативное воздействие и на социальную ситуацию в сельской местности:

- рост безработицы в сельской местности из-за сокращения численности занятых в сельском хозяйстве за счет внедрения новых технологий;
- рост профессиональной и социальной деградации населения;
- ухудшение экологической обстановки на территориях размещения крупных животноводческих комплексов за счет чрезмерной концентрации поголовья скота на единицу площади.

Существует мнение, что агрохолдинги в действительности не показывают преимуществ ни в экономической эффективности, ни в показателях рентабельности, фондоотдачи, ни в воспроизводстве плодородия земли, ни в экологических последствиях деятельности³.

Многие страны, а также многонациональные компании, работающие на российском рынке, не используют вертикальную интеграцию через долю в собственности, а применяют организацию производства, основанную на самостоятельно функционирующих звеньях цепочки добавленной стоимости (комби-

¹ Ларин С. Н., Знаменская А. Н. Тенденции развития сельского хозяйства и необходимость взаимодействия агрохолдингов и фермерских хозяйств // Наука без границ. – 2019. – № 5 (33). – С. 20–29.

² Иншаков А. А. Характеристика сельскохозяйственных укладов США и России в современных условиях // Вестник Российского университета кооперации. – 2018. – № 3 (33). – С. 28–34.

³ Там же.

кормовый завод – фермерское хозяйство – перерабатывающий мясокомбинат)¹. В России же фермерские хозяйства практически не встроены в вертикальные производственные цепочки.

С позиции автора, на основе разумного сочетания всех форм хозяйствования (крупных агрохолдингов, сельскохозяйственных организаций, мелких и средних фермерских хозяйств и личных подсобных хозяйств населения) в отечественном агропродовольственном секторе возможно обеспечить реализацию преимуществ каждой формы хозяйствования, что будет способствовать экономическому росту отрасли и устойчивому развитию сельских территорий.

Неравномерное внедрение новых технологий

Масштабы внедрения «передовых технологий в сельское хозяйство в России носят неравномерный характер. Если крупные сельскохозяйственные организации давно внедряют и адаптируют современные технологии, то средние, и, тем более, мелкие, фермеры не имеют такой возможности»². В растениеводстве, по заявлению руководителя департамента развития и управления государственных и информационных ресурсов Минсельхоза И. Козубенко, только 10% пашен обрабатываются с применением цифровых технологий³, методы точного земледелия внедряются в 28 из 85 субъектов Российской Федерации⁴.

Кроме того, цифровые технологии носят комплексный характер, их применение требует больших знаний и опыта, а внедрение – больших средств. Они эффективны в том случае, если применяются в комплексе с другими современными сельскохозяйственными технологиями, такими, как технологии использования высокоурожайных семян, более качественных удобрений и пестицидов. Таким образом, в настоящее время цифровые технологии применяются, и

¹ Ушачев И., Жуков Н. Фермерству в России быть // АПК: Экономика, управление. – 2020. – № 2. – С. 93–95.

² Чернова В. Ю. Стратегические приоритеты политики структурно-технологической модернизации в АПК // Экономические и гуманитарные науки. – 2019. – № 1 (324). – С. 90–101.

³ Шустков В. Ума система. Сколково. – 25 апреля 2018. – URL: <https://sk.ru/news/b/press/archive/2018/04/25/uma-sistema.aspx> (дата обращения: 15.11.2018).

⁴ Collinson, Shura. How Digital Farming Could Boost Russia's Competitive Advantage on Global Markets. // Skolkovo Newsю – February 21. – URL: https://sk.ru/news/b/articles/archive/2018/02/21/howdigital-farming-could-boost-russia_1920_s-competitive-advantage-on-global-markets.aspx (дата обращения: 15.11.2018).

особенно результативны, в крупных агрохолдингах, имеющих финансовые ресурсы и привлекающих высококвалифицированных специалистов.

Небольшие фермерские хозяйства и, тем более, домашние хозяйства редко имеют, или вообще не имеют, доступа к цифровым технологиям и практически их не используют, поскольку не имеют оборудования, не обладают умениями и навыками, которые позволили бы им воспользоваться преимуществами цифровых технологий и перейти на качественно новый уровень деятельности.

Хотя опыт зарубежных, в том числе, развивающихся, стран, показывает, что мелкие и средние фермеры могут использовать цифровые технологии для связывания с рынком, что расширяет их возможности встраивания в существующие цепочки добавленной стоимости, для устранения проблем при внедрении новых технологий за счет доступа к информации о новых разработках и постоянного доступа к консультационным услугам для получения информации о новых сортах семян, удобрений и т. д.¹ Использование цифровых технологий помогает мелким фермерам производить более качественную продукцию, соответствующую высоким требованиям к ней со стороны потребителей. Государственные программы в России не нацелены по содействию мелким и средним хозяйствам, и, в целом, такие хозяйства работают недостаточно эффективно. В то же время, мелкие и средние хозяйства способны расширить производство сельскохозяйственной продукции, повысить конкурентоспособность и выйти на нишевые рынки и рынки продукции премиум-класса, на которых крупные агрохолдинги, вероятно, будут неконкурентоспособны².

Необходимость технического перевооружения

Для обеспечения модернизации агропродовольственного сектора страны с целью увеличения выпуска базовой сельскохозяйственной продукции и реа-

¹ Aker J. C. Dial 'A' for Agriculture: A Review of Information and Communication Technologies for Agricultural Extension in Developing Countries // *Agricultural Economics*. – 2011. – N 42 (6). – P. 631–647.

² Hakobyan A., Nielson D. J., Deblitz C., Bathla S., Zemlyanski D., Pugacheva A. *Russia: Policies for Agri-Food Sector Competitiveness and Investment (Russian)*. – Washington, DC: World Bank Group. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/457551512402319602/Russiapolices-for-agri-food-sector-competitiveness-and-investment> (дата обращения: 15.11.2018).

лизации задач, которые поставлены перед отечественным сельским хозяйством Доктриной продовольственной безопасности Российской Федерации и майскими указами Президента, определяющую роль играют модернизация и рост выпуска отрасли сельскохозяйственного машиностроения.

Обеспеченность российских сельхозпроизводителей основными видами аграрной техники существенно ниже, чем в развитых странах, и до настоящего времени ситуация существенно не изменилась – количество сельхозтехники у российских аграриев продолжает снижаться¹. По данным Агроинвестора, у российских аграриев в 2019 г. в наличии имелось 17 тыс. единиц кормоуборочных комбайнов, 125 тыс. единиц зерноуборочных комбайнов и 428 тыс. единиц тракторов². Количество тракторов, приходящееся на 100 км² обрабатываемой земли, в России составляет лишь 27,1 единицы, в то время как в США аналогичный показатель достигает 271 единицы, во Франции – 640,25 единицы, в Испании – 831,18 единицы, в Германии – 838,27 единицы, в Австрии – 2401,25 единицы³. Несмотря на то, что коэффициент обновления сельхозтехники (4,3%), который представляет собой выраженное в процентах отношение приобретенной новой техники к ее суммарному наличию на конец отчетного года, в сельском хозяйстве на протяжении последних трех лет превышает средние значения по экономике, а степень износа основных фондов в сельском хозяйстве на протяжении последних десяти лет меньше, чем в среднем по экономике, средний возраст машин (9,3 года) все еще остается на достаточно высоком уровне.

Таким образом, как отмечено в статье автора, «актуальность обновления парка сельхозтехники в отечественном сельском хозяйстве на сегодняшний день очень велика, а текущие темпы обновления явно недостаточны. Кризис 2014–2015 гг. в российской экономике соответствующим образом сказался на платежеспособном спросе российских аграриев, вызвав спад объемов продаж

¹ Мощность сельхозтехники в стране за пять лет уменьшилась на 12% // Агроинвестор: [сайт]. – URL: <https://www.agroinvestor.ru/tech/news/29700-moshchnost-selkhoztekhniki-v-strane-umenshilas-na-12/> (дата обращения: 08.10.2019).

² Дело техники. Что принесет рынку отмена постановления 1432 // Агроинвестор: [сайт]. – URL: <https://www.agroinvestor.ru/tech/article/32196-delo-tekhniki/> (дата обращения: 08.10.2019).

³ The World Bank. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/AG.LND.TRAC.ZS>.

практически по всем основным группам сельхозтехники»¹. Еще одним неблагоприятным трендом на рынке сельхозтехники, по мнению экспертов ВШЭ, стало усиление рыночных позиций ограниченного числа компаний, таких, как Ростсельмаш и Петербургский тракторный завод, при сокращении производства, или даже уходе с рынка, других предприятий².

Будет нелишним напомнить, что «текущие результаты российского рынка сельхозтехники достигнуты в условиях продолжительной всеобъемлющей поддержки государства, что вызвало изменение структуры рынка в пользу отечественных предприятий. Так, если в 2014 г. на долю импорта приходилось 72% стоимостного объема продаж на российском рынке сельхозтехники, то уже в 2016 г. аналогичный показатель составил лишь 46%»³. Поскольку кардинальных положительных изменений спроса отечественных аграриев не наблюдается, то логично, что государство особую ставку делает на развитие экспорта.

В 2018 г. отрасль сельскохозяйственного машиностроения нарастила экспорт на 57%, причем за счет роста поставок в страны ЕС. Увеличение экспорта в страны ЕАЭС, в частности в Казахстан – основной импортер российской сельхозтехники, затруднено не только в связи с ограниченным размером рынка, но и в связи с затоваренностью отрасли сельскохозяйственного машиностроения Беларуси – стратегического партнера России по ЕАЭС. Тем не менее, по данным за 2018 г., экспорт российской сельхозтехники увеличился в страны СНГ: Казахстан, Белоруссию, Узбекистан, Киргизию, Молдавию, Армению⁴. Существенно выросла доля стран ЕС (Польша, Венгрия, страны Прибалтики, Болгария, Словакия, Германия, Франция) в российском экспорте продукции сельхозмашиностроения. По данным Минпромторга России, с 2013 г. по 2017 г.

¹ Чернова В. Ю. Стратегические приоритеты политики структурно-технологической модернизации в АПК // Экономические и гуманитарные науки. – 2019. – № 1 (324). – С. 90–101.

² Бутов А. М. Рынок сельскохозяйственных машин. – НИУ ВШЭ. Центр развития, 2017. – 72 с.

³ Чернова В. Ю. Стратегические приоритеты политики структурно-технологической модернизации в АПК // Экономические и гуманитарные науки. – 2019. – № 1 (324). – С. 90–101.

⁴ Россия резко нарастила экспорт сельхозтехники. В тренде – экспорт в Евросоюз. – URL: <http://www.iarex.ru/news/59477.html> (дата обращения: 15.11.2018).

экспорт российской сельскохозяйственной техники и оборудования увеличился на 88 процентов – с 4,2 до 7,9 млрд руб.¹

Рост экспортных поставок сельскохозяйственной техники российского производства обусловлен господдержкой, в том числе,

– субсидированием затрат на регистрацию на зарубежных рынках объектов интеллектуальной собственности;

– субсидированием части затрат на транспортировку продукции (до 80%) и сертификацию продукции при реализации инвестиционных проектов на внешних рынках (до 90%);

– компенсацией части затрат, связанных с участием в конгрессно-выставочных мероприятиях по продвижению продукции на внешние рынки (до 80%);

– страхованием экспорта.

К тому же государство выделяет немалые субсидии по программе субсидирования предприятиям сельскохозяйственного машиностроения части понесенных ими затрат на производство и реализацию сельскохозяйственной техники, субсидии на НИОКР и модернизацию российских предприятий; этот блок финансовой помощи включает в себя как прямые субсидии на финансирование НИОКР, так и частичное возмещение процентов по кредитам, взятым на модернизацию предприятий, что позволяет производителям сельхозтехники проводить модернизацию производств, наращивать производственные мощности, разрабатывать и производить новые современные модели техники. Помимо адресных программ отрасли сельхозмашиностроения, на входящие в нее предприятия распространяются и общепромышленные программы поддержки, такие, например, как Специальные инвестиционные контракты (СПИК), механизм действия которых подразумевает предоставление инвестору ряда преференций (налоговые льготы, приоритетный доступ к госзаказу, льготную аренду земли, инфраструктурные обязательства и т. д.) в обмен на инвестиции для создания либо модернизации предприятия. Примером модернизации предприятия

¹ Отечественные тракторы осваивают зарубежные поля. – URL: <http://www.rosagromash.ru/rosspetsmash-v-smi/2944-otechestvennyye-traktory-osvaiwayut-zarubezhnyye-polya> (дата обращения: 15.11.2018).

в отрасли сельхозмашиностроения с использованием механизмов СПИК является модернизация завода КЛААС (Краснодар). Еще одним фактором, способствующим росту экспорта, является низкий курс рубля, в результате чего российская сельхозтехника в долларах и евро дешевле западных аналогов.

На фоне падения внутреннего спроса на сельхозтехнику наблюдается рост ее экспорта. Для стимулирования внутреннего спроса Минпромторг предложил дополнительные меры, подготовив изменения в постановление правительства о субсидиях на лизинг сельхозтехники (10–15% от стоимости), что должно обеспечить рост спроса со стороны российских аграриев. С критикой данной меры выступают эксперты НИУ ВШЭ, по мнению которых, Росагролизинг и ключевые игроки отрасли искусственно повышают спрос в расчете на последующую компенсацию со стороны государства¹.

Проблемы кадрового обеспечения и аграрного образования

Стратегически важной задачей реализации целей майских указов Президента в агропродовольственном секторе является «кадровое обеспечение предприятий отраслей специалистами, обладающими высоким уровнем квалификации, способными обеспечить высокий рост производительности труда. Несмотря на то, что процессы модернизации способствуют высвобождению занятых тяжелым физическим трудом»², совершенствование технологий производства и переработки, транспортировки и хранения готовых продуктов, в свою очередь, требует наличия квалифицированных специалистов, обладающих специальными знаниями и навыками, отвечающими тенденциям развития отрасли.

По данным Минсельхоза России, уровень освоения научно-технических достижений в хозяйственной практике российских аграриев в настоящий момент не превышает 5% от числа вновь созданной научно-технической продукции, тогда как в США и Евросоюзе этот показатель находится на уровне 30–50%³.

¹ Бутов А. М. Рынок сельскохозяйственных машин. – НИУ ВШЭ. Центр развития, 2017. – 72 с.

² Чернова В. Ю. Стратегические приоритеты политики структурно-технологической модернизации в АПК // Экономические и гуманитарные науки. – 2019. – № 1 (324). – С. 90–101.

³ Иван Лебедев: качественная подготовка кадров – залог успешного развития АПК // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации: официальный сайт. – 2019. – URL:

Таким образом, при современных возможностях технологического обеспечения отрасли и современных научных разработках все острее ощущается необходимость соответствующей подготовки специалистов для дальнейшего устойчивого развития отрасли. «Важную роль в подготовке кадров и формировании кадрового резерва отраслей агропродовольственного сектора играют аграрные вузы, которые также должны стать центрами трансферта знаний и распространения современных технологий в сельхозпроизводстве»¹.

Важным вопросом является обеспечение качества образовательной деятельности аграрных вузов. Например, за период 2015–2017 гг. в России 15 аграрных вузов были лишены государственной аккредитации образовательной деятельности по отдельным уровням и направлениям подготовки². В новых экономических условиях для выполнения задачи по обеспечению продовольственной независимости страны необходимо за короткий период перестроить систему подготовки специалистов в сфере сельского хозяйства. Переход сельского хозяйства на цифровые технологии определяет направление трансформации подготовки специалистов с учетом требований рынка. Работодатели уже формируют запросы на подготовку кадров по таким направлениям подготовки, как оператор дронов, которые используются для беспилотного контроля состояния посевов, мониторинга урожая и иных технологических операций. Еще одним новым направлением подготовки, как ожидается, в самое ближайшее время станет агрокибернетинг – обслуживание цифровых производств, умных ферм, внедрение новых методов автоматизации.

По данным Минсельхоза России, в аграрных вузах обучается 301,7 тыс. человек (7,1% от общей численности обучающихся по программам бакалавриа-

<http://mcx.ru/press-service/news/ivan-lebedev-kachestvennaya-podgotovka-kadrov-zalog-uspeshnogo-razvitiya-apk/> (дата обращения: 15.11.2018).

¹ Чернова В. Ю. Стратегические приоритеты политики структурно-технологической модернизации в АПК // Экономические и гуманитарные науки. – 2019. – № 1 (324). – С. 90–101.

² Парламентские слушания «О совершенствовании механизмов государственной поддержки агропромышленного комплекса Российской Федерации». – 2018, февр. – URL: <http://council.gov.ru/media/files/lvXXKErrWGWoTUqles8VxvNq9liDk71g.pdf> (дата обращения: 15.11.2018).

та, специалитета, магистратуры), из них 54% на бюджетной основе¹, но приходят на работу в аграрные организации менее 1/3 выпускников. В результате нехватка специалистов с высшим образованием составляет около 80 тыс. чел., среди них: агрономов (9,7 тыс.), зоотехников (10,1 тыс.), ветврачей (10,4 тыс.), инженеров (13,8 тыс.), экономистов (6,2 тыс.), бухгалтеров (13,2 тыс.). Остро ощущается нехватка специалистов среднего звена и рабочих специальностей, дефицит которых частично покрывается полупрофессиональными кадрами, получившими умения и навыки уже на рабочем месте².

В настоящее время «даже крупные аграрные холдинги, на которых полным ходом идет модернизация, сталкиваются с проблемой кадрового дефицита, которую пытаются решить на основе выстраивания сотрудничества в вузах и со средними специальными учебными заведениями, внедрением системы стимулов для удержания сотрудников, возрождением системы наставничества»³.

В качестве основных причин сложившейся ситуации можно выделить:

- старение кадрового состава и вступление в пенсионный возраст значительной части работников, занятых ручным трудом;
- нежелание выпускников вузов и молодых специалистов работать в сфере сельского хозяйства по причине непрестижности работы в сельском хозяйстве из-за тяжелых условий работы и низкой оплаты труда, которая почти в два раза ниже среднего показателя в целом по экономике;
- нежелание молодых специалистов проживать в сельской местности по причине значительного разрыва в уровне жизни в сельской местности и в городах;
- разрушение генетического потенциала сельской местности;
- отсутствие крепких связей образовательных учреждений аграрного профиля с сельхозпредприятиями.

¹ Чернова В. Ю. Стратегические приоритеты политики структурно-технологической модернизации в АПК // Экономические и гуманитарные науки. – 2019. – № 1 (324). – С. 90–101.

² Рождественская В. В., Шипилина Г. В., Бутова О. В., Чудинова Ю. В., Черданцева И. В., Рождественская В. В. Проблема кадрового обеспечения сельских территорий и задачи аграрного образования Томской области // Профессиональное образование в современном мире. – 2017. – Т. 7, № 3. – С. 1238–1245. – DOI 10.15372/PEMW20170314.

³ Чернова В. Ю. Стратегические приоритеты политики структурно-технологической модернизации в АПК // Экономические и гуманитарные науки. – 2019. – № 1 (324). – С. 90–101.

Часть проблем руководители сельскохозяйственных организаций пытаются решать собственными силами. Так, в Тверской области для обеспечения выпуска специалистов с высоким уровнем подготовки по специальностям, востребованным на региональном рынке труда, предполагается создание сельскохозяйственного производственно-образовательного кластера. Для этого уже подписано несколько соглашений о сотрудничестве между Ассоциацией фермеров, собственниками личных подсобных хозяйств и сельхозпроизводителями с рядом колледжей¹.

Совершенно очевидно, что решение всего комплекса проблем обеспечения отраслей агропродовольственного сектора высококвалифицированными кадрами силами только некоторых представителей бизнеса невозможно и требует незамедлительных и действенных мер со стороны государства.

Таким образом, несмотря на некоторые достигнутые успехи в развитии отечественного агропродовольственного сектора, для его дальнейшего развития требуется пересмотр приоритетов политики импортозамещения и совершенствование инструментов реализации этой политики.

2.2. Россия на мировом рынке продуктов питания

Россия после 1990 г. все сильнее втягивалась в систему международной торговли. Если в 1991 г. отношение экспорта к ВВП составляло 13,3%, то в 2000 г. оно достигло 44,1%, и в дальнейшем держалось на уровне 35–30%². Однако в посткризисный период, прежде всего, после 2014 г., проявилась противоположная тенденция к замедлению глобализации российской экономики; она обусловлена как объективными (рецессия, мировая конъюнктура, структура производства), так и субъективными (экономические санкции, барьеры доступа

¹ Несколько соглашений в сфере подготовки кадров для АПК подписала Тверская область на выставке «Золотая осень». – URL: <http://xn----ctbbkcp3ddjc7i.xn--p1ai/dailynews/neskolko-soglasheniy-v-sfere-podgotovki-kadrov-dlya-apk-podpisala-tverskaya-oblast-na-vystavke-zolot/> (дата обращения: 15.11.2018).

² Российский статистический ежегодник: Стат. сб. / Росстат. – М.: Росстат, 2018. – 694 с.

к финансовым рынкам) факторами¹. Необходимость структурной трансформации экономики заставляет Россию укреплять международное экономическое сотрудничество с зарубежными странами и искать новые точки роста.

В настоящее время наработано значительное количество исследований по вопросам проблем и выгод от участия стран в международном экономическом сотрудничестве.

СТРАНЫ СНГ

В настоящее время Содружество Независимых Государств (СНГ), в состав которого входят одиннадцать из пятнадцати республик некогда единого союзного государства, сохраняет статус самой представительной, по числу участников, организации на постсоветском пространстве. Вместе с тем анализ научных публикаций последних лет показал, что в области изучения проблематики, связанной с экономическими процессами на постсоветском пространстве, наблюдаются существенное снижение интереса к данной организации и перспективам ее развития на фоне повышения научного и практического интереса к евразийской интеграции в формате ЕАЭС².

Интеграционная составляющая неизменно присутствовала и продолжает органично выражаться в инициативах и предложениях России в отношении постсоветских стран, прежде всего, Содружества Независимых Государств (СНГ). Однако тенденции экономических, политических и социальных процессов на пространстве СНГ серьезно скорректировали интеграционную мотивацию России и ее партнеров по интеграционному взаимодействию³.

По мнению Г. Чуфрина, анализ тенденций в развитии экономических, политических и социальных процессов на пространстве СНГ дает основание характеризовать сложившуюся здесь к настоящему времени обстановку как не-

¹ Svarin D. The construction of 'geopolitical spaces' in Russian foreign policy discourse before and after the Ukraine crisis // *Journal of Eurasian Studies*. – 2016. – № 7 (2). – P. 129–140. – DOI 10.1016/j.euras.2015.11.002.

² Харитоновна Н. И. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: экономика vs политика // *Среднерусский вестник общественных наук*. – 2017. – № 3. – С. 131–136.

³ Бахлова О. В. Интеграционная политика России в регионе Содружества независимых государств: возможности, оценки, перспективы // *Регионоведение*. – 2017. – № 4. – С. 482–511.

устойчивую и даже кризисную. Свидетельствами кризиса в отношениях стран СНГ являются не только непрекращающееся обострение российско-украинских отношений, которое с политической сферы распространилось на экономическую, социальную, и даже духовную, но и расширение круга стран, которые уже сделали, или высказывают намерение сделать, выбор в пользу сближения с западными странами и НАТО, сокращая при этом интенсивность и масштабы отношений с Россией¹.

На усиление центробежных тенденций на пространстве постсоветских стран обращают внимание многие исследователи. В частности, А. Рябов рассматривает цикличность эволюции интеграционных процессов на постсоветском пространстве и приходит к выводу, что, в условиях усиления интереса к постсоветскому пространству со стороны внешних игроков и возможного расширения их состава, фрагментация региона в ближайшее время может ускориться². Центростремительные тенденции на постсоветском пространстве до настоящего времени поддерживались, в первую очередь, способностью России оказывать экономическую помощь одним странам (Беларуси), и обеспечивать и гарантировать безопасность другим странам (Армении). Опасения, что в результате влияния западных санкций и усиления изоляции Россия не сможет оказывать экономическую помощь и обеспечивать безопасность, усиливают многовекторность внешней политики даже стран – ближайших союзников России и партнеров по ЕАЭС.

В отличие от Европейского союза, в рамках которого исторически независимые страны повышают уровень связанности экономик, а также передают часть полномочий на наднациональный уровень, у евразийской интеграции есть выраженная специфика – она формируется в регионе, который раньше был единым высокоцентрализованным государством. Логика региональной интеграции группы стран, ранее входивших в состав единого политического и (или)

¹ Чуфрин Г. Интересы России на постсоветском пространстве: современные вызовы и ответы // Россия и новые государства Евразии. – 2019. – № 1. – С. 9– 20.

² Рябов А. Постсоветское пространство: факторы и циклы развития. Россия и новые государства Евразии. – 2018. – № 3. – С. 67– 82. – DOI 10.20542/2073-4786-2018-3-67-82.

экономического объединения и сохраняющих высокий уровень экономических, политических и культурных взаимосвязей, объясняется теорией скрепляющей интеграции¹. В этой модели региональная интеграция имеет иную стартовую точку и может служить другой цели, нежели в рамках классического подхода, анализирующего европейскую интеграцию. В частности, скрепляющая интеграция может демонстрировать V-образную динамику с сильными дезинтеграционными процессами после прекращения существования единого государства и реинтеграционными процессами в последующем периоде с возможной сменной состава участников. Иной путь развития скрепляющей интеграции проявляется и в отношении внешних шоков. В классическом интеграционном объединении во время глобальных экономических кризисов наблюдается снижение уровня торгово-экономических отношений. В интеграционном объединении, развивающемся в соответствии с моделью скрепляющей интеграции, экономический спад может стать стимулом для кооперации между странами. В условиях неблагоприятной экономической ситуации глубокие экономические связи между вновь получившими независимость государствами будут укрепляться с большей вероятностью, чем связи этих государств с третьими сторонами².

Наибольшую пользу интеграционному проекту на постсоветском пространстве может принести прагматичный подход, ориентированный на решение насущных экономических проблем – модернизации экономик и роста их конкурентоспособности, наращивания промышленной мощи на основе экономически выгодной кооперации, изменения позиции в международном разделении труда. В соответствии с этим подходом, интеграция рассматривается не как цель, а как инструмент обеспечения экономического развития. Успешность интеграционного проекта обеспечивается не только свободой перемещения взаимовыгодных потоков товаров, услуг, труда и капитала внутри интеграционного

¹ Евразийский экономический союз. – Санкт-Петербург: ЦИИ ЕАБР, 2017. – 296 с.

² Vinokurov E., Libman A. Do Economic Crises Impede or Advance Regional Economic Integration in the Post-Soviet Space? // *Post-Communist Economies*. – 2014. – N 3 (26). – P. 341–358.

объединения, но и идеологией открытости миру, что, однако, не исключает ценностной идеологической составляющей¹.

Доля взаимной торговли между странами СНГ в 2017 году в общем объеме их внешнеторгового оборота составила 19%, при этом 92,9% общего объема взаимной торговли приходится на четыре крупнейшие экономики Содружества – Беларусь, Казахстан, Россию и Украину. Опережающий рост взаимной торговли стран СНГ, в сравнении с их торговлей со странами дальнего зарубежья, обеспечивает рост импорта, который в 2017 г. вырос на 24,5% и составил 80,3 млрд долларов США, в то время как из других стран мира импорт вырос на 22,3%. Объем взаимного экспорта стран Содружества увеличился в 2017 году на 23,8% (со странами дальнего зарубежья – на 24,5%), и составил 84,5 млрд долларов США (Рисунок 2.6).

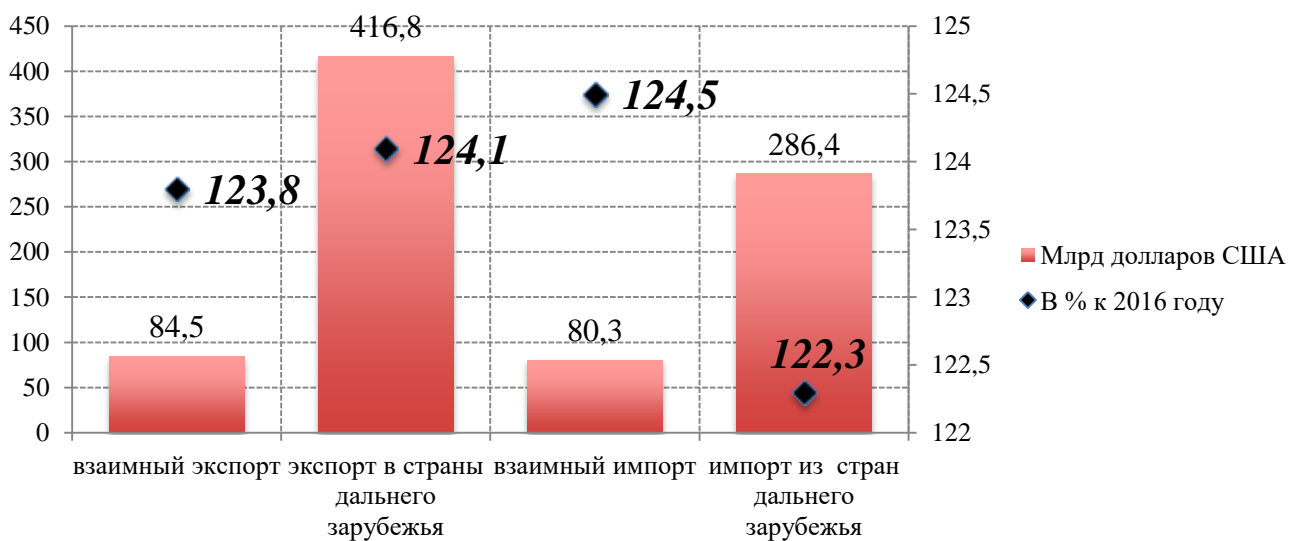

Рисунок 2.6 – Взаимная и внешняя торговля стран СНГ в 2017 г.²

В товарной структуре взаимной торговли стран СНГ традиционно преобладают минеральные продукты, пищевые продукты и сырье для их производства, продукция химической промышленности, недрагоценные металлы и изде-

¹ Там же.

² Составлено автором по: Межгосударственный статистический комитет СНГ. База данных. – URL: <http://www.cisstat.com/> (дата обращения: 15.05.2019).

лия из них. В экспорте Беларуси, Кыргызстана, России и Украины заметную роль играют машины, оборудование и транспортные средства¹.

Уровень экономической интеграции России со странами СНГ имеет неустойчивую динамику. Самый высокий уровень внешнеторгового оборота России со странами СНГ был отмечен в 2011–2013 гг., после чего началось снижение его уровня до 2016 года включительно (Рисунок 2.7).

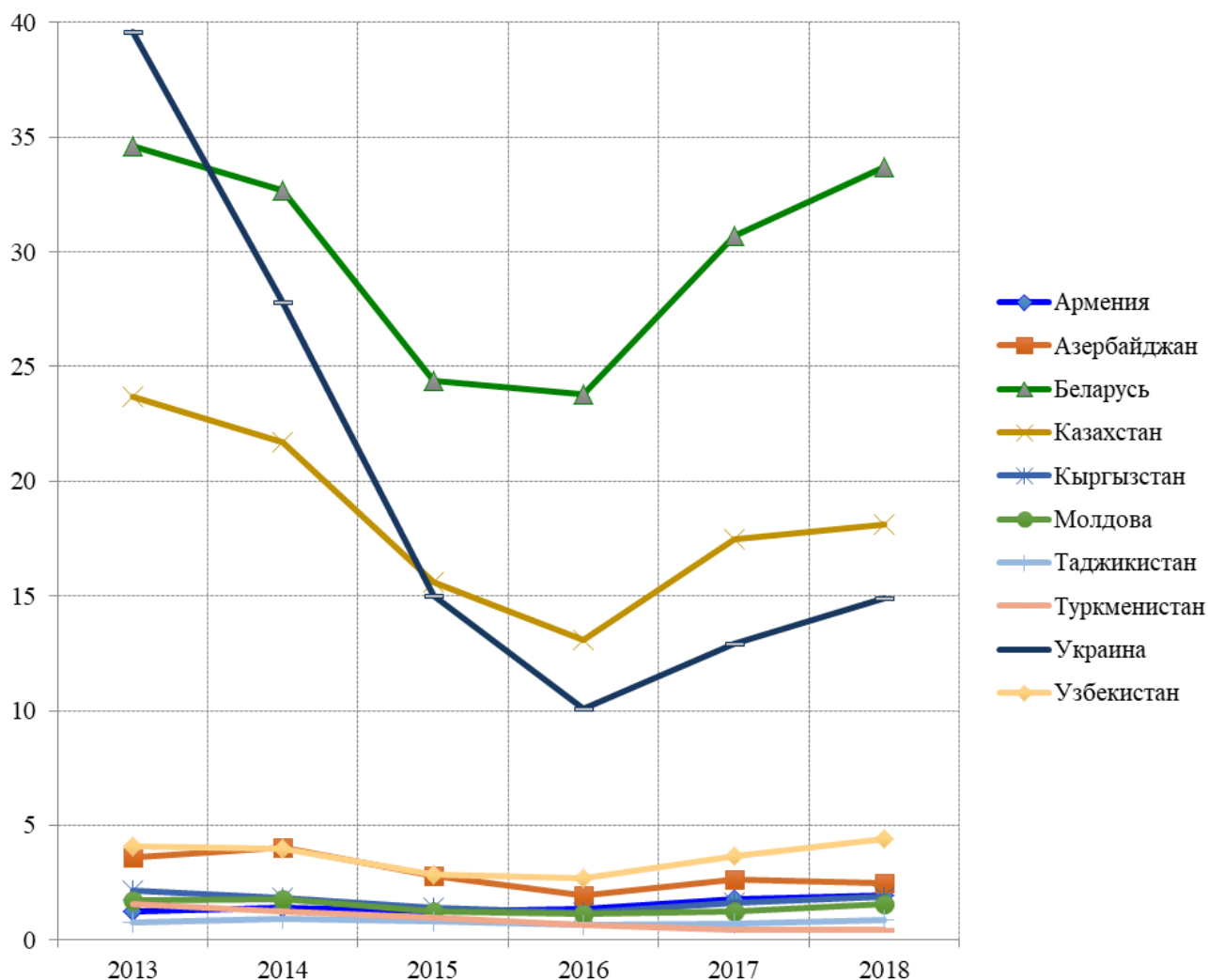

Рисунок 2.7 – Внешнеторговый оборот России со странами СНГ²

С 2017 года наблюдается устойчивая позитивная динамика, и по итогам 2018 года внешнеторговый оборот между Россией и странами СНГ вырос на

¹ О развитии внешнеторговых отношений государств-участников СНГ в 2017 году. – URL: <http://e-cis.info/index.php?id=1093> (дата обращения: 15.05.2019).

² Рассчитано автором по: World Bank Open Data. – URL: <https://data.worldbank.org/> (дата обращения: 15.05.2019).

41,67%, что составляет 71,04% от уровня докризисного 2013 года. Основными торговыми партнерами России среди других стран СНГ, кроме стран – членов ЕАЭС, являются Узбекистан, Украина, Молдова¹.

Основой российского экспорта в страны Содружества являются минеральные продукты (35%), а также продукция химической промышленности, драгоценные металлы и изделия из них (15%), машины, оборудование и механизмы, транспортные средства (17%). В 2017 году Россия поставила в страны Содружества 5,5% общего объема экспорта угля каменного, 7% нефти сырой и 7% продуктов переработки, 21% электроэнергии, 29% машин, оборудования и транспортных средств (в стоимостном выражении), 14% черных металлов. Из стран СНГ в Россию в 2017 году поступило 11% общего объема импорта.

Основными товарными позициями, экспортируемыми Россией в страны СНГ, являются топливно-энергетические ресурсы, машины и оборудование, металлы и изделия из них, химическая продукция, продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье. На их долю приходится более 88% общего объема экспорта в страны СНГ.

В перечень основных товарных позиций, импортируемых Россией из стран СНГ, входят продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье, машины и оборудование, металлы и изделия из них, текстиль, текстильные изделия и обувь, химическая продукция. На долю этих товаров приходится более 79% общего объема импорта из стран СНГ.

Молдова

Товарооборот России с Молдовой растет на протяжении последних лет: на 28,17% по итогам 2018 г. и на 9,46% за 9 мес. 2019 г. в сравнении с аналогичным периодом прошлого года, но ее доля во внешнеторговом обороте России составляет около 0,23% (56-е место в торговом обороте в 2018 г.). В структуре российского экспорта основная доля поставок приходится на минеральные продукты (63,3%), продукцию химической промышленности (12,5%), машины и оборудование (7,27%), продовольственные товары (7,23%), среди которых:

¹ Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ 2017. – СПб.: ЦИИ ЕАБР7, 2017. – 60 с.

разные пищевые продукты (1,93% в общем объеме экспорта), готовые продукты из зерна, злаков и муки (0,79%), сахар и кондитерские изделия (0,75%), какао и продукты из него (0,65%), продукты мукомольной промышленности (0,51%), кофе и чай (0,44%), жиры и масла (0,41%)¹.

В структуре импортных поставок из Молдовы значимая роль (более 66%) принадлежит продовольственным товарам, среди которых фрукты (более 54% в общем импорте из Молдовы) и продукция их переработки (2%). С учетом доли Молдовы в общем объеме российского импорта (около 0,16%), на фрукты из Молдовы приходится около 0,1%.

Украина

Торговый оборот с Украиной, которая в 2012–2013 гг. занимала 5-е место в торговом обороте России, падает на протяжении нескольких последних лет, и по итогам 9 мес. 2019 г. составляет менее 2% (14 место), против 2,15% (15 место) в 2018 г. и 4,7% – в 2013 г., 5,36% в 2012 г. В структуре российского экспорта основная доля поставок приходится на минеральные продукты (44,1%), продукцию химической промышленности (18,24%), машины и оборудование (7,27%), продовольственные товары (7,47%), среди которых: мясо и субпродукты (1,22% в общем объеме экспорта), молочная продукция (0,52%), сахар и кондитерские изделия (0,5%), жиры и масла (0,5%), овощи (0,42%)². В структуре импортных поставок из Украины заметная роль (более 37%) принадлежит металлам, продукции химической промышленности (23,7%), машинам и оборудованию (22,7%). Продовольственные товары в структуре российского импорта из Украины занимают менее 1,5%, в то время как в 2013 г. на них приходилось 12,8% от всего объема российского импорта из Украины.

Узбекистан

Торговый оборот России с Узбекистаном демонстрирует рост и в 2019 г. увеличился на 18,39% в сравнении с аналогичным периодом предшествующего

¹ ФТС РФ. Таможенная статистика. – URL: <http://customs.ru/statistic>.

² Там же.

года. Узбекистан занимает 26-е место в торговом обороте с Россией по итогам 9 мес. 2019 г., с долей 0,78%, в 2018 г; 32-е место и 0,63%.

В структуре экспорта в Узбекистан существенная доля поставок приходится на машины и оборудование (27,37%), металлы (24,45%), древесину и целлюлозно-бумажную продукцию (58,85%), продовольственные товары (11,47%), среди которых: жиры и масла (3,91%), какао (1,12%), готовые продукты из зерна, злаков и муки (1,24%), разные пищевые продукты (1,28%) и продукция химической промышленности (11,43%)¹.

В структуре импортных поставок из Узбекистана преобладают: текстиль и обувь (более 51%), продовольственные товары (около 20%), среди которых свыше 13% приходится на фрукты, свыше 2,5% – на овощи и свыше 2% – на продукты их переработки.

СТРАНЫ БРИКС

Даже при самых благоприятных прогнозах Россия в ближайшие 20 лет вместе с членами ЕАЭС не сможет обеспечить более 5% мирового ВВП. В то время как кумулятивный потенциал России, Китая, Индии, Бразилии и ЮАР – это уже величина, с которой нельзя не считаться ведущим мировым экономическим блоком². Следовательно, для России БРИКС становится еще одним рычагом поддержания своих геополитических амбиций в мире.

Экономическое развитие БРИКС и рост доходов населения в этих странах открывают для России новые возможности в наращивании объемов и диверсификации отраслевой структуры экспорта³. По данным Минэкономразвития России, в 2018 году наибольший прирост товарооборота (22,4% или до 125,4 млрд долл. США) был отмечен со странами БРИКС⁴. Доля стран БРИКС в структуре

¹ Там же.

² Radulescu I. G., Panaita M., Voicab C. BRICS Countries Challenge to the World Economy New Trends // *Procedia Economics and Finance*. – 2014. – N 8. – P. 605–613. – URL: 10.1016/s2212-5671(14)00135-x.

³ Арапова Е. Я. Современные тенденции взаимодействия России с партнерами по БРИКС в торгово-промышленной сфере // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика*. – 2018. – № 4. – С. 87–101.

⁴ Итоги внешней торговли России в 2018 году // Министерство экономического развития России: официальный сайт. – URL: <https://clck.ru/FjNED> (дата обращения: 20.04.2019).

внешнеторгового оборота России неуклонно растет, с 2016 года преимущественно за счет роста экспорта на фоне незначительного сокращения импорта¹ (Таблица 2.3). Индекс значимости взаимной торговли России со странами БРИКС демонстрирует высокие темпы роста (Рисунок 2.8).

Таблица 2.3 – Доля стран БРИКС во внешнеторговом обороте России за 2014–2018 гг.²

Страна	Доля экспорта в РФ в структуре экспорта стран БРИКС, %					Доля экспорта в страны БРИКС в структуре экспорта РФ, %				
	2014	2015	2016	2017	2018	2014	2015	2016	2017	2018
Бразилия	1,7	1,3	1,2	1,3	0,7	0,6	0,7	0,7	0,7	0,8
Китай	2,3	1,5	1,8	1,9	1,9	8,4	9,7	11,3	11,5	13,1
Индия	0,7	0,6	0,7	0,7	0,7	0,9	1,3	1,7	2,2	1,5
ЮАР	0,4	0,4	0,4	0,4	0,4	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
	Доля импорта из РФ в структуре импорта стран БРИКС, %					Доля импорта из стран БРИКС в структуре импорта РФ, %				
Бразилия	1,3	1,3	1,5	1,8	1,9	1,3	1,4	1,3	1,2	0,7
Китай	2,1	2,0	2,0	2,2	2,8	18,7	19,0	20,5	18,8	20,2
Индия	0,9	1,2	1,3	1,8	1,4	0,8	0,9	1,0	0,9	1,0
ЮАР	0,5	0,6	0,3	0,5	0,6	0,1	0,2	0,2	0,2	0,2

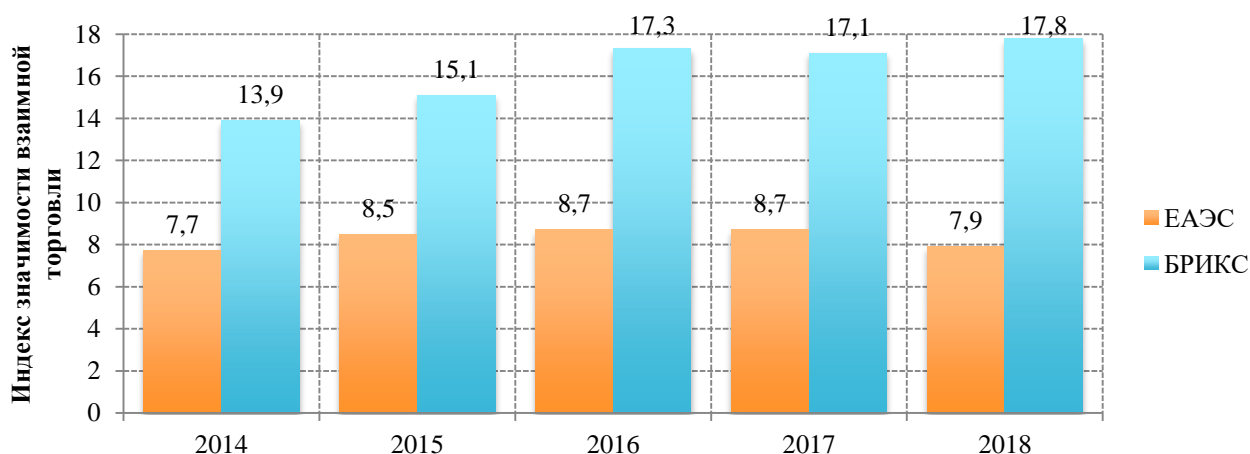

Рисунок 2.8 – Индекс значимости взаимной торговли России со странами БРИКС¹

¹ International Trade Centre. Trade Map, 2019. – URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 20.04.2019).

² Рассчитано автором по данным International Trade Centre. – URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 20.04.2019).

Необходимо отметить, что существенный импульс к росту взаимной торговли России со странами БРИКС придает активизация торговли с Китаем.

Китай

Правительства обеих стран выражают высокую заинтересованность в развитии взаимовыгодного сотрудничества в экономической сфере, в том числе, в агропродовольственном секторе.

На сегодняшний день Китай является крупнейшим торговым партнером России², на долю которого приходится около 16% российского товарооборота, который демонстрирует высокие темпы роста. Так, российский экспорт в 2018 г. вырос более чем на 49% в сравнении с предшествующим годом, а импорт вырос на 7,9% за этот же период. Значительную долю прироста экспорта и импорта обеспечивает агропродовольственный сектор – 42,3% и 6,3% соответственно. В целом, взаимная торговля агропродовольственными товарами в период с 2013 г. по 2018 г. выросла на 57%³.

Значительную долю (около 93% стоимостного объема) в российском агропродовольственном экспорте занимают рыба и ракообразные (59,2%), жиры и масла (14,7%), масличные культуры (13,4%), какао и продукты из него (3,7%). Китай экспортирует в Российскую Федерацию преимущественно фрукты (22,2%), овощи (21,7%), готовые продукты из фруктов и овощей (12,5%).

Не менее актуальным для развития взаимовыгодных экономических отношений двух стран является и инвестиционное сотрудничество. Его активизация на современном этапе является одним из важнейших приоритетных направлений развития торгового и экономического сотрудничества. К 2020 г. планируется довести объем китайских ПИИ в российскую экономику до 12 млрд долл. США. Кроме того, между странами обсуждаются планы развития

¹ Рассчитано автором по данным International Trade Centre. Trade Map, 2019. – URL: <https://www.trademap.org/Index.aspx> (дата обращения: 20.04.2019).

² Шеламова Н. А., Черкасова О. В. проблемы и перспективы развития торговли сельскохозяйственной продукцией между Россией и Китаем // АПК: экономика, управление. – 2019. – № 1. – С. 76–87.

³ Осинина А. Ю. Сотрудничество России и Китая в области сельского хозяйства: состояние и перспективы. – URL: <https://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Agriculture-Policybrief21-Ru.pdf> (дата обращения: 20.11.2019).

агропродовольственного сектора на российском Дальнем Востоке, в Забайкалье и в китайских северо-восточных провинциях¹.

Тем не менее, в развитии российско-китайского сотрудничества в агропродовольственном секторе имеется ряд негативных тенденций и рисков, наиболее существенными из которых являются:

– внешнеторговые препятствия в виде мер нетарифного регулирования, которые оказывают наибольшее негативное влияние на торговлю агропродовольственной продукцией;

– недостаточно развитая транспортно-логистическая инфраструктура, что является существенным сдерживающим фактором роста товарооборота между двумя странами;

– агропродовольственные инвестиционные риски, к которым относятся высокие первоначальные капитальные затраты, низкая рентабельность производства, наличие сезонности в сельском хозяйстве;

– экологические риски, заключающиеся в высокой вероятности утраты плодородия почвы на территории России в результате ведения китайскими партнерами интенсивного сельскохозяйственного производства – с нарушением агротехнологий и чрезмерно высоким уровнем использования химикатов.

В то же время для принятия китайской стороной пакетных решений в области импорта из России ряда продовольственных товаров не с каждого отдельного региона, а с территории всей страны, китайские партнеры выдвинули условие предварительного инспектирования ими российских агропредприятий.

Существенным препятствием для наращивания российского экспорта агропродовольственных товаров является неготовность России одномоментно стать ключевым игроком на китайском рынке, даже при условии открытия Китаем своих границ для российских товаров. К примеру, Китай импортировал из США 16 млн т соевых бобов, в то время как в России их было собрано в 2018 г. всего 4 млн т, 0,8 млн т из которых были экспортированы в Китай. Кроме того,

¹ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Официальный сайт Президента России. – 2018, 8 июня. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5312>.

Россия тоже импортирует сою и, по прогнозам, только к 2024 г. сможет выйти на самообеспечение, а при ускоренном развитии российского животноводства (соя, из-за высокого содержания белка, идет на корм сельскохозяйственным животным) сроки достижения самообеспеченности могут стать еще более удаленными. Для удовлетворения внутреннего и китайского спроса России необходим значительный рост.

Аналогичная ситуация сложилась и на рынке мяса. Российское производство говядины в объеме 1,6 млн т не в состоянии удовлетворить китайский спрос в объеме 350–400 тыс. т, а излишек свинины на российском рынке вызван снижением потребления внутри страны из-за падения спроса, вызванного многолетним снижением уровня доходов россиян. Таким образом, для удовлетворения спроса КНР на свинину и говядину требуются инвестиции в строительство животноводческих комплексов и разведение сельскохозяйственных животных, что при больших сроках окупаемости и отсутствии «длинных денег», а также работающих институтов развития, на сегодняшний день проблематично; в то же время это возможно при участии иностранного капитала¹.

Кроме того, по мнению экспертов, в частности В. Узун,² экспорт агропродовольственной продукции в КНР экономически оправдан и очень важен для развития дальневосточных регионов и Сибири, транспортировка продукции которых в европейскую часть России менее выгодна, чем экспорт в Китай.

Для решения проблемы логистики в сентябре 2019 г. стартовал совместный проект по развитию экспорта продукции российского АПК в Китай с помощью ускоренных рефрижераторных контейнерных поездов («Агроэкспрессы») из экспортно ориентированных агрохабов³.

Следует отметить, что страны-партнеры России по экономическим союзам (ЕАЭС и БРИКС) также увеличивают экспорт агропродовольственной про-

¹ РЭЦ и транспортные операторы запускают механизм быстрого экспорта продукции АПК в Китай // ТАСС: официальный сайт. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/6840056>.

² Комраков А. Отечественный агропром переоценил свои возможности. – URL: http://www.ng.ru/economics/2019-08-22/1_7657_agro.html.

³ РЭЦ и транспортные операторы запускают механизм быстрого экспорта продукции АПК в Китай // ТАСС: официальный сайт. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/6840056>.

дукции в Китай. К примеру, ключевым поставщиком сои на китайский рынок стала Бразилия¹, увеличить объемы поставок агропродовольственных товаров в 2020 г. планирует Беларусь².

Индия

Развитию торгово-экономических отношений с Индией в России уделяется особое значение. В связи с этим торговое представительство России в Индии включено в группу пилотных проектов для построения новой модели поддержки российского экспорта. Слабые позиции российских экспортеров на индийском рынке обусловлены комплексом причин, среди которых: незнание конъюнктуры, отсутствие маркетинга и системной долгосрочной работы по выводу продукции и услуг на рынок, нехватка опыта участия в международных тендерах – доминирующей форме получения заказов в Индии. А также неконкурентные цены на продукцию, необходимость сертификации и адаптации продукции под требования индийского потребителя, тарифные барьеры, сложная логистика и неразвитость инструментов финансовой поддержки, языковой барьер³.

В результате в настоящее время, несмотря на некоторый рост товарооборота между Россией и Индией в 2018 г. в сравнении с предшествующим годом (17,3%), Индия в российском товарообороте занимает 17-е место с долей 1,6%. При этом в 2018 г. сократилась доля Индии в общем объеме российского экспорта (с 1,8% в 2017 г. до 1,7% в 2018 г.), но увеличилась ее доля в российском импорте (с 1,28% в 2017 г. до 1,35% в 2018 г.)⁴. В структуре российского экспорта традиционно преобладают продукция машиностроительной отрасли (27%), минеральные продукты (24,7%), драгоценные металлы и камни (13,9%), а также продукция химической промышленности (11,6%). Тогда как доля экс-

¹ Аграрный экспорт в Китай: успехи есть – головокружение преждевременно. – 13 сентября 2019. – URL: <https://eadaaily.com/ru/news/2019/09/13/agrarnyy-eksport-v-kitay-uspehi-est-golovokruzhenie-prezhdevremenno>.

² Белоруссия планирует поставить в Китай в 2020 году продовольствия на \$100 млн. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/7076332>.

³ Андреев Ф. Горизонт открыт. – URL: <https://rg.ru/2019/01/24/tovaro-ekonomicheskie-otnosheniia-rossii-i-indii-vyrosli-v-obeme.html>.

⁴ ФТС. Таможенная статистика. Внешняя торговля Российской Федерации. 2019. – URL: <http://customs.ru/statistic/vneshn-torg>.

порта продукции агропродовольственного сектора в 2018 г. составила всего 0,86% (2,44% в 2017 г.).

В структуре импорта индийских товаров, наоборот, продукция агропродовольственного сектора имеет значимый вес и составляет 21,5% в 2018 г. (23% в 2017 г.), при этом наибольший прирост импорта агропродовольственной продукции Индии отмечен в мясных продуктах и рыбе.

Бразилия

По итогам 2018 г. экспорт России в Бразилию увеличился на 27,15%, товарооборот в целом сократился на 3,37% за счет значительного сокращения импорта (на 22,8%) в сравнении с предшествующим годом. Основными экспортными товарами России являются продукция химической промышленности (свыше 76%), минеральные продукты (более 18,7%). Сокращение импортных поставок произошло за счет уменьшения импорта продовольственных товаров (77% в 2017 г. до 55,85% в 2018 г.), в основном, за счет снижения импортных поставок мяса и мясных пищевых продуктов более чем в 7 раз (с 1380 млн долл. до 187 млн долл.). Однако по итогам 9 мес. 2019 г. поставки мяса из Бразилии снова выросли (на 140%), и доля их импорта составила 23,16% в общем объеме импорта из Бразилии, а доля импорта продовольственных товаров достигла 70,56%¹. Для развития российского экспорта продовольственных товаров планируются поставки в Бразилию мяса птицы. Необходимо отметить, что между Россией и Бразилией развивается и инвестиционное сотрудничество в агропродовольственном секторе, в частности, в переработке сельскохозяйственной продукции². В целом, несмотря на некоторую инертность в развитии торговых отношений в 2018–2019 гг. и снижение ряда показателей, Бразилия остается ключевым торговым партнером России в Латинской Америке.

ЮАР

Взаимодействие России и ЮАР также отвечает интересам обеих стран. Страны африканского континента, который богат природными ресурсами (зо-

¹ ФТС РФ. Таможенная статистика. – URL: <http://customs.ru/statistic>.

² Межгосударственные отношения России и Бразилии. – URL: <https://ria.ru/20191114/1560881123.html>.

лото, платина, алмазы, кобальт, марганцевые руды, титан и т. д.), заинтересованы в российских технологиях, инвестициях, в подготовке кадров. Крупные российские компании нефтегазовой и добывающих отраслей промышленности («Газпром», «Лукойл», «Роснефть», «Росатом», «Русал», «Северсталь», «Русский хром» и др.) уже осуществляют крупные инвестиционные проекты в африканских странах в сфере разведки и освоения месторождений, добычи полезных ископаемых, строительства газопроводов.

В сфере развития торговли доля ЮАР во внешнеторговом обороте России в 2018 г. достигла 0,155% (0,14% в 2017 г.) за счет роста экспорта на 40% и импорта – на 24,66%. Существенную долю в структуре российского экспорта занимают продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (54,5% от общего объема), древесина и продукция целлюлозной промышленности (около 20%), причем на долю экспорта злаков приходится 53,43%. В структуре импорта в Россию основные объемы поставок пришлись также на продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (36,52%, в том числе, около 30% – фрукты) и минеральные продукты (31,2%)¹.

СТРАНЫ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОГО АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО ЭКСПОРТА

Наиболее перспективным направлением развития российского агропродовольственного экспорта в настоящее время является экспорт зерновых. Согласно прогнозу потенциальных изменений в спросе на российский экспорт зерновых, лидером среди стран-импортеров по-прежнему останется Египет, за которым следуют Турция, Иран, Вьетнам.

Египет

В торговом обороте России и Египта существенную долю занимает торговля продовольственными товарами, хотя в целом доля Египта во внешнеторговом обороте России незначительна (1,1% в 2018 г.) и, при росте стоимостного объема в долларовом измерении на 14%, сократилась на 0,04% в сравнении с 2017 г. Агропродовольственные товары занимают почти 1/3 стоимостного объ-

¹ ФТС РФ. Таможенная статистика. – URL: <http://customs.ru/statistic>.

ема российского экспорта (рост на 1,5% в 2018 г., в сравнении с 2017 г.) за счет продуктов животного происхождения, злаков и продукции мукомольной промышленности, а также какао и прочих пищевых продуктов. Доля импорта агропродовольственных товаров из Египта составляет почти 80% от всего объема египетского импорта и обеспечивается преимущественно такими продовольственными товарами, как овощи (32,4%) и фрукты (44,9%)¹.

По оценкам экспертов в области торгово-экономических отношений с Египтом, существующие торгово-экономические связи между Россией и Египтом указывают на возможности плодотворного взаимовыгодного сотрудничества двух стран, при этом приоритетной группой товаров для импорта в Россию является продукция агропродовольственного сектора, в том числе, свежие овощи и фрукты². Для российского экспорта египетский рынок интересен не только экспортерам зерна, но и производителям мяса птицы, которые в условиях перепроизводства и низкого внутреннего спроса ищут альтернативные рынки сбыта, экспортерам российского сахара, растительного масла и пр.³. По расчетам Евразийской экономической комиссии, перспективными экспортными позициями для агропроизводителей стран ЕАЭС являются: рыба мороженая, филе рыбное, картофель, овощи бобовые сушеные, пшеница, кукуруза, семена подсолнечника, масло соевое, масло подсолнечное, сахар и др. Доля ЕАЭС в общем объеме перспективных позиций импорта Египта составляет всего 23,6%, что указывает на потенциал – как расширения номенклатуры поставок, так и увеличения объемов⁴.

Турция

Более значимый вес имеет торговля продовольственными товарами России с Турцией, которая занимает 6-е место во внешнеторговом обороте России по итогам 2018 г. с долей в 3,71% (3,7% в 2017 г.) и 5-е место по итогам 2019 г. В

¹ ФТС. Таможенная статистика. Внешняя торговля Российской Федерации. 2019. – URL: <http://customs.ru/statistic/vneshn-torg>.

² Скрыбина В. Ю. Торгово-экономические отношения России и Египта: база для свободной торговли // Торговая политика. Trade policy. – 2015. – № 3/3 – С. 117–130.

³ Сухорукова Е., Новопашина Н. Египет стал крупнейшим покупателем российских продуктов. – URL: <https://www.rbc.ru/business/21/02/2018/5a8c24c89a79477a3f60a820>.

⁴ Анализ по доступу сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия государств – членов ЕАЭС на рынок Арабской Республики Египет. – Москва: ЕЭК, 2018.

структуре экспорта России в Турцию в 2017–2018 гг. на поставки агропродовольственной продукции приходится 8,72% от всего объема экспорта России в Турцию (в 2017 г. – 9,76%), преимущественно за счет роста экспорта злаков (5,88%). В структуре турецкого импорта в 2017–2018 гг. доля агропродовольственных товаров составляет 26,88% от всего объема импорта (в 2017 г. 31,24%). Россия импортирует из Турции преимущественно фрукты (более 18% всего объема импорта) и овощи (2,32%)¹. Турция является одним из ключевых торговых партнеров России. В торговле агропродовольственной продукцией интерес для России представляет экспорт зерновых и, особенно, импорт фруктов, самообеспеченность по которым у России находится на критически низком уровне.

Иран

Преимущественно торговля агропродовольственной продукцией характеризует торгово-экономические отношения России и Ирана, доля которого во внешнеторговом обороте составляет 0,25% (сокращение на 0,04% в сравнении с 2017 г.). Так, в структуре экспорта России в Иран в 2018 году (как и в 2017 году) основная доля поставок (преимущественно злаков) пришлась на агропродовольственные товары (65,64%) от всего объема экспорта России в Иран (в 2017 году – 41,89%). В структуре импорта России из Ирана в 2018 году доля продовольственных товаров составляет 74,12% от всего объема импорта России из Ирана (в 2017 году – 69,63%). Основными импортируемыми товарами являются фрукты (38,8%) и овощи (29%)². Соглашение о ЗСТ Ирана со странами ЕАЭС делает торговлю стран Союза с этой страной более выгодной. Иран согласился снизить таможенные пошлины до 13% (было 32%), что позволит странам Союза ежегодно экономить около 50 млн долл. Кроме того, снижение таможенных пошлин повышает ценовую конкурентоспособность российского экспорта.

Вьетнам

Несмотря на то, что в конце 2016 г. начала функционировать ЗСТ ЕАЭС – Вьетнам, торгово-экономические отношения России и Вьетнама, уровень това-

¹ ФТС. Таможенная статистика. Внешняя торговля Российской Федерации. 2019. – URL: <http://customs.ru/statistic/vneshn-torg>.

² Там же.

рооборота находится на достаточно низком уровне. Тем не менее, именно благодаря достигнутому соглашению к традиционному ключевому направлению экспорта в нефтегазовой отрасли, где Россия занимает лидирующие положение на вьетнамском рынке¹, добавилось новое стратегическое направление – экспорт российских продовольственных товаров (23,7% в общем объеме экспорта)², и инвестиционное сотрудничество в агропродовольственном секторе. Объем взаимной торговли продукцией агропродовольственного сектора в 2018 г. вырос на 40% в сравнении с 2017 г., и превысил 1 млрд долл. США. В 2019 г. России удалось восстановить приостановленный ранее экспорт зерновых и начать поставки замороженного мяса птицы³. В ноябре 2019 г., после аудита российской системы ветеринарного надзора и ряда российских агропредприятий на предмет соответствия международным стандартам Министерством сельского хозяйства и аграрного развития СРВ, перечень экспортеров, имеющих право поставлять агропродукцию во Вьетнам, расширен⁴.

В 2018 г. концерн ТН True Milk (входит в ТН Group) открыл в Волоколамске Московской области первую очередь молочно-товарного комплекса, рассчитанного на 6 тыс. дойных коров, и возводит еще пять⁵; также он реализует инвестиционный проект, с объемом инвестиций в 16 млрд руб., по созданию трех животноводческих комплексов и молокозавода в ТОР «Михайловский», и развитию собственной кормовой базы с земельным банком до 50 тыс. га. Всего компания намерена вложить в развитие российского Дальнего Востока 1,5 млрд долл.

¹ Панов П. На шельфах Вьетнама: Москва и Ханой довольны сотрудничеством. – URL: <https://iz.ru/880881/pavel-panov/na-shelfakh-vetnama-moskva-i-khanoi-dovolny-sotrudnichestvom> (дата обращения: 04.11.2019).

² Цветов А. Россия – Вьетнам: как сохранить стратегическое преимущество? – URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-vetnam-strategiya/> (дата обращения: 08.04.2019).

³ Россия возобновила поставки пшеницы на рынок Вьетнама. – URL: <http://mcx.ru/press-service/news/rossiya-vozobnovila-postavki-pshenitsy-na-rynok-vetnama/> (дата обращения: 08.04.2019).

⁴ В Санкт Петербурге прошла заключительная встреча по итогам визита в Россию представителей Министерства сельского хозяйства и аграрного развития Вьетнама. – URL: <http://fsvps.ru/fsvps/news/32559.html> (дата обращения: 08.04.2019).

⁵ Дятловская Е. ТН True Milk открыл первую ферму в Московской области // Агроинвестор: официальный сайт. – URL: <https://www.agroinvestor.ru/investments/news/29315-th-true-milk-otkryl-fermu-v-moskovskoy-oblasti/> (дата обращения: 08.04.2019).

США¹. К 2021 г. компания планирует завершить строительство крупнейшего в России молочного завода, с объемом инвестиций в 166 млн долл. США, в Калужской области, на территории особой экономической зоны. Общая сумма вьетнамских инвестиций в создание высокотехнологичной цепочки производства молочных продуктов, одним из звеньев которой является калужский завод, составят 2,7 млрд долл. США. Среди других стран – перспективных партнеров России в развитии внешнеэкономических связей и, прежде всего, в агропродовольственном секторе, можно выделить Кубу, Аргентину и Малайзию.

Куба

Российско-кубинские торговые и инвестиционные отношения в настоящее время начали развиваться в разных направлениях: в области энергетики (модернизация ТЭС, модернизация энергоблоков), в автомобильной промышленности (модернизация автомобильного завода), в металлургии (техническое переоснащение и строительство металлургического завода), поставки грузовых вагонов, модернизация текстильной отрасли². В сфере торговли российско-кубинское сотрудничество весьма скромно, и доля Кубы в российском товарообороте составляет менее 0,05%. Ключевую роль в российском экспорте играют машины и оборудование (свыше 50%) и продовольственные товары (более 23%). В структуре импорта продовольственные товары также занимают одну из ключевых позиций (28,65%), после драгоценных металлов и камней (71,26%). Однако кубинский агропродовольственный экспорт состоит преимущественно из двух товарных групп – алкогольных напитков (144) и табака (12,3%)³.

Аргентина

По итогам 2018 г. торговый оборот России с Аргентиной вырос на 40% (0,18% во внешнеторговом обороте России), преимущественно за счет россий-

¹ Дятловская Е. «Русагро» и TH Group вложат 46 млрд рублей в производство молока на Дальнем Востоке // Агроинвестор: официальный сайт. – URL: <https://www.agroinvestor.ru/investments/news/28485-rusagro-i-th-group-vlozhat-46-mlrd-rublej-v-proizvodstvo-moloka/> (дата обращения: 08.04.2019).

² Экономика: Россия и Куба: сотрудничество продолжается. – URL: https://wtcmoscow.ru/services/international-partnership/actual/ekonomika-rossiya-i-kuba-sotrudnichestvo-prodolzhaetsya/?sphrase_id=14527 (дата обращения: 08.04.2019).

³ ФТС РФ. Таможенная статистика. – URL: <http://customs.ru/statistic>.

ского экспорта (более 86%). Основными экспортируемыми в Аргентину товарами являются минеральные продукты (около 80%) и продукция химической промышленности (свыше 14,21%). В структуре импорта преобладают продовольственные товары (свыше 92%), среди которых свыше 36% приходится на мясо и мясопродукты, свыше 20% – на фрукты, около 10% – на масличные семена и плоды, и свыше 10% – на молочную продукцию. Следует отметить, что Правительство Аргентины высказывает заинтересованность в развитии инвестиционного сотрудничества как в агропромышленности, так и в сфере торговли, и готово поставлять в Россию не только мясо, но и фрукты, и бобовые, при устранении таможенных и санитарных ограничений¹. Аргентина представляет интерес для России как импортер мяса и мясопродуктов, а также некоторых видов фруктов – для устранения сезонности в их потреблении.

Малайзия

Малайзия занимает первое место в своем регионе по экспорту сельскохозяйственного сырья и является одним из перспективных партнеров Российской Федерации среди стран – членов АСЕАН, хотя ее доля во внешнеторговом обороте России немногим выше доли Ирана и составляет 0,4%. В структуре российского экспорта в Малайзию в 2017–2018 гг. преобладают минеральные продукты (79,8% в 2018 г. и 63% в 2017 г.). Доля агропродовольственных товаров в российском экспорте составляет около 3,6% и обеспечивается преимущественно злаками (3%). В структуре российского импорта из Малайзии доля агропродовольственных товаров значительно выше, и достигает 14%, почти половина из которых обеспечивается поставками пальмового масла (6,85% или 86,7 тыс. т)². Однако, по другим источникам³, объем пальмового масла, поступающего на российский рынок, значительно превышает данные ФТС. Дело в том, что, кро-

¹ Маурисио Макри: Аргентина открывает двери для российского бизнеса // ТАСС: официальный сайт. – URL: <https://tass.ru/interviews/4898089> (дата обращения: 08.04.2019).

² ФТС. Таможенная статистика. Внешняя торговля Российской Федерации. 2019. – URL: <http://customs.ru/statistic/vneshn-torg>.

³ Как европейские импортеры «пальмы» перебрали запрещенный товар в Россию. – URL: <https://realnoevremya.ru/articles/129356-analiz-importa-palmovogo-masla-v-rf-za-2018-god> (дата обращения: 28.10.2019); Импорт пальмового масла в Россию вырос почти на 19 процентов. Там же.

ме Малайзии, пальмовое масло в значительных объемах поступило на российский рынок из таких стран, как Нидерланды (43,4 тыс. тонн), Германия (11,5 тыс. тонн), Украина (1,5 тыс. тонн), которые, как известно, не производят данный продукт, а являются, скорее всего, его реэкспортерами. Запрет на использование пальмового масла в ЕС привел к тому, что основными его импортерами стали Китай и Индия, откуда пальмовое масло также может попасть на российский рынок. Кроме того, Малайзия высказывает намерение закупать российские самолеты в обмен на поставки в Россию пальмового масла¹.

Подводя итог, необходимо отметить, что ускорение темпов трансформации международной торговли, волна санкций и рост глобального протекционизма подталкивают развивающиеся страны к более тесному сотрудничеству, основанному на принципах равенства, открытости и свободы торговли. Анализ торгового взаимодействия позволяет сделать вывод, что Россия имеет хорошие перспективы углубления торгово-экономического сотрудничества во многих сферах. Ключевое значение для углубления торгово-экономических отношений, на наш взгляд, будет иметь повышение международной конкурентоспособности российской экономики; это же является и главным препятствием в углублении экономических отношений. С другой стороны, именно укрепление, расширение и углубление межгосударственного сотрудничества способно оказать существенное влияние на успешность проводимой в стране структурной трансформации экономики.

В развитии торговых отношений с зарубежными странами и интеграционными объединениями в агропродовольственном секторе России необходимо:

– совершенствовать структуру экспорта, заменяя экспорт сырьевых сельскохозяйственных товаров продукцией перерабатывающей промышленности с высокой добавленной стоимостью, и стимулировать развитие производства и экспорт той продукции, в которой страна имеет конкурентные преимущества;

¹ Никонов Н. Малайзия закупит самолёты у России, если ЕС откажется от её пальмового масла. – 2019. – URL: <https://life.ru/p/1252565> (дата обращения: 28.10.2019).

– совершенствовать структуру импортозамещаемой продукции, с акцентом на те виды продукции, выращивание которых в природно-климатических условиях России с применением современных технологий обходится дешевле импорта (морковь, капуста, лук, чеснок и др.) или будет обходиться дешевле при государственной поддержке строительства современных высокотехнологичных хранилищ для фруктов и овощей (яблоки, другие районированные фрукты и овощи);

– сохранить импорт и смягчить протекционистские меры в отношении продукции, производство которой обходится дороже импортной продукции или невозможно круглогодично, но разрабатывать технологии и принимать меры, способные значительно удешевить их производство (например, сокращать энергозатратность тепличного хозяйства за счет организации доступа к бесплатным или недорогим ресурсам: технической горячей воде от крупных промышленных объектов, попутному газу, сжигаемому на газодобывающих предприятиях, термальным источникам¹).

2.3. Влияние политики импортозамещения на продовольственную безопасность РФ

Проблемы, связанные с обеспеченностью и доступностью продуктов питания в разных странах, широко отражены в научной литературе, а проблема обеспечения продовольственной безопасности актуальна для всех стран мира².

В трудах российских авторов (к примеру, Копеин³, Пожидаева⁴) вопросы доступности продуктов питания и продовольственной безопасности рассматри-

¹ Шагайда Н. И. Российский помидор становится более конкурентоспособным // Экономическое развитие России. – 2019. – № 3 (26). – С. 29–33.

² Baer-Nawrocka A, Sadowski A. Food security and food self-sufficiency around the world: A typology of countries// PLoS ONE. – 2019. – N 14(3). – P. e0213448. – DOI 10.1371/journal.pone.0213448.

³ Копеин В. В. Экономическая и продовольственная безопасность: новая реальность импортозамещения // Техника и технология пищевых производств. – 2016. – № 1 (40). – С. 126–134.

⁴ Пожидаева Е. С. Экономико-статистический анализ уровня потребления основных продуктов питания в условиях ограничений внешней торговли // Экономический анализ: теория и практика. – 2017. – № 1 (460). – С. 116–127.

ваются с позиции политики импортозамещения. В частности, Ж. Аяпова¹ отмечает, что на современное состояние российского аграрного рынка влияет общеэкономическая ситуация в стране и проводимая политика импортозамещения, характеризующаяся высоким уровнем протекционизма.

В. Загашвили подчеркивает неоднозначность толкования понятий «продовольственная безопасность», «продовольственная независимость» и «самообеспечение»: «продовольственная безопасность не тождественна продовольственной независимости, и обеспечивается комплексом мероприятий, в который, наряду с развитием собственного производства продуктов питания, входит участие в международном обмене»². Кроме того, важным аспектом продовольственной безопасности является разнообразие продуктов питания и их качество. По мнению В. Загашвили, ухудшение отношений России со странами Запада «оказало противоречивое влияние на продовольственную безопасность, и ситуация на российском продовольственном рынке развивалась, скорее, в пользу отечественного производителя, нежели потребителя»³. Сокращение импорта и рост внутреннего производства не способствовали улучшению экономической доступности продуктов питания для населения.

Другие эксперты (Боткин и соавт., 2016)⁴ отмечают, что ведущие страны мира поддерживали и поддерживают высокий уровень самообеспеченности: США и Франция – 100%, Германия – 93%, однако автор не указывает, что подходы к измерению уровня самообеспеченности в мировой практике и в России имеют существенные отличия.

¹ Аяпова Ж. М. Показатели и критерии оценки состояния продовольственной безопасности: опыт Казахстана и зарубежных стран // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. – 2017. – № 1 (71). – С. 445–450.

² Загашвили В. С. Продовольственная безопасность России в условиях ухудшения отношений с ЕС // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – № 8. – С. 46–59.

³ Там же.

⁴ Боткин О. И., Сутыгина А. И., Сутыгин П. Ф. Национальные аспекты оценки продовольственной безопасности // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». – 2016. – № 47. – С. 20–27.

Наиболее полно развитие концепции российской продовольственной безопасности отражено в трудах А. Алтухова (см. в частности, [Алтухов, 2020¹; Алтухов, Дудин, Анищенко, 2019²; Алтухов, 2018³] и др.), где отмечена сложность и многомерность данной научной категории. В работе подчеркнута сущность продовольственной безопасности как «способности государства надежно обеспечивать потребности населения в пищевых продуктах и возможности мобилизовать внутренние ресурсы и особенно аграрный потенциал для их удовлетворения»⁴. Автор подчеркивает, что подход к продовольственной безопасности с позиции продовольственной независимости не дает объективной оценки продовольственной безопасности и ее пороговых значений и предлагает оценивать продовольственную безопасность, основываясь на принципах достаточности и сбалансированного питания человека. А. Алтухов считает, что для объективной оценки состояния продовольственной безопасности и ее угроз необходимо принимать во внимание «объем и устойчивость отечественного производства сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия; потребность населения в продовольствии по научно обоснованным (рациональным) нормам потребления пищевых продуктов; уровень самообеспеченности продовольствием, рассчитанный не из норм потребительской корзины, а на основе научно обоснованных норм потребления пищевых продуктов отдельными группами населения с учетом природных и экономических условий территории их проживания»⁵.

Ключевым показателем продовольственной безопасности в России является самообеспеченность продовольственной продукцией. Согласно методике

¹ Алтухов А. И. Первоочередные меры по реализации новой доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации // Экономика сельского хозяйства России. – 2020. – № 3. – С. 2–10.

² Алтухов А. И. Парадигма продовольственной безопасности России: монография. – М.: Фонд «Кадровый резерв», 2019. – 685 с.

³ Алтухов А. И. Продовольственная безопасность и независимость: сущность и особенности / Инвестиционный менеджмент и государственная инвестиционная политика-2. Материалы международной научной конференции. – Краснодар: Краснодарский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго РФ, 2018. – С. 16–31.

⁴ Алтухов А. И. Парадигма продовольственной безопасности России: монография. – М.: Фонд «Кадровый резерв», 2019. – 685 с.

⁵ Алтухов А. И. Парадигма продовольственной безопасности России: монография. – М.: Фонд «Кадровый резерв», 2019. – 685 с.

Росстата¹, уровень самообеспеченности рассчитывается на базе балансов продовольственных ресурсов и показывает, в какой мере собственное производство способно удовлетворить все потребности населения в продуктах питания. В общем виде коэффициент самообеспеченности (SSR) может быть представлен в следующем виде:

$$SSR = \frac{DP}{DC}, \quad (2.2)$$

где DP – объем внутреннего производства;
 DC – объем внутреннего потребления.

Внутреннее потребление включает в себя:

- объем продукции на питание населения страны (личное потребление);
- использование продукции сельхозпроизводителями на семена, корм скоту и птице, и прочие внутривозрастные нужды (производственное потребление);
- потери продукции и переработку сельскохозяйственной продукции на непищевые цели.

При этом фонд потребления определяется как разность всех ресурсов продукции того ее объема, который не был использован на питание (производственное потребление и переработку на непищевые цели, потери на всех стадиях от производства до реализации продукции, экспорт или вывоз продукции за пределы региона, изменение запасов продукции на начало и конец года).

В международной практике для оценки самообеспеченности распространен подход расчета уровня самообеспеченности на основе количества продовольственных товаров, доступных для потребления (DS):

$$SSR = \frac{DP}{DS}. \quad (2.3)$$

¹ Постановление Росстата от 25.12.2006 № 82 (ред. от 21.10.2013) «Об утверждении Методических указаний по составлению годовых балансов продовольственных ресурсов». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_119523/.

При этом количество продовольственных товаров, доступных для потребления, или их предложение, рассчитывается как:

а) общий объем предложения = внутреннее производство + импорт + уменьшение запасов;

б) общий объем предложения = внутреннее производство + импорт + изменения в запасах (уменьшение или увеличение);

в) общий объем предложения = внутреннее производство + импорт – экспорт + изменения в запасах (уменьшение или увеличение)¹.

В статьях О. С. Трибушининой, Н. Р. Куркиной² и Е. С. Пожидаевой³ «под продовольственным самообеспечением (региона) предлагается понимать такое положение экономики (региона), при котором он может обойтись собственными продовольственными ресурсами, не прибегая к потребности импорта продукции из других регионов»⁴. В этом случае уровень самообеспеченности определяется, как отношение объемов местного производства товаров продовольственного назначения какой-либо продуктовой группы (П) к потребности в них, определяемой как сумма производственного потребления (ПП), потерь продовольствия (П_{пот}) и фонда личного потребления (ФЛП)⁵:

$$Y_{CO} = \frac{П}{ПП+ФЛП+П_{пот}} \quad (2.4)$$

Уровень самообеспеченности в работе Р. Е. Мансурова⁶ рассчитывается как разность между нормативной обеспеченностью, рассчитанной, исходя из рекомендованных норм потребления и фактической самообеспеченностью. Для расче-

¹ Suite of Food Security Indicators // FAO: официальный сайт. – URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/FS> (дата обращения: 28.10.2019).

² Трибушинина О. С., Куркина Н. Р. Оценка уровня продовольственного самообеспечения региона // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 6-5. – С. 1023–1027.

³ Пожидаева Е. С. Экономико-статистический анализ уровня потребления основных продуктов питания в условиях ограничений внешней торговли // Экономический анализ: теория и практика. – 2017. – № 1 (460). – С. 116–127.

⁴ Трибушинина О. С., Куркина Н. Р. Оценка уровня продовольственного самообеспечения региона // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 6-5. – С. 1023–1027.

⁵ Там же.

⁶ Мансуров Р. Е. Система оценки самообеспеченности региона основными продуктами питания как элемент регионального управления АПК (на примере Смоленской области) // Экономика. Налоги. Право. – 2017. – № 4. – С. 107–113.

та фактической самообеспеченности фактические значения валового сбора соответствующей сельскохозяйственной культуры уменьшаются на потери на отходы и усушку, а также на технические цели на основе экспертной оценки. Подход имеет ряд недостатков, наиболее существенными из которых являются: субъективность мнения экспертов и большая вероятность их ошибочного суждения о потерях и расходах на технические нужды в каждый конкретный период времени на мезоуровне и, тем более, на макроуровне, а также игнорирование импорта и экспорта продовольственных товаров при оценке самообеспеченности.

По последним оценкам ФАО¹, около 30% всего произведенного в мире продовольствия теряется в цепочке поставок между производителями и потребителями. Возникновение потерь может быть результатом проблем при сборе урожая, обработке продукции, ее хранении, упаковке или транспортировке. Основными причинами потерь продовольствия являются неразвитость инфраструктуры, несовершенство рынков и механизмов ценообразования, или отсутствие правовой базы. Помидоры, раздавленные во время транспортировки из-за неправильной упаковки, или свежие фрукты, потерявшие пригодность для употребления в пищу из-за ненадлежащего хранения, являются примерами продовольственных потерь. Таким образом, не вся произведенная в стране продукция становится доступна для потребления, а решение проблемы сокращения продовольственных потерь по всей цепочке создания агропродовольственных товаров становится все более актуальным. Аналогичную позицию высказывает В. Загашвили, цитируя генерального директора Института конъюнктуры аграрного рынка (ИКАР), который обращает внимание на то, что российская Доктрина продовольственной безопасности рассматривает только произведенную продукцию, но не рассматривает всю цепочку поставок агропродовольственных товаров от производителя до потребителя².

¹ Suite of Food Security Indicators // ФАО: официальный сайт. – URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/FS> (дата обращения: 28.10.2019).

² Загашвили В. С. Продовольственная безопасность России в условиях ухудшения отношений с ЕС // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – № 8. – С. 46–59.

Как отмечено в докладе FAO, в последние годы еще одной формой неполноценного питания, наряду с голодом и недоеданием, оказывающими влияние на наличие или отсутствие продовольственной безопасности, является избыточное питание взрослого населения. Страдающими от ожирения считаются люди, чей индекс массы тела превышает 30. Ссылаясь на данные ВОЗ, доклад указывает, что в период с 2000 г. по 2014 г. число взрослых, страдающих от ожирения, выросло на 30 процентов. Самый высокий уровень распространенности ожирения наблюдался в странах Юго-Восточной Европы, где 26,9% всего взрослого населения были отнесены к категории имеющих избыточный вес. Растущие масштабы ожирения в регионе тесно коррелируют с доходами на душу населения, которые позволяют потреблять пищевые продукты более высокой калорийности, что сочетается с все менее подвижным образом жизни. Кроме того, ожирение как форма неполноценного питания может также являться результатом изменения пищевых привычек и низкого уровня доходов, связанных с потреблением более дешевой пищи с высоким содержанием жиров, сахара и других рафинированных углеводов¹.

В статье Е. Пожидаевой выявлены особенности потребления продуктов питания в России в период действия ограничительных мер во внешней торговле, среди которых отмечено снижение уровня фактического потребления некоторых продуктов ниже установленных рациональных норм и превышение, по сравнению с рациональными нормами, потребления продуктов питания, содержащих растительные углеводы². Переход россиян на продукты с более низкими розничными ценами отмечено и в исследовании Н. Киреевой и С. Санинского³, В. Бурцева и А. Балясовой⁴. Авторы отмечают, что экономическая и физическая доступность

¹ The State of Food Security and Nutrition in Europe And Central Asia // FAO: официальный сайт. – URL: <http://www.fao.org/3/a-i8194e.pdf> (дата обращения: 28.10.2019).

² Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Влияние внешней торговли на экономическую доступность продовольственных товаров в России // Общество и экономика. – 2019. – № 10. – С. 62–75.

³ Киреева Н. А., Санинский С. А. Продовольственная безопасность региона в контексте политики импортозамещения // Информационная безопасность регионов. – 2017. – № 2 (27). – С. 13–18.

⁴ Бурцев В. В., Балясова А. А. Продовольственная безопасность России: оценка и перспективы // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – № 3. – С. 479–490.

продуктов питания имеют чрезвычайное значение для России с ее глубокой территориальной и социальной дифференциацией в уровне потребления продуктов питания и доходов населения. Рост расходов населения на продукты питания отмечен во многих исследованиях (к примеру, [Жириева, 2017]¹).

Таким образом, обзор литературных источников показал, что, несмотря на высокую актуальность обеспеченности продовольственными товарами и доступности продуктов питания в России, к настоящему времени вопросы самообеспеченности продуктами питания недостаточно исследованы, а методологические подходы к оценке ее уровня имеют ряд недостатков, искажающих реальную ситуацию.

Для оценки уровня продовольственной самообеспеченности необходим комплексный подход с использованием группы показателей: уровня самообеспеченности в предложении и уровня самообеспеченности в нормативном потреблении.

1. *Оценка уровня самообеспеченности в предложении продовольственных товаров.* Учитывая распространенность и высокую значимость международной торговли для России, более прагматичным будет понимание продовольственной самообеспеченности как уровня поставок отечественных агропроизводителей в суммарном объеме поставленных на российский рынок продовольственных товаров:

$$SSR_S = \frac{S_D}{S_T}, \quad (2.5)$$

где SSR_S – коэффициент самообеспеченности в предложении;

S_D – объем внутреннего предложения;

S_T – общий объем предложения.

Объем внутреннего предложения представляет собой разность внутреннего производства, потерь и экспорта. Высокий уровень потерь отражает неэффективную переработку, транспортировку и хранение продуктов питания, что

¹ Жириева Е. В. Продукты питания, вовлеченные в войну санкций: действительно ли страдает продовольственная безопасность? // Управленческое консультирование. – 2017. – № 9. – С. 117–133.

непосредственно влияет на уровень продовольствия, доступного для внутреннего потребления. Показатели потерь, публикуемые Росстатом, по мнению многих ученых-аграриев (см., к примеру, [Скульская, Широкова, 2010]¹), существенно занижены и не отражают реальной картины. Однако в связи с отсутствием информации по уровню потерь всех видов сельскохозяйственной продукции за исследуемый период времени, мы в нашем исследовании использовали уровни потерь по группам сельскохозяйственной продукции, приводимые Росстатом². Кроме того, часть произведенной российскими аграриями продукции не поставляется на внутренний рынок, а экспортируется. Формула коэффициента самообеспеченности в этом случае приобретает вид:

$$SSR_S = \frac{(DP-L-E)}{(DP-L-S)+I+(S_{НГ}-S_{КГ})}, \quad (2.6)$$

где DP – внутреннее производство;

L – уровень потерь данного вида сельскохозяйственной продукции;

E – объем экспорта данного вида сельскохозяйственной продукции;

I – объем его импорта;

$S_{НГ}$ – запасы на начало и конец года.

$S_{КГ}$ – запасы на начало и конец года.

Объемы внутреннего производства, объемы импорта, экспорта и запасов могут быть измерены либо в единицах объема продуктов питания (тыс. тонн, тыс. шт.), либо в денежных величинах, либо в калориях. В отличие от показателя самообеспеченности в подходе Росстата, данный подход показывает не долю внутреннего производства, а долю внутреннего предложения, доступного для потребления.

Коэффициент самообеспеченности SSR рассчитывается для конкретного товара либо товарной группы. ФАО рекомендует не применять коэффициент самообеспеченности в отношении общей продовольственной ситуации в стране, поскольку он может маскировать случаи, когда страна производит в

¹ Скульская Л. В., Широкова Т. К. Потери сельскохозяйственной продукции и продовольственных ресурсов в российской Федерации // Проблемы прогнозирования. – 2010. – № 6. – С. 63–83.

² Росстат, 2019. Официальная статистика. – URL: <http://www.gks.ru/>.

изобилии один продовольственный товар и при этом вынуждена полагаться на импорт других продовольственных товаров¹.

Предложенный автором подход устраняет недостатки применяемого в настоящее время подхода оценки самообеспеченности по доле внутреннего производства в потреблении, однако не учитывает рекомендованные нормы потребления продуктов питания.

2. *Оценка самообеспеченности в нормативном потреблении.* Автор предлагает оценивать уровень самообеспеченности по доле внутреннего предложения в потреблении согласно рекомендованных (рациональных) норм пищевых продуктов в соответствии с современными требованиями здорового питания². Для этого мы производим корректировку коэффициента самообеспеченности в предложении на степень достижения рациональных норм потребления.

$$SSR_N = \frac{(DP - L - E)}{DC_N}, \quad (2.7)$$

где DC_N – объем потребления продуктов питания согласно рекомендованных (рациональных) норм, рассчитанный как

$$DC_N = DC_\Phi \cdot k_N, \quad (2.8)$$

где DC_Φ – объем фактического потребления по основным группам пищевых продуктов;

k_N – степень достижения рациональных норм.

Результаты расчетов коэффициентов самообеспеченности в предложении продовольственных товаров (SSR_S) и самообеспеченности по методике Росстата (SSR_R) представлены в Таблице 2.4.

¹ Committee On World Food Security. Thirty-ninth Session. Rome, Italy, 15-20 October 2012. // FAO: официальный сайт. – URL: <http://www.fao.org/3/MD776E/MD776E.pdf> (дата обращения: 05.06.2019).

² Росстат, 2019. Официальная статистика. – URL: <http://www.gks.ru/>.

Таблица 2.4 – Коэффициенты самообеспеченности по основным группам продуктов питания¹

	1990	2000	2010	2013	2014	2015	2016	2017	2018	янв.-сент. 2019
Зерно										
<i>SSR_S</i>	0,90	1,00	0,72	1,12	1,10	1,05	1,15	1,16	0,76	1,33
<i>SSR_R</i>	0,92	1,03	0,93	1,40	1,54	1,49	1,60	1,71	1,47	1,82
Мясо и мясопродукты										
<i>SSR_S</i>	0,87	0,66	0,71	0,77	0,81	0,87	0,88	0,91	0,93	0,90
<i>SSR_R</i>	0,87	0,67	0,72	0,78	0,83	0,89	0,91	0,93	0,96	0,93
Молоко и молокопродукты										
<i>SSR_S</i>	0,86	0,87	0,79	0,75	0,76	0,78	0,79	0,81	0,82	0,85
<i>SSR_R</i>	0,86	0,88	0,80	0,77	0,78	0,80	0,81	0,82	0,84	0,87
Яйца и яйцопродукты										
<i>SSR_S</i>	0,96	0,97	0,98	0,97	0,97	0,97	0,98	0,97	0,97	
<i>SSR_R</i>	0,97	0,97	0,98	0,98	0,98	0,98	0,99	0,99	0,99	
Картофель										
<i>SSR_S</i>	0,94	0,99	0,72	0,96	0,98	1,01	0,91	0,89	0,94	
<i>SSR_R</i>	0,96	1,00	0,73	0,96	0,98	1,02	0,93	0,91	0,95	
Овощи										
<i>SSR_S</i>	0,75	0,84	0,76	0,82	0,83	0,85	0,85	0,86	0,85	
<i>SSR_R</i>	0,78	0,86	0,77	0,83	0,84	0,87	0,87	0,88	0,87	
Фрукты и ягоды										
<i>SSR_S</i>	0,49	0,54	0,25	0,30	0,30	0,30	0,34	0,30	0,36	
<i>SSR_R</i>	0,53	0,56	0,27	0,32	0,32	0,32	0,37	0,33	0,39	
Рыба и рыбопродукты										
<i>SSR_S</i>				0,45	0,50	0,71	0,75	0,65	0,61	
<i>SSR_R</i>				1,13	1,15	1,33	1,41	1,39	1,59	

Россия достаточно глубоко вовлечена в мировую торговлю, и является и экспортером продовольственных товаров, и их импортером. Однако в методике

¹ Рассчитано автором.

расчета самообеспеченности Росстата не учитывается, что вывезенная из страны продукция (экспорт), который по отдельным товарным группам достигает 30% и более, недоступна для потребления на внутреннем рынке. Так, экспорт зерновых с 2013 г. находится на уровне выше 30% от объема внутреннего производства. Экспорт рыбы и рыбопродуктов превышает 50%, а в 2018 г. превысил 60% (Рисунок 2.9).

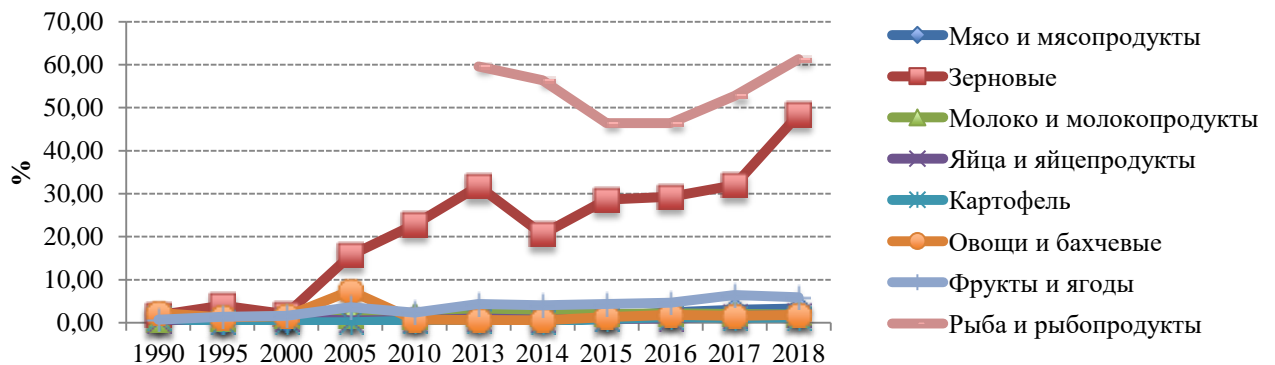

Рисунок 2.9 – Доля российского экспорта произведенной агропродукции по товарным группам, проценты¹

По указанным товарным группам самообеспеченность, рассчитанная по методике Росстата (показывает уровень отечественного производства в потреблении), почти в два раза превышает показатель самообеспеченности, рассчитанный по авторской методике (показывает уровень отечественной продукции, доступной для потребления на внутреннем рынке в общем объеме продуктов питания, доступных для потребления). Так, в 2017 г.:

– уровень отечественного производства зерновых в потреблении составлял 171,65%;

– уровень отечественных зерновых, доступных для потребления на внутреннем рынке в общем объеме зерновых на внутреннем рынке составил 116%.

По товарной группе «рыба и рыбопродукты», при доле экспорта более 50%, различия в уровне самообеспеченности превышают 2 раза.

¹ Рассчитано автором по данным Росстата. – URL: <http://www.gks.ru/>.

Если сравнивать самообеспеченность продовольственными товарами в 2013 г. (последний полный докризисный год) и в 2018 г., можно отметить рост самообеспеченности по таким товарным группам, как «мясо и мясопродукты» (на 15%), «рыба и рыбопродукты» (на 16%), «молоко и молокопродукты» (на 7%), «овощи и бахчевые» (на 3%), «фрукты и ягоды» (на 6%).

Следует отметить, что по ряду товарных групп рост самообеспеченности начался гораздо ранее активизации политики импортозамещения. К примеру, рост самообеспеченности по зерновым имел место на протяжении всего периода исследования, рост самообеспеченности по товарной группе «мясо и мясопродукты» также продолжается уже почти 20 лет – с 2000 года.

По другим группам товаров – «молоко и молокопродукты», «фрукты и ягоды» – снижение самообеспеченности, которое проявилось в начале 1990-х гг., удалось остановить в середине 2000-х гг., однако достичь уровня 1990-х гг. до настоящего времени не удалось.

По товарной группе «яйца и яйцепродукты» уровень самообеспеченности на протяжении всего исследуемого периода оставался на высоком уровне.

Важнейшим целевым индикатором Доктрины продовольственной безопасности выступает уровень достижения рациональных норм потребления пищевых продуктов на душу населения.

Мы в нашем исследовании уровень потребления согласно рекомендованных норм рассчитали как количество продовольственных товаров, доступных потребителям, скорректированное на степень достижения рациональных норм.

Степень достижения рациональных норм рассчитана как процентное отношение фактического потребления продуктов питания по основным группам пищевых продуктов¹ к рациональным нормам потребления пищевых продуктов в соответствии с современными требованиями здорового питания² (Таблица 2.5).

¹ Росстат. Бюллетени о состоянии сельского хозяйства (электронные версии). – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1265196018516.

² Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 19.08.2016 № 614 «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых про-

Таблица 2.5 – Степень достижения рациональных норм потребления пищевых продуктов¹

	Рациональные нормы, кг/год/чел.	Фактическое потребление, кг/год/человек						Степень достижения рациональных норм, %					
		2013	2014	2015	2016	2017	2018	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Мясо и мясопродукты в пересчете на мясо	73	75	74	73	74	75	75	101	101	100	101	103	103
Молоко и молочные продукты в пересчете на молоко	325	245	239	233	231	230	229	76	74	72	71	71	70
Яйца и яйцепродукты – штук	260	270	267	268	273	279	280	106	103	103	105	107	108
Картофель	90	94	93	91	90	90	89	108	103	101	100	100	99
Овощи и продовольственные бахчевые культуры	140	102	102	102	102	104	107	74	73	73	73	74	76
Фрукты и ягоды	100	63	63	60	60	59	61	60	63	60	60	59	61
Сахар	24	40	40	39	39	39	–	167	167	163	163	163	–
Хлебные продукты (хлеб и макаронные изделия в пересчете на муку, мука, крупа и бобовые)	96	118	118	117	117	117	116	123	123	122	122	122	121
Рыбопродукты	22	27,3	25,7	22,3	22,3	22,9	20,2	124	117	101	101	104	92

На фоне потребления основных пищевых продуктов ниже установленных норм пищевая ценность сложившегося рациона также не является удовлетворительной (Таблица 2.6).

дуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания» (с изменениями на 25.10.2019).

¹ Рассчитано автором по данным: Росстат. Бюллетени о состоянии сельского хозяйства (электронные версии). URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1265196018516; Приложения к Приказе Министерства здравоохранения и социального развития РФ от 19.08.2016 № 614 «Об утверждении рекомендаций по рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания» (с изменениями на 25.10.2019).

Таблица 2.6 – Пищевая ценность сложившегося рациона питания, грамм в сутки/на члена семьи, в домашних хозяйствах, имеющих детей в возрасте до 16 лет¹

	<i>Рациональные нормы, грамм / сутки / на члена семьи</i>	<i>Потребление в 2018 г., грамм / сутки / на члена семьи</i>	<i>Потребление в 2018 г. в процентах к рациональным нормам, %</i>
Белки	82	67	81,71
Жиры	95	89	93,68
Углеводы	417	287	68,82
Энергетическая ценность, ккал в сутки	2850	2228	78,18

Потребление жиров, углеводов и белков находится ниже установленной нормы. Кроме того, набор продуктов питания остается низкокалорийным относительно рекомендованной нормы.

Коэффициент самообеспеченности продуктами питания при потреблении согласно рациональным нормам (SSR_N) представлен на Рисунке 2.10.

В 2018 г. он показывает избыточное предложение российских сельхозпроизводителей по товарной группе «яйца и яйцепродукты» (на 4,6%%), и недостаточное предложение по всем остальным товарным группам, особо существенное по фруктам и ягодам (22%). Недостаточное предложение зерновых в 2018 г. связано со снижением валового сбора зерна на 17%, в сравнении с рекордным урожаем 2017 г. Оно вызвано как сокращением уборочных площадей, так и более низкой урожайностью зерна в ряде регионов по причине погодного фактора². Недостаточное предложение картофеля в 2018 г. также вызвано сокращением посевных площадей в 2017 г. из-за перепроизводства картофеля в 2015–2016 гг., которое привело к снижению цен на внутреннем рынке и вызвало убытки сельхозпроизводителей³.

¹ Рассчитано автором по данным Росстата. Официальная статистика. – URL: <https://www.gks.ru/folder/10705>.

² Итоги года 2018. Рынок зерна // Агровести: официальный сайт. – URL: <https://agrovesti.net/lib/industries/cereals/itogi-goda-2018-rynok-zerna.html>.

³ Обзор рынка картофеля в России: Потребность в переменах. – URL: <https://www.welikepotato.ru/articles/blog/potatoes/100518>.

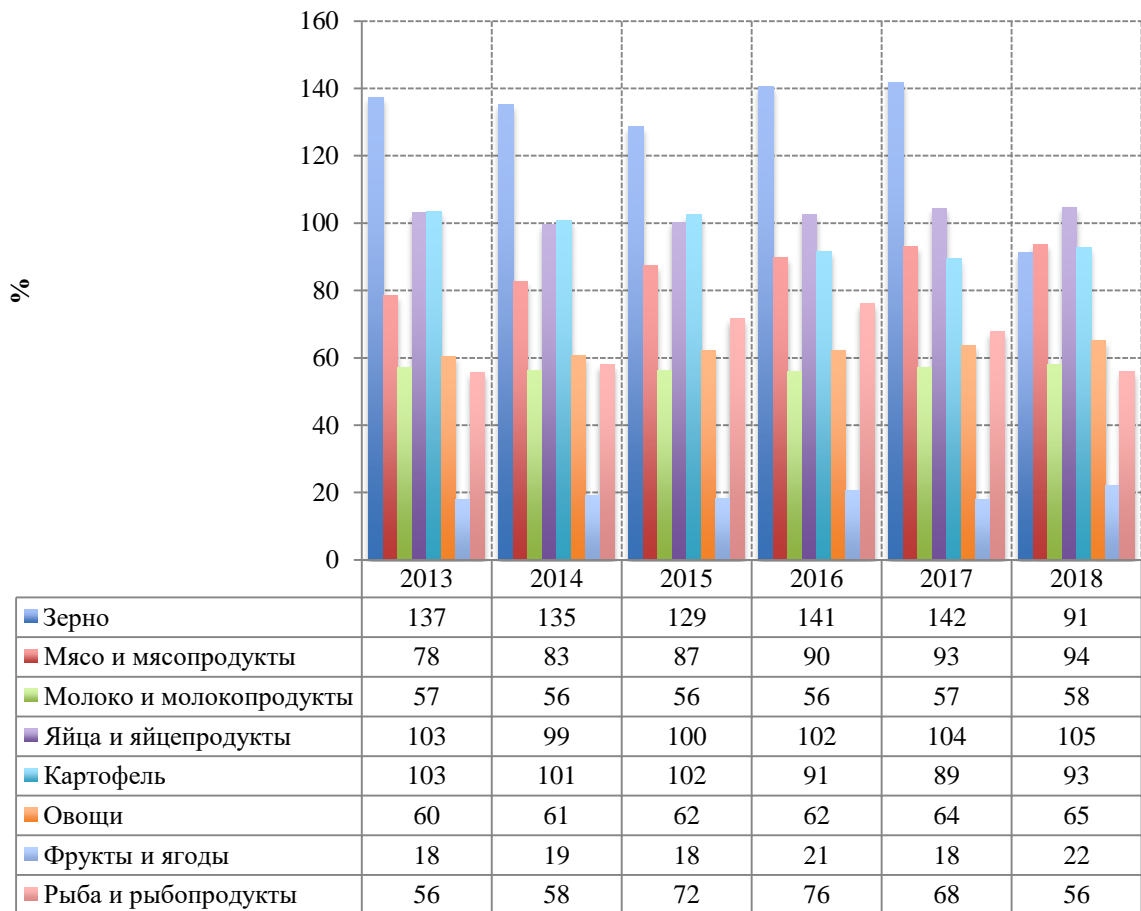

Рисунок 2.10 – Коэффициент самообеспеченности продуктами питания при потреблении согласно рациональным нормам (SSR_N)¹

В Доктрине продовольственной безопасности России зафиксированы, с одной стороны, ориентация на продовольственное самообеспечение, которое трактуется как независимость от импорта посредством наращивания объемов собственного производства, с другой стороны – необходимость обеспечения экономической и физической доступности продуктов питания высокого уровня качества. Тем не менее, при обсуждении продовольственной безопасности на первое место ставится рост внутреннего производства необходимого объема продовольствия, а не обеспечение физической и экономической доступности населения к продовольственным товарам².

¹ Рассчитано автором.

² Троцук И. В., Никулин А. М., Вегрен С. Трактовки и способы измерения продовольственной безопасности в современной России: дискурсивные и реальные противоречия // Мир России. – 2018. – Т. 27, № 1. – С. 34–64. – DOI 10.17323/1811-038X-2018-27-1-34-64,

Расчет продовольственной самообеспеченности России по методике Росстата показывает достаточно высокий уровень самообеспеченности. В результате, по мнению ряда экспертов (см., к примеру, [Шагайда и др., 2018]¹), задача импортозамещения и продовольственной независимости страны в целом решена.

Но тогда встает вопрос: почему снизилась экономическая доступность продуктов питания для населения? Рост расходов населения на продукты питания отмечен во многих исследованиях (см. [Жиряева, 2017²; Пожидаева, 2017³]). В 2017 г. в России «расходы на продукты питания домашних хозяйств составили более 36% расходов на потребление, в 2019 г. они снизились до 30,23%, в то время как в странах ЕС (28 стран) они, в среднем, составляют 12,2%. При этом фактическое потребление ряда продуктов питания в России сильно отстает от аналогичных показателей в развитых странах. Так, потребление мяса и продуктов из мяса в России составляет 72,6 кг, в странах ЕС – 82 кг, США – 110 кг. Россияне потребляют мяса и мясопродуктов на 16 кг меньше жителей Белоруссии, молока и молочных продуктов меньше на 15 кг, яиц – на 15 шт., картофеля – на 58 кг, овощей бахчевых – на 34 кг, фруктов и ягод – на 18 кг, и потребляют на 32 кг больше хлеба и макаронных изделий. При этом расходы на питание российских потребителей растут на протяжении длительного времени, однако более медленно, чем расходы домашних хозяйств на потребление»⁴ (Рисунок 2.11).

¹ Шагайда Н. И., Никулин А. М., Узун В. Я., Троцук И. В., Шишкина Е. А. Мониторинг состояния продовольственной безопасности России в 2014–2016 гг. / Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС. – М.: Дело, 2018.

² Жиряева Е. В. Продукты питания, вовлеченные в войну санкций: действительно ли страдает продовольственная безопасность? // Управленческое консультирование. – 2017. – № 9. – С. 117–133.

³ Пожидаева Е. С. Экономико-статистический анализ уровня потребления основных продуктов питания в условиях ограничений внешней торговли // Экономический анализ: теория и практика. – 2017. – № 1 (460). – С. 116–127.

⁴ Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Влияние внешней торговли на экономическую доступность продовольственных товаров в России // Общество и экономика. – 2019. – № 10. – С. 62–75.

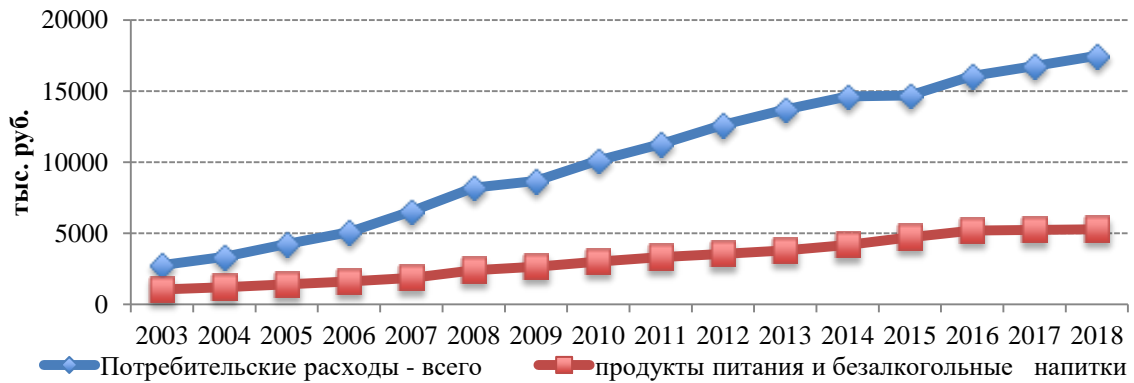

Рисунок 2.11 – Динамика потребительских расходов и расходов на питание¹

Падение реальных располагаемых денежных доходов населения началось в 2014 г. – 99% от уровня 2013 г., и продолжилось в последующие годы.² Фактическое конечное потребление домашних хозяйств начало сокращаться еще в 2012 г., заметное его сокращение произошло в 2015 г.³

Снижение доходов населения в течение столь длительного периода времени привело к изменению потребительского поведения россиян: переориентация на магазины с низкими ценами, приобретение только самого необходимого и неотложного, применение других стратегий экономного поведения (планирование расходов, покупка товаров «по списку», поиск акций и скидок, и пр.). Некоторая стабилизация спроса в первой половине 2017 г. на фоне снижения инфляции не привела, тем не менее, к восстановлению докризисного уровня потребления⁴.

В разрезе групп продовольственных товаров рост цен в 2014 г. был вызван несколькими товарными группами, прежде всего, ростом цен на сахар-песок, на крупу и бобовые⁵ (Рисунок 2.12).

¹ Составлено автором по данным: Росстат. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/ (дата обращения: 05.06.2019).

² Россия в цифрах. Крат. стат. сб. / Росстат. – М.: Росстат, 2017. – 511 с.

³ Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Глобальные ТНК, а России в условиях импортозамещения // Россия и современный мир. – 2018. – № 4 (101). – С. 30–45.

⁴ Первые признаки восстановления уверенности российских потребителей. – URL: <http://www.nielsen.com/ru/ru/insights/news/2017/q2-2017-Russian-consumer-confidence-index.html> (дата обращения: 15.04.2018).

⁵ Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Влияние внешней торговли на экономическую доступность продовольственных товаров в России // Общество и экономика. – 2019. – №1 0. – С. 62–75.

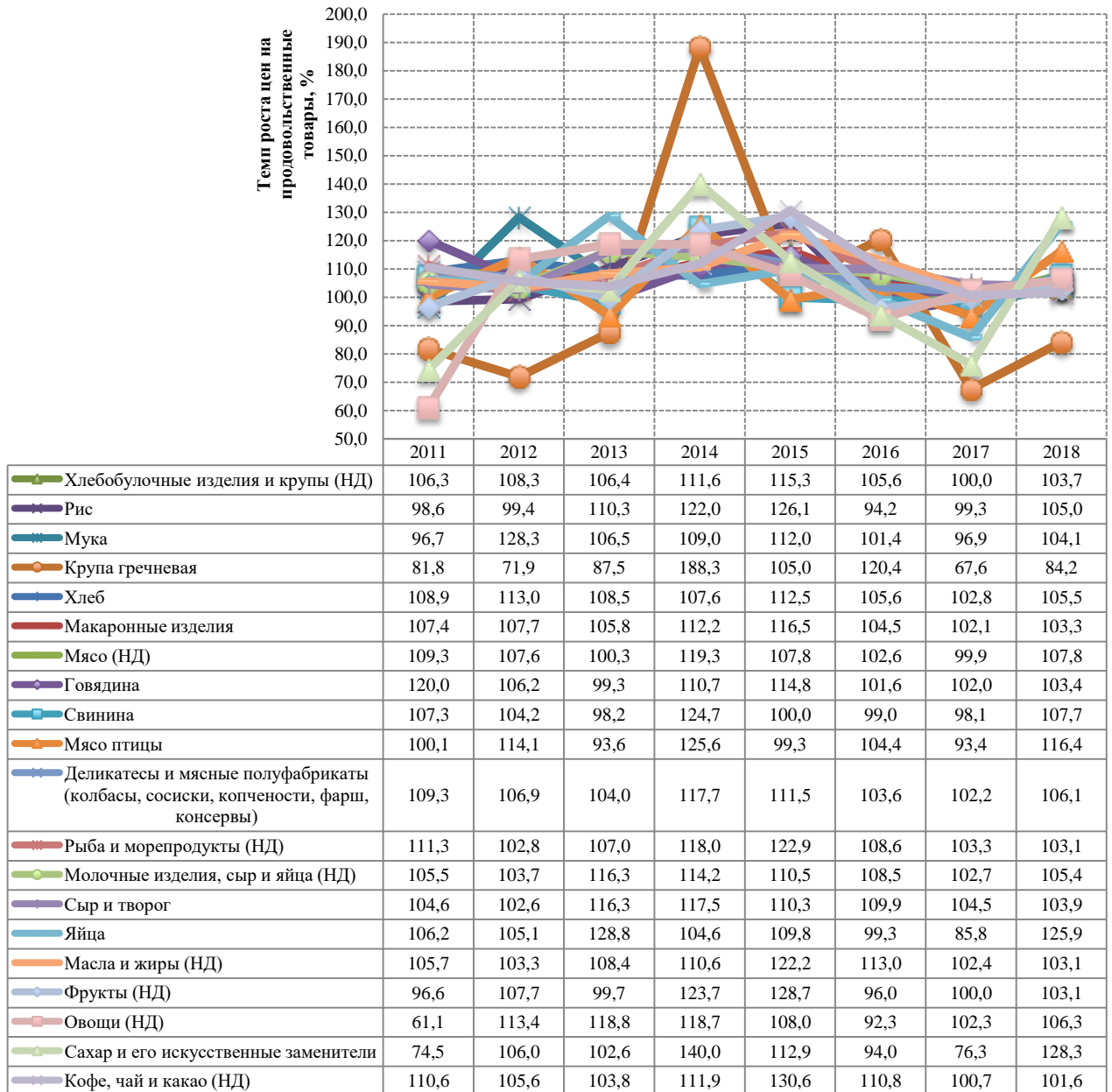

Рисунок 2.12 – Динамика цен на продовольственные товары по группам продовольственных товаров, в % к предыдущему периоду¹

Как показало исследование, проведенное автором, «рост цен на крупы и бобовые в 2014 г. был обеспечен, в основном, повышением цен на гречку и рис. Факторами роста цен на гречку стали, с одной стороны, неблагоприятные погодные условия и гибель части урожая в Алтайском крае из-за раннего снега, и, с другой стороны, панические настроения и ажиотажный спрос населения, которое традиционно запасается гречкой в периоды кризиса. На рост цен на рис оказали влияние, в основном, валютные факторы, в результате чего экспорт

¹ Составлено автором по данным: Росстат. – URL: <http://www.gks.ru/>.

отечественного риса в период 2014–2015 гг. вырос в 1,9 раза, при значительном сокращении импорта тех сортов, которые в России не выращиваются¹. Спекулятивными мотивами объясняют эксперты и рост цен на сахар в конце 2014 г. и в 2015 г., несмотря на то, что его производство зависимо от импорта семян, средств защиты растений и сельскохозяйственной техники. Значительный рост цен в 2015 г. на масло подсолнечное, по экспорту которого Россия занимает второе место в тройке ведущих экспортеров, был вызван ростом цен по подсолнечник, цены на который, при увеличении валового сбора в 2015 г. на 600 тыс. тонн, продолжили рост, чему способствовали: погодные условия сбора урожая, создавшие условия для длительного хранения без необходимости переработки, и слабость национальной валюты (доля российского экспорта в мировом предложении подсолнечного масла в 2014 г. составила 20%, в 2015 г. – 19%)². Таким образом, в период 2014–2015 гг. в России наблюдался рост цен на экспортные товары, которые при ослаблении рубля автоматически растут в цене, и эффект «повода». Эффект «повода» заключается в том, что при наблюдающейся и заметной девальвации рубля у производителя или продавца есть повод повысить цены и обосновать это повышение перед потребителями и государством»³.

Анализ изменения благосостояния в рамках модели частичного равновесия, проведенный Н. Волчковой и П. Кузнецовой, показал, что чистые потери потребителей от роста цен и сокращения объема потребления, вызванные проводимой политикой импортозамещения, составили 445 млрд руб. в год (3 тыс. руб. в расчете на одного человека). Перераспределение потерь потребителей, по мнению авторов исследования, произошло преимущественно в пользу отечественных производителей (84%), 4% потерь потребителей составили эквивалент выигрыша зарубежных экспортеров, пришедших на российский рынок

¹ Институт конъюнктуры аграрного рынка. Масложировая отрасль. – URL: <http://ikar.ru/sunflower/profile.html> (дата обращения: 15.04.2018).

² Там же.

³ Чернова В. Ю. Развитие стратегии импортозамещения в России (на примере АПК). – Москва: Триумф, 2018. – 243 с.

взамен тех, импорт продукции которых запрещен, и 13% составили невосполнимые потери экономики.

Данный вывод требует уточнения, потому что в российском агропродовольственном секторе в течение периода после введения санкций и продуктового эмбарго цены производителей продукции животноводства и производителей продукции растениеводства росли значительно более медленными темпами, чем розничные цены на продукты питания (Рисунок 2.13), и потери потребителей связаны преимущественно с сокращением потребления, вызванного падением реальных доходов населения, а также с более высоким темпом роста розничных цен в сравнении с темпом роста цен производителей агропродовольственной продукции.

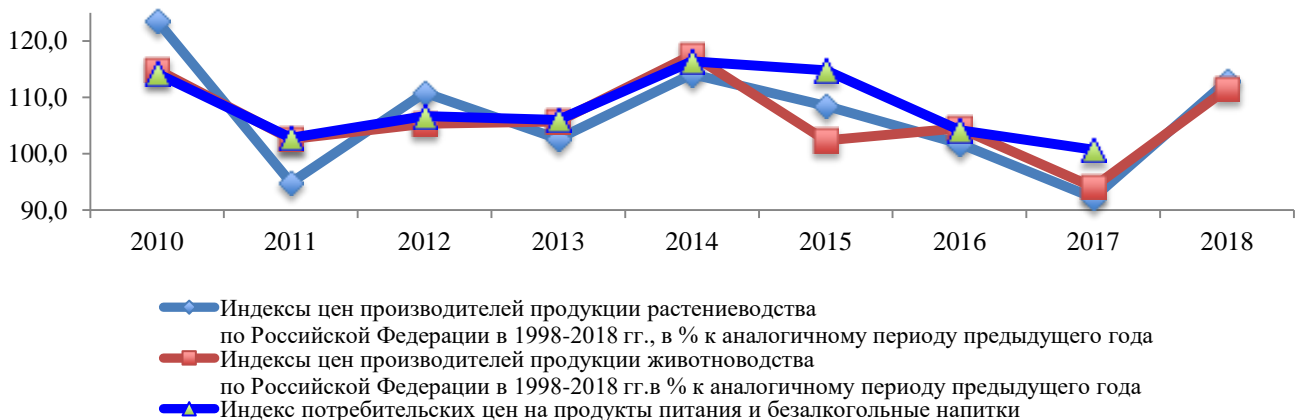

Рисунок 2.13 – Динамика индексов цен производителей сельхозпродукции и индекса потребительских цен на продукты питания¹

Данный вывод подтвержден в исследовании [Развитие экспортного потенциала..., 2019]², где отмечено, что агропродовольственный сектор характеризуется дисбалансом цен, и наибольший дисбаланс возникает при реализации продовольственных товаров потребителям через розничную сеть. Индексы потребительских цен на продовольственные товары существенно выше индексов цен на сельскохозяйственную продукцию, а в структуре розничных цен на зна-

¹ Составлено автором по данным: Росстат. – URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/ (дата обращения: 05.06.2019).

² Развитие экспортного потенциала АПК России: ценовой аспект: науч. изд. – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. – 312 с.

чительное количество продовольственных товаров доля сельскохозяйственного производства занимает не более 40%.

Кроме того, на сегодняшний день, к примеру, в себестоимости сырого молока затраты на ветеринарные препараты занимают долю в 3,2%, затраты на ремонт и обслуживание оборудования – 3,5%. При этом зависимость затрат на ветеринарные препараты от курса иностранных валют составляет 100%, зависимость затрат на ремонт и обслуживание оборудования – 72,3%. При падении курса рубля относительно иностранных валют неизбежно будет происходить рост себестоимости сырого молока, а следовательно, и конечной продукции, изготовленной из молока-сырья. Эффект роста себестоимости возникнет и в случае замены более дешевого импортного промежуточного товара на более дорогой аналог. По мнению П. Кадочникова, в тех случаях, когда импортные комплектующие являются основным источником роста конкурентоспособности отечественной продукции, недопустима ситуация, при которой каким-либо образом, в том числе, за счет высоких таможенных пошлин, ограничивается их поступление на внутренний рынок¹.

Аналогичная ситуация сохраняется практически во всех сегментах агропродовольственного рынка. На сегодняшний день Россия почти полностью импортнезависима в мясе птицы и свинины, но импортозависимость их производителей по некоторым компонентам (ветеринарные препараты, оборудование, ингредиенты для кормов) сохраняется на уровне 100%, и снизить этот показатель в ближайшее время не удастся по причине отсутствия качественных отечественных аналогов².

¹ Кадочников П. А. Перспективные вопросы расширения участия России в глобальных цепочках добавленной стоимости // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – № 2. – С. 8–13.

² Белая А. Условно российское мясо // Агровести: официальный сайт. – URL: <https://www.agroinvestor.ru/investments/article/24382-uslovno-importnoe-myaso/> (дата обращения: 05.03.2019); Гайва Е. На треть российский бройлер // Агровести: официальный сайт. – URL: <https://www.agroinvestor.ru/markets/article/25805-na-tret-rossiyskiy-broyler/> (дата обращения: 05.03.2019).

Девальвация рубля, которая по срокам совпала с активизацией политики импортозамещения, неизбежно привела к росту себестоимости тех товаров, в составе которых присутствует хотя бы один импортный промежуточный товар.

Значительное сокращение импорта продовольственных товаров и наращивание собственного производства, достижение продовольственной безопасности и продовольственной независимости в Российской Федерации в период с 2014 по 2018 гг. «сопровождались сокращением экономической доступности продуктов питания и снижением качества питания. Решением сложившейся ситуации должно стать существенное изменение подходов к продовольственной безопасности, пересмотр целей и задач доктрины и основных направлений их реализации с учетом новых вызовов и изменившихся условий»¹, на основе достижения продовольственной безопасности страны и экономической доступности продуктов питания для населения этой страны.

С позиции автора, «в Доктрине продовольственной безопасности должны найти отражение следующие вопросы:

- смещение акцента с продовольственной безопасности на обеспечение гарантированного уровня продовольственного благополучия населения;
- корректировка и детализация национальных норм потребления пищевых продуктов с точки зрения сохранения здоровья и обеспечения роста продолжительности жизни населения;
- организация адресной внутренней продовольственной помощи социально незащищенному населению, что станет хорошим инструментом роста внутреннего потребления;
- разработка механизмов выявления и устранения «узких мест», сдерживающих развитие агропродовольственного сектора, в том числе, в смежных отраслях (транспорт и инфраструктура);
- развитие системы образования и науки в агропродовольственной сфере;

¹ Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Влияние внешней торговли на экономическую доступность продовольственных товаров в России // Общество и экономика. – 2019. – № 10. – С. 62–75.

– сокращение отставания агропродовольственного сектора в цифровизации по всей продовольственной цепочки, во избежание развития новых форм технологической зависимости отечественного агропродовольственного сектора от развитых стран;

– включение в Доктрину продовольственной безопасности критериев экономической доступности продуктов питания»¹.

Данное исследование показало, что высокий уровень самообеспеченности продуктами питания в России достигнут только по зерновым (в 2017 г.), а как раз хлеба и макаронных изделий россияне потребляют выше рекомендованной нормы. Самообеспеченность по молочным продуктам, овощам и фруктам находится на низком уровне, что при достаточно высоких ценах на эти крайне необходимые для здорового питания продукты делает их недоступными для большого количества домашних хозяйств. Снижение «уровня фактического потребления некоторых продуктов ниже установленных рациональных норм и превышение по сравнению с рациональными нормами потребления других продуктов питания, с более низкими розничными ценами, негативно сказываются на показателях здоровья населения»².

Таким образом, можно утверждать, что Доктрина продовольственной безопасности выполняется без учета того, как это способствует удовлетворению потребностей населения в продовольственных товарах. Несмотря на то, что понятие «продовольственная безопасность» базируется на международных подходах, существует конфликт между различными элементами понимания этого термина. В настоящее время Доктрина ориентирована на производство, но не на потребителя. Рост продовольственной независимости за счет роста внутреннего производства и сокращения импорта не может гарантировать удовлетворение потребностей населения в качественных продуктах питания в объеме не ниже рекомендованных норм.

¹ Там же.

² Там же.

Выявленное противоречие определяет необходимость уточнения целей и задач Доктрины, а также существенного пересмотра перечня ключевых показателей оценки продовольственной безопасности. Перечень показателей выполнения Доктрины целесообразно дополнить за счет включения показателей: уровня самообеспеченности в предложении и уровня самообеспеченности в нормативном потреблении.

2.4. Анализ хода и эффективности реализации политики импортозамещения в агропродовольственном секторе РФ

Несмотря на высокую значимость снижения импортозависимости и роста собственного конкурентоспособного производства для экономики, проблемам количественной оценки эффективности проводимого импортозамещения с точки зрения динамики происходящих процессов уделяется недостаточно внимания. В настоящее время в качестве основного показателя импортозамещения используется показатель «доли импорта конечной продукции в потреблении», по которому установлены плановые показатели¹. Для агропродовольственного сектора по основным группам продовольственных товаров дополнительно рассчитывается достижение продовольственной независимости.

По нашему мнению, «оценка процесса импортозамещения только по показателям сокращения доли импорта в производстве отечественной продукции и наращиванию объемов экспорта искажает сущность проводимой политики и порождает суждения о стремлении России к изоляции. Хотя цель полного вытеснения импорта и замены иностранных товаров российскими никогда не ставилась, и импортозамещение призвано создать условия, способствующие модернизации национальных отраслей экономики и росту их конкурентоспособности»².

¹ Fedorova E. A., Airapetyan D. D., Musienko S. O., Afanas'ev D. O., Fedorov F. Yu. Influence of Import Substitution Policy on the Industrial Production Level in Russia: Sector-Specific Issues // Studies on Russian Economic Development. – 2018. – Vol. 29, issue 2. – P. 167–173.

² Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Система оценки эффективности и мониторинга результатов политики импортозамещения // Экономика региона. – 2019. – № 4. – С. 1266–1278.

Анализ существующих в настоящее время методик количественной оценки импортозамещения показал, что они дают возможность оценивать потенциал импортозамещения, но не предназначены для оценки его результата. Обзор существующих методик оценки потенциала импортозамещения представлен в Приложении В.

На основе анализа существующих методик автором сделан вывод об «их ограниченных возможностях для оценки эффективности импортозамещения, несоответствии задачам обеспечения устойчивого роста и наращивания экспорта продукции отечественной промышленности»¹.

Для решения задачи нами разработан подход к оценке эффективности импортозамещения, который «опирается на работы Г. Б. Клейнера, Ю. Сухотина, В. Дементьева и соавт. Особый интерес в работе Г. Б. Клейнера представляет концепция целевой эффективности как устойчивого долгосрочного развития системы². Ю. Сухотин, В. Дементьев и соавторы акцентируют внимание на содержании прогресса модернизации в виде наличия или отсутствия устойчивого роста отрасли³, что достаточно точно характеризует качественную сторону структурно-технологической модернизации»⁴.

Такая трактовка эффективности «позволяет учесть ее динамический аспект, когда в качестве основного целевого показателя устанавливается ее устойчивое развитие желаемыми темпами. Поэтому показатель эффективности импортозамещения (I) рассчитывается нами как отношение комплексного индикатора динамики целевых показателей импортозамещения ($I_{ЦП}$) к среднегеометрической величине комплексных индикаторов динамики факторов, способствующих формированию потенциала импортозамещения ($I_{ФП}$) и индикатора динамики потенциала импортозамещения ($I_{П}$):

¹ Там же.

² Клейнер Г. Б. Эффективность мезоэкономических систем переходного периода // Проблемы теории и практики в управлении. – 2002. – № 6. – С. 35–40.

³ Сухотин Ю. В., Дементьев В. Е., Петров А. П., Овсиенко Ю. В., Шухов Н. С. О двух аспектах эффективности общественного производства // Экономика и математические методы. – 1986. – № 4. – С. 35–51.

⁴ Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Система оценки эффективности и мониторинга результатов политики импортозамещения // Экономика региона. – 2019. – № 4. – С. 1266–1278.

$$I = \frac{I_{ЦП}}{\sqrt{I_{П} I_{ФП}}}. \quad (2.9)$$

Показатель эффективности использования потенциала характеризует отдачу от имеющегося потенциала и факторов, вносящих вклад в его наращивание в достижении целей импортозамещения. Равные весовые коэффициенты комплексных индикаторов динамики факторов, способствующих формированию потенциала импортозамещения ($I_{ФП}$) и индикатора динамики потенциала импортозамещения ($I_{П}$), показывают их равнозначный вклад в достижение целевых показателей»¹.

Факторами, «оказывающими непосредственное влияние на темпы роста отрасли, являются рост производительности труда, модернизация производства на основе обновления основных фондов и замены устаревшего оборудования на новое высокотехнологичное, технологических, организационных и продуктовых инноваций, что, в свою очередь, требует увеличения инвестиций в модернизацию, роста количественного состава и повышения уровня квалификации работников, создания благоприятной институциональной среды для развития отрасли, а также стимулирования внутреннего спроса на импортозамещаемую продукцию. Поэтому рост количества и улучшение качественного состава трудовых ресурсов, улучшение качества институциональной среды, рост инвестиций и сокращение импорта являются факторами, формирующими потенциал развития отрасли и создающими возможности для роста производительности труда, технического переоснащения отрасли (обновления основных фондов), внедрения новейших технологий (роста инновационного потенциала). Факторы, формирующие потенциал, становятся потенциалом при условии их положительной динамики»².

Важнейшим ориентиром «в оценке эффективности импортозамещения является потенциал развития отрасли. Потенциал импортозамещения в нашей методике характеризует интегральный индикатор динамики потенциала им-

¹ Там же.

² Там же.

портозамещения отрасли, который характеризует эффективность импортозамещения, как отдачу от имеющегося потенциала и факторов его формирования. В то же время сам потенциал не является величиной постоянной и неизменной, поэтому мы выделяем факторы, которые лежат в основе наращивания потенциала импортозамещения в виде интегрального индикатора факторов, способствующих формированию потенциала импортозамещения»¹

Потребность применения интегральных показателей «обусловлена сложностью такого экономического явления, как структурно-технологическая модернизация, требующего анализа большого объема данных. Росстат публикует статистическую информацию, характеризующую импортозамещение, используя показатели национального производства, импорта и экспорта, баланса ресурсов. При этом частные показатели и их совокупности, характеризующие отдельные стороны явлений, не могут обеспечить всестороннюю и полную оценку этого сложного явления и тенденции его развития»².

Основой каждого интегрального показателя «служат группы показателей, характеризующих наиболее значимые стороны явления.

Блок показателей интегрального индикатора динамики факторов, способствующих формированию потенциала импортозамещения. В рассматриваемый блок включены четыре группы показателей, характеризующие:

1) количественную и качественную динамику трудовых ресурсов: темп роста среднегодовой численности занятых по видам экономической деятельности и темп роста выпуска квалифицированных рабочих и служащих;

2) темп роста инвестиций в основной капитал и динамику инвестиций на техническое и технологическое перевооружение отрасли;

3) институциональные и макроэкономические условия ведения бизнеса по исследуемому виду деятельности (через оценку этих условий по количеству вновь зарегистрированных организаций в отрасли, выживаемости компаний и другим индикаторам изменения институциональной среды);

¹ Там же.

² Там же.

4) динамика объема импорта (импортозамещение оценивается по показателю, обратному росту импорта – темпу сокращения импорта).

Блок показателей интегрального индикатора динамики потенциала импортозамещения. Оценка динамики потенциала импортозамещения производится на основе трех групп показателей, характеризующих:

- 1) изменение производительности труда и числа высокопроизводительных рабочих мест;
- 2) динамику количественного и качественного состояния основных фондов;
- 3) инновационный потенциал отрасли.

Блок интегрального индикатора динамики целевых показателей импортозамещения. Целевыми показателями импортозамещения в нашей методике определены динамика темпа роста отрасли и объем экспорта отрасли. Такой выбор целевых показателей обусловлен необходимостью достижения целей и стратегических задач развития экономики России: обеспечение темпов экономического роста, превышающих среднемировые значения, структурная трансформация экономики и создание в ее базовых отраслях, прежде всего в обрабатывающих производствах и агропродовольственном секторе, экспортноориентированного высокопроизводительного производства на основе привлечения новейших технологий и высококвалифицированных кадров»¹.

В авторской методике «однородность и сопоставимость показателей достигнута за счет перехода от их абсолютных значений к относительным – темпу роста. В качестве метода определения интегральных показателей использован детерминированный (функциональный) метод, при котором результирующий показатель представлен в виде произведения факторов. Каждый интегральный индикатор динамики импортозамещающей модернизации в нашей методике рассчитывается как среднее геометрическое взвешенное по формуле:

$$I_i = \sqrt[\sum f_i]{(X_1)^{f_1} (X_2)^{f_2} \dots (X_n)^{f_n}}, \quad (2.10)$$

¹ Там же.

где X_1, X_2, \dots, X_n – цепные коэффициенты роста, входящие в комплексный индикатор; n – число коэффициентов роста; f_1, f_2, \dots, f_n – весовые коэффициенты.

К примеру, интегральный индикатор динамики факторов, способствующих формированию потенциала импортозамещения, рассчитан как среднее геометрическое взвешенное показателей динамики количества и качественного состава трудовых ресурсов (X_1), темпа роста зарегистрированных новых предприятий в отрасли (X_2), темпа роста инвестиций в отрасли (X_3) и темпа сокращения импорта (X_4), с соответствующими весовыми коэффициентами»¹:

$$I_{\text{ФП}} = \sqrt[100]{(X_1)^{30}(X_2)^{10}(X_3)^{50}(X_4)^{10}}. \quad (2.11)$$

Определение весовых коэффициентов методом экспертных оценок представлено в Приложении Г.

Расчет интегральных индикаторов выявил тенденцию к росту факторов, формирующих потенциал импортозамещения в сельском хозяйстве (Приложение Г и Рисунок 2.14), в основном, за счет увеличения темпов роста инвестиций в основной капитал, инвестиций на реконструкцию и модернизацию, и сокращения импорта.

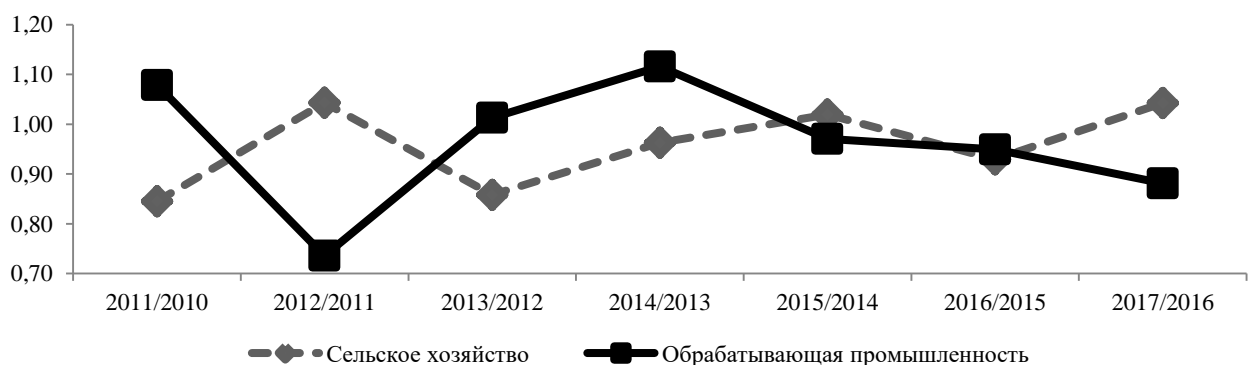

Рисунок 2.14 – Интегральный индикатор динамики факторов, способствующих формированию потенциала импортозамещения в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности²

¹ Там же.

² Рассчитано автором.

В отраслях обрабатывающей промышленности с начала активизации политики импортозамещения в 2014 г. наблюдалось замедление роста всех показателей блока факторов, формирующих потенциал импортозамещения.

«Динамика потенциала импортозамещения в сельском хозяйстве демонстрирует заметный рост в 2016–2017 гг. после небольшого замедления в предшествующие годы. Рост интегрального индикатора динамики потенциала импортозамещения в сельском хозяйстве (Рисунок 2.15) вызван значительным ростом инновационного потенциала отрасли, в частности, темпом роста количества приобретаемых новых технологий более чем в 2,75 раза, высоким темпом роста высокопроизводительных рабочих мест и коэффициента обновления основных фондов.

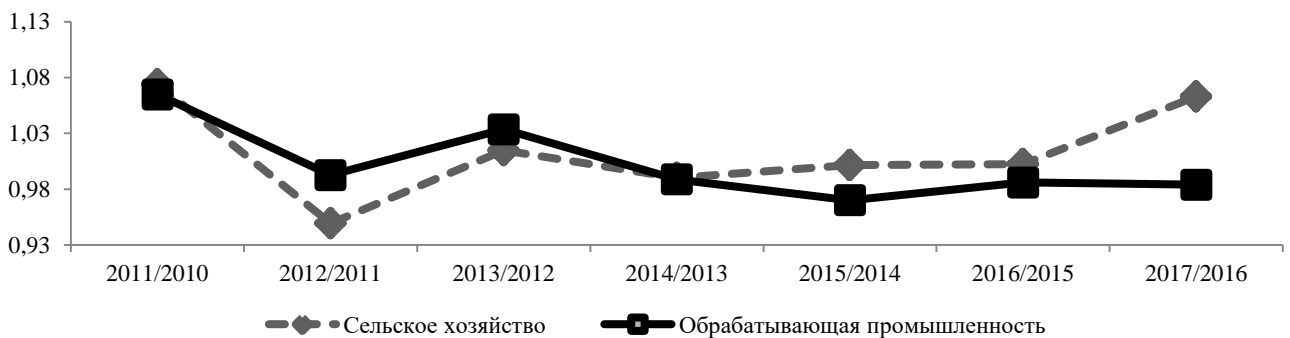

Рисунок 2.15 – Интегральный индикатор динамики потенциала импортозамещения в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности¹

Наблюдаемый рост инновационного потенциала сельского хозяйства в значительной мере объясняется эффектом «низкой базы» в виде отсутствия какой бы то ни было инновационной активности в предшествующие годы и отсутствием статистических данных по показателям инновационности. Отсутствие положительной динамики потенциала импортозамещения в обрабатывающей промышленности связано, в значительной степени, с низкими показателями обновления основных фондов, замедлением роста числа разработанных новых технологий при небольшом увеличении количества приобретаемых тех-

¹ Рассчитано автором.

нологий, а также снижением удельного веса инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров»¹.

«Интегральный индикатор динамики целевых показателей импортозамещения в сельском хозяйстве после значительного роста в 2014 г. снижался на протяжении последующих периодов, и возобновил рост в 2017 г. (Рисунок 2.16).

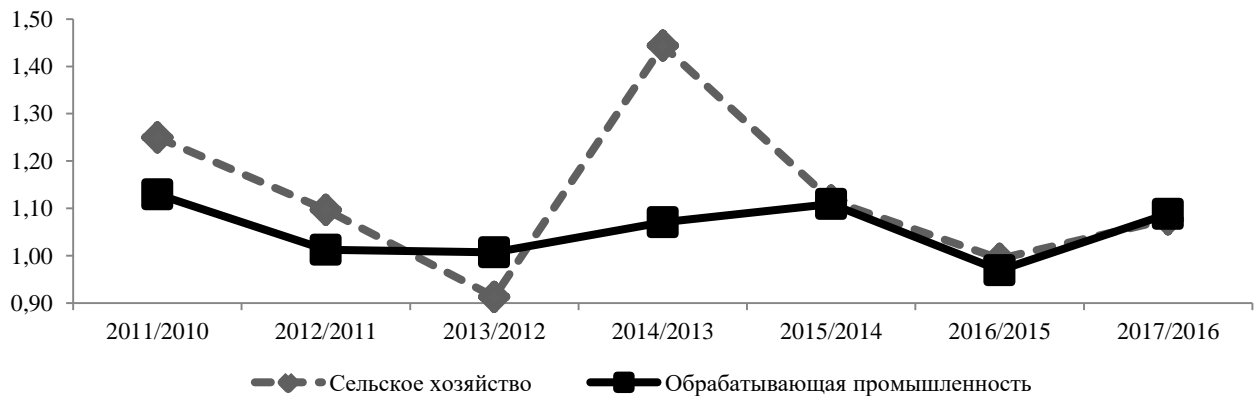

Рисунок 2.16 – Интегральный индикатор динамики целевых показателей импортозамещения в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности²

При этом темп роста производства сельскохозяйственной продукции составил всего 3 процента, а рост интегрального индикатора обеспечен темпами роста рентабельности после ее падения в предшествующем периоде и темпами роста экспорта продукции»³. Рост эффективности использования потенциала импортозамещения в сельском хозяйстве после роста в 2014 г. имеет тенденцию к снижению на протяжении всех последующих лет (Рисунок 2.17), что может быть связано с более высокими темпами роста потенциала в сравнении с умеренными темпами роста результатов.

¹ Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Система оценки эффективности и мониторинга результатов политики импортозамещения // Экономика региона. – 2019. – № 4. – С. 1266–1278.

² Рассчитано автором.

³ Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Система оценки эффективности и мониторинга результатов политики импортозамещения // Экономика региона. – 2019. – № 4. – С. 1266–1278.

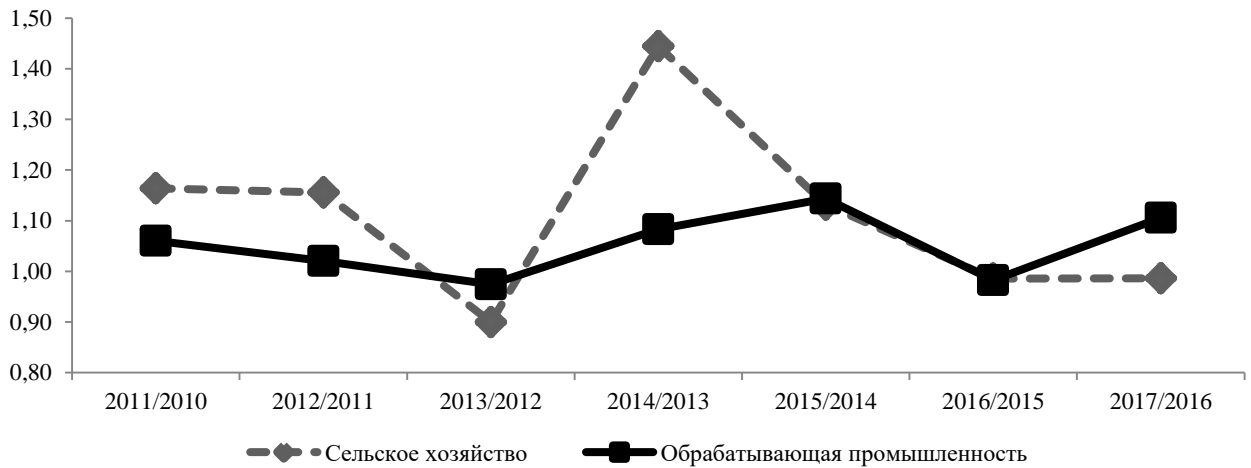

Рисунок 2.17 – Показатель эффективности использования потенциала импортозамещения в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности¹

К аналогичному выводу пришли и авторы научного труда Минсельхоза РФ, в исследовании которых показано, что изменение объемов государственной поддержки российского сельского хозяйства в 2008–2017 гг. на 1% приводило к изменению динамики сельскохозяйственного производства всего на 0,25%, прирост инвестиций на 1% вызывал рост сельскохозяйственного производства на 0,22%. Авторы видят причину в том, что инструменты экономического регулирования, применяемые в настоящее время в сельском хозяйстве (государственная поддержка, кредитование, льготная система налогообложения) не оказывают необходимого воздействия на устойчивый рост отрасли без сбалансированной системы цен и ценовых отношений в отрасли. В этой связи, важнейшим условием стабильного развития сельского хозяйства и обеспечения доходности аграриев является обеспечение паритетного развития сельского хозяйства с другими отраслями агропродовольственного сектора. Иными словами, соотношение между ценами на продукцию аграриев и ценами на товары и услуги, которые потребляются в сельском хозяйстве, должно быть постоянным².

«В отраслях обрабатывающей промышленности восстановился тренд к повышению эффективности в 2017 г., после некоторого ее замедления в 2015–2016 гг., за счет роста экспорта и рентабельности с одной стороны, и снижения

¹ Рассчитано автором.

² Развитие экспортного потенциала АПК России: ценовой аспект: науч. изд. – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. – 312 с.

потенциала импортозамещения, с другой стороны. Можно ожидать, что интенсивность роста потенциала импортозамещения в сельском хозяйстве в последующие периоды обеспечит более высокие темпы роста целевых показателей импортозамещения. В отраслях обрабатывающей промышленности, в соответствии с анализом на основе разработанной авторами методики, необходимо стимулировать интенсивность роста потенциала импортозамещения и факторов, его формирующих»¹. Однако по мере наращивания доли отечественной продукции возможности роста сельскохозяйственного производства за счет импортозамещения будут ослабевать, что потребует привлечения новых форматов роста, которыми могут стать: развитие глубокой переработки сельскохозяйственного сырья и рост экспорта на основе более активного освоения зарубежных рынков. Девальвация рубля сделала многие российские продовольственные товары более конкурентоспособными по цене. В то же время, по отдельным видам продукции цена поставок на внешние рынки ниже, чем в среднем «у ворот фирмы»; это свидетельствует о необходимости:

- 1) повышения конкурентоспособности отечественного агропроизводства;
- 2) снижения чрезмерно высокой импортозависимости отечественного агросектора от зарубежных технологий, техники, сенового материала, кормовых добавок, средств защиты растений, ветеринарных препаратов и пр.²

Предложенная автором «трактовка эффективности импортозамещения и разработанная система показателей характеризуют как достигнутые уровни темпов роста импортозамещения и ее потенциала, так и возможность, наращивания этого потенциала, что позволяет учесть динамический аспект.

Выделение факторов, формирующих потенциал импортозамещения: показателей, характеризующих имеющийся потенциал, и показателей результатов импортозамещения, позволяет обозначить причинно-следственные связи происходящих процессов, и дает возможность прогнозирования динамики отрасли

¹ Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Система оценки эффективности и мониторинга результатов политики импортозамещения // Экономика региона. – 2019. – № 4. – С. 1266–1278.

² Развитие экспортного потенциала АПК России: ценовой аспект: науч. изд. – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. – 312 с.

на перспективу. Следует использовать разработанную методику в качестве инструмента для обоснования принятия решений, связанных с разработкой мероприятий по реализации импортозамещающих проектов»¹.

Выводы по главе 2

1. Анализ современного состояния российского агропродовольственного сектора выявил, что импортозамещение оказало неоднозначное влияние на агропродовольственный сектор: с одной стороны, помогло снизить продовольственную импортозависимость и способствовало увеличению производства отечественной агропродукции, с другой стороны, в ходе его реализации проявились побочные негативные эффекты. Оно обострило накопившиеся за предыдущие годы проблемы, среди которых: агрохолдизация отрасли и преимущественная поддержка сверхкрупного бизнеса, неравномерный доступ к новейшим технологиям, острая необходимость технического перевооружения и модернизации отрасли, проблемы кадрового обеспечения и аграрного образования.

2. Анализ процессов консолидации и агрохолдизации выявил как положительные (рост самообеспеченности зерном, мясом птицы, свинины, сахара и растительного масла произошел во многом благодаря агрохолдингам), так и негативные ее последствия для развития агропродовольственного сектора в виде монополизации рынка, снижения конкуренции и вытеснения малых форм хозяйствования; политического и экономического лоббирования, в том числе, в получении господдержки; сокращения численности занятых в сельском хозяйстве за счет внедрения новых технологий, роста безработицы в сельской местности, профессиональной и социальной деградации населения; ухудшения экологической обстановки на территориях размещения крупных животноводческих комплексов за счет чрезмерной концентрации поголовья скота на единицу площади.

3. Сокращение импорта сопровождалось изменением состава и сокращением доли участников внешней торговли со 100%-й безопасностью качества

¹ Хейфец Б.А., Чернова В.Ю. Система оценки эффективности и мониторинга результатов политики импортозамещения // Экономика региона. – 2019. – № 4. – С. 1266–1278.

(Германия, Дания) в пользу поставщиков с менее качественной продукцией (Беларусь, Китай). Анализ изменения степени диверсификации показал, что наибольшее снижение диверсификации импортных поставок в 2018 г., в сравнении с 2013 г., отмечено по товарам животного происхождения, где почти 40% импорта поставляется из республики Беларусь, и по товарам растительного происхождения, где 1/5 импорта овощей поступает из Китая, с показателем безопасности пищевых продуктов 97,1%.

4. Предложены направления совершенствования структуры внешней торговли агропродовольственными товарами: замена экспорта сырьевых сельскохозяйственных товаров продукцией перерабатывающей промышленности с высокой добавленной стоимостью, и развитие производства и экспорт той продукции, в которой страна имеет конкурентные преимущества; совершенствование структуры импортозамещаемой продукции с акцентом на те виды продукции, выращивание которых в природно-климатических условиях России с применением современных технологий обходится дешевле импорта (морковь, капуста, лук, чеснок и др.), или будет обходиться дешевле при государственной поддержке строительства современных высокотехнологичных хранилищ для фруктов и овощей (яблоки и другие районированные фрукты и овощи); сохранение импорта и смягчение протекционистских мер в отношении продукции, производство которой обходится дороже импортной продукции, или невозможно круглогодично.

5. Снижение экономической доступности обосновывает необходимость изменение подходов к обеспечению продовольственной безопасности и продовольственной самообеспеченности с учетом новых вызовов и изменившихся условий, для чего предложен авторский подход к оценке уровня продовольственной самообеспеченности с использованием показателей уровня самообеспеченности в предложении и уровня самообеспеченности в нормативном потреблении.

6. Эмпирическая проверка авторского подхода к оценке самообеспеченности показала, что высокий уровень самообеспеченности продуктами питания в

России достигнут только по зерновым, мясу и мясопродуктам; самообеспеченность по молочным продуктам, овощам и фруктам, а также по рыбе и рыбной продукции (при очень высоких показателях улова!) находится на низком уровне, что при достаточно высоких ценах на эти крайне необходимые для здорового питания продукты делает их недоступными для большого количества домашних хозяйств и негативно сказывается на показателях здоровья населения.

7. Предложен подход к выбору и обоснованию политики импортозамещения в отношении групп продовольственных товаров на основе сравнительной оценки самообеспеченности в производстве, самообеспеченности в предложении при существующем уровне потребления, самообеспеченности в нормативном потреблении и порогового значения, установленного Доктриной продовольственной безопасности.

8. Для оценки эффективности импортозамещения предложена авторская методика оценки, основанная на концепции целевой эффективности и характеризующая отдачу от имеющегося в отрасли потенциала импортозамещения и факторов его формирования. В разработанной методике эффективность импортозамещения определяется как отношение комплексного индикатора динамики целевых показателей импортозамещения к среднегеометрической величине комплексных индикаторов динамики факторов, способствующих формированию потенциала импортозамещения и динамики потенциала импортозамещения.

Глава 3. МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОРПОРАЦИИ КАК ИНСТРУМЕНТ СТАБИЛИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО СЕКТОРА И ДОСТИЖЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОГО САМООБЕСПЕЧЕНИЯ

3.1. Роль зарубежных многонациональных корпораций в проведении политики импортозамещения на первом этапе её реализации

Несмотря на достаточно большое количество публикаций по проблемам привлечения ПИИ в российскую экономику, российские производственные подразделения МНК (многонациональные корпорации – multinational corporations (MNCs)¹), как носители этих инвестиций, недостаточно исследованы. Работая на российском рынке и занимая на нем существенную долю по некоторым товарам, МНК не могут не быть вовлечены в политику импортозамещения. В связи с этим весьма актуальным и своевременным представляется необходимость анализа современных тенденций функционирования МНК на российском рынке в условиях импортозамещения, роли МНК в политике импортозамещения, какой вклад они вносят в развитие отраслей экономики, и какие возможности дает им проводимая политика.

Одним из важнейших источников стабильного роста экономики России является приток иностранного капитала, который стимулирует внедрение новых технологий, использование ноу-хау, внедрение более эффективной организации производства, способствующих росту производительности труда и общей эффективности производства на предприятиях принимающей стороны². ПИИ являются одним из способов преодоления экономического кризиса, развития производства, повышения его технологического уровня³.

Однако положительное влияние иностранных инвестиций может существенно отличаться в разных странах или вовсе отсутствовать, что зависит от

¹ Kogut B. Multinational Corporations // International Encyclopedia of the Social & Behavioral Sciences. – 2001.

² Durham B. Absorptive Capacity and the Effects of Foreign Direct Investment and Equity Foreign Portfolio Investment on Economic Growth // European Economic Review. – 2004. – Vol. 48, issue 2. – P. 285–306. – DOI: 10.1016/S0014-2921(02)00264-7.

³ Гаспарович А. Т., Романова Е. М. Деятельность американских компаний в России // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – № 2. – С. 118–134.

возможности принимающей стороны адаптировать новые технологии, величины технологического разрыва (или его отсутствия) между компанией-инвестором и компанией – получателем инвестиций, развитости рынка, благоприятности условий для ведения бизнеса, и других факторов.

Часто на развивающихся рынках иностранные компании вытесняют местные предприятия, отличающиеся более низким уровнем технологического развития, низкой производительностью и низкой эффективностью деятельности¹. В то же время ПИИ оказывают, как правило, положительное влияние на развитие местных компаний-поставщиков товаров и услуг компаниям с ПИИ.

Для прямых иностранных инвестиций в российскую экономику 2014 г. стал переломным моментом, который характеризуется резким падением объема зарубежных инвестиций в российскую экономику – более чем в 3 раза в сравнении с предыдущим годом (Рисунок 3.1). По объему привлекаемых инвестиций в 2013 г. Россия занимала третье место, уступая по этому показателю только США и Китаю, в 2014 г. она даже не вошла в первую десятку.

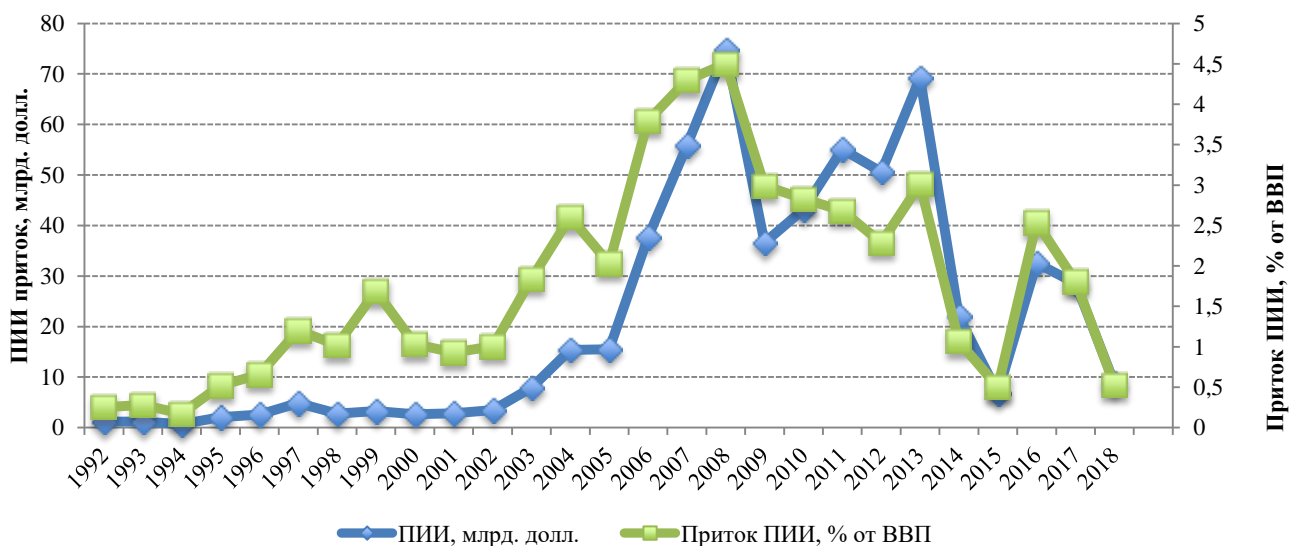

Рисунок 3.1 – Приток ПИИ в Российскую Федерацию в млрд долл. и в % от ВВП²

¹ Lu Y., Tao Z., Zhu L. Identifying FDI Spillovers // Journal of International Economics. – 2017. – Vol. 107. – P. 75–90. – DOI 10.1016/j.jinteco.2017.01.006.

² Составлено автором по Всемирный банк. База данных. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.KLT.DINV.WD.GD.ZS>.

Кроме сокращения объема ПИИ, влияние санкций сказалось и на составе стран-инвесторов. Прежде всего, сократился поток ПИИ из стран Западной Европы¹, что дополнительно оказывает негативное влияние на российскую экономику. Доказано, что эффективность деятельности компании с иностранными инвестициями зависит от страны-инвестора. Так, рентабельность компаний с инвестициями из США, Германии, Франции, Швейцарии и других развитых стран существенно выше, чем аналогичных компаний с инвестициями из Китая, Турции и постсоциалистических стран². Компании с инвестициями из развитых стран, через распространение знаний, умений и навыков, способствуют повышению конкурентоспособности отрасли и повышению эффективности деятельности отечественных компаний-поставщиков по технологической цепочке, что, в свою очередь, ведет к более широкому положительному воздействию на экономику принимающей страны.

Россия всегда отличалась сложностью для международного бизнеса ввиду сочетания таких факторов, как протекционизм, наличие политических рисков и непрозрачность деловой культуры ведения бизнеса [Irwin, 2015]³. Сравнение институциональной среды России с развитыми странами и некоторыми развивающимися не позволяет ее характеризовать как привлекательную для иностранных инвесторов [Хейфец, 2017]⁴.

«Введенные странами ЕС и США санкции, повлекшие за собой ограничение доступа к финансовым ресурсам и передовым технологиям, ответные ме-

¹ Федорова Е. А., Николаев А. Э., Широкова Ю. С., Федоров Ф. Ю. Экспортная и импортная деятельность российских компаний с ПИИ в условиях санкций / Научно-исследовательский финансовый институт // Финансовый журнал. – 2019. – № 3. – С. 75–90. – DOI 10.31107/2075-1990-2019-3-75-90.

² Федорова Е. А., Федоров Ф. Ю., Николаев А. Э. От какой страны прямые иностранные инвестиции выгоднее для России? // Всероссийский экономический журнал ЭКО. – 2017. – № 7 (517). – С. 112–123.

³ Irwin G., Gratoski T., Smotrov A. Multinationals in Russia in 2015. – URL: https://www.global-counsel.co.uk/sites/default/files/special-reports/downloads/Global_Counsel_Multinationals_in_Russia_in-2015.pdf (дата обращения: 01.04.2018).

⁴ Хейфец Б. Политика «Открытых дверей» и экономической интеграции – ответ Вьетнама на вызовы глобальной экономики XXI века // Общество и экономика. – 2017. – № 12. – С. 92–100.

роприятия России в виде продовольственного эмбарго и курс на импортозамещение не могли не оказать влияния на условия деятельности зарубежных ТНК на российском рынке»¹. В 2014–2015 гг. часть зарубежных ТНК, преимущественно финансового сектора экономики (к примеру, Zurich, Швейцария) и торговли (например, Stockmann, Финляндия; LauraAshley, Великобритания; Castorama, Великобритания), ушла из России. По мнению одних экспертов, уход части МНК связан с ухудшением макроэкономической ситуации и со снижением суверенного и инвестиционного рейтинга страны, неблагоприятных геополитических факторов, санкций и российских ответных мер [Идрисов, Пономарева, 2015]².

С позиции других экспертов, в частности, заместителя директора информационно-аналитического центра «Альпари» Н. Мильчаковой, в России в 2014–2016 гг. наблюдался «большой передел рынка ряда потребительских товаров и услуг»³, и уход некоторых МНК с российского рынка не является индикатором положительных или отрицательных трендов, а естественным рыночным процессом, изменением стратегий развития отдельных компаний, когда одни компании трансформируют свой бизнес или уходят с рынка, а другие приходят. Мы не можем в полной мере согласиться с данным утверждением, поскольку изменение стратегий компаний во многом вызвана необходимостью адаптации к изменившимся условиям ведения бизнеса в России в условиях санкций и проводимой политики импортозамещения.

Действительно, большая доля МНК остались работать на российском рынке и расширила свой бизнес. Прежде всего, это компании пищевой промышленности (к примеру, финские производители продуктов питания Valio и Fazer, швейцарская Nestle и другие) и торговли (французская сеть гипермарке-

¹ Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Глобальные ТНК в России в условиях импортозамещения // Россия и современный мир. – 2018. – № 4 (101). – С. 30–45. – DOI 10.31249/rsm/2018.04.03.

² Идрисов Г., Пономарева Е. Политика импортозамещения и конкурентоспособность российской экономики // Экономическое развитие России. – 2015. – № 10. – С. 64–66.

³ Наумов И. Российский рынок интересен для западных компаний, хотя выжить на нем удастся не всем. – URL: <https://profile.ru/economy/rossijskij-rynok-interesen-dlya-zapadnyx-kompanij-hotya-vyzhit-na-nem-udaetsya-ne-vsem-132838/> (дата обращения: 01.04.2018.)

тов «Ашан» и товаров для дома Leroy Merlin, немецкая сеть гипермаркетов для дома и ремонта OBI). Продолжают развивать свой бизнес в России и другие крупнейшие ТНК – Procter&Gamble, Danone, McDonalds, Samsung, Unilever, PepsiCo, LG, Coca-Cola. Всего по итогам 2018 г., по одним данным, с российского рынка ушло 12 торговых сетей, а пришло 22, по другим данным, покинули российский рынок 8 международных брендов, а пришло около 30¹.

Тем не менее, динамика инвестиций в основной капитал предприятий с иностранной собственностью показывает понижающийся тренд, начиная с 2014 г. (Рисунок 3.2).

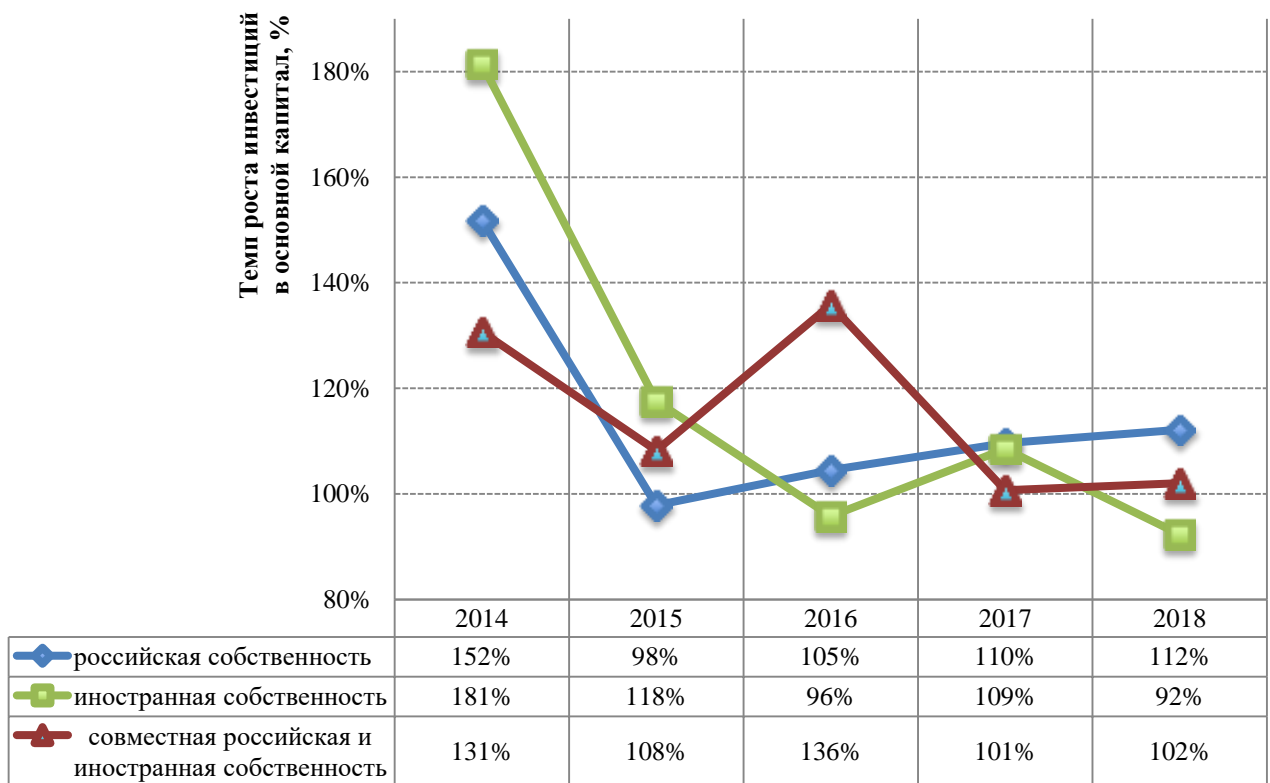

Рисунок 3.2 – Темп роста инвестиций в основной капитал предприятий российской, иностранной и совместной формы собственности в период с 2014 по 2018 гг., %².

Заметный рост инвестиций в основной капитал предприятий с иностранной собственностью наблюдался в 2016 г., после значительного снижения этого

¹ Наумов И. Российский рынок интересен для западных компаний, хотя выжить на нем удастся не всем. – URL: <https://profile.ru/economy/rossijskij-rynok-interesen-dlya-zapadnyx-kompanij-hotya-vyzhit-na-nem-udaetsya-ne-vsem-132838/> (дата обращения: 01.04.2018.)

² Составлено автором по: Росстат. Официальная статистика. – URL: <https://www.gks.ru/>.

показателя в период 2014–2015 гг. Более того, рост инвестиций в основной капитал совместной российской и иностранной собственности в 2016 г. составил 35,8%, тогда как рост инвестиций в основной капитал предприятий российской собственности находился на уровне 4,5%.

В 2018 г. среди 50 крупнейших, по версии Форбс (Forbes, 2019), МНК на российском рынке: 14 компаний работают в отрасли автомобилестроения (в 2016 г. – 10 компаний), 9 компаний – в пищевой промышленности, 7 – в торговле (в 2016 г. – 8 компаний), 5 компаний производят товары массового спроса, 3 – бытовую технику и электронику, 3 табачные компании (в 2016 г. – 4 компании), 2 компании работают в фармацевтической отрасли, 2 – в нефтехимической промышленности, одна – в добыче нефти и газа (Таблица 3.1).

В 2018 г. падение выручки у ТОП-50 МНК на российском рынке отмечено у семи компаний (в машиностроении 3 компании, 3 компании в пищевой промышленности и одна – в производстве бытовой техники и электроники). В 2016 г. таких компаний было всего четыре:

- «1) REWE Group (Германия),
- 2) IKEA (Швеция),
- 3) Groupe Auchan (Франция)
- 4) Mondelez International (США).

При этом в рамках каждой отрасли части компаний удалось повысить выручку, другие компании отметили снижение выручки, что, скорее всего, связано как с внешними конъюнктурными условиями на рынке и усилением конкуренции между самими МНК, так и факторами внутреннего характера»¹.

В среднем, рост выручки крупнейших МНК за период с 2015 г. по 2018 г. составил 17,27%, в то время как рост ВВП российской экономики в долларовом исчислении за этот же период вырос на 21,55%².

¹ Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Глобальные ТНК в России в условиях импортозамещения // Россия и современный мир. – 2018. – № 4 (101). – С. 30–45. – DOI: 10.31249/rsm/2018.04.03.

² World Bank. GDP (current US\$) – Russian Federationю – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTP.CD?locations=RU>.

Таблица 3.1 – Выручка крупнейших МНК в России в 2018 г. в % к 2015 г.¹

<i>ТНК, страна</i>	<i>Рост вы- ручки, %</i>	<i>ТНК, страна</i>	<i>Рост вы- ручки, %</i>
Машиностроение		Торговля	
Toyota Motor, Япония	116,67	REWE Group, Германия	120,28
Volkswagen Group, Германия	95,85	Cargill, США	218,41
Daimler, Германия	123,33	Globus Group, Германия	133,33
Kia Motors, Корея	103,79	Leroy Merlin, Франция	130,53
Hyundai Motor, Корея	111,61	ИКЕА, Швеция	117,20
Nissan, Япония	121,60	Groupe Auchan, Франция	118,85
Renault, Франция	104,72	Metro Group, Германия	116,67
BMW Group, Германия	108,47	Товары массового спроса	
Ford Motor, США	65,48	Procter & Gamble, США	117,12
Jaguar Land Rover	106,90	Unilever, Нидерланды – Велико- британия	113,63
General Motors, США	83,61	Henkel Group, Германия	108,70
Mitsubishi Motors, Япония	108,33	Adidas Group, Германия	115,91
Mazda, Япония	120,25	OBI, Германия	116,67
Schneider Electric, Франция	200,00	Фармацевтика	
Пищевая промышленность		Sanofi, Франция	121,81
PepsiCo, США	108,92	Johnson & Johnson, США	103,64
Nestle, Швейцария	112,79	Производство и продажа табачных изде- лий	
Mars, США	141,67	Japan Tobacco International, Япо- ния	113,27
Danone, Франция	96,97	МУМТ, Великобритания	114,15
Carlsberg Group, Дания	94,97	Philip Morris International, Швей- цария	127,63
Coca-Cola Hellenic Bottling, Швейцария	107,22	Бытовая техника и электроника	
McDonald's, США	103,79	Apple, США	197,98
Mondelez International, США	113,29	LG Electronics, Корея	105,53
Anheuser-Busch InBev, Бельгия	94,74	Samsung Electronics, Корея	94,74
Нефтехимия		Sony, Япония	131,41
BASF, Германия	108,33	Добыча нефти и газа	
Nokian Tyres, Финляндия	101,19	Royal Dutch Shell, Нидерланды	120,00

¹ Рассчитано автором по: Рейтинги. 2019 // Forbes: официальный сайт. – URL: <https://www.forbes.ru/rating/384135-50-krupneyshih-inostrannyh-kompaniy-v-rossii-2019-reyting-forbes> (дата обращения: 20.02.2020).

В статье Б. Хейфеца и В. Черновой отмечено, что «ухудшение макроэкономической ситуации, санкции и ответное эмбарго вынудили российские подразделения МНК выработать новую парадигму своего развития, основными направлениями которой стали:

- частичная балансировка производственных мощностей – вывод избыточных неэффективных мощностей (продажа и/или закрытие отдельных заводов) с целью их приведения к долгосрочным условиям спроса;
- поддержание технической эффективности российских подразделений на уровне средних стандартов материнской компании;
- повышение уровня локализации производства, инновационной деятельности и технологических решений;
- повышенное внимание к подготовке кадров;
- точечные инвестиции в определенные сферы деятельности;
- форсирование экспорта»¹.

Следует отметить, что стратегию локализации и приобретения локальных брендов ТНК используют на российском рынке давно. Причем целями МНК становятся успешные российские компании с известными торговыми марками. Так, в 2002 г. компания Kraft Foods, став владельцем российско-польского подразделения компании Stollwerck, одного из крупнейших предприятий по производству кондитерских изделий в Европе, получила популярные в России бренды Alpen Gold, «Воздушный», «Покров», позволившие ей выйти на 2-е место на шоколадном рынке страны. В 2004 г. компания Bunge приобрела права на торговую марку Ideal у аргентинской компании Molinos. В 2008 г. американская компания Wrigley – дочерняя компания Mars – приобрела кондитерскую фабрику Андрея Коркунова с его известным популярным брендом A.KORKUNOV®. KraftHeinz Company приобрела компанию «Ивановский комбинат детского питания» (г. Иваново), который специализируется на выпуске продуктов детского питания под товарными марками «Умница» и «Сами с

¹ Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Глобальные ТНК в России в условиях импортозамещения // Россия и современный мир. – 2018. – № 4 (101). – С. 30–45. – DOI: 10.31249/rsm/2018.04.03.

Усами». В 2005 г. Соса-Сола приобрела российского пионера сокового бизнеса, одного из крупнейших игроков соковой индустрии национального масштаба, компанию «Мултон», владевшую популярными брендами соков Niso, соков и нектаров Rich, морсов «Добрый», соков и нектаров для детей младшего возраста «Ясли-Сад».

В 2012 г. российское подразделение компании Danone, на основе слияния с крупным отечественным производителем молочной продукции Unimilk, стало владельцем популярной торговой марки «Простоквашино». Danone и Unimilk договорились о слиянии бизнеса еще в 2010 г., когда французская ТНК получила 58% акций Unimilk, еще 17% акций осталось у казахского фонда Meridian Capital, 21% принадлежал основателям Unimilk А. Бесхмельницкому и А. Блоху, и 4% – американскому фонду Capital International. В начале 2016 г. ГК Danone выкупила 404 акций у всех миноритарных акционеров, кроме Европейского банка реконструкции и развития, и стала фактически полностью контролировать деятельность ГК Danone¹. Результатом крупнейшей сделки на молочном рынке, по прогнозам компании, должен стать контроль 21% российского молочного рынка России, а также значительная часть молочного рынка на Украине, в Казахстане и Белоруссии.

Хотя политика импортозамещения, в совокупности с заметным падением покупательной способности населения, начиная с 2014 г., объективно затронула интересы присутствующих на российских рынках МНК, она сформировала для них не только проблемы, но и возможности. В частности, «падение курса рубля привели к снижению стоимости труда в России ниже уровня Китая, что стало стимулом принятия решений о локализации производств. С 2016 г. стратегии локализации реализованы МНК во многих отраслях промышленности:

¹ Кунле М. Французская Danone выкупила доли основателей «Юнимилк» в объединенной компании // Ведомости: официальный сайт. – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/02/24/631239-danone-vikupila-doli> (дата обращения: 20.02.2019).

– в станкостроении – немецко-японский производитель режущих и токарных станков DMG MORI в сентябре 2016 г. стал владельцем собственного завода в городе Ульяновске;

– в автомобилестроении – немецкая автомобильная корпорация Daimler также решила локализовать производство одного из своих брендов в России, вложив 279 млн долл. на строительство новой фабрики «Мерседес», которая будет производить более 20000 автомобилей в год; китайский Haval Great Wall Motors строит завод полного цикла в Тульской области, который будет открыт в 2018 г., создав 2500 рабочих мест, и производя до 150 тысяч автомобилей в год. Инвестиции в проект в размере 500 млн долл. могут вызвать вторичные эффекты и дать толчок развитию химической промышленности и металлургическим предприятиям региона, которые станут поставщиками Great Wall;

– в фармацевтической промышленности: крупнейший в Индии производитель медикаментов Sun Pharma в 2016 г. приобрел российскую фармацевтическую компанию Biosintez за 60 млн долл.»¹.

В российском агропродовольственном секторе зарубежные МНК присутствуют на всех этапах цепочек создания стоимости, однако степень их локализации существенно варьируется – от представительств, осуществляющих продажи запасных частей и оказывающих услуги по техническому обслуживанию и ремонту (Pöttinger, Австрия; Väderstad, Швеция), до создания предприятий, выпускающих продукцию со статусом «товаров, произведенных на территории Российской Федерации» (к примеру, Claas, Германия) (Таблица Д.1).

В отрасли сельскохозяйственного машиностроения и машиностроения для пищевой промышленности на российском рынке представлены МНК ведущих стран Европы и Северной Америки (Германии, Швейцарии, Швеции, Франции, Италии, Австрии, Норвегии, США и Канады), занимающие существенные доли российского рынка в своем сегменте. Так, дочерняя компания «ДеЛаваль» (DeLaval, Швеция, входит в Tetra Laval Group) занимает 1/3 рынка

¹ Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Глобальные ТНК в России в условиях импортозамещения // Россия и современный мир. – 2018. – № 4 (101). – С. 30–45. – DOI: 10.31249/rsm/2018.04.03.

доильного оборудования в России, компания Hartmann Lebensmitteltechnik Anlagenbau GmbH (Германия) занимает треть рынка оборудования для производства инкубационных яиц и 1/5 долю рынка оборудования для выращивания бройлеров. В зависимости от предназначения оборудования, доля компании Hartmann в птицеводстве составляет от 25 до 32%, в свиноводстве – от 15 до 18%. Для локализации производства зарубежные МНК используют широкий спектр стратегий:

- строительство завода (Kverneland, Норвегия; Maschio Gaspardo, Италия; KUHN, Франция; Lemken, Германия; DeLaval, Швеция; Claas, Германия; Amazone, США);

- сборочные производства собственные (Vicon, Норвегия; John Deere, США);

- сборочные производства на российских предприятиях (Horsch, Германия на Лебедянском заводе строительного-отделочных машин «Строймаш»);

- совместное производство с МНК (Same Deutz-Fahr Group, Италия и Claas, Германия);

- совместное производство с российскими предприятиями (Big Dutchman, Германия с «Агро-Белогорье»; AGCO, США и корпорации «Русские машины»).

Следует отметить, что многие МНК работают на российском рынке не одно десятилетие. Так, компания John Deere (США) впервые пришла на российский рынок еще в 1880 г., когда она поставляла в Россию плуги, а в период коллективизации (1924–1932 гг.) John Deere поставляла в СССР тракторы. С 2012 г. на российском рынке, кроме сборочных заводов сельскохозяйственной техники в Домодедово и Оренбурге, работает единственная в России лизинговая компания сельскохозяйственного оборудования John Deere Financial¹.

KUHN (Франция), кроме строительства завода по производству сельхозтехники в Воронежской области на сумму 380 млн руб. и сервисного центра в Татарстане (в 2019 г.), осуществляет стратегическое сотрудничество в сфере научной деятельности и подготовки высокопрофессиональных кадров.

¹ John Deere: официальный сайт. – URL: <https://www.deere.ru/ru/>.

Достаточно широко представлены зарубежные МНК на российском рынке и в агрохимической отрасли, а также в сфере производства семян и в генетике. Научные лаборатории и научно-исследовательские станции и центры открыты компаниями DowDuPont (США) (слияние Dow Chemical и DuPont в 2017 г.): у Dow Chemical завод по производству химических материалов в Казахстане и Владимирской области («Дау Изолан»), у DuPont инновационный центр в Москве и научно-исследовательские центры DuPont Pioneer в Липецке, Краснодаре и Ростове-на-Дону; Syngenta (Швейцария): лаборатория ООО «Сингента» (Сколково), три научно-исследовательские станции (в Краснодарском крае, Липецкой и Воронежской областях), лаборатория по контролю качества посевного материала (Ставропольский край), ведется строительство Института защиты семян; BASF (Германия) имеет 10 производственных площадок в шести сегментах, в том числе, в области решений для сельского хозяйства.

В сфере кооперации и сотрудничества с российскими компаниями государственная корпорация КНР ChemChina планирует создание совместного производства с «Еврохим».

Как и в машиностроении, в сельском хозяйстве и переработке сельскохозяйственного сырья количество зарубежных МНК достаточно многочисленно, и значительная часть из них сосредоточена в переработке и экспорте зерновых. Так, компании Cargill (США) принадлежит глубоководный зерновой терминал «КСК» в Новороссийске; индустриальный комплекс компании в г. Ефремов (крупнейшая в Европе производственная площадка по производству растительных масел, крахмалопродуктов, премиксов и кормовой продукции для с/х животных, полуфабрикатов из мяса птицы); маслоэкстракционный завод в г. Новоаннинский, Давыдовский элеватор; терминал в Ростове-на-Дону; завод в г. Азов по выпуску кормов для сельскохозяйственных животных и птицы; производственная площадка в г. Клин (комбикорма для с/х животных и птицы, полнорационные сухие корма для непродуктивных животных и овсяные хлопья). Международный трейдер сырьевых товаров Glencore (США, Швейцария) контролирует более 65 тыс. га сельхозземель и владеет 12 элеваторами в Красно-

дарском и Ставропольском краях, Ростовской и Волгоградской обл. Транснациональный агропромышленный конгломерат Louis Dreyfus (Франция) владеет зерновым терминалом в Ростовской области, и входит в ТОП-5 экспортеров зерна из России. Компании Bunge Ltd (США) также принадлежат зерновые элеваторы в Краснодарском крае и Воронежской области и зерновой терминал в Ростове-на-Дону, а сингапурскому международному агротрейдеру Olam International Ltd – Азовский зерновой терминал.

Источниками ПИИ в российский агропродовольственный сектор являются также инвестиционные компании, в том числе, шведский национальный пенсионный фонд. К примеру, одна из крупнейших сельскохозяйственных компаний России – холдинг «ЭкоНива», лидер по производству молока-сырья с земельным банком в 350 тыс. га в Калужской, Воронежской, Курской, Оренбургской, Тюменской и Новосибирской обл., принадлежит немецкой инвестиционной и управляющей компании Ecossem-Agrar. Частная стратегическая инвестиционная группа с диверсифицированным международным портфелем United Green Group (Великобритания), через дочернее предприятие ООО «Агро Фарм Ю Джи», планирует вложить 5 млрд руб. в строительство молочной фермы на 5 тыс. голов КРС в Псковской обл. (2019 г.).

Предприятия ТНК в экономике современной России являются ключевыми бизнес-единицами, и их стремление к локализации производственных мощностей на территории России в условиях санкций, действие которых, как ожидается, будет носить длительный характер, можно рассматривать как инструмент стабилизации российской экономики¹.

Вклад МНК в экономику страны не ограничивается ростом занятости или пополнением федерального и региональных бюджетов. МНК осуществляют заметный вклад в экономический рост², однако эффективность их деятельности

¹ Бородин А. Н. Деятельность ТНК и устойчивость хозяйственной системы // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 4 (112). – С. 157–161.

² Павлов К. В., Носова О. В., Митрофанова И. В., Корсакова И. В. Прямые иностранные инвестиции как фактор экономического роста: общее и особенное // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия «Экономика и экологический менеджмент». – 2017. – № 1. – С. 21–27.

варьируется в зависимости от источника инвестирования: компании с ПИИ из развитых стран более эффективны с технологической точки зрения, чем аналогичные компании с участием иностранного капитала развивающихся стран.

Решение многих иностранных инвесторов не выводить свои производственные мощности из России, которое было принято ими с целью сохранить свою долю на рынке и снизить издержки, благоприятно сказалось на российской экономике, поскольку их ориентация на внутренний рынок отечественных поставщиков положительно повлияла на компании, входящие в технологические цепочки¹.

Еще одним немаловажным аспектом присутствия МНК на российском рынке является их содействие продвижению российского экспорта на мировые рынки. Так, успех российского зернового экспорта в немалой степени обязан присутствию на внутреннем рынке крупнейших мировых зерновых трейдеров, которые встроили российский экспорт зерновых культур в уже существующую международную систему торговли².

3.2. Реализация политики импортозамещения в агропродовольственном секторе РФ на примере главных транснациональных игроков продуктового рынка

Основные стратегии МНК в агропродовольственном секторе в период санкций исследованы в статье автора, в которой выделены «следующие стратегии:

– **расширение линейки продуктов и эффективное управление ассортиментом;**

– *выпуск продукции разной ценовой категории* (пример: Danone произвела улучшение качества и обогащение линейки продуктов приобретенной ею компании «Юнимилк»)³ [Ищенко, 2016], компания Bunge, один из ведущих миро-

¹ Федорова Е. А., Николаев А. Э., Широкова Ю. С., Федоров Ф. Ю. Экспортная и импортная деятельность российских компаний с ПИИ в условиях санкций / Научно-исследовательский финансовый институт // Финансовый журнал. – 2019. – № 3. – С. 75–90. – DOI 10.31107/2075-1990-2019-3-75-90.

² Шагайда Н. Экспорт пшеницы Россией // Экономическое развитие России. – 2016. – № 11 (23). – С. 26–30.

³ DANONE: официальный сайт. – URL: <http://www.danone.ru/media/novosti.html>.

вых агрохолдингов, производитель подсолнечного масла под торговой маркой Ideal, приобретенной у аргентинской компании Molinos, с 2015 г. в низкоценовом сегменте наладила выпуск подсолнечных масел «Семеновна» и «Сказка»;

– *сокращение производства продукции, на которой российский потребитель экономит, и рост производства продукции, на которую россияне продолжают тратить свой сократившийся бюджет.* В условиях экономии российских потребителей на продуктах, не относящихся к товарам первой необходимости, к примеру, на кондитерских изделиях, компания Mars сделала акцент на производство продуктов питания для животных, где наблюдается рост как в стоимостном выражении, так и в объемах, и на сегменте соусов для приготовления блюд (россияне стали меньше посещать рестораны и кафе, и больше готовить дома);

– *выпуск продукции в соответствии с рекомендуемыми нормами потребления и пищевой ценности:* концерн Danone внедряет новые стандарты, основанные на официальных рекомендованных нормах потребления пищевых веществ (ВОЗ, Европейское агентство по безопасности продуктов питания и пр.), современных научных рекомендациях о полезных пищевых привычках, нацеленных, прежде всего, на улучшение пищевой ценности продуктов для ежедневного потребления;

– *повышение эффективности поставщиков,* помощь технологиями и лучшими практиками, защита всей цепочки поставок (пример: Danone организовала проект «Молочная академия», в результате которого, по прогнозу, эффективность российских ферм в среднем возрастет на 6%, надой – на 8%, а себестоимость производства снизится на 6–7%);

– *оптимизация организации логистики* (Coca-Cola осуществила передачу функции доставки в удаленных филиалах аутсорсинговой компании)¹.

Для интеграции в российское импортозамещение МНК применяют следующие стратегии:

¹ Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Глобальные ТНК в России в условиях импортозамещения // Россия и современный мир. – 2018. – № 4 (101). – С. 30–45. – DOI: 10.31249/rsm/2018.04.03.

Локализация производства. Тренд локализации производства агропродовольственного сектора не является новым для МНК на российском рынке. Производственные площадки, в количестве от двух до двадцати, к настоящему времени имеют все крупные агропродовольственные МНК (Таблица Д.1).

Реализация новых инвестиционных проектов. В условиях сложной экономической обстановки МНК, решившие остаться на российском рынке, преодолев некоторое снижение объемов продаж в 2014–2015 гг., добились уверенного роста и продолжают осуществлять крупные инвестиционные проекты (Таблица Д.2).

Локализация закупок сырья и упаковки. МНК, пришедшие на российский рынок в начале 1990-х гг. с намерениями остаться навсегда, с первых лет своего присутствия развивали стратегию локализации закупок. Так, «компания Соса-Сола в течение последних 18 лет увеличила долю локальных закупок сырья и упаковки с 10% до 95%, компания Mars 85% ингредиентов покупает у локальных поставщиков, которые находятся либо в непосредственной близости от фабрик, либо у крупных поставщиков, таких, как “Черкизово” и “Мираторг”, компания Danone планирует в течение пяти лет приобретать продукцию нового завода шоковой заморозки ягод и фруктов “Фрагария” для своих производств в России. Завод PepsiCo в Омске закупает 10% всего производимого в регионе молока (PepsiCo, 2018). Соса-Сола более 90% всех закупок осуществляет у локальных поставщиков, доля которых с 1998 г. выросла в 9 раз, закупает 3% сахара, производимого в стране, для своего мирового производства, и около 12% сырья для производства соков (которое выращивается в России по природно-климатическим условиям), 100% упаковочных материалов [Coca-Cola НВС Россия, 2018]»¹.

Создание и развитие собственной сети локальных производителей сырья

Компания Danone осуществила инвестиции в партнерскую ферму «Дамате», выступив соинвестором строительства молочно-товарного комплекса в Тюмени. Общий объем инвестиций группы компаний «Дамате», АО «Россель-

¹ Там же.

хозбанк» и компании Danone составил 5,6 млрд руб. По заключенному соглашению «Дамате» и Danone, все молоко, получаемое на комплексе, отправляется на предприятие Danone [Danon, 2018]¹. Молоко на завод «Данон Индустрия» поставляют порядка 50 ферм, а основным поставщиком замороженных ягод и фруктов для Danone является ООО «Фрагария», которое в 2017 г. реализовало инвестиционный проект по строительству завода по переработке (глубокой заморозке) ягод и фруктов, мощностью 8 тыс. тонн в год. Ягоды на завод поставляет ООО «Ягодные поля», которое вложило серьезные инвестиции в проект по выращиванию клубники, земляники и малины по интенсивной технологии на капельном орошении на площади 300 га с проектной мощностью 2 тыс. тонн. Около 6 тыс. тонн ягод ООО «Фрагария» планирует закупать у фермеров.

Компания «Макдоналдс» с первых лет своего присутствия в России в качестве одного из своих приоритетов рассматривала создание и развитие локальной сети поставщиков пищевой, сельскохозяйственной и другой продукции. В настоящее время компания приступила к следующему этапу импортозамещения – вертикальной интеграции поставщиков от выращивания сырья до его переработки, упаковки, хранения и транспортировки уже готовой продукции, расширяет круг своих стратегических партнеров среди локальных производителей мясной промышленности (производитель бекона «Марр Россия») и российских рыболовных компаний (ООО «А. Эсперсен» Питер Босс)»².

В целом, можно констатировать, что «стратегии ТНК характеризуются большой гибкостью, что позволило им снизить негативное воздействие санкций и геополитической напряженности. Стратегия приобретения популярных локальных брендов, в условиях патриотичных настроений российских потребителей «покупай российское», позволила МНК в пищевой промышленности занимать значительную долю российского рынка по отдельным товарным группам»³.

¹ DANONE: официальный сайт. – URL: <http://www.danone.ru/media/novosti.html>.

² Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Глобальные ТНК в России в условиях импортозамещения // Россия и современный мир. – 2018. – № 4 (101). – С. 30–45. – DOI: 10.31249/rsm/2018.04.03.

³ Там же.

«В пищевой промышленности крупные МНК в 2016 г. достигли умеренных темпов роста выручки после некоторого снижения объема продаж в 2014–2015 гг. Частично это связано с восстановлением покупательной способности населения, частично с гибкостью стратегий управления ассортиментом МНК в условиях падения покупательной способности населения и экономной модели поведения российских потребителей»¹.

«Введенное Россией эмбарго на поставки многих видов пищевых продуктов и сельскохозяйственного сырья способствовало дальнейшей локализации производств МНК и трансформации закупочной политики в направлении поддержания и развития локальных производств. Тем самым МНК пищевой промышленности вносят значительный вклад в развитие отечественного сельского хозяйства»².

Намерения МНК, давно присутствующих на российском рынке, остаться на нем навсегда выражаются в продолжающемся осуществлении инвестиционных проектов в модернизацию и строительство своих производственных площадок. Крупнейшие МНК вносят заметный вклад в инвестиционную сферу и являются значимыми игроками на рынке ПИИ. «Кроме создания новых рабочих мест на своих производственных площадках, ТНК способствуют появлению вторичной занятости на предприятиях-поставщиках промежуточных товаров, вносят вклад в развитие инфраструктуры. Таким образом, деятельность МНК вносит существенный вклад в создание добавленной стоимости для экономики страны как напрямую, за счет собственного производства, так и косвенно – путем поддержки широкой сети поставщиков и клиентов по всей стране»³.

Система Coca-Cola

В России работает головная компания-ботлер Coca-Cola Hellenic Bottling Company AG (Греция), купившая в 2001 г. российские разливные предприятия The Coca-Cola Company. The Coca-Cola Company, по некоторым источникам, принадлежит около 23% акций Coca-Cola Hellenic Bottling Company AG и

¹ Там же.

² Там же.

³ Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Глобальные ТНК в России в условиях импортозамещения // Россия и современный мир. – 2018. – № 4 (101). – С. 30–45. – DOI 10.31249/rsm/2018.04.03.

еще около 23% – через контроль над рядом европейских компаний – российской Альфа-Групп. До 2015 г. Соса-Сола Hellenic владела семнадцатью заводами на территории России, в том числе, двумя заводами «Мултон», но, в результате постепенного сокращения производства в России, у компании осталось 10 заводов в России.

Соса-Сола на российском агропродовольственном рынке представлена тремя организациями:

- 1) ООО «Кока-Кола Софт Дринк Консалтинг»;
- 2) ООО «Кока-Кола ЭйчБиСи Евразия»;
- 3) АО «Мултон».

Соса-Сола, которая за период своей работы в России инвестировала в экономику 6,2 млрд долл. США, из которых 98% – инвестиции в основные фонды (с 1979 по 2018 гг., в постоянных ценах 2018 г.), является одним из крупнейших инвесторов в российскую экономику. За период 2017–2018 гг. более 11% всех инвестиций в российский сектор производства напитков осуществлены компанией Соса-Сола (Таблица 3.2).

Инвестиции Соса-Сола в России в основные фонды федеральных округов России представлены в Таблице 3.3..

Таблица 3.2 – Динамика инвестиций по основным этапам деятельности Соса-Кола в России, 1970-е – 2018 гг.¹

<i>Период</i>	<i>Объем инвестиций, млн долл. США</i>
1970-е – 1993	456,3
1994–2001	913,6
2002–2009	3223,1
2010–2018	1641,1

Таблица 3.3 – Инвестиции Соса-Кола в России в основные фонды по федеральным округам РФ в 2010–2018 гг., в постоянных ценах 2018 г., долл.²

<i>Федеральные округа</i>	<i>Инвестиции в основные фонды, млн долл. США</i>	<i>Распределение выручки клиентов Соса-Кола в 2018 г., %</i>
Центральный ФО	517,43	33,5
Северо-Западный ФО	102,64	20,1
Южный ФО	248,65	11,5
Уральский ФО	93,04	11,3
Сибирский ФО	133,72	11,0
Приволжский ФО	132,39	6,2
Дальневосточный ФО	39,97	4,8
Другие	24,94	1,6

Соса-Кола в России вносит существенный вклад в создание добавленной стоимости для экономики страны – как напрямую, за счет собственного производства, так и косвенно – путем поддержки широкой сети поставщиков и клиентов по всей стране (Таблица 3.4), а одно рабочее место в Соса-Кола создает до 8,7 рабочих мест у поставщиков и клиентов (66671 рабочее место, включая косвенные эффекты на смежные индустрии в 2018 г.).

¹ Составлено автором по: Соса-Кола НВС Россия: официальный сайт.– URL: <https://ru.coca-colahellenic.com/ru/operations-in-russia/>.

² Составлено автором по: Соса-Кола НВС Россия: официальный сайт.– URL: <https://ru.coca-colahellenic.com/ru/operations-in-russia/>.

Таблица 3.4 – Вклад Соса-Сола в ВВП России в 2018 г.¹

<i>Компания</i>	<i>Добавленная стоимость, млрд долл США</i>	<i>Количество созданных и поддерживаемых рабочих мест</i>
Соса-Сола в России	21,4	7 750
Поставщики Соса-Сола	88,7	44 331
Компании-клиенты Соса-Сола	85,1	22 340

Наибольшее количество рабочих мест, поддерживаемых Соса-Сола в компаниях-клиентах, приходится на розничную торговлю (6019 рабочих мест) и индустрию гостеприимства и туризма, в т. ч. общественного питания (5929 рабочих мест) (Рисунок 3.3).

Рисунок 3.3 – Рабочие места, поддерживаемые Соса-Сола в России в компаниях-клиентах в 2018 г.².

Закупочная политика Соса-Сола в России направлена на поддержание локального производства: более 96% прямых закупок (без учета концентрата) и 100% локальных закупок сырья и упаковочных материалов в 2018 г. осуществлялось на территории России у локальных поставщиков, что выше уровня 1998 г. в 9 раз.

¹ Составлено автором по: Coca-Cola HBC Россия: официальный сайт. – URL: <https://ru.coca-colahellenic.com/ru/operations-in-russia/>.

² Составлено автором по: Coca-Cola HBC Россия: официальный сайт.– URL: <https://ru.coca-colahellenic.com/ru/operations-in-russia/>.

Coca-Cola вносит существенный вклад в развитие российского сельского хозяйства, закупая локальное сырье, прежде всего, сахар (около 3% всего производимого в стране сахара), для производства своей продукции. Значительно ниже доля отечественного сырья в натуральном выражении в совокупных закупках сырья для сокового производства – 18,8%, что объясняется крайне низким объемом производства этого сырья на территории России.

Деятельность компании Coca-Cola основана на принципах устойчивого развития, которые распространяются на всю цепочку создания добавленной стоимости продукции компании (Рисунок 3.4).

Рисунок 3.4 – Цепочка создания стоимости компании Coca-Cola¹

Компания требует от поставщиков сырья – сельскохозяйственных предприятий, выращивающих яблоки, лимоны, апельсины, сою, виноград, сахарную свеклу, кукуруза и пр., не только достижения экономической эффективности, но и сокращения воздействия на окружающую среду.

¹ Составлено автором по: Coca-Cola HBC Россия: официальный сайт.– URL: <https://ru.coca-colahellenic.com/ru/operations-in-russia/>.

Coca-Cola выпускает в России 110 видов напитков под 17 брендами, 1/3 которых выпускается без сахара или с низким содержанием сахара.

Работа компании Coca-Cola со своими предприятиями-клиентами ведется в таких направлениях, как новые технологии и бизнес-практики, реализация совместных проектов в области устойчивого развития.

С 2017 г. компания Coca-Cola реализует новую модель развития, направленную на сокращение собственных мощностей по розливу напитков и передаче этих функций компаниям-партнерам, сохраняя за собой исследование рынков, развитие брендов и маркетинг, а также производство сиропа-концентрата¹.

ГК Danone

Компания Danone входит в тройку лидеров российского агропродовольственного сектора. Объем инвестиций в России составил более 2,5 млрд долларов США. Компания производит продукцию под такими брендами, как «Простоквашино», «Активиа», Actimel, «Растишка», «Тёма», «Даниссимо», Danone, «Биобаланс», «Актуаль», «Смешарики» и другие.

Компания Danone является одним из самых активных участников российского импортозамещения и реализации национальных проектов. Так, в октябре 2019 г. компания заключила соглашение с Правительством Московской области о сотрудничестве по реализации регионального проекта «Экспорт продукции АПК». Danone в настоящее время экспортирует свою продукцию (23,5 тыс. тонн ежегодно) в страны ЕАЭС, а также в Грузию, Азербайджан и Узбекистан, и планирует увеличить объемы экспорта еще на 3,5 тыс. тонн за счет поставок в Абхазию и Монголию².

Практически с самого начала своей работы на российском рынке, группа компаний Danone следует тренду локализации производства, в связи с чем уделяет существенную помощь своим поставщикам. Одной из инновационных форм

¹ Новое руководство меняет стратегию компании // Coca-Cola HBC Россия: официальный сайт. – URL: <https://www.coca-colarussia.ru/stories/ceo-quincey-about-future-of-coca-cola>.

² Danone заключил соглашение с Правительством Московской области // DANONE: официальный сайт. – URL: www.danone.ru/media/novosti/news/danone-zakljuchil-soglashenie-s-pravitelstvom-moskovskoi-o.html.

такой поддержки является разработка и внедрение комплексной оценки эффективности деятельности ферм. По мнению экспертов компании, разработанный ими набор ключевых показателей эффективности дает полное представление о степени развития фермерского хозяйства и позволяет более объективно предлагать фермерскому хозяйству направления развития. Для оптимизации и увеличения производства молока, на основе проведенной экспертами оценки существующего положения по ключевым показателям эффективности, компания Danone предлагает своим партнерам участие в проектах (Таблица 3.5).

Таблица 3.5 – Влияние проектов молочной академии компании Danone на ключевые показатели эффективности фермерских хозяйств¹

<i>Ключевые показатели эффективности фермы</i>	<i>Проекты для фермы</i>			
	Проект по силосу	Проект по расчету рационов	Проект по воспроизводству	Тренинговый центр МБА
Надой на корову	✓	✓	✓	✓
Конверсия корма	✓	✓	✓	✓
Выбраковка коров □		✓	✓	✓
Выбраковка коров до 90 дней лакт.		✓		✓
Доля хромых коров □				✓
Возраст первого отела □		✓		✓
Процент жира		✓	✓	✓
Процент белка		✓	✓	✓
Товарность молока □		✓		✓
Общее количество бактерий в молоке □				✓
Содержание соматических клеток				✓
Выход телят на 100 коров □			✓	✓
Количество дней в доении			✓	✓
Потеря телят 0–3 мес. □		✓		✓
Генетический потенциал стада			✓	✓
Содержание сырого протеина в травяном силосе □	✓			✓
Содержание крахмала в кукурузном силосе	✓			✓

¹ Составлено автором по DANONE: официальный сайт. – URL: <http://www.danone.ru/media/novosti.html>.

В целом в программу развития поставщиков входят такие задачи, как:

- повышение квалификации специалистов хозяйств;
- работа с компаниями-партнерами по кормлению коров и выращиванию молодняка, воспроизводству молочного стада, заготовке силоса и сенажа, сравнительному анализу эффективности молочного производства;
- увеличение поголовья молочных коров на фермах поставщиков;
- целевые предоплаты на закупку оборудования, проведения посевных работ;
- фокусная работа по стабилизации качества и безопасности молока.

Необходимо отметить, что для реализации проектов компания Danone привлекает другие зарубежные МНК – лидеров в своем сегменте рынка.

К примеру, в реализации проекта по воспроизводству стада участвуют лидеры российского рынка в области воспроизводства – ABS Global и Alta-Genetics Inc. Проект по кукурузе проводится совместно с лидером рынка производства семян гибридной кукурузы – компанией Pioneer. Кормовой проект по расчету оптимальных рационов кормления КРС реализуется совместно с Cargill и Mustang. В рамках проекта поставщики покупают корма у компании Cargill по минимальной цене с отсрочкой платежа, получают консультации у специалистов. По вопросам ветеринарии Danone сотрудничает с Zoetis; по оценке качества кормов – с лабораторией BLGG. В состав компании входит современная молочная ферма на 1200 коров, которая позволяет изучать производство и экономику молока, тестировать новые приемы и продукты для улучшения эффективности молочного стада, служить модельным хозяйством для поставщиков молока.

Особо следует отметить, что в условиях недоступности кредитов для фермерских хозяйств и ориентации господдержки на крупные агрохолдинги, компания Danone либо предоставляет фермерским хозяйствам прямые займы на закупку нетелей, либо оказывает помощь в привлечении инвестиций от банков-партнеров. Кроме того, компания Danone осуществляет совместные инвестиционные проекты со своими поставщиками по строительству ферм.

Danone реализует проекты по увеличению производства молока на фермах: Brownfield (финансирование ферм для приобретения нетелей) и Greenfield (организация ферм в «чистом поле»). Brownfield является проектом для действующих ферм, которым нужно оказать содействие в увеличении стада. Команда Danone выявляет такие предприятия, оценивает их потребности и возможности, и решает вопрос о целесообразности помощи с финансированием. Для этого ферма должна быть прибыльной и эффективной, и иметь четкий стратегический план развития. Схема финансирования предполагает поставки нетелей под гарантии закупки молока у фермы. По сути, это трех- или пятилетний контракт, по которому партнерский банк предоставляет деньги хозяйству, а Danone гарантирует оплату фермой этого кредита.

Greenfield – это проект комплексного финансирования партнера, который хочет создать молочную ферму «с нуля», чтобы потом продавать молоко Danone. Danone помогает фермерским хозяйствам с выбором и покупкой скота с хорошей генетикой и высокой продуктивностью, учит фермеров правильно ухаживать за скотом¹.

Российский рынок сырого молока очень волатилен: по данным Росстата, цена на сырое молоко колеблется в пределах 20%, что негативно сказывается на работе фермерских хозяйств.

Для снижения изменчивости цен на сырое молоко, компания Danone, совместно с другими ведущими участниками рынка, разработала индекс себестоимости производства сырого молока в России – RMCИ (Russian Milk Cost Index), который отражает изменение себестоимости производства сырого молока под влиянием изменения ключевых статей затрат в структуре себестоимости. Структура индекса RMCИ представлена в Таблице 3.6.

¹ Вестник поставщика. – 2015. – № 2 // DANONE: официальный сайт. – URL: <http://www.danone.ru/>.

Таблица 3.6 – Структура индекса себестоимости сырого молока $RMCI^1$

<i>Факторы, оказывающие влияние на изменение себестоимости</i>	<i>Вклад фактора в изменение себестоимости, %</i>
Цены на электроэнергию	2,9
Цены на минеральные удобрения (селитра аммиачная)	2,7
Уровень инфляции (ИПЦ)	31,7
Цены на концентрированные корма (комбикорм для КРС, пшеница фуражная, жмых)	26,7
Уровень заработной платы	17
Курс иностранных валют (USD)	13,2
Цены на горюче-смазочные материалы (дизельное топливо)	5,8
Цены на электроэнергию	2,9

Алгоритм формирования и расчета индекса $RMCI$ состоит из этапов, отображенных на Рисунке 3.5.

Индекс $RMCI$ рассчитывается по формуле:

$$RMCI^{t_k-t_0} = \sum_{n=1}^n \left(\frac{f_n^{t_k} \cdot I_S^{t_k}}{f_n^{t_0} \cdot I_S^{t_0}} \cdot \beta_n \right), \quad (3.1)$$

где $RMCI^{t_k-t_0}$ – индекс себестоимости производства молока в периоде t_k относительно периода t_0 ;

t_0 – базисный период времени – период времени, к которому рассчитывается изменение;

t_k – отчетный период времени – период времени, для которого рассчитывается изменение;

n – количество факторов, включенных в модель;

$I_S^{t_0}$ – индекс сезонности себестоимости производства молока в период t_k, t_0 ;

$f_n^{t_k}$ – значение фактора n в периоде t_k ;

$f_n^{t_0}$ – значение фактора n в базисном периоде времени;

β_n – значение весового коэффициента при факторе n , отражающего долю фактора в структуре себестоимости производства сырого молока.

¹ Составлено автором по: DANONE: официальный сайт. – URL: <http://www.danone.ru/media/novosti.html>.

Рисунок 3.5 – Алгоритм формирования и расчета индекса RMCI¹

¹ Составлено автором по: DANONE: официальный сайт. – URL: <http://www.danone.ru/media/novosti.html>.

К ожидаемым эффектам от использования разработанного индекса относятся:

- рост экономической устойчивости фермерских хозяйств и предприятий молокоперерабатывающей промышленности, на основе использования гибкого механизма прогнозирования затрат на производство сырого молока и предсказуемости его себестоимости;

- снижение волатильности на молочном рынке;

- повышение эффективности государственной поддержки отрасли путем расчета обоснованно необходимого объема инвестиций для расширенного воспроизводства в условиях экспортоориентированного импортозамещения и реализации национальных проектов;

- повышение инвестиционной привлекательности молочной отрасли.

Информация о динамике себестоимости производства может являться индикатором направления ценового тренда при заключении среднесрочных и долгосрочных договоров на поставку сырого молока, т. е. индекс RMCІ позволяет молокоперерабатывающим компаниям индексировать закупочные цены с учетом изменения себестоимости, а поставщику, в свою очередь, быть уверенным в прибыльности своего производства.

Кроме того, анализ себестоимости молока-сырья и тенденций ее изменения позволяет определить минимальные цены на различные виды молочной продукции, что позволит более эффективно распределять доходы по всем участникам цепочки создания стоимости готового продукта, вести расширенное воспроизводство фермерским хозяйствам и не допустить необоснованного роста цен на готовую продукцию.

Кроме того, индекс RMCІ позволяет наглядно увидеть импортозависимость производства сырого молока. Так, наибольшая импортозависимость от курса иностранных валют в настоящее время наблюдается по таким статьям затрат, как ветеринарные препараты (100%) и ремонт и обслуживание оборудования (более 72%) (Таблица 3.7).

Таблица 3.7 – Расчет доли импорта в структуре себестоимости сырого молока¹

<i>Статьи затрат</i>	<i>Доля в структуре себестоимости, %</i>	<i>Зависимость от курса иностранных валют, %</i>	<i>Доля импорта в структуре себестоимости, %</i>
Корма	48	3,5	1,7
Объемные корма	20,9		0,0
Концентр. корма	26,69		0,0
Амортизация	20		0,0
Амортизация ОС	9,73	21,88	2,1
Амортизация стада	10,7	21,88	2,3
Общехозяйственные расходы	26		0,0
Заработная плата	13,91		0,0
ГСМ	2,6		0,0
Электроэнергия	2,91		0,0
Ремонт и обслуживание оборудования	3,53	72,33	2,6
Ветеринарные препараты	3,19	100	3,2
Прочие	5,84	21,88	1,3
Итого	100		13,2

Еще одним инновационным направлением поддержки фермерских хозяйств – поставщиков сырого молока компания Danone, является проект VIP MILK – информационный ресурс, созданный с целью создания условий для эффективного взаимодействия участников молочного рынка. Портал:

- предоставляет информацию об организации современного фермерского хозяйства,
- освещает мировой опыт, инновационные решения и практически применимые знания для молочных ферм любого уровня,
- размещает предложения по закупке кормов, техники и оборудования,
- оказывает помощь в трудоустройстве и поиске интересующий тренингов и мастер-классов по вопросам молочного скотоводства¹.

¹ Рассчитано автором по: Индекс себестоимости производства молока в России RMC // Национальный союз производителей молока: официальный сайт. – URL: <https://milknews.ru/img/index-RMCI.pdf>.

PepsiCo

Компания PepsiCo является лидером по промышленной переработке картофеля (360 тыс. тонн по итогам 2018 г.) и одним из крупнейших переработчиков сырого молока на российском рынке и, следуя стратегии локализации закупок, использует в своем производстве сырье местных производителей. На протяжении более четверти века работы, компания занимается поддержкой местных сельхозпроизводителей. Ее программа «Лидеры агроиндустрии» развивается в направлении поддержки картофелеводческих хозяйств, молочного животноводства и высшего аграрного образования в России².

В рамках программы повышения качества и урожайности картофеля компания обеспечивает российских фермеров качественным посадочным материалом и уборочной техникой.

Кроме того, программой поддержки местных фермеров предусмотрены инвестиции в оборудование овощехранилищ с системой климат-контроля. Российские фермеры получают финансовую поддержку для приобретения удобрений и средств защиты растений, для них организована консультационная поддержка. Все эти мероприятия помогли фермерским хозяйствам существенно повысить среднюю урожайность картофеля.

Программа развития местных поставщиков сырого молока, общее количество которых на территории России превысило 200 поставщиков, действует на протяжении более 15 лет и направлена на улучшение качества молока и повышение эффективности фермерских хозяйств. Для этого в фермерских хозяйствах внедряются лучшие зарубежные практики, направленные на рост поголовья и увеличение надоев, снижение транспортных издержек³.

Целью программы поддержки высшего аграрного образования в России является повышение мотивации российских студентов в получении аграрных специальностей и повышение качества преподавания сельскохозяйственных

¹ ГК Danone запустила информационный ресурс VIP Milk // Danone: официальный сайт. – URL: <https://milknews.ru/index/Danon-Vip-Milk.html>.

² PepsiCo: официальный сайт. – URL: <http://www.pepsico.ru/live/content/type/pressrelease>.

³ Там же.

дисциплин на основе развития инфраструктуры аграрных университетов и привлечения молодых преподавателей. Для этого компания: выплачивает именные стипендии студентам; приобретает оборудование, оказывает поддержку в проведении научных семинаров и конференций, проводит языковые курсы для преподавателей, содействует академической и научной мобильности. Партнерами компании PepsiCo стали

- Донской государственный технический университет (ДГТУ),
- Ростовская-на-Дону государственная академия сельскохозяйственного машиностроения (РГАСХМ),
- Кубанский государственный аграрный университет (КубГАУ),
- Российский государственный аграрный университет – МСХА имени К. А. Тимирязева и другие.

Большой интерес представляют проекты компании PepsiCo по рациональному использованию транспорта, к примеру, проект Drop&Hook, направленный на сокращение холостого пробега автотранспорта (тягач доставляет прицеп с грузом в пункт разгрузки и тут же забирает другой, заранее подготовленный, прицеп).

3.3. Механизмы стимулирования локализации производства многонациональных корпораций в России для повышения их роли в импортозамещении и модернизации агропродовольственного сектора

При трактовке концепции импортозамещения и разработке мероприятий по ее реализации часто упускается из виду тот факт, что в современном мире практически невозможна ситуация, когда все компоненты готовой продукции изготавливаются на территории одной страны. Упрощенный подход к импортозамещению как организации производства на территории страны только конечной продукции не способствует росту эффективности и конкурентоспособности отечественной экономики.

Налаживание производства конечной продукции в условиях высокой доли их импортозависимости от необходимых ресурсов и промежуточных това-

ров не может считаться подлинным импортозамещением. Это означает, что государственная поддержка должна распространяться не только на изготовителей конечной продукции, но и на все звенья цепочки создания стоимости, завязанные на этого конечного производителя.

В России в настоящее время требования к локализации производства в отношении иностранных производителей, по сути, только начинают разрабатываться и, в основном, касаются высокотехнологичных производств.

К примеру, в середине 2019 г., после пяти лет реализации политики импортозамещения, введена балльная система оценки локализации производства в автомобильной промышленности для доступа к государственной поддержке, и внесены изменения в Постановление Правительства Российской Федерации от 17.07.2015 № 719 «О подтверждении производства промышленной продукции на территории Российской Федерации»¹. Требования к локализации производства, согласно данного постановления, касаются продукции ряда отраслей промышленности, преимущественно, станкостроения, машиностроения (в том числе сельскохозяйственного машиностроения и машиностроения для пищевой промышленности), судостроения, медицинских изделий и фармацевтической продукции, и ряда других.

Для получения государственной поддержки производителям сельскохозяйственной техники необходимо к 2025 г. достичь уровня локализации в 80%. Баллы начисляются за каждую локализованную операцию. Так, за локализацию производства кабины производитель сможет набрать до 18 баллов, двигателя – до 28 баллов и т. д. Еще по два балла будут начисляться за каждые 0,1% от объема выручки, которые инвестированы в НИОКР, но не более 20% от максимального возможного количества баллов.

Чтобы получить господдержку для поставки продукции на экспорт (постановление № 496), производителю необходимо будет набрать 30% баллов от максимально возможных с 1 января 2020 г., 35% – начиная с 2022 г., и 40% – с

¹ Постановление Правительство Российской Федерации от 17.06.2015 № 719 «О подтверждении производства промышленной продукции на территории Российской Федерации» (с изменениями на 18.09.2019). – URL: <http://docs.cntd.ru/document/420289297>.

2024 г. Для участия в программе повышения конкурентоспособности в рамках постановления № 191 процент начисленных баллов с 1 января 2020 г. должен составлять не менее 25%, с 2022 г. – 30%, с 2024 г. – 35%. А для получения господдержки этот порог определен на уровне 45% с 2020 г., с ежегодным повышением на 5 п. п. в последующие годы. Таким образом, к 2025 г. производители тракторов для сельского хозяйства смогут получать господдержку только при достижении 80% баллов от максимально возможного уровня¹.

На конец октября 2019 г. механизм реализации подхода доступа к государственной поддержке на основании локализации все еще находится в стадии обсуждения².

Необходимо отметить, что установление требований по локализации в качестве меры стимулирования иностранных производителей для переноса производства не ново, и активно применяется многими странами. К числу таких стран относятся Бразилия, Аргентина, Китай, Вьетнам, Индия, Малайзия, Индонезия и многие другие. Развитые страны прибегают к локализации при необходимости создания новых рабочих мест, в регулируемых отраслях или в отраслях, имеющих стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности. Развивающиеся страны устанавливают требования по локализации для формирования высокотехнологичных отраслей экономики³. Основными вариантами установления критерия локализации являются:

- доля добавленной стоимости в конечной продукции;
- максимальная доля импортных компонентов в конечной продукции⁴.

Наиболее активно используют механизм локализации США, Бразилия, Китай, Индия.

¹ Дятловская Е. Правительство утвердило балльную систему локализации для тракторов. – URL: <https://www.agroinvestor.ru/tech/news/32627-pravitelstvo-utverdilo-ballnuyu-sistemu/>.

² Штанов В. Чиновники предложили два варианта господдержки автоконцернов. – URL: <https://www.vedomosti.ru/auto/articles/2019/09/25/812092-chinovniki-predlozhili-avtokontsernov>.

³ Кондратьев В. Локализация производства как инструмент модернизации. – URL: http://www.perspektivy.info/rus/ekob/lokalizacija_proizvodstva_kak_instrument_modernizacii_2016-05-18.htm.

⁴ Статья Р. Обзор лучших практик в области установления требований по локализации производства. Международная торговля и торговая политика. – 2016. – № 2. – С. 131–132.

К примеру, в КНР в некоторых отраслях имеется требование обязательного использования китайского оборудования, есть ограничения на использование иностранного капитала. В Индии условием вхождения в отрасль ИКТ является обязательство достижения через пять лет работы на индийском рынке уровня локализации не менее 65%. В промышленности Бразилии при уровне локализации менее 65% применяются повышенные налоговые ставки, а разрешение на импорт некоторых видов продукции возможно только при доказанной невозможности производства аналогичного товара на территории Бразилии.

Необходимо отметить, что, несмотря на наличие успешного опыта реализации проектов по локализации в зарубежных странах, в России не заметно стремления перенимать положительный опыт других стран. На данный момент проекты по локализации в агропродовольственном секторе реализуются преимущественно не государством, а отдельными компаниями – лидерами отраслевого производства.

Под *локализацией производства* мы понимаем организацию производства компании одной страны на территории другой страны, в результате которой национальный производитель осваивает определенное количество стадий выпуска конечной продукции. Локализация может происходить в разных формах и оказывать различное воздействие на экономику принимающей страны¹.

Успешные примеры локализации цепочки создания стоимости уже имеются в российской практике. Так, ядром калужского автокластера являются дочерние предприятия ТНК «Фольксваген Груп Рус», «Пежо-Ситроен Митсубиши Аутомотив» и концерна Volvo с планируемым уровнем до 75% и до 50% соответственно, для удовлетворения потребностей которых в комплектующих на территории кластера расположено около 30 предприятий по производству автокомпонентов; в автомобильном кластере в Самарской области проработано 30 проектов по локализации производства автозапчастей для АвтоВАЗа; для содействия отечественному высокотехнологичному производству медицинского оборудования в пензен-

¹ Котляров И. Д. Локализация производства как инструмент импортозамещения // Всероссийский экономический журнал ЭКО. – 2016. – № 8 (506). – С. 128–140.

ском биомедицинском кластере сосредоточены предприятия и организации биомедицинского сектора: поставщики медицинского оборудования и комплектующих, производители фармацевтической продукции, биологически активных добавок, научно-исследовательские учреждения, и т. д.¹

С позиции воздействия на экономику принимающей стороны можно выделить уровни локализации, указанные на Рисунке 3.6.

Рисунок 3.3 – Уровни локализации²

В агропродовольственном секторе МНК отрасли сельскохозяйственного машиностроения и машиностроения для пищевой промышленности находятся на уровне частичной локализации (сборочных производств) либо на уровне локализации производства конечной продукции с достаточно высокой долей импортируемых комплектующих (Таблица 3.8).

При **частичной локализации** на территорию принимающей страны переносится завершающий этап производства готового продукта (расфасовка, сборочное производство).

Вклад в экономику и импортозамещение: диверсификация источников поставок, повышение занятости в результате создания МНК новых рабочих мест и рост налоговых поступлений.

¹ Инженерно-производственный кластер «Биомед».
<https://map.cluster.hse.ru/cluster/25>.

² Составлено автором.

Таблица 3.8 – Уровни локализации МНК агропродовольственного сектора с позиции их воздействия на экономику страны и участия в российском импорто-замещении¹

<i>Частичная локализация</i>	<i>Локализация производства конечной продукции</i>	<i>Локализация полного цикла производства конечной продукции</i>	<i>Локализация цепочки создания стоимости</i>
Horsch (Германия) John Deere (США) Vicon (Норвегия) Limagrain (Франция)	KUHN (Франция) Claas (Германия) AGCO (США) Amazone (США)	DowDuPont (США) Syngenta (Швейцария) Bonduelle (Франция) Black Earth Farming (BEF) (Швейцария) Ecosem-Agrar (Германия) PepsiCo (США) Unilever (Великобритания) Nestle (Швейцария) Heinz (США)	Danone (Франция) The Coca-Cola Company (США)

Рекомендуемые меры государственной поддержки: налоговые, таможенные и иные льготы в сочетании с запретительными мерами (запрет на участие в коммерчески привлекательных проектах, государственных закупках) с целью стимулирования перехода МНК к следующему, более высокому, уровню локализации.

При локализации производства конечной продукции на территорию принимающей страны переносится производство готового продукта, но допускается использование импортного сырья, материалов, комплектующих для его изготовления. Данный этап локализации является промежуточным между частичной локализацией и следующим уровнем локализации, сочетает в себе черты обоих этапов, в зависимости от доли импорта промежуточных товаров.

Вклад в экономику и импортозамещение варьируется от диверсификации источников поставок до вклада, обеспечиваемого локализацией полного цикла.

В отличие от двух предыдущих этапов локализации, на этапе локализации полного цикла МНК формирует в стране пребывания цепочку поставок из национальных производителей сырья, материалов и комплектующих изделий. Чем больше звеньев производственного цикла замещается, тем выше уровень локализации.

¹ Составлено автором.

Вклад в экономику и импортозамещение: создание добавленной стоимости напрямую – за счет собственного производства, и косвенно – путем поддержки сети поставщиков и клиентов; создание новых рабочих мест на своих производственных площадках и обеспечение вторичной занятости на предприятиях –поставщиках промежуточных товаров; встраивание отечественных производителей в международную (региональную или глобальную) цепочку создания стоимости; содействие модернизации отрасли; рост налоговых поступлений; вклад в развитие образования и подготовку кадров; вклад в развитие инфраструктуры.

Рекомендуемые меры государственной поддержки:

– создание льготных условий и преференций для деятельности МНК на национальном рынке, в зависимости от уровня локализации выпускаемой ими продукции, который должен постепенно повышаться, с обязательным условием отмены преференций в случае невыполнения условий по достижению требуемого уровня локализации;

– стимулирование развития отечественных поставщиков для обеспечения соответствия выпускаемой ими продукции требованиям МНК.

Локализация цепочки создания стоимости происходит, когда для обслуживания потребностей локализованных производств в стране пребывания МНК создаются компании-субподрядчики. Таким образом, в экономике принимающей страны формируются национальные цепочки создания стоимости, выпускающие конечную продукцию для ее реализации как внутри страны, так и для экспорта в другие страны.

Вклад в экономику и импортозамещение:

– модернизация отрасли и повышение ее конкурентоспособности;
 – осуществление крупных инвестиций в основные фонды;
 – создание и поддержание большого количества рабочих мест в национальных предприятиях-поставщиках сырья, предприятиях-клиентах (к примеру, одно рабочее место в компании Coca-Cola создает до 8,7 рабочих мест у поставщиков и клиентов);

- существенный вклад в создание добавленной стоимости, как напрямую – за счет собственного производства, так и косвенно – путем поддержки широкой сети поставщиков и клиентов по всей стране;

- развитие экспорта продукции;

- оказание существенной помощи своим поставщикам через программы повышения качества и урожайности, консультационную помощь, прямое предоставление прямых займов и оказание помощи в привлечении инвестиций от банков-партнеров, осуществление совместных крупных инвестиционных проектов со своими поставщиками (по строительству ферм);

- повышение квалификации специалистов хозяйств, участие в подготовке кадров и образовательных проектах, развитие инфраструктуры вузов для повышения качества преподавания сельскохозяйственных дисциплин через программы поддержки аграрного высшего образования, участие в научных исследованиях и поддержка академической и научной мобильности;

- участие в социальной жизни общества.

Рекомендуемые меры государственной поддержки:

- разработка комплексных национальных программ экономического развития на базе экспортно-ориентированного развития определенных отраслей, создание институциональных условий формирования национальных цепочек добавленной стоимости;

- стимулирование межотраслевой модернизации, создание единой базы данных отечественных производителей по всем стадиям производственного цикла;

- подготовка высококвалифицированных специалистов со средним специальным и высшим образованием, владеющих новыми знаниями в области инновационных технологий в соответствии с запросами и потребностями МНК, в том числе, владеющих иностранными языками;

- создание цифровых платформ для облегчения поиска партнеров и поставщиков всех видов ресурсов, покупателей продукции МНК;

– создание кооперативов мелких и средних фермеров для повышения возможности их вхождения в цепочки создания добавленной стоимости.

Разумеется, контроль над крупнейшими агропродовольственными предприятиями со стороны иностранных физических и юридических лиц создает некоторую угрозу национальной, экономической и продовольственной безопасности. Действия владельцев МНК в критических ситуациях труднопредсказуемы, и есть вероятность их влияния на деятельность своих компаний вразрез с интересами Российской Федерации в случае возникновения международных конфликтов¹.

С нашей позиции, не меньшую, а может, и большую угрозу продовольственной безопасности представляют российские компании с иностранным участием и российские агрохолдинги с головным офисом в иностранном государстве.

Так, 100% доли в уставном капитале ГК «Мираторг» принадлежит кипрской Troyen (Cyprus) Limited, ГК Агро-Белогорье является совместной частной и иностранной собственностью, АО «Птицефабрика Северная» находится в собственности иностранных юридических лиц.

Кроме вероятности ареста счетов владельцев компаний в качестве меры санкционной политики, ущерб российской экономики наносится при субсидировании сельскохозяйственного производства, принадлежащего иностранным физическим и юридическим лицам. Часть субсидий в этом случае идет на поддержку иностранного капитала в ущерб отечественному бизнесу.

Угроза продовольственной безопасности исходит и из банкротства российских агрохолдингов. Известен случай, когда из-за банкротства крупнейшего отечественного агрохолдинга «Вамин-Татарстан» нарушилось продовольственное снабжение целого региона, а проблемы сохранения поголовья сельскохозяйственных животных вынуждено было решать правительство республики.

Таким образом, для предотвращения нарушения продовольственного снабжения, страна, регион вынуждены создавать особые преференциальные

¹ Шагайда Н. И., Узун В. Я. Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы. – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 110 с.

условия для работающих в их регионе сверхкрупных компаний и субсидировать их деятельность на протяжении нескольких лет. Выделение субсидий в размерах, превышающих десятки миллиардов, одному агрохолдингу ведет к отказу в субсидировании тысяч фермеров по причине исчерпания лимита денежных средств¹.

В зарубежных странах (США, ЕС) программы государственной поддержки сельского хозяйства содержат ограничения на получение субсидий крупным бизнесом: по сумме субсидий, по количеству субсидий на одно фермерское хозяйство, по доступу к господдержке в зависимости от дохода. Отсутствие в России таких ограничений вызвало приток в сельское хозяйство крупных российских олигархов из списка *Forbs* (А. Абрамовича – сына Р. Абрамовича, О. Дерипаску, В. Потанина и др.), которые не скрывают, что их интерес к этому сектору обусловлен исключительно наличием государственной поддержки².

В отличие от российских агрохолдингов, МНК, как было показано выше, используют контрактную форму взаимодействия с малым бизнесом и являются «неполными агрохолдингами». Контрактная форма предоставляет им возможность расти через увеличение контрактов с российскими сельхозпроизводителями, вовлекая их в свои цепочки добавленной стоимости. При такой организации производства крупные предприятия становятся базой для распространения новых технологий, достижений научно-технического прогресса среди фермерских хозяйств, содействуют их модернизации, способствуют повышению их конкурентоспособности, увеличивают занятость и доходы сельского населения.

Выводы по главе 3

1. В российском агропродовольственном секторе МНК присутствуют на всех этапах цепочек создания стоимости и занимают существенные доли рос-

¹ Там же.

² Усков Н., Кравченко Е. Александр Ткачев о том, за что олигархи полюбили сельское хозяйство, о пользе санкций и их отмене // *Forbes*: официальный сайт. – URL: <https://www.forbes.ru/biznes/341409-aleksandr-tkachev-o-tom-za-chto-oligarhi-polyubili-selskoe-hozyaystvo-o-polze-sankciy>.

сийского рынка в своем сегменте, однако степень их локализации существенно варьируется: от представительств, осуществляющих продажи запасных частей и оказывающих услуги по техническому обслуживанию и ремонту, до создания предприятий, выпускающих продукцию со статусом «товаров, произведенных на территории Российской Федерации».

2. Предприятия МНК в экономике современной России являются ключевыми бизнес-единицами, и их стремление к локализации производственных мощностей на территории России в условиях санкций, действие которых, как ожидается, будет носить длительный характер, можно рассматривать, как инструмент стабилизации российской экономики.

3. В отличие от российских агрохолдингов, МНК используют контрактную форму взаимодействия с малым бизнесом и являются «неполными агрохолдингами». Контрактная форма предоставляет им возможность расти через увеличение контрактов с российскими сельхозпроизводителями, вовлекая их в свои цепочки добавленной стоимости. При такой организации производства крупные предприятия становятся базой для распространения новых технологий, достижений научно-технического прогресса среди фермерских хозяйств, содействуют их модернизации, способствуют повышению их конкурентоспособности, увеличивают занятость и доходы сельского населения.

4. МНК полного цикла производства конечной продукции и локализация цепочки создания стоимости играют заметную роль в стабилизации экономики России в период санкций, эмбарго и обострения отношений со странами Запада, что позволило разработать механизмы стимулирования локализации производства МНК в России для повышения их роли в импортозамещении и модернизации агропродовольственного сектора.

Глава 4. ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ В АГРОПРОДОВОЛЬСТВЕННОМ СЕКТОРЕ РФ

4.1. Перспективы внедрения цифровизации в агропродовольственном секторе РФ как фактор повышения международной конкурентоспособности

В настоящее время решающую роль в экономическом развитии и повышении конкурентоспособности отраслей играет развитие и внедрение цифровых технологий.

По мнению А. Алтухова и соавт., сельское хозяйство является идеальной средой для применения цифровых технологий, которые позволят увеличить производительность аграрного производства и окажут мощный положительный эффект для развития отрасли¹.

Цифровые технологии стали активно использоваться в сельском хозяйстве с начала 2010-х гг. Эволюция в сельском хозяйстве идет параллельно с цифровой революцией в промышленности, где она получила название «Индустрия 4.0». Аналогичные процессы, происходящие в сельском хозяйстве, стали называть «Сельское хозяйство 4.0». Кроме данного термина, часто используют такие термины, как «Умное сельское хозяйство» и «Цифровое сельское хозяйство»²³. Подобно тому, как Industry 4.0 создает, так называемую, «умную фабрику», «Agricultural 4.0» создает «умное фермерское хозяйство»⁴.

В общем виде «Сельское хозяйство 4.0» можно охарактеризовать такими признаками:

- самоуправление производственных процессов;
- коммуникация между машинами;

¹ Алтухов А. И., Дудин М. Н., Анищенко А. Н. Глобальная цифровизация как организационно-экономическая основа инновационного развития агропромышленного комплекса РФ // Проблемы рыночной экономики. – 2019. – № 2. – С. 17–27.

² Kovács I., Husti I. The Role Of Digitalization In The Agricultural 4.0 – How To Connect The Industry 4.0 To Agriculture? // Hungarian Agricultural Engineering. – 2018. – N 33. – P. 38–42.

³ Pivoto D., Waquil P. D., Talamini E., Spanhol Finocchio C. P., Dalla Corte V. F., Vargas Moraes G. Scientific development of smart farming technologies and their application in Brazil // Information Processing in Agriculture. – 2018. – No 5. – P. 21–32.

⁴ TongKe F. Smart Agriculture Based on Cloud Computing and IOT // Journal of Convergence Information Technology. – 2017. – Vol. 8, No. 2. – P. 210–216.

- тесная привязка производственных процессов к применению новейшей информационной и коммуникационной техники;
- использование компьютерных программ для подготовки и принятия решений;
- наличие выраженных горизонтальных и вертикальных взаимосвязей между различными процессами.

Обзор современных технологий сельского хозяйства представлен в Таблице 4.1.

Таблица 4.1 – Мировые технологические тренды современного агропродовольственного сектора¹

<i>Технологии</i>	<i>Возможное применение</i>	<i>Ожидаемый эффект</i>
Вертикальные фермы – автоматизированные комплексы с искусственным освещением, отоплением и кондиционированием, замкнутым водооборотом и стерильным воздухом, которые позволяют выращивать агропродукцию на малой площади	В крупных городах, удаленных местностях, в зонах засушливого или крайне холодного климата, странах с дефицитом земельных ресурсов, но обладающих высокой энергообеспеченностью	Повышение доступности продуктов питания, ликвидация фактора сезонности, снижение водоемкости, сокращение выбросов в атмосферу
Технологии внегрунтового растениеводства: гидропоника – выращивание растений в питательных водных растворах; аквапоника – выращивание растений в питательных веществах, которые извлекаются из отходов жизнедеятельности рыб; аэропоника – выращивание растений со свободно свисающими в воздухе корнями, которые периодически обрызгиваются питательным раствором	В странах с неблагоприятным климатом (северных или засушливых)	Повышение урожайности в несколько раз; сокращение потребления воды; сокращение потребления удобрений; более высокая защита растений и экономия на средствах для борьбы с вредителями и болезнями; повышение доступности продуктов питания, ликвидация фактора сезонности, сокращение выбросов в атмосферу
Роботизированные теплицы, в которых автоматизированы процессы контроля освещения, микроклимата, температуры и влажности почвы, механические манипуляции с растениями (полив, подача удобрений, использование химикатов при необходимости, сбор и первичная упаковка урожая)	В странах с неблагоприятным климатом (северных или засушливых)	Сокращение расходов и себестоимости агропродукции на 40–50%; повышение производительности труда на 50–60% (в РФ); повышение качества агропродукции за счет более строгого соблюдения стандартов качества;

¹ Составлено автором по: ВШЭ. Глобальные технологические тренды. Рациональное природопользование. «Умное» сельское хозяйство для циркулярной экономики. – URL: https://issek.hse.ru/data/2016/08/03/1119493935/№%207_Trendletter_Рацприрода.pdf; ВШЭ. Глобальные технологические тренды. Рациональное природопользование. Сельское хозяйство перемещается в небоскребы. – URL: [https://www.hse.ru/data/2015/07/16/1085640949/Trendletter9%20\(15\).pdf](https://www.hse.ru/data/2015/07/16/1085640949/Trendletter9%20(15).pdf).

Продолжение таблицы 4.1

<i>Технологии</i>	<i>Возможное применение</i>	<i>Ожидаемый эффект</i>
Биотехнологии: интегрированная защита от вредителей на основе комплексного применения в минимально необходимых количествах таких средств, как популяции биопатогенных вирусов, бактерий, насекомых, являющихся естественными антагонистами опасных вредителей; применение биопестицидов, не имеющих побочных экологических эффектов и др.	Повсеместно	Рост урожайности на 25%; снижение заболеваемости сельхозработников из-за применения ядохимикатов; повышение сбора урожая
Интегрированные системы контроля агропроизводства – круглосуточный параметрический мониторинг на основе информационно-космических технологий дистанционного контроля сельскохозяйственных угодий с применением беспилотных летательных аппаратов и сенсорных сетей	Повсеместно	Сокращение случаев недобросовестной конкуренции в сфере органического земледелия; повышение качества и безопасности агропродукции

Вопросы развития и внедрения инновационных технологий в сельском хозяйстве нашли отражение в работах как отечественных (к примеру, [Огневцев, 2018¹; Никитин, 2018²]), так и зарубежных (например, [Харольд и др., 2016³; Тонке, 2017⁴]) авторов. Интерес исследователей привлекают факторы, препятствующие широкому внедрению и использованию цифровых технологий в сельском хозяйстве. Поиску перспектив цифровизации для малых и средних предприятий посвящена работа [Нильсон, Мэн, Буйволова, Акопян, 2018]⁵.

Исследования по проблематике различий в экономическом росте разных стран и роли в этом процессе факторов накопления капитала и внедрения инно-

¹ Огневцев С. Б. Концепция цифровой платформы агропромышленного комплекса // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2018. – № 2. – С. 16–22. – DOI 10.24411/2587-6740-2018-12019.

² Никитин А. В., Огневцев С. Б. Стратегия развития инновационного научно-технологического центра агропромышленного комплекса // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2018. – № 3. – С. 55–60. – DOI 10.24411/2587-6740-2018-13047.

³ Harold E. M., Woodard J., Glos M., Verteramo L. Digital Agriculture in New York State: Report and Recommendations. – N. Y.: Cornell University. Ithaca, 2016.

⁴ TongKe F. Smart Agriculture Based on Cloud Computing and IOT // Journal of Convergence Information Technology. – 2017. – Vol. 8, No. 2. – P. 210–216.

⁵ Нильсон Д., Мэн Ю-Т., Буйволова А., Акопян А. Раскрытие потенциала цифровых технологий в сельском хозяйстве России и поиск перспектив для малых фермерских хозяйств. – Washington: The World Bank Group, 2018. – 42 p.

ваний широко представлены в экономической литературе (к примеру, [Кумар, Рассел, 2002¹; Бьюдри, 2005²; Баттисти и др., 2018³; Бессонов, 2009⁴; Зайцев, 2016⁵; Лавровский, 2018⁶] и другие).

Достаточно большое количество работ посвящено оценке инновационной деятельности, уровню инновационного развития страны, регионов, отраслей. Имеются и разработки методологических подходов для оценки этого вида деятельности. Так, вопросы оценки уровня инновационной деятельности рассматриваются в работах: В. Н. Маковеева [Маковеев, 2016⁷, 2015⁸], А. Н. Шаронова [Шаронов, 2012]⁹, И. А. Баева и И. А. Соловьева [Баев, Соловьев, 2014]¹⁰, Н. Н. Волковой [Волкова, 2011]¹¹, И. Новиковой [Новикова, 2014]¹², И. М. Бортника и соавт. [Бортников и др., 2012]¹³.

¹ Kumar S., Russell R. R. Technological change, technological catch-up, and capital deepening: Relative contributions to growth and convergence // *American Economic Review*. – 2002. – N 92 (3). – P. 527–548.

² Beaudry P., Collard F., Green D. A. Changes in the world distribution of output per worker, 1960–1988: How a standard decomposition tells an unorthodox story // *The Review of Economics and Statistics*. – 2005. – N 87 (4). – P. 741–753.

³ Battisti M., Del Gatto M., Parmeter C. F. Labor Productivity Growth: Disentangling Technology And Capital Accumulation // *Journal of Economic Growth*. – 2018. – Vol., 23, issue 1. – P. 111–143.

⁴ Бессонов В. А., Гимпельсон В. Е., Кузьминов Я. И., Ясин Е. Г. Производительность и факторы долгосрочного развития российской экономики Гос. ун-т Высшая школа экономики: докл. к X Междунар. науч. конф. ГУ ВШЭ по проблемам развития экономики и общества (Москва, 7–9 апреля 2009 г.). – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. – 66 с.

⁵ Зайцев А. А. Межстрановые различия в производительности труда: роль капитала, уровня технологий и природной ренты // *Вопросы экономики*. – 2016. – № 9. – С. 67–93.

⁶ Лавровский Б. Л. Оценка интенсивности инновационной деятельности (на примере США) // *Экономика региона*. – 2018. – Т. 14, вып. 1. – С. 281–291.

⁷ Маковеев В. Н. Методические подходы к определению уровня развития инновационной деятельности в обрабатывающих производствах // *Проблемы развития территории*. – 2015. – № 5 (79). – С. 125–134.

⁸ Маковеев В. Н. Факторный анализ и оценка развития инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности // *Региональная экономика: теория и практика*. – 2016. – № 12 (435). – С. 143–153.

⁹ Шаронов А. Н. Оценка уровня развития инновационной активности российской экономики // *Ярославский педагогический вестник*. – 2012, № 1. – С. 78–82.

¹⁰ Баев И. А., Соловьева И. А. Эмпирический анализ взаимосвязи инвестиционной и инновационной активности регионов России // *Экономика региона*. – 2014. – № 1. – С. 147–155.

¹¹ Волкова Н. Н., Романюк Э. И. Уровень развития инновационной системы и специализация регионов России // *Вопросы статистики*. – 2011. – № 9. – С. 38–47.

¹² Новикова И. Диспропорции инновационного развития федеральных округов // *Экономист*. – 2014. – № 12. – С. 46–52.

¹³ Бортник И. М., Сенченя Г. И., Михеева Н. Н. [и др.] Система оценки и мониторинга инновационного развития регионов России // *Инновации*. – 2012. – № 9. – С. 48–61.

Сравнение уровня производительности труда в России и таких странах, как Германия, США, Норвегия показывает наличие разрыва в производительности в целом по экономике в два–четыре раза, а по некоторым данным, и в пять раз. Так, в исследовании А. Алтухова и соавт. показано, что в российском сельском хозяйстве за один час работы производится 1,8 евро добавленной стоимости, в то время как в странах ЕС в среднем 9,5 евро¹. Такое различие объясняется тремя факторами:

- 1) менее эффективными технологиями (53%),
- 2) низкой капиталовооруженностью труда (43%),
- 3) недостаточно высоким качеством человеческого капитала (4%) [Зайцев, 2016]².

Более высокие показатели производительности труда в развитых странах обеспечиваются как большими объемами физического капитала на одного занятого, так и более высоким качественным составом этого капитала, а также более эффективным менеджментом и организацией производства. Применение новых, более совершенных, технологий позволяет получать больший объем продукции при тех же затратах труда либо тот же объем выпуска при меньших затратах.

Направлениями снижения издержек производства на основе сокращения потерь рабочего времени являются рациональная организация труда и повышение эффективности управления. Рост технологического уровня России может обеспечить прирост производительности труда в 1,6–1,8 раза [Лавровский, 2018]³.

¹ Алтухов А. И., Дудин М. Н., Анищенко А. Н. Глобальная цифровизация как организационно-экономическая основа инновационного развития агропромышленного комплекса РФ // Проблемы рыночной экономики. – 2019. – № 2. – С. 17–27.

² Зайцев А. А. Межстрановые различия в производительности труда: роль капитала, уровня технологий и природной ренты // Вопросы экономики. – 2016. – № 9. – С. 67–93.

³ Лавровский Б. Л. Оценка интенсивности инновационной деятельности (на примере США) // Экономика региона. – 2018. – Т. 14, вып. 1. – С. 281–291.

Кроме того, значимое влияние на производительность труда оказывает качество институциональной среды [Зайцев, 2016]¹. При более высоком качестве институциональной среды один и тот же уровень капиталовооруженности может давать больший объем выпуска. Однако, как отмечает Полтерович [Полтерович, 2012]², качественные институты не являются ни необходимым, ни достаточным условием, и даже хорошие институты не являются гарантией роста производительности труда и роста экономики.

Ситуация в сельском хозяйстве показывает, что в российском сельском хозяйстве на фоне значительных объемов инвестиций в основные фонды и роста физического капитала в последние годы качество этого капитала оставалось на невысоком уровне и не могло обеспечить высокий и долговременный рост производительности труда.

Причины сложившейся ситуации лежат в недостаточной инновационной активности российского бизнеса, острой нехватке финансовых ресурсов и невысокой конкурентоспособности отечественных инноваций на мировом рынке [Шаронов, 2012]³.

Россия заметно уступает ведущим игрокам на мировом рынке инноваций по таким показателям, как уровень затрат на НИОКР (в процентах к ВВП), удельный вес организаций, производящих инновационные товары, и другим.

В агропродовольственном секторе России, как и в других странах, крайне остро стоит проблема эффективного взаимодействия и кооперации бизнеса и организаций, занимающихся научными исследованиями и разработками. Ориентация на приобретение преимущественно овеществленных технологий и слабый интерес отечественных предприятий реального сектора экономики к инно-

¹ Зайцев А. А. Межстрановые различия в производительности труда: роль капитала, уровня технологий и природной ренты // Вопросы экономики. – 2016. – № 9. – С. 67–93.

² Полтерович В.М. Региональные институты модернизации // Экономическая наука современной России. – 2011. – № 4 (55). – С. 17–29.

³ Шаронов А. Н. Оценка уровня развития инновационной активности российской экономики // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 1. – С. 78–82.

вационной деятельности отмечается во многих исследованиях¹ (к примеру, [Zaichenko, Kuznetsova, Roud, 2014]).

Для агропродовольственного сектора, как и для всей экономики России, характерно превышение импорта технологий над их экспортом. При этом предприятия пищевой промышленности проявляют большую активность в импорте зарубежных технологий (8,27%), нежели сельскохозяйственные организации (0,17%) (Таблица 4.2).

Таблица 4.2 – Поступления от экспорта технологий и платежи за импорт технологий в отраслях агропродовольственного сектора в 2018 г.²

	Поступления от экспорта технологий, млн долл.	Доля в поступлениях от экспорта технологий по экономике в целом, %	Выплаты по импорту технологий, тыс. долл.	Доля в выплатах по импорту технологий по экономике в целом, %
Всего по экономике	1405,48	100	3064,75	100
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	1,59	0,11	5,13	0,17
Производство пищевых продуктов и напитков	13262,8	0,94	253386,6	8,27

В настоящее время в России действует национальная программа «Цифровая экономика». В рамках программы «Цифровая экономика» в направлении цифровизации сельского хозяйства разработан ряд концепций. Так, разработанная в рамках программы «Цифровая экономика» концепция «Эффективный гектар»:

– позволит вести похозяйственный мониторинг эффективности использования факторов производства и его результатов в перерасчете на единицу пашни, что обеспечит

- 1) получение точной информации об оптимальном типе хозяйства в конкретном регионе,

¹ Zaichenko S., Kuznetsova T., Roud V. Features of Interaction Between Russian Enterprises and Research Organisations in the Field of Innovation // Foresight-Russia. – 2014. – Vol. 8, N 1. – P. 6–23.

² Составлено по: Сагиева Г. С. Внешняя торговля технологиями по видам экономической деятельности. – НИУ ВШЭ, 2020.

- 2) прозрачное и эффективное использование бюджетных средств,
- 3) высокую прибыльность,

– рационализирует использование земель,
– даст возможность увеличить объемы экспорта агропродукции [Эффективные гектары..., 2018].

Другая концепция программы «Цифровая экономика», «Эффективное животноводство и птицеводство», представляет собой способ ведения животноводства, основанный на внедрении новых цифровых технологий (IoT, GPS, ГЛОНАСС и т. п.) в процессе получения животноводческой продукции в целях повышения продуктивности, уменьшения затрат и реализации генетического потенциала животных. Кроме того, в рамках программы «Цифровая экономика» планируется запуск единой платформы по предоставлению услуг в области осуществления торговых операций между участниками аграрного рынка.

Благодаря механизму государственной поддержки сельского хозяйства, в рамках имеющегося финансирования (2014 г. – 170,15 млрд руб.; 2015 г. – 182,86 млрд руб.; 2016 г. – 237 млрд руб.; 2017 г. – 215,85 млрд руб.; 2018 г. – 197,96 млрд руб.; 2019 г. – 194,06 млрд руб. и 2020 г. – 194,06 млрд руб.), практически в 3 раза увеличен объем средств на покупку сельхозтехники по льготным ценам (до 5,2 млрд руб.), что способствует модернизации и перевооружению отрасли. Вместе с тем, слабый экспортный потенциал приводит к снижению инвестиций в основной капитал, а экономия на приобретаемой и поставляемой технике приводит к тому, что она не удовлетворяет требованиям цифровых технологий. Несмотря на принимаемые меры, уровень цифровизации отечественного сельского хозяйства остается на низком уровне.

Фундаментальную роль в цифровой экономике, и для перехода к ней, играют: доступ к интернету, наличие устройств для выхода в интернет и уровень развития инфраструктуры телекоммуникационных услуг. В России, несмотря на большие территории и низкую плотность населения, телекоммуникационные услуги доступны большинству населения, а цены остаются на относительно низком уровне.

Более того, по данным на июнь 2018 года, 3G Интернет доступен более 77% населения, а LTE покрытие составляет более 62%. Фиксированный широкополосный доступ в интернет имеют 21 из 100 жителей, причем 73,4% из них со скоростью выше 10 Мбит/с (Таблица 3.8).

В России сектор ИКТ является одним из наиболее динамично развивающихся сегментов российской экономики. За период 2010–2017 гг. он вырос на 17%, почти вдвое опережая рост ВВП. Доля сектора в ВВП составляет 2,7%¹. В ЕАЭС доля цифровой экономики в совокупном ВВП составляет менее 3%. Цифровая экономика США в 2017 г. составила 6,9% ВВП США или 1,35 трлн долл., согласно статистике Бюро экономического анализа, и обеспечила 5,1 миллиона рабочих мест, что составило 3,3% от общей занятости в США². Цифровая экономика Китая в 2018 году достигла 31,3 трлн юаней (4,6 трлн долл.), что составляет 34,8% ВВП страны, объем электронной торговли составил 31,63 трлн юаней, а объем розничных продаж через Интернет составил более 9 трлн юаней³.

Из стран ЕС в группу мировых лидеров в области цифровизации с высоким вкладом цифровой экономики в ВВП входят Финляндия, Швеция, Нидерланды и Дания⁴.

По показателю доли сектора ВВП в добавленной стоимости предпринимательского сектора страны ЕАЭС отстают от лидеров цифровой экономики (Южной Кореи, Швеции, Финляндии) в 2–3 раза, от стран ОЭСР – в среднем в 1,6 раза⁵. Такое отставание от развитых стран обусловлено необходимостью преодоления отставания в развитии научно-технической базы по сравнению с постиндустриальными странами⁶.

¹ Цифровая экономика: 2019: краткий стат. сборник / НИУ ВШЭ. – М.: НИУ ВШЭ, 2019.

² United States Department of Commerce. National Telecommunications and Information Administration. Digital Economy Accounted for 6.9 Percent of GDP in 2017.– 2019. – URL: <https://www.ntia.doc.gov/blog/2019/digital-economy-accounted-69-percent-gdp-2017>.

³ China's digital economy reaches 31.3t yuan in 2018 // China Daily. – 2019.

⁴ The Digital Economy and Society Index (DESI) // ЕС: официальный сайт.– URL: <https://ec.europa.eu/digital-single-market/en/desi>.

⁵ OECD Digital Economy Outlook 2017 // OECD: официальный сайт. – URL: <https://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/9317011e.pdf>.

⁶ Цифровой потенциал стран – участниц ЕАБР // ЦИИ ЕАБР. – URL: http://eurasian-studies.org/wp-content/uploads/2019/07/EABR_Digital_Potential_06_2019.pdf.

Основными факторами, сдерживающими рост внедрения цифровых технологий в сельское хозяйство, являются:

– отставание сельской местности по развитию цифровой инфраструктуры, доступу к цифровым технологиям и развитию цифровых навыков сельского населения. Несмотря на то, что в этой сфере уже происходят радикальные изменения¹, цифровой разрыв между городской и сельской местностью сохраняется. Значительное сокращение цифрового неравенства между сельским и городским населением по доступу к сети интернет и по наличию мобильных устройств не привело к сокращению неравенства во владении базовыми цифровыми навыками, а цифровое неравенство во владении продвинутыми цифровыми навыками между сельским и городским населением продолжает оставаться на очень высоком уровне [Информационное общество в РФ..., 2018]²;

– нехватка финансовых средств для внедрения цифровых технологий у большинства сельскохозяйственных производителей, в результате чего внедрение цифровых технологий в сельское хозяйство в России носит неравномерный характер: крупные сельскохозяйственные организации имеют широкий доступ к цифровым технологиями, давно их внедряют, мелкие и средние хозяйства работают на грани окупаемости, с использованием устаревших технологий;

– уровень программных решений, которые широко предоставлены в настоящее время на рынке ИКТ, не соответствуют потребностям сельхозпроизводителей, которым нужны не отдельные элементы технологии, а комплексное решение, которое могут дать лишь немногие компании в мире, имеющие в штате не только большое количество специалистов в области IT-технологий, но и агрономов и инженеров, знающих специфику производства [Чулок, 2019]³;

¹ Абдрахманова Г. И., Ковалева Г. Г. Цифровизация бизнеса в России и за рубежом / НИУ ВШЭ. – М.: НИУ ВШЭ, 2019.

² Сабельникова М. А., Абдрахманова Г. И., Гохберг Л. М., Дудорова О. Ю. [и др.] Информационное общество в Российской Федерации. 2018: статистический сборник [Электронный ресурс] / Росстат; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». Электрон. текст дан. (9 Мб). – М.: НИУ ВШЭ, 2018.

³ Чулок А. АПК будущего. Взгляд на сельское хозяйство сквозь призму анализа больших данных // Агроинвестор: официальный сайт. – URL: <https://www.agroinvestor.ru/analytics/article/31304-apk-budushchego>.

- отсутствие разработанных для российских условий научно-обоснованных рекомендаций по использованию и внедрению ИКТ, цифровых и роботизированных технологий в российском агропроме;
- недостаточная изученность эффективности применения цифровых технологий в агропродовольственном секторе, которая тормозит их внедрение по причине высокой стоимости оборудования и технологий;
- недостаточная теоретическая изученность проблемы использования цифровых технологий в сельском хозяйстве, целесообразности внедрения и эффективности использования цифровых технологий в сравнении с традиционными технологиями ведения сельского хозяйства;
- низкий уровень развития машинно-тракторного парка, отсутствие средств механизации, не позволяющее применять современные ИКТ технологии;
- недостаток знаний и опыта внедрения современных цифровых технологий, которые, как правило, носят комплексный характер (например, технология точного земледелия) и эффективны в том случае, если они применяются в комплексе с другими современными сельскохозяйственными технологиями, применение которых требует больших знаний и опыта, а внедрение – больших средств;
- дефицит квалифицированных кадров, отсутствие специалистов, прежде всего, в сельском хозяйстве (агро-аналитиков, зооинженеров, ветеринаров и пр.), владеющих цифровыми компетенциями, которые позволяют осваивать и использовать цифровые технологии¹ (в российском агропродовольственном секторе сейчас работают 113 тыс. ИТ-специалистов, и, по данным Минсельхоза РФ, это в два и более раз меньше, чем в развитых странах);
- несовершенство нормативно-правового регулирования освоения информационных технологий в АПК (к примеру, в настоящее время активно вносятся изменения в законодательство – в законы «О плодородии почв», «О семеноводстве» и в другие).

¹ Скворцов Е. А., Скворцова Е. Г., Санду И. С., Иовлев Г. А. Переход сельского хозяйства к цифровым, интеллектуальным и роботизированным технологиям // Экономика региона. – 2018. – № 3. – С. 1014–1028.

Таким образом, несмотря на все достижения сельского хозяйства, заинтересованность Правительства в его развитии и принимаемые меры, этот сектор по-прежнему далеко отстает от других секторов экономики в области инноваций и внедрения новейших технологий. Хотя, по мнению экспертов «Сколково» и аналитиков Россельхозбанка, у российского сельского хозяйства уже в ближайшие годы есть шанс войти в число высокотехнологичных отраслей экономики.

В России уже «имеется опыт использования информационных платформ, гиперлокальной информации о погоде, системы спутникового мониторинга, которая контролирует сельскохозяйственную технику и управляет использованием посевных материалов на конкретных участках сельскохозяйственных земель, дистанционно определяет вредителей и болезни»¹.

Датчики и видеокамеры собирают все данные, какие только можно измерить и проанализировать, а компьютеры выдают решения, позволяющие оптимальным образом расходовать воду, удобрения, горючее, корма, подсказывают агротехнические решения, прогнозируют урожайность.

В качестве примеров можно привести «следующие российские стартапы и их инновационные разработки:

- «Агросигнал» разработал систему эффективного земледелия, которая повышает рентабельность сельскохозяйственного производства на 20%;
- научно-технический центр «РобоПроб» разработал автоматизированный комплекс для сбора почвенных проб;
- «Агроноут» реализовала пилотный проект дифференцированного внесения удобрений;
- «Проагротех» разработал облачный сервис управления эффективным растениеводством ExactFarming, который используют более 4000 хозяйств в 10 странах мира;

¹ Чернова В. Ю. Стратегические приоритеты политики структурно-технологической модернизации в АПК // Экономические и гуманитарные науки. – 2019. – № 1 (324). – С. 90–101.

– «АгроНТИ» применил беспилотные летательные аппараты для инвентаризации, мониторинга состояния посевов и качества выполняемых работ на полях¹;

– центр точного земледелия, который будет осуществлять мониторинг объектов сельского хозяйства при помощи беспилотников, оценивать динамику созревания посевов, формировать рекомендации для фермеров и автоматически программировать умную сельхозтехнику», создан холдингом "Росэлектроника"²;

– уже прошел полевые испытания агродроид – интеллектуальное устройство для обеспечения автономного передвижения транспортных средств, которое может быть оперативно подсоединено к комбайнам, тракторам и другой сельхозтехнике, разработанный компанией Cognitive Technologies³;

– «компания Smartseeds приступила к разработке полнофункциональной цифровой отраслевой платформы для российского сельскохозяйственного рынка»⁴ с функциями «Электронная очередь», которая позволяет водителям-перевозчикам зерна получать временные слоты для разгрузки в зерновых терминалах, и «Лучшее место поставки», показывающая фермеру, где он может продать товар по выгодной цене, с учетом всех накладных расходов и множества других факторов⁵;

– «разработан и уже применяется мобильный сервис "Агрополе. Мобильный офис" – приложение для мобильных платформ с функциями экономического планирования, учета затрат, моделирования севооборота, сбора и анали-

¹ Шустиков В. Цифровые технологии приходят в сельское хозяйство. Сколково. 21 февраля 2018. – URL: <https://sk.ru/news/b/pressreleases/archive/2018/02/21/cifrovye-tehnologii-prihodyat-v-selskoe-hozyaystvo.aspx> (дата обращения: 15.11.2018).

² Чернова В. Ю. Стратегические приоритеты политики структурно-технологической модернизации в АПК // Экономические и гуманитарные науки. – 2019. – № 1 (324). – С. 90–101.

³ Первый промышленный агродроид успешно прошел испытания // Цифровая экономика. – 20.09.2018. – URL: <https://www.comnews.ru/digital-economy/content/114979/news/2018-09-20/pervyy-promyshlennyy-agrodroid-uspeshno-proshel-ispytaniya> (дата обращения: 15.11.2018).

⁴ Чернова В.Ю. Стратегические приоритеты политики структурно-технологической модернизации в АПК // Экономические и гуманитарные науки. – 2019. – № 1(324). – С. 90–101.

⁵ Smartseeds цифровизирует рынок торговли зерном // Цифровая экономика. – 08.06.2018. – URL: <https://www.comnews.ru/digital-economy/content/113416/news/2018-06-08/smartseeds-cifroviziruet-rynok-torgovli-zernom> (дата обращения: 15.11.2018).

тики данных по полям», в том числе, на основе съемки с беспилотных летательных аппаратов¹.

Необходимо отметить, что в России на данном этапе исследования, близкие к мировым аналогам или даже задающие их уровень, ведутся только по отдельным научным направлениям²; разработка новых технологий неравномерна по цепочке создания стоимости агропродукции и сосредоточена, преимущественно, в сельском хозяйстве (Таблица 4.3) и в пищевой промышленности.

Таблица 4.3 – Основные технологические тренды в агропродовольственном секторе по цепочке создания стоимости³

<i>Создание новых сортов и гибридов, семеноводство</i>	<i>Сельское хозяйство</i>	<i>Сортировка, хранение</i>	<i>Пищевая промышленность</i>
Создание продуктов питания с новыми потребительскими свойствами, в том числе на основе ГМО	– Использование ИКТ-технологий и искусственного интеллекта; – использование биологических средств защиты растений (БСЗР) в целях повышения урожайности и биобезопасности производства	Технологические новации, направленные на сокращение послеуборочных потерь и потерь при транспортировке и хранении	Новые технологии получения продуктов питания
Ситуация в России			
Есть российские стартапы на ранних стадиях развития, крайне мало зрелых компаний. Требуется серьезные инвестиции в науку	Распространены решения направленные на автоматизацию, учет, оценку качества продукции, создания рецептуры кормов, анализа почв, мониторинга посевов. БСЗР используются для обработки всего 2% земель, хотя рынок БСЗР растет на 30% в год	Находится в отсталом состоянии. Строительство современных хранилищ и совершенствование логистики ведется медленными темпами и в недостаточном количестве	В России занимают ведущие ТНК и российские агрохолдинги

При этом Россия отстает в разработке новых технологий в семеноводстве и в хранении продуктов питания.

¹ Чернова В. Ю. Стратегические приоритеты политики структурно-технологической модернизации в АПК // Экономические и гуманитарные науки. – 2019. – № 1 (324). – С. 90–101.

² Инновационное развитие аграрного сектора экономики России в условиях ЕАЭС: науч. изд. / под ред. И. С. Санду, Н. Е. Рыженковой. – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. – 176 с.

³ Составлено по: Россельзбанк. Специальный доклад. 2019. Агропром будущего: функциональная еда, биопродукты и интернет вещей. – URL: <https://www.rshb.ru/press/releases/388381/>.

Отставание России в семеноводстве объясняется, с одной стороны, монополизацией данного рынка четырьмя-пятью крупнейшими ТНК развитых стран (Corteva Agriscience (DowDuPont), США; Bayer, Германия; и др.), которые работают и на российском рынке, с другой стороны, внутренними факторами:

- разрушение селекционно-семеноводческой системы, в результате чего произошло сокращение количества семеноводческих организаций, сокращение количества селекционеров;
- низкий уровень бюджетного финансирования в объеме 20% от необходимого;
- ослабление функциональных связей между производителями вдоль цепочки создания стоимости, в частности, между семеноводством и сельским хозяйством¹.

В настоящее время на российских полях можно встретить сорта пшеницы 1950-х – 1970-х гг., которые в то время считались выдающимися достижениями селекции². В то же время, площадь, занятая зарубежными гибридами подсолнечника, достигает 65% от всей площади посевов этой культуры в России³.

Положительный эффект цифровизации сельского хозяйства заключается в повышении эффективности использования ресурсов, росте производительности труда, обеспечении качества продукции и может проявляться на различных уровнях, начиная с производственных процессов, где наглядно видны тенденции к частичной или полной автоматизации и использованию систем автоматического управления, до оптимизации процессов на уровне производственных подразделений или предприятия в целом. Цифровизация открывает новые возможности и на уровне взаимодействия между предприятиями, как в формате горизонтальной кооперации в рамках региональных производственных и про-

¹ Кривошлыков К. М., Трунова М. В., Лукомец А. В. Объективные предпосылки для усиления роли государства в развитии селекции и семеноводства масличных культур в России // Масличные культуры. – 2019. – Вып. 3 (179). – С. 79–84.

² Московкин Л. Семенной фонд сельхозиндустрии. – URL: <http://mospravda.ru/2019/07/26/119239/>.

³ Кривошлыков К. М., Трунова М. В., Лукомец А. В. Объективные предпосылки для усиления роли государства в развитии селекции и семеноводства масличных культур в России // Масличные культуры. – 2019. – Вып. 3 (179). – С. 79–84.

дуктовых кластеров, так и в рамках вертикальной кооперации между звеньями цепочек создания добавочной стоимости. В этом случае цифровые технологии создают основу для межпроизводственной коммуникации, а также хранения, анализа и обмена данными. Кроме того, цифровизация способствует повышению эффективности кооперации и обеспечению качества продукции за счет мониторинга движения сырьевых товаров и готовой продукции, что обеспечивает более высокий уровень безопасности продуктов питания.

При наличии технологических стартапов в агропроме и положительного опыта использования цифровых технологий, в России, тем не менее, наблюдается низкий уровень их востребованности в сельском хозяйстве, что ведет к упущенным возможностям и потерям. Более того, в некоторых случаях это может быть препятствием для выхода на международные рынки. Так, применение роботизированных технологий при разделывании туш с последующей их реализацией на российском рынке нерентабельно из-за длительных сроков окупаемости роботов, но является обязательным для выхода на зарубежные рынки, где существуют высокие требования к качеству разделки. Таким образом, можно сделать вывод, что новейшие технологии могут стать как новым инструментом выхода на внешние рынки, так и серьезным барьером, препятствующим экспансии на мировые рынки.

Перед российским агропродовольственным сектором поставлена задача выхода отечественных сельхозпроизводителей на зарубежный рынок, преимущественно с продукцией высокой добавленной стоимости. Несоблюдение высоких требований к производству, принятых на рынках зарубежных стран, уже сегодня является препятствием для развития экспорта, и может привести к кризисным явлениям в отечественных отраслях с высоким потенциалом и динамикой быстрого роста по мере насыщения внутреннего рынка ¹.

Условиями и факторами, тормозящими инновационное обновление российского агропродовольственного сектора являются:

¹ Прогноз научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года / Минсельхоз России; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ, 2017. – 140 с.

- снижение внутреннего спроса на продовольственные товары;
- сокращение государственной поддержки аграрного сектора и государственного финансирования научно-технических программ;
- неразвитость системы кредитования и высокие ставки по кредитам;
- неразвитость инновационной инфраструктуры и государственной инновационной политики;
- недостаточный уровень подготовки кадрового персонала в сфере аграрного инновационного менеджмента;
- ослабление научного потенциала аграрной науки;
- низкий уровень оплаты труда;
- сложность и отраслевые особенности аграрного производства.

К положительным моментам, формирующим предпосылки инновационного развития аграрного сектора можно отнести:

- наличие инновационного потенциала в виде научных школ и системы подготовки и переподготовки кадров;
- интенсивное развитие интернет-коммуникаций;
- наличие в стране промышленных центров с развитой инфраструктурой, на базе которых в короткие сроки возможно создание технических и технологических инноваций для агросектора;
- благоприятная экологическая обстановка в большинстве регионов России, формирующая возможность производства экологически чистой продукции.

Вызовы современной экономической ситуации требуют разработки конкурентоспособной модели инновационного развития отечественного аграрного сектора. Для современной российской модели инновационного развития характерно использование передового зарубежного опыта, заимствование технологий, низкие затраты на инновационную деятельность. В сложившихся условиях Россия не может оставаться зависимой от действий других стран и должна предпринять все меры по формированию модели инновационного развития аг-

рарного сектора на основе международного сотрудничества и кооперации, а не заимствования¹.

Концепции национальной программы «Цифровая экономика» («Эффективный гектар», «Эффективное животноводство и птицеводство» и др.) предназначены для использования в крупных и сверхкрупных сельскохозяйственных организациях, которые обладают всеми ресурсами для их использования и уже используют многие новейшие цифровые технологии. Внедрение передовых технологий преимущественно в крупных сельскохозяйственных организациях может привести к еще большей агрохолдизации отрасли и вытеснению мелких и средних фермерских хозяйств из отрасли.

В результате на рынке инновационных технологических решений для агропродовольственного сектора доминируют технологии для крупных агрохолдингов, отличающиеся дороговизной, сложностью во внедрении и обслуживании, ненужные и недоступные для мелких фермеров. При приоритетном инновационном обновлении крупного и среднего агропродовольственного бизнеса необходимо особое внимание уделять фермерским хозяйствам².

Цифровые технологии для мелких и средних фермерских хозяйств должны сделать более эффективными, удобными, менее затратными и простыми в использовании способы решения следующих основных задач:

- сбор информации о фермерских хозяйствах, поставщиках ресурсов, рынке, покупателях и т.д.;
- управление информацией и предоставление информации участниками рынка;
- формирование связей между участниками рынка и содействие транзакциям.

Цифровые технологии должны решать проблемы, связанные с информационной асимметрией, и предоставлять пользователям более свободный и оперативный доступ к информации за счет прослеживаемости транзакций фермерского хозяйства, что дает партнерам хозяйства и потребителям фермерской продукции возможность проверять происхождение и качество продукции, тем

¹ Инновационное развитие аграрного сектора экономики России в условиях ЕАЭС: науч. изд. / под ред. И. С. Санду, Н. Е. Рыженковой. – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. – 176 с.

² Там же.

самым расширяя возможности включения фермерского хозяйства в цепочки добавленной стоимости, облегчая возможности кредитования (доступ к данным по транзакциям фермерского хозяйства может быть использован кредитными организациями для оценки кредитных рисков) и доступа к иным возможностям финансирования, получения государственной поддержки на основе мониторинга эффективности фермерского хозяйства.

Значимость разработки и внедрения цифровых технологий для малых и средних форм хозяйствования в агропродовольственном секторе заключается в том, что цифровые технологии предоставляют возможность преодолеть барьеры, препятствующие фермерским хозяйствам стать эффективными участниками агропродовольственного рынка, вносить свой вклад в обеспечение продовольственной безопасности и повышать конкурентоспособность отечественного агросектора.

4.2. Потенциал интеграции в агропродовольственном секторе стран ЕАЭС

В условиях глобализации и кризисных явлений для стран ЕАЭС региональная экономическая интеграция может оказать существенное воздействие на повышение эффективности и устойчивости агропродовольственного сектора и связанных с ним отраслей. Ни одна страна в мире не способна занять лидирующие позиции в международном масштабе, в рамках всего технологического цикла, без кооперации с партнерами из других стран¹. Важность проведения согласованной политики в агропродовольственной сфере в рамках ЕАЭС была обозначена среди инициатив российского Президента².

Формирование общего рынка агропродовольственной продукции и проведение согласованной политики этом секторе в формате ЕАЭС должно быть направлено на достижение продовольственной безопасности, основными кри-

¹ Платонова Т. Е. Проблемы использования международного опыта в инновационном развитии АПК России // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2018. – № 13 (1). – С. 339–342.

² Обращение Президента России к главам государств – членов Евразийского экономического союза. 18 января 2018 г. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/56663>.

териями которой являются экономическая и физическая доступность продовольствия, а также стабильность всей продовольственной системы. Реализация этих целей и создание больших возможностей для развития экспорта на мировые рынки невозможна без формирования эффективной системы разделения труда в рамках ЕАЭС, производственной кооперации, совместной инновационной деятельности и внедрении цифровых технологий.

Агропродовольственный сектор является одним из важнейших стратегических секторов экономики стран ЕАЭС, вносит существенный вклад в валовую добавленную стоимость (ВДС) и ВВП стран-участниц (Таблица 4.4) и обеспечивает занятость более 1/3 населения Армении, более 1/4 населения Кыргызстана, в Казахстане – свыше 15%, в Беларуси – около 10% населения, в России – 5,9%.

Таблица 4.4 – Доля ВДС сельского, лесного и рыбного хозяйства в ВДС по экономике в целом (млн долл. США), проценты¹

<i>Страны ЕАЭС</i>	<i>2014</i>	<i>2015</i>	<i>2016</i>	<i>2017</i>	<i>2018</i>
Армения	20,38	19,27	18,22	16,71	15,33
Беларусь	8,27	7,25	7,98	8,72	7,48
Казахстан	4,69	4,97	4,83	4,80	4,71
Кыргызстан	17,10	15,94	14,77	14,40	13,56
Россия	3,86	4,31	4,28	3,93	3,52

В странах ЕАЭС в сельском хозяйстве традиционно высока доля хозяйств населения, которые являются мелкими товаропроизводителями: свыше 96% в Армении, более 47% в России и всего 20,7% в Беларуси. В Кыргызстане и Армении доля коммерческих организаций составляет менее 5%, в Казахстане – менее 1/4, в республике Беларусь в сельском хозяйстве очень высока доля государственного сектора в виде колхозов (около 80%) и полностью отсутствует сектор коммерческих организаций (Рисунок 4.1).

¹ Рассчитано автором по ЕЭК. Социально-экономическая статистика. Национальные счета. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/national.aspx.

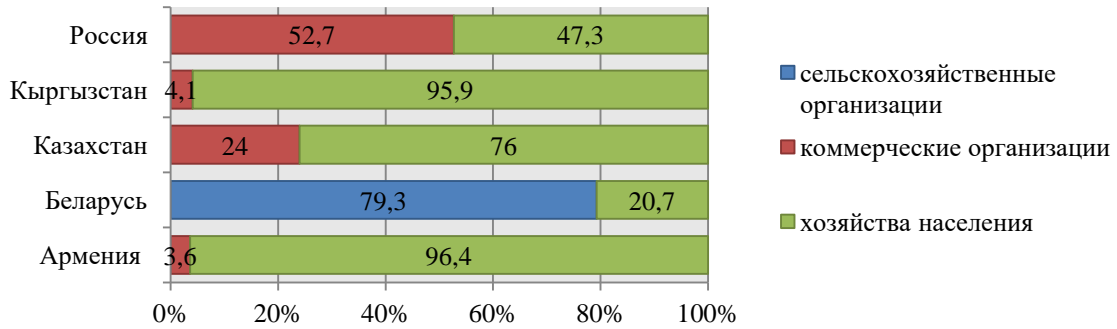

Рисунок 4.1 – Структура производства продукции сельского хозяйства по категориям хозяйств (в процентах к итогу, в текущих ценах) 2017 год¹

Состояние основных фондов в сельском хозяйстве стран ЕАЭС, за исключением Казахстана, находится примерно на одном уровне: износ составляет около 40%, причем наибольший износ основных фондов отмечается в России (41,3%) и Армении (43,7%), а наименьший – в Казахстане (16,5%), несмотря на то, что инвестиции в основной капитал в России превышают аналогичный показатель других стран ЕАЭС в абсолютном значении, но их доля в общем объеме инвестиций в основной капитал ниже аналогичного показателя Беларуси, Армении и Казахстана².

Россия, являясь крупнейшей экономикой Союза, производит большую часть сельскохозяйственной продукции (около 75%) и продукции пищевой промышленности (около 85%) ЕАЭС (Рисунок 4.2).

¹ Составлено автором по Агропромышленный комплекс. Статистика Евразийского экономического союза: статистический сборник. – Москва: Евразийская экономическая комиссия, 2018. – 132 с.

² ЕЭК. Социально-экономическая статистика. Инвестиции. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/investments.aspx.

Рисунок 4.2 – Доли стран ЕАЭС в промышленной переработке сельскохозяйственной продукции¹

Доли Казахстана и Беларуси в сельскохозяйственном производстве ЕАЭС в 2018 г. составили 11,75% и 8,57% соответственно. Масштаб российского сельскохозяйственного производства таков, что страны – члены ЕАЭС могут только его дополнить, не превращаясь в серьезных конкурентов российским агропроизводителям². Однако в расчете на душу населения по производству продукции сельского хозяйства Россия уступает республике Беларусь, Казахстану и Армении, а по производству основных продуктов питания Россия значительно уступает республике Беларусь (Рисунок 4.3).

¹ Рассчитано автором по: Агропромышленный комплекс. Статистика Евразийского экономического союза: статистический сборник. – Москва: Евразийская экономическая комиссия, 2018. – 132 с.

² Шагайда Н. И., Узун В. Я. Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 110 с.

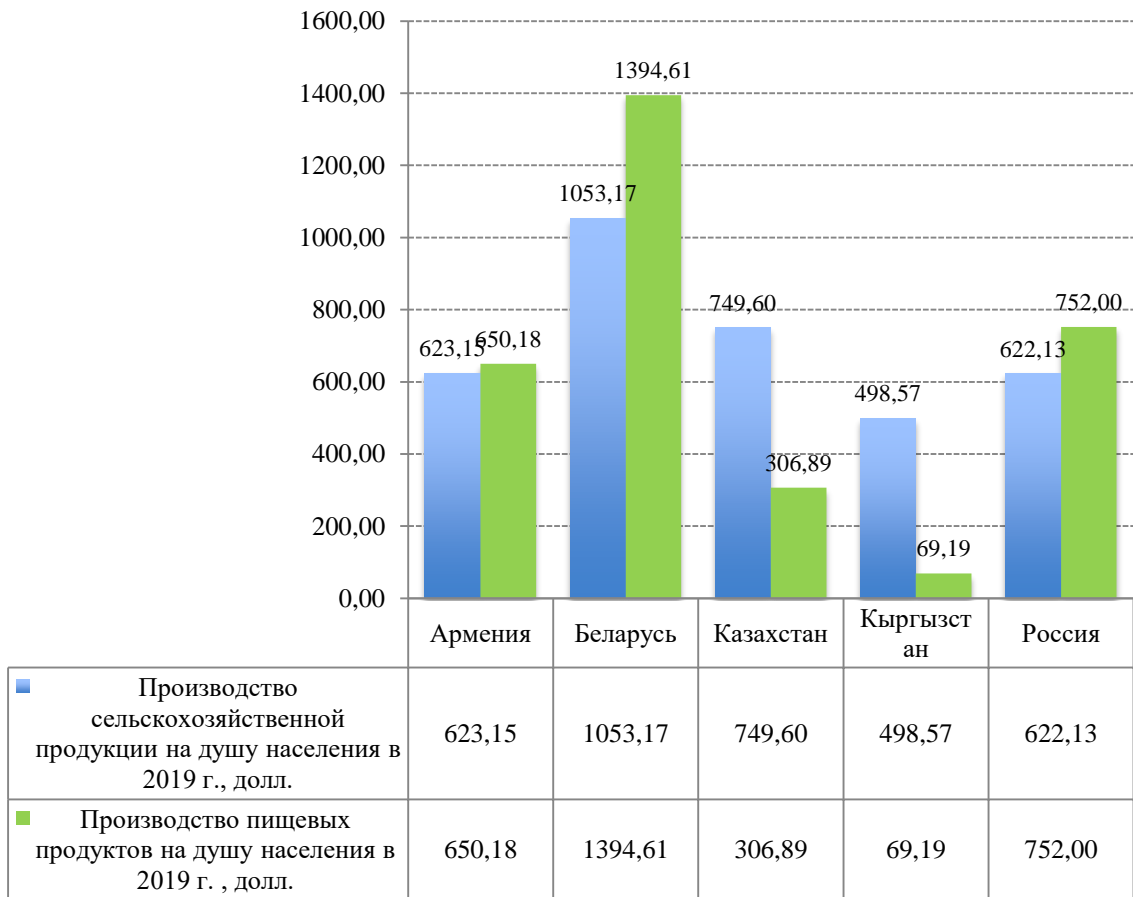

Рисунок 4.3 – Производство продукции сельского хозяйства и продуктов питания в странах ЕАЭС в расчете на душу населения в 2019 году, долл.¹

Торговля

Одним из ключевых индикаторов, характеризующих интеграционные процессы, является взаимная торговля, интенсификация и диверсификация которой являются значимыми факторами потенциала углубления связей между странами-участницами интеграционного объединения. Отрицательная динамика торгового оборота стран ЕАЭС, которая наблюдалась с 2013 года и особо заметно происходила в 2015–2016 гг. (торговый оборот в первом полугодии 2015 года сократился на 26,1%), в 2017 г. сменилась на положительную (Рисунок 4.4), а рост объема взаимной торговли в физическом измерении наблюдался уже в 2016 г. Однако в этот же период сокращение объемов торговли с третьими странами было более значительным.

¹ Составлено по ЕЭК. Статистика ЕАЭС. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/econstat/Pages/industria.aspx.

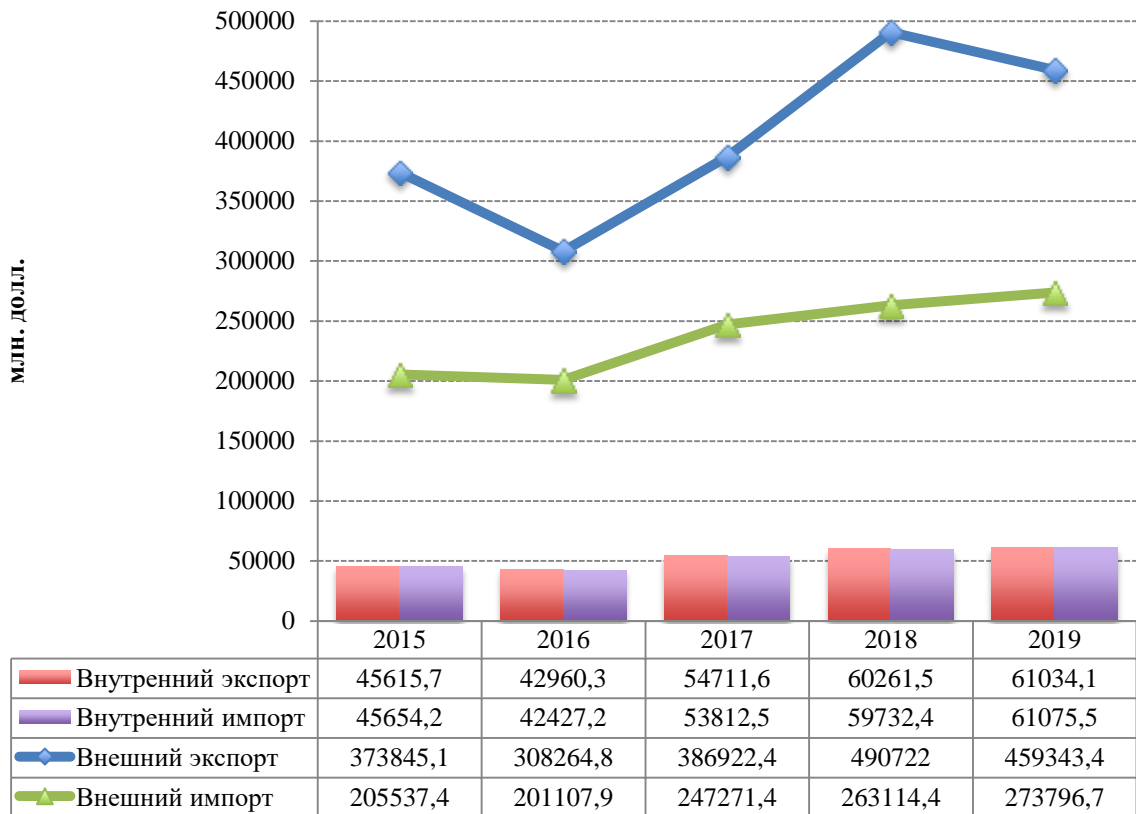

Рисунок 4.4 – Динамика внешней и взаимной торговли стран ЕАЭС в период с 2015 по 2019 гг.¹

Вектор торговых связей России и ее партнеров по ЕАЭС в большей степени ориентирован на третьи страны, чем на внутреннюю торговлю. В 2018 г. внешний экспорт превысил объем взаимного экспорта более чем в 8 раз (по итогам 2017 г. превышение внешнего экспорта составляло 7,1 раза), внешний импорт превысил объем взаимного импорта в 4,4 раза (в 2017 г. – в 4,65 раза). В 2019 г. на фоне снижения объема внешнеторгового оборота на 2,7% (на 20,7 млрд долл.) за счет сокращения экспорта на 6,4% (на 31,4 млрд долл.) при росте импорта на 4,1% (на 10,7 млрд долл.) объем внутренней торговли незначительно увеличился (101,3%). Уменьшение стоимостного объема внешнего экспорта ЕАЭС обусловлено снижением экспорта России как за счет сокращения физического объема экспорта (на 4,4%), так и за счет уменьшения средних цен на экспортируемые товары (на 2,1%). Рост объема импорта России на 2,4% (по странам ЕАЭС – на 4,1%) сопровождался сокращением импорта продоволь-

¹ Составлено по ЕЭК. Статистика внешней и взаимной торговли. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/time_series/Pages/default.aspx.

ственных товаров на 0,5%.

Доля внутреннего экспорта стран ЕАЭС в суммарном объеме экспорта выросла в 2019 г. (12,68%) в сравнении с 2018 г. (12,28%), но снизилась по сравнению с 2017 г. (14,14%) (Рисунок 4.5).

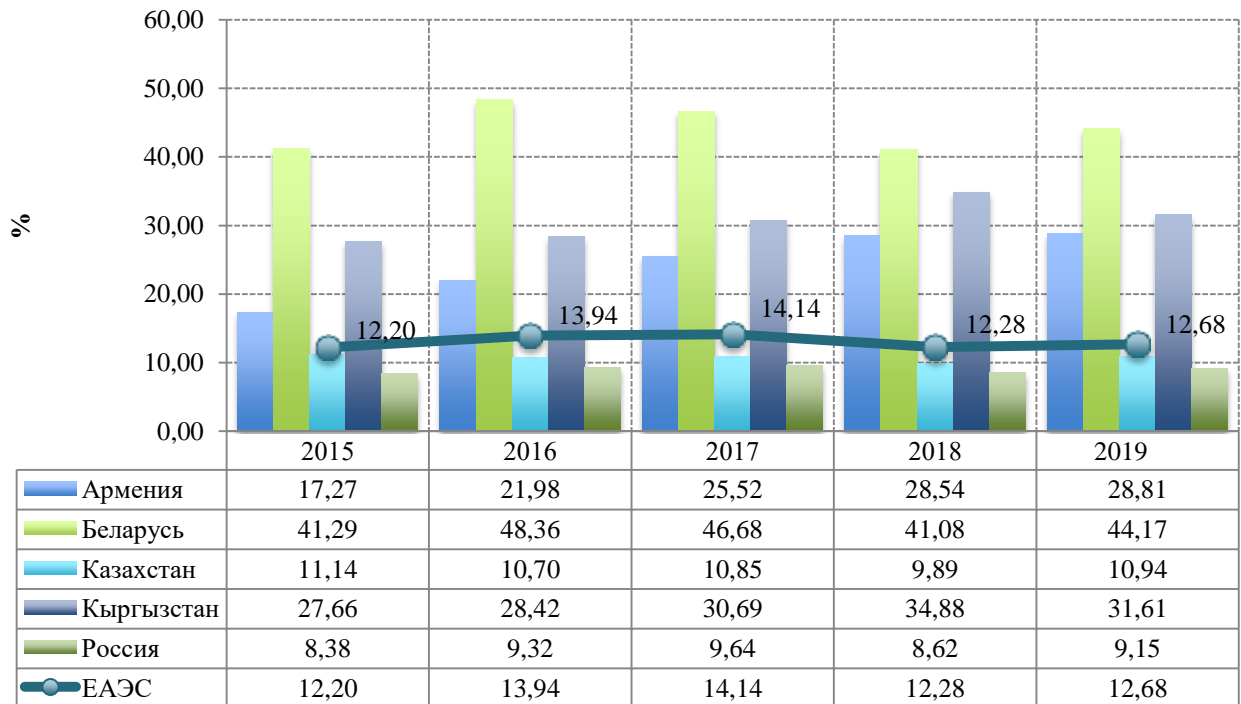

Рисунок 4.5 – Доля внутреннего экспорта стран ЕАЭС в суммарном экспорте, %¹

Доля внутреннего импорта стран ЕАЭС в суммарном объеме импорта снизилась в 2019 г. (22,2%) в сравнении с 2018 г. (22,73%), но выросла по сравнению с 2016 г. (21,1%) (Рисунок 4.6).

В 2018 г. несмотря на рост как физических, так и стоимостных объемов (на 10,1%) внешнеторгового оборота России со странами ЕАЭС, в том числе, за счет экспорта на 12,7%, удельный вес Союза в совокупных объемах внешней торговли также снизился в силу стремительного увеличения сырьевого экспорта по направлению третьих стран. В 2019 г. произошло снижение объемов российского экспорта и импорта. Тем не менее, Россия сохраняет ключевое значение для всех остальных стран ЕАЭС в качестве основного поставщика товаров (65,3% экспортных поставок взаимной торговли) или же в качестве крупнейше-

¹ Составлено по ЕЭК. Статистика внешней и взаимной торговли. – URL: http://www.eurasiancommission.org/u/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/time_series/Pages/default.aspx.

го рынка сбыта (31,2% импортных поставок ЕАЭС), снимающего для промышленных предприятий стран ЕАЭС любые ограничения, связанные с размерами рынка. Взаимная же торговля играет важную роль в диверсификации и развитии российских предприятий обрабатывающей промышленности¹.

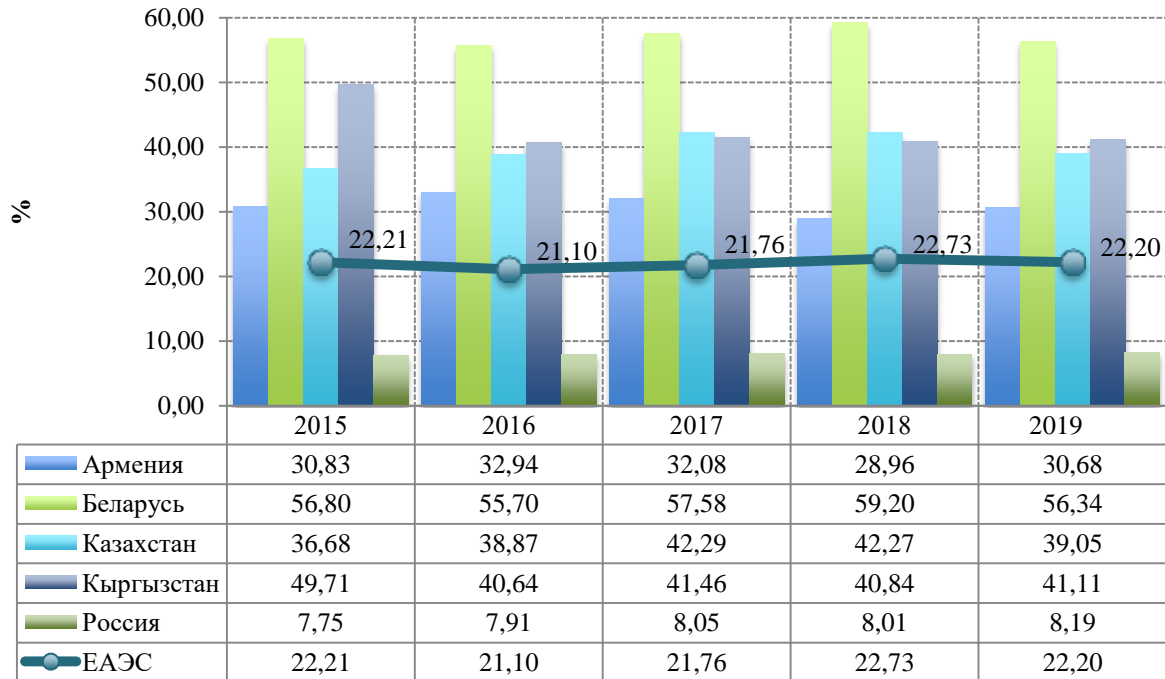

Рисунок 4.6 – Доля внутреннего импорта стран ЕАЭС в суммарном импорте, %²

Таким образом, доля взаимного экспорта в суммарном экспорте ЕАЭС в 2015–2019 гг. находится в пределах 12,2% (2015 г.) – 14,14% (2017 г.), а доля взаимного импорта в суммарном импорте – 21,1% (2016 г.) – 22,73%, (2018 г.), что существенно ниже порога интеграционной устойчивости (минимум 25%)³ и наглядно демонстрирует невысокий уровень интеграции стран – участниц ЕАЭС. Перспективы преодоления этой границы в ближайшие годы вызывают сомнения, что во многом связано и с объективными причинами. В ЕАЭС доминирующее положение занимает Россия, на долю которой приходится 88% промышленного производства, 86% ВВП, 80% населения и 65% взаимной торговли, что характе-

¹ Основные тенденции интеграционного развития России в 2018 г. – ЦИИ ЕАБР, 2019. – 31 с.

² Составлено по ЕЭК. Статистика внешней и взаимной торговли. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/time_series/Pages/default.aspx.

³ Зевин Л. З. О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века. – М.: Институт экономики РАН. – С. 19.

ризует ЕАЭС как асимметричный союз, все основные экономические показатели которого в значительной степени определяются экономикой России¹.

Существенное влияние на сокращение взаимной торговли в 2014–2016 гг. оказал кризис в России, поскольку экспортно-импортные операции стран-участниц ЕАЭС почти полностью ориентированы на рынки России. Таким образом, сохранение и продление режима санкций и ответных мер России, цены на энергоресурсы и отрицательная динамика промышленного производства и ВВП России, а также снижение курса рубля к доллару и евро стали основными факторами снижения взаимной торговли стран ЕАЭС в 2014–2016 гг. «Значимую долю в товарной структуре взаимной торговли стран ЕАЭС имеют продовольственные товары и сельскохозяйственное сырье (14,8% в 2018 г.). В условиях российского эмбарго значительная часть продовольственных товаров поступает на территорию Российской Федерации из стран ЕАЭС»².

Объем взаимной торговли продовольствием и продукцией сельского хозяйства в целом по ЕАЭС продемонстрировал рост в 2018 г. (106,9% от уровня 2017 г.), за исключением молочной продукции, какао и продуктов из него, а также пищевых продуктов из товарной группы «разные пищевые продукты» (Рисунок 4.7).

Инвестиционное сотрудничество

Углубление региональной интеграции создает новые возможности для промышленно-инвестиционного сотрудничества стран-участниц интеграционных проектов.

¹ Хейфец Б. А. Как модернизировать Евразийский экономический союз: Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2019. – 45 с.

² Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Влияние внешней торговли на экономическую доступность продовольственных товаров в России // Общество и экономика. – 2019. – №10. – С. 62–75.

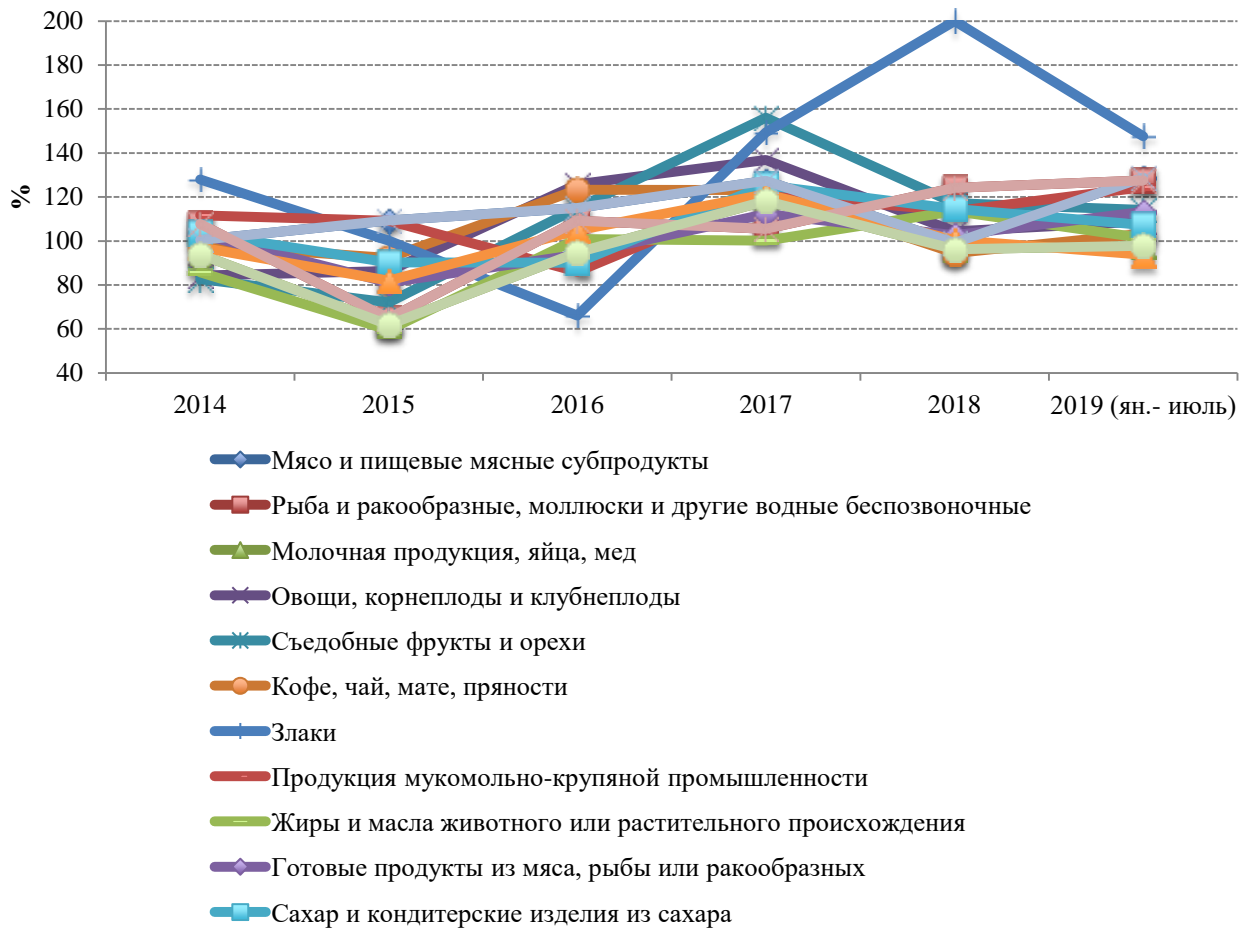

Рисунок 4.7 – Динамика торговли России агропродовольственными товарами со странами ЕАЭС за 2014–2019 гг., %¹.

В структуре внутренней торговли по назначению товаров доля инвестиционных товаров на протяжении ряда лет практически неизменна. Так, во внешнем экспорте и во взаимной торговле преобладают промежуточные товары, значительную долю в которых занимают энергетические промежуточные товары, в то время как во внешнем импорте, кроме промежуточных товаров, стабильно значимую долю занимают потребительские и инвестиционные товары (Рисунок 4.8).

¹ Составлено по: ЕЭК. Взаимная торговля. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Pages/default.aspx.

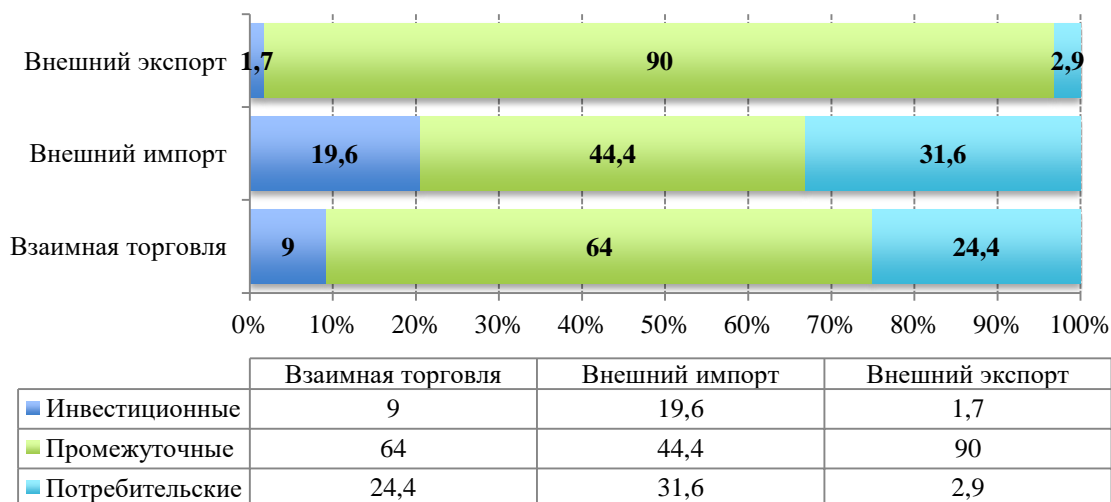

Рисунок 4.8 – Структура взаимной и внешней торговли стран ЕАЭС по назначению товаров в 2018 г., %¹.

Анализ инвестиционного сотрудничества стран, входящих в интеграционное объединение, важен для оценки потенциала интеграции, выработки мер по устранению препятствий для трансграничных финансовых потоков и оценки перспектив сотрудничества на основе заинтересованности иностранных инвесторов в ведении бизнеса на территории стран – партнеров по ЕАЭС.

В инвестиционной сфере, как и во взаимной торговле, страны ЕАЭС в большей степени ориентированы на третьи страны. Доли взаимных инвестиций и ПИИ из третьих стран в 2018 г. составляют 13% и 87% соответственно. Тот факт, что годом ранее соотношение долей находилось на уровне 3% и 97%, не свидетельствует о наращивании объема взаимных инвестиций, а отражает более существенное сокращение притока ПИИ из третьих стран. В 2018 г. приток инвестиций из третьих стран сократился в 5 раз, в то время как приток взаимных инвестиций стран ЕАЭС сократился в 3 раза с 34688,9 млн долл. до 10802,2 млн долл., что ниже уровня 2015 г. на 34%². Однако столько значительное сокращение ПИИ из третьих стран вызвано, прежде всего, сокращением

¹ Составлено по ЕЭК. Взаимная торговля. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/tables/intra/Pages/default.aspx.
² ЕЭК. Финансовая статистика. – 2019. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/stat_tables/Pages/default.aspx.

ем притока ПИИ из офшоров¹. По мнению большинства экспертов, офшорное происхождение существенной доли притока ПИИ в экономику России не только негативно отражается на показателях инвестиционной привлекательности страны, но и осложняет ее оценку. Подтверждением «круговорота капитала» является то, что такие офшорные территории, как Кипр и Британские Виргинские острова, являются одновременно и крупнейшими инвесторами, и крупнейшими реципиентами инвестиций². Таким образом, более объективная оценка инвестиционной привлекательности экономики, инвестиционного сотрудничества и интеграции требует исключения из анализа офшорных инвестиций, что не всегда возможно. В частности, крупные холдинги стран ЕАЭС часто используют страны, которые не являются классическими офшорами – Нидерланды, Ирландию и Люксембург – для создания материнских компаний, что связано с более высокими показателями условий ведения бизнеса в этих странах, в частности, с удобством и прозрачностью их законодательства и правовых систем. В то же время, определенная часть ПИИ из этих стран являются настоящими иностранными инвестициями, к примеру, инвестиции Unilever или Shell.

Россия, на протяжении всего периода функционирования Союза, является ключевым инвестором на рынке взаимных инвестиций, а основными получателями инвестиций являются Беларусь (в 2018 г.) и Казахстан (в 2017 г.). Доля прямых инвестиций из государств – членов ЕАЭС в общем объеме ПИИ Казахстана составляет 10%, Армении – 21%, Беларуси – 37%. Инвестиции России в экономики этих стран составили 466,7 млн долл., 468,0 млн долл. и 57,7 млн долл. соответственно³. Доля инвестиций стран ЕАЭС в чистых ПИИ России и доля российских инвестиций в чистых ПИИ стран ЕАЭС представлены в Таблице 4.5.

¹ Хейфец Б. А. О процессе деофшоризации российской экономики // Финансы. – 2017. – № 10. – С. 15–19.

² Хейфец Б. А. Российские прямые инвестиции в ЕвразЭС и их роль в развитии энергетики и транспортной инфраструктуры на евразийском пространстве // Евразийская Экономическая Интеграция. – 2009. – № 1. – С. 27–40.

³ Евразийская экономическая интеграция 2019. – М.: ЦИИ ЕАБР, 2019. – 140 с.

Таблица 4.5 – Доля инвестиций стран ЕАЭС в российскую экономику и доля российских инвестиций в страны ЕАЭС, %¹

Страны ЕАЭС	Доля российских прямых инвестиций в чистых ПИИ в страны ЕАЭС, %					Доля прямых инвестиций стран ЕАЭС в чистых ПИИ в российскую экономику, %				
	2014	2015	2016	2017	2018	2014	2015	2016	2017	2018
Беларусь	32,70	44,49	43,56	35,71	41,57	0,17	0,82	0,10	-0,50	0,00
Казахстан	7,52	3,45	1,66	10,69	291,23	0,27	0,62	0,14	0,17	0,60
Армения	26,68	70,89	-26,79	-0,36	63,68	1,62	6,31	1,08	0,72	1,81
Кыргызстан	10,85	42,89	45,64	-74,90	3,00	0,03	-0,26	-0,05	-0,07	-0,27

Несмотря на значительное сокращение ПИИ из третьих стран, доля инвестиций из стран – «инвестиционных перевалочных баз» остается на высоком уровне. Так, доля кипрских инвестиций в экономику Беларуси составляет 13%, в экономику Армении – 6%, доля ПИИ Нидерландов в экономику Кыргызстана – 41%, в российскую экономику – 12%, доля ПИИ Виргинских Британских Островов в ПИИ в экономику России достигает 6%, в экономику Кыргызстана – 7%. Высокая доля третьих стран в структуре притока ПИИ свидетельствует о недостаточности инвестиционных ресурсов стран ЕАЭС.

Отраслевая структура ПИИ ЕАЭС определяется отраслевой структурой инвестиций России, где наибольший удельный вес имеют ПИИ в горнодобывающую промышленность, операции с недвижимым имуществом, транспорт, обрабатывающую промышленность. В российское сельское хозяйство привлекается около 4% ПИИ. Схожую с российской отраслевую структуру имеют ПИИ Республики Казахстан, где в сельское хозяйство привлекается менее 4% ПИИ. В структуре ПИИ Армении и Беларуси доля ПИИ в сельское хозяйство несколько выше и составляет 7% и 12% соответственно.

Инвестиции в основной капитал, которые являются движущей силой модернизации и роста как отдельных отраслей и секторов, так и экономики в целом, демонстрируют рост с 2016 г. в 1,3 раза с 255,3 млрд долл. до 328 млрд долл. в 2018 г. Наибольший объем инвестиций в основной капитал направлен в

¹ Составлено автором по: ЕЭК. Финансовая статистика. 2019. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/fin_stat/stat_tables/Pages/default.aspx.

экономику России (85%) и Казахстан (10%), имеющих более крупные промышленные сектора.

Инвестиционное доминирование России в структуре взаимных ПИИ в ЕАЭС вызвано не только размером ее экономики, но и организационно-экономическим превосходством российских ТНК (ТНК «второго эшелона» или региональных ТНК) над их партнерами по ЕАЭС, которые и обеспечивают России относительно высокие показатели. Значительная часть (71%) российских инвестиций в экономики стран ЕАЭС приходится на 25 компаний ТЭК, цветной металлургии, ИКТ. Основными отраслями, которые привлекают инвесторов стран ЕАЭС в России, являются химическая промышленность, агропродовольственный сектор и туристическая отрасль экономики. Основным инвестором в российскую экономику выступает Казахстан, за которым следуют Беларусь и Армения ¹.

Взаимные инвестиции стран ЕАЭС в агропродовольственный сектор остаются на низком уровне. Так, взаимные (преимущественно российские) инвестиции в АПК Казахстана составляют 1,5% от общего объема инвестиций, в АПК Беларуси – 0,8%, в то время как инвестиции стран ЕАЭС в российский АПК превышают 15% от общего объема инвестиций (Рисунок 4.9).

Такой результат объясняется не только большими объемами российского рынка и его ненасыщенностью, но и проводимой политикой импортозамещения и поддержки отраслей агропродовольственного сектора в России. Агропродовольственный комплекс России находится на втором месте (15,8%) по привлекательности для инвесторов из стран ЕАЭС после химического комплекса (35,1%), хотя значительная доля инвестиций в агропродовольственный сектор, в основном, в растениеводство и производство молочной продукции, поступила из одной страны – из Казахстана [ЦИИ ЕАБР, 2017]², который, как и Россия,

¹ Разноуровневая и разноскоростная интеграция: контуры большого евразийского партнерства. Ежегодный доклад Интеграционного клуба при Председателе Совета Федерации «Разноуровневая и разноскоростная интеграция: контуры большого Евразийского партнерства» (2018 год). – URL: <http://council.gov.ru/media/files/j2jC2EeeuM6ZpTKwBapAiDsrk24pC5eo.pdf> (дата обращения: 15.05.2019).

² Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. – 60 с.

является страной – донором инвестиций в ЕАЭС. Следует отметить, что инвестиционное сотрудничество России и Казахстана имеет большое значение для обеих стран, хотя инвестиционная привлекательность ЕАЭС в целом для Казахстана с 2018 г. снизилась.

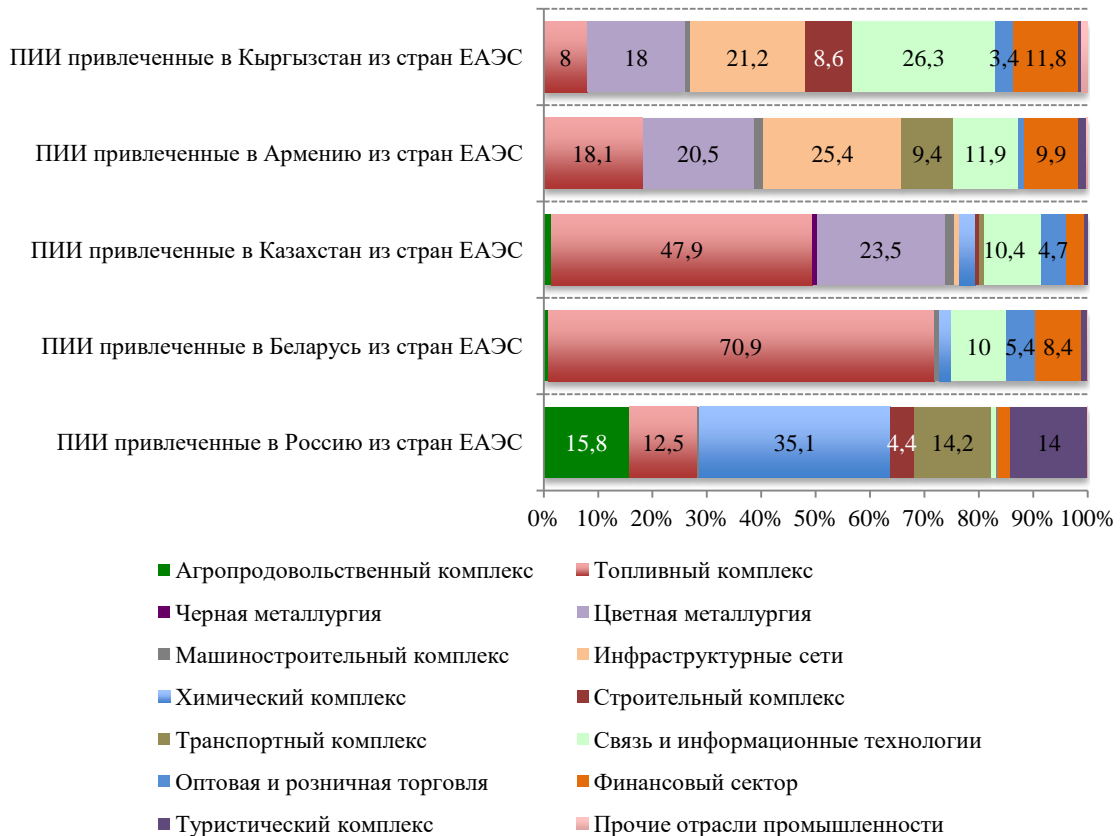

Рисунок 4.9 – Структура взаимных инвестиций в странах ЕАЭС в 2017 г.¹

В отличие от трех крупнейших экономик ЕАЭС – России, Казахстана и Беларуси, для экономик Армении и Кыргызстана важное стратегическое значение имеют денежные переводы для стимулирования потребительского и инвестиционного компонентов внутреннего спроса, а также для платежного баланса стран в целом, компенсируя существенный дефицит их внешней торговли.

¹ Составлено по Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2017. – 60 с.

Инновационное сотрудничество

Инновационное сотрудничество России со странами ЕАЭС ограничивается экспортом инновационной продукции. Российский экспорт инновационной продукции включает, преимущественно, экспорт среднетехнологичных производств высокого (51%) и среднего (32%) уровня (Рисунок 4.10).

Рисунок 4.10 – Структура российского экспорта инновационной продукции по технологической сложности производств¹

Доля инновационного экспорта пищевой промышленности составляет 71% от экспорта низкотехнологичных отраслей и 11% от экспорта инновационной продукции обрабатывающих производств. Экспорт инновационной продукции сельского хозяйства в стоимостном выражении составляет менее 0,5% от аналогичного показателя пищевой промышленности и на 40% обеспечивается вспомогательной для сельского хозяйства деятельностью. Существенные различия между пищевой промышленностью и сельским хозяйством имеются в направлении экспортных потоков инновационной продукции. Так, пищевая промышленность, как и отрасли низкотехнологичных производств обрабатывающей промышленности, экспортирует инновационную продукцию преимущественно в страны СНГ, причем эта доля значительно увеличилась с 79,1% в

¹ Составлено автором по: Индикаторы инновационной деятельности: 2019: статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, И. А. Кузнецова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ. – 2019. – 376 с.

2016 г.¹ до 95,9% в 2017 г. В отличие от пищевой промышленности, экспорт инновационной продукции сельского хозяйства направлен на страны дальнего зарубежья (97,5%), как и экспорт среднетехнологичных и высокотехнологичных производств обрабатывающей промышленности (Рисунок 4.11).

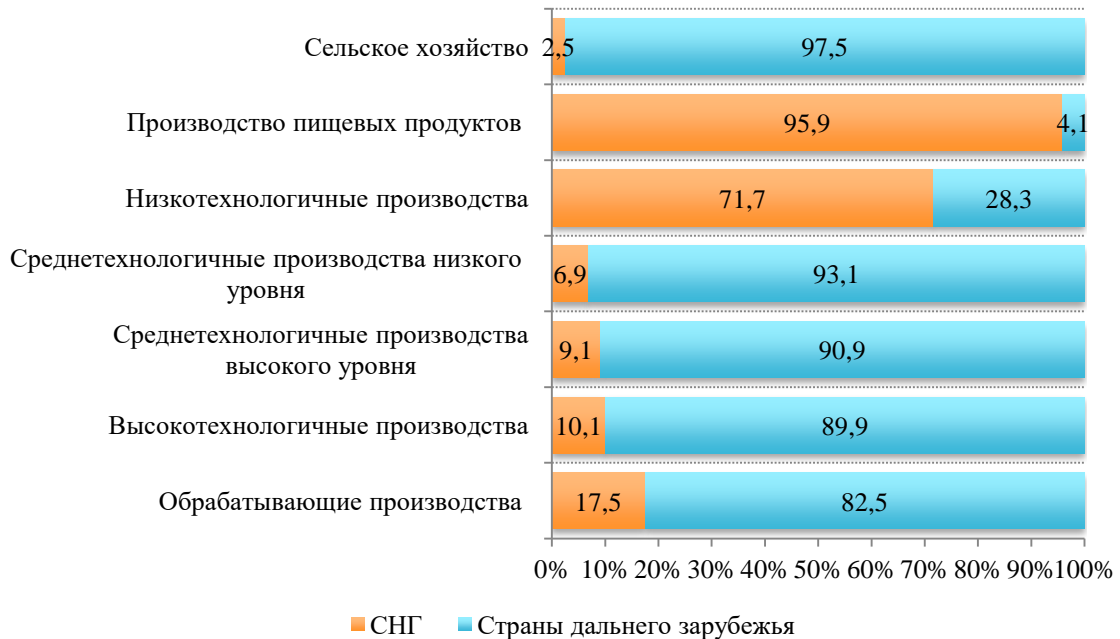

Рисунок 4.11 – Структура экспорта инновационной продукции обрабатывающих производств и сельского хозяйства по направлениям экспорта²

В настоящее время вопросы кооперации в направлении инновационного развития, разработки новых технологий и цифровой трансформации агропродовольственного сектора все активнее ставятся на повестку дня в сотрудничестве государств – членов ЕАЭС³.

Факторами, побуждающими компании к развитию кооперационных связей в инновационной сфере, являются:

– ускорение технологического прогресса и темпов развития цифровизации;

¹ Индикаторы инновационной деятельности: статистический сборник / Н. В. Городникова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ. – 2018. – 344 с.

² Составлено автором по: Индикаторы инновационной деятельности: 2019: статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, И. А. Кузнецова и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: НИУ ВШЭ. – 2019. – 376 с.

³ Карлик А. Е., Кречко С. А., Платонов В. В. Промышленная кооперация стран-членов ЕАЭС в перспективе цифровой экономики // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2017. – № 3 (31). – С. 384–395.

– возрастающая комплексность технологической базы, требующая все большей компетентности и дополнительных знаний в сопряженных технологических областях;

– увеличение стоимости разработки и внедрения инноваций¹.

Потенциал кооперации в производственной сфере может быть определен как доля взаимных ПИИ стран в общем объеме ПИИ между страной и всеми странами мира.

Потенциал кооперации в производственной сфере между двумя странами тем выше, чем больше доля взаимных ПИИ стран. Для формирования потенциала в производственной сфере важно, чтобы объем взаимных прямых инвестиций рос устойчивыми темпами. Для того чтобы учесть фактор роста ПИИ и его устойчивый характер, мы включили в формулу среднегодовой темп роста ПИИ и среднеквадратическое отклонение темпов роста ПИИ. Формула для расчета потенциал кооперации в производственной сфере имеет вид:

$$PC_{Pi} = \frac{I_i \cdot RP_{Pi}}{\sigma_{RP_{Pi}}} : \frac{I_W \cdot RP_{IW}}{\sigma_{RP_{IW}}}, \quad (4.1)$$

где I_i – суммарный объем прямых иностранных инвестиций РФ и i -й страны за последний год, млн долл. США;

RP_{Pi} – среднегодовой темп роста суммарного объема ПИИ РФ и i -й страны за исследуемый период;

$\sigma_{RP_{Pi}}$ – среднее квадратическое отклонение темпов роста ПИИ;

I_W – суммарный объем прямых иностранных инвестиций РФ и стран мира за последний год, млн долл. США;

RP_{IW} – среднегодовой темп роста суммарного объема ПИИ РФ и стран мира за исследуемый период;

$\sigma_{RP_{IW}}$ – среднее квадратическое отклонение темпов роста ПИИ.

Потенциал развития кооперации в сфере торговли (PC_{Ti}) рассчитан аналогично по формуле:

$$PC_{Ti} = \frac{T_i \cdot RP_{Ti}}{\sigma_{RP_{Ti}}} : \frac{T_W \cdot RP_{TW}}{\sigma_{RP_{TW}}}, \quad (4.2)$$

где T_i – суммарный объем взаимной торговли РФ и i -й страны за последний год, млн долл. США;

¹ Курунина Е. Н. Исследование уровня кооперации в инновационной сфере // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 2. – С. 55–60.

RP_{Ti} – среднегодовой темп роста суммарного взаимной торговли РФ и i -й страны за исследуемый период;

$\sigma_{RP_{Ti}}$ – среднее квадратическое отклонение темпов роста взаимной торговли;

T_W – суммарный объем взаимной торговли РФ и стран мира за последний год, млн долл. США;

RP_{TW} – среднегодовой темп роста суммарного объема взаимной торговли РФ и стран мира за исследуемый период;

$\sigma_{RP_{TW}}$ – среднее квадратическое отклонение темпов роста взаимной торговли.

В настоящее время интеграция между Россией и ее партнерами по ЕАЭС развивается в направлении формирования кооперационных связей преимущественно в торговой сфере (Таблица 4.6). При этом потенциал кооперации в торговой и производственной сфере для России значительно ниже, чем для Казахстана и Беларуси. Наибольшим потенциалом обладают торговые связи Беларуси с Россией (свыше 98%), хотя и в производственной сфере их потенциал достаточно высок (24,37%).

Таблица 4.6 – Потенциал кооперации в производственной сфере и торговле между Россией и Беларусью, Россией и Казахстаном¹

Страны	Потенциал кооперации, %	
	в производственной сфере	в торговой сфере
Россия – Беларусь	0,5	6,48
Россия – Казахстан	1,5	3,01
Беларусь – Россия	24,37	98,21
Казахстан – Россия	8,08	41,89

Источник: рассчитано автором по статистическим данным Евразийской экономической комиссии².

¹ Рассчитано автором.

² Взаимная торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. 2017 год: Статистический сборник / Евразийская экономическая комиссия. – М.: Сам Полиграфист, 2018. – 224 с.; Взаимная торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. 2016 год: Статистический сборник / Евразийская экономическая комиссия. – М.: Сам Полиграфист, 2017. – 212 с.; Взаимная торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. 2015 год: Статистический бюллетень / Евразийская экономическая комиссия. – М.: Сам Полиграфист, 2016. – 240 с.; Взаимная торговля товарами государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства за 2013 год: Статистический бюллетень / Евразийская экономическая комиссия. – М.: «Onebook.ru», 2014. – 144 с.; Внешняя торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. 2017 год: Статистический сборник / Евразийская экономическая комиссия. – М.: Сам Полиграфист, 2018. – 534 с.; Внешняя торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. 2016 год: Статистический сборник / Евразийская экономическая комиссия. – М.: Сам Полиграфист, 2017. – 534 с.

Потенциал развития торговли агропродовольственной продукцией

Для оценки потенциала наращивания торговли продовольственными товарами большее значение имеет анализ вертикальной внутриотраслевой торговли. Для этой цели используется индекс Грубеля – Ллойда. Индекс позволяет выделить товарные группы с наибольшим потенциалом наращивания торговли внутри интеграционного объединения. Индекс Грубеля – Ллойда рассчитан по формуле¹:

$$I = 1 - \frac{|X-M|}{X+M}, \quad (4.3)$$

где I – индекс Грубеля – Ллойда;
X – объем экспорта товара;
M – объем импорта товара.

Индекс может принимать значения в пределах от нуля до единицы, значение $I = 0$ характеризует отсутствие взаимных торговых потоков, а $I = 1$ означает полное совпадение по объему взаимных торговых потоков. При значении индекса $I > 0,33$ можно говорить о наличии внутриотраслевой торговли. Если индекс принимает значения $0,10 \leq I \leq 0,33$, это характеризует наличие потенциала развития внутриотраслевой торговли, а при значении индекса $I < 0,10$ внутриотраслевая торговля почти отсутствует.

Для стран – участниц ЕАЭС потенциал наращивания внутрисоюзной торговли в отраслях агропродовольственного сектора имеется практически по всем товарным группам (Таблица Е.1).

Однако следует отметить, что индекс Грубеля – Ллойда обладает существенным недостатком: он не реагирует на изменения абсолютных объемов торговли и в ситуации, когда экспорт и импорт изменяются в одном направле-

ник / Евразийская экономическая комиссия. – М.: Сам Полиграфист, 2017. 516 с.; Внешняя торговля товарами. Статистика Евразийского экономического союза. 2015 год: Статистический бюллетень / Евразийская экономическая комиссия. – М.: Сам Полиграфист, 2016. – 356 с.; Внешняя торговля товарами государств – членов Таможенного союза и Единого экономического пространства за 2014 год: Статистический бюллетень / Евразийская экономическая комиссия. – М.: Сам Полиграфист, 2015. – 390 с.

¹ Grubel H., Lloyd, P. Intra-industry Trade: The Theory and Measurement of International Trade with Differentiated Product. – London: Macmillan, 1975.

нии на одинаковую величину, индекс Грубеля – Ллойда остается неизменными. Кроме того, индекс Грубеля – Ллойда показывает степень совпадения взаимных торговых потоков, но не различает горизонтальную кооперацию, основанную на дифференциации товаров (обмен продуктами одной товарной группы одинаковой степени обработки), и вертикальную кооперацию, определяемую фрагментацией производства (обмен товарами одной товарной группы разной степени обработки)¹.

Потенциал развития вертикальной кооперации можно выявить с использованием индекса маржинальной внутриотраслевой торговли, предложенного М. Брюльхартом в 1994 г. Индекс рассчитывается по формуле:

$$IMT = \frac{\Delta X - \Delta M}{\Delta X + \Delta M}, \quad (4.4)$$

где IMT – индекс маржинальной внутриотраслевой торговли;

ΔX – изменение объема экспорта товара;

ΔM – изменение объема импорта товара.

Значения индекса лежат в интервале от -1 до 1, и чем ближе его значение к нулю, тем маржинальная внутриотраслевая торговля выше. Значения $IMT > 0$ указывает на сокращение импорта и рост экспорта, что может быть свидетельством роста производства исследуемого товара в стране. И, наоборот, в случае, если индекс принимает значение $IMT < 0$, это говорит о росте импорта при тенденции сокращения экспорта, что может быть свидетельством сокращения производства исследуемого товара в стране².

Анализ внутриотраслевой торговли Россия со странами ЕАЭС по дезагрегированным товарным группам агропродовольственного сектора показывает наличие вертикальной интеграции по некоторым товарным группам и позволяет выявить возможные направления ее развития. Так, экспортными товарными группами России на рынок ЕАЭС являются: свинина, пшеница, гречиха, меласса, мясо птицы, мясо и пищевые субпродукты переработанные и пр.; товарны-

¹ Grubel H., Lloyd P. The Empirical Measurement of Intra Industry Trade // Economic Record. – 2007. – P. 494–517.

² Brülhart M., Dermot McAleese. Intra-Industry Trade and Industrial Adjustment: The Irish Experience // The Economic and Social Review. – 1995. – № 2. – P.107–129.

ми группами с высокой долей импорта из стран ЕАЭС являются многие виды овощей и фруктов, а также продукты их переработки. Внутриотраслевая торговля присутствует на рынке молочной продукции (к примеру, сыры и творог), в производстве масла подсолнечного, обработанных злаков, макаронных изделий и некоторых видов овощей (Таблица Е.2).

Важной предпосылкой углубления интеграции стран ЕАЭС в агропродовольственном секторе является быстро наращиваемый этим сектором экспортный потенциал. Российский экспорт продовольствия и сельскохозяйственного сырья на мировые рынки в 2018 г. вырос на 21,8% по сравнению с предшествующим годом, а его удельный вес в общем объеме экспорта составил 5,2%¹. Как заявил В. В. Путин, через четыре года Россия планирует поставлять на мировые рынки больший объем продовольствия, чем ввозить в страну. То есть Россия станет нетто-экспортером продовольствия².

В агропродовольственном секторе России, как и в других странах, крайне остро стоит проблема эффективного взаимодействия и кооперации бизнеса и организаций, занимающихся научными исследованиями и разработками. Ориентация на приобретение преимущественно овеществленных технологий и слабый интерес отечественных предприятий реального сектора экономики к инновационной деятельности отмечается во многих исследованиях³ (к примеру, [Zaichenko, Kuznetsova, Roud, 2014]). Хотя к настоящему времени технологии цифровой экономики нашли свое применение преимущественно в электронной коммерции и в финансах⁴, вопросы развития кооперационных связей реализации цифровой повестки в промышленности и сельском хозяйстве ЕАЭС активно обсуждаются и стали одними из ключевых вопросов на заседании Евразий-

¹ ЕЭК. Статистика внешней и взаимной торговли товарами. – URL: http://www.eurasiancommission.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/Pages/default.aspx.

² URL: <http://tass.ru/ekonomika/5023160>.

³ Zaichenko S., Kuznetsova T., Roud V. Features of Interaction Between Russian Enterprises and Research Organisations in the Field of Innovation // Foresight-Russia. – 2014. – Vol. 8, N 1. – P. 6–23.

⁴ ЕЭК, Группа Всемирного банка. Цифровая повестка Евразийского экономического союза до 2025 года: перспективы и рекомендации. – 2019. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/act/dmi/SiteAssets/Обзор%20ВБ.pdf>.

ского межправительственного совета (ЕМПС) 30 апреля 2019 года¹. В агропродовольственном секторе цифровая повестка включает такие вопросы:

– укрепление кооперационных связей государств-членов в различных сферах агропродовольственного сектора на основе инновационного развития в целях импортозамещения и повышения конкурентоспособности сельскохозяйственной продукции и продовольствия;

– развитие товаропроводящей и экспортной инфраструктуры;

– цифровизация управленческих и технологических решений;

– создание союзной системы прослеживаемости товаров;

– разработка инновационных технологий в агропродовольственном секторе;

– обеспечение совместного финансирования научно-инновационных исследований, и другие².

Недостаточная вовлеченность предприятий агропродовольственного сектора в кооперационные связи в области инноваций вызвана, как считают некоторые исследователи, отсутствием достаточной осведомленности производителей сельскохозяйственной продукции и продуктов питания о производственных возможностях производителей оборудования и разработчиков технологий из стран-партнеров по ЕАЭС. Решить данную проблему может цифровизация агропродовольственного сектора, которая:

– влечет за собой развитие новых форм кооперации, способствующих включению предприятий и организаций агропродовольственного сектора в цепочки создания добавленной стоимости;

– активизирует конкуренцию на рынке стран ЕАЭС, в том числе, от снижения барьеров при осуществлении взаимной торговли и снижения затрат на поиск партнеров;

– содействует инновациям и росту производительности¹.

¹ ЕЭК. Итоги ЕМПС: дан старт проекту «Евразийская сеть промышленной кооперации, субконтрактации и трансфера технологий», будут проработаны мероприятия по созданию условий для развития цифровой экосистемы торговли в ЕАЭС. – 2019. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/30-04-2019-3.aspx>.

² Там же.

Тем более, что потенциал сотрудничества и кооперации в сфере инноваций в агропродовольственном секторе в трех крупнейших экономиках ЕАЭС имеется².

«Огромный потенциал для развития торговли несет в себе либерализация государственных закупок. С точки зрения теории международной торговли национальные системы государственных закупок часто создают значительные торговые барьеры, поскольку предоставляют более преференциальный режим национальным товарам и услугам, и, тем самым, дискриминируют иностранных поставщиков.

Эффективное функционирование единого рынка государственных заказов в рамках ЕАЭС позволит значительно повысить прозрачность данного рынка и снизить коррупционную составляющую, будет способствовать росту конкуренции, и, как следствие, снижению стоимости и повышению качества государственных услуг за счет использования более качественных товаров и услуг, привлечения профессиональных компаний к выполнению государственных контрактов; позволит успешно решать экономические, социальные и другие вопросы национальной политики; будет способствовать эффективному расходованию бюджетных средств»³.

По истечении пяти лет функционирования ЕАЭС единый рынок государственных закупок существует, во многом, лишь формально. Компании из Казахстана, Белоруссии, Армении и Киргизии не могут участвовать в российских тендерах стоимостью свыше 1 млн рублей, что, несомненно, является нарушением Договора о ЕАЭС. При этом сама Россия имеет доступ к государственным закуп-

¹ Карлик А. Е., Кречко С. А., Платонов В. В. Промышленная кооперация стран-членов ЕАЭС в перспективе цифровой экономики // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2017. – Т. 8, № 3. – С. 384–395. DOI 10.18184/2079–4665.2017.8.3.384–395.

² Чернова В. Ю. Экспортоориентированное импортозамещение в пищевой промышленности как элемент углубления интеграции в рамках ЕАЭС // Теоретические и прикладные проблемы АПК. – 2018. – № 2. – С. 40–47; Хейфец Б. А., Чернова В. Ю. Потенциал экспортоориентированного импортозамещения в агропромышленном комплексе ЕАЭС. Вопросы экономики. – 2019. – № 4. – С. 74–89. – DOI 10.32609/0042-8736-2019-4-74-89.

³ Чернова В. Ю. Проблемы формирования единого рынка государственных закупок в ЕАЭС // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – Том 7, № 1А. – С. 5–14.

кам стран Союза без ограничений¹. По информации ЕЭК, препятствие для участия стран Союза в российских тендерах должно быть устранено летом 2020 г.²

Становится очевидным, что в ЕАЭС потенциал развития рынка взаимной торговли существенно уступает возможностям поддержки экономического роста через развитие экономических связей с внешними партнерами. Заинтересованность стран – партнеров России по ЕАЭС в развитии связей с третьими странами значительно усилилась в последние годы. В первую очередь, это касается Китая, с которым еще в 2000-е гг. наметилось быстрое сближение, Казахстана и других государств Центральной Азии, особенно усилившееся в связи с китайским проектом «Один пояс – один путь». В 2017 г. Китай был крупнейшим торговым партнером Киргизии (41,4% от общего объема внешней торговли) и Казахстана (17,4%), занимает первое место по торговле с Туркменистаном, второе – с Узбекистаном, третье – с Таджикистаном³. Политика Китая, которая ориентирована на структурирование регионального пространства вокруг собственного экономического и политического ядра, приводит к частичному «размыванию» евразийских интеграционных процессов⁴. С другой стороны, возрастает и роль Евросоюза в торговле стран – участниц ЕАЭС, что только усиливает данный эффект. В этих тенденциях роль России как интеграционного ядра ЕАЭС постепенно утрачивается.

4.3. Концептуальные подходы к определению стратегических приоритетов государственной политики импортозамещения в агропродовольственном секторе России

В настоящее время в мире отмечен глобальный запрос на развитие собственных национальных производств для внутреннего рынка со стороны стран

¹ Союзный уговор: фирмы из ЕАЭС допустят к крупным тендерам в РФ. – URL: <https://iz.ru/912706/roza-almakunova/soiuznyi-ugovor-firmy-iz-eaes-dopustiat-k-krupnym-tenderam-v-rf>.

² Страны ЕАЭС сближают позиции в сфере госзакупок. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/15-10-2019-3.aspx>.

³ Глинкина С. П., Тураева М. О., Яковлев А. А. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза: Научный доклад. – М.: Институт экономики РАН, 2016. – 59 с.

⁴ Кашин В., Королев А. Помощь КНР странам Центральной Азии // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – № 62 (3). – С. 78–85.

как с трансформационной, так и с развитой экономикой. По данным ЮНКТАД, за последние пять лет не менее чем в 84 странах мира, производящих 90% мирового ВВП, были приняты официальные стратегии промышленного развития¹.

Согласно общепринятому в мировой практике и используемому в большинстве научных работ зарубежных авторов (к примеру, [Stiglitz, 2016²; Harrison, 2010³; Andreoni, 2016⁴; Singh, 2016]⁵) и в немалом количестве работ российских авторов (см., к примеру, [Ленчук, 2018⁶; Ленчук, 2016⁷; Фальцман, 2016⁸; Мантуров, 2016⁹; Ивантер, 2017¹⁰] и др.) определению, под *промышленной политикой (industrial policy)* понимается комплекс мер государственной политики, направленный на изменение структуры экономики за счет развития ее отдельных секторов, имеющих потенциал роста, обладающих лучшими перспективами, в сравнении с отсутствием государственного вмешательства, и способных привести к ускорению экономического развития страны и роста

¹ Investment and new industrial policies // UNCTAD: официальный сайт – URL: <http://investmentpolicyhub.unctad.org> (дата обращения: 15.09.2018).

² Stiglitz J. E. Industrial policy, learning, and development // WIDER Working Paper 2016. World Institute for Development Economic Research. United Nations University. Helsinki.

³ Harrison A., Rodriguez-Clare A. From hard to soft industrial policies in developing countries // Vox CEPR Portal. URL: <https://voxeu.org/article/hard-soft-industrial-policies-developing-countries>. (дата обращения: 15.09.2018).

⁴ Andreoni A. Varieties of industrial policy: models, packages and transformation cycles // Noman A., Stiglitz J. (eds.). Efficiency, Finance and Varieties of Industrial Policy: Guiding Resources, Learning and Technology for Sustained Growth. – New York: Columbia University Press: – 2016. – P. 245–304.

⁵ Singh H. V. Industrial policy and manufacturing: options for international trade policy. Policy Options Paper, E15 Expert Group on Reinvigorating Manufacturing: New Industrial Policy and the Trade System, E15 Initiative, ICTSD and WEF. – Geneva, 2016.

⁶ Ленчук Е. Б. Формирование промышленной политики России в контексте задач новой индустриализации // Журнал НЭА. – 2018. – № 3 (39). – С. 138–145.

⁷ Ленчук Е. Б. Курс на новую индустриализацию – глобальный тренд экономического развития // Studies on Russian Economic Development. Проблемы прогнозирования. – 2016. – № 3 (156). – С. 132–143.

⁸ Фальцман В. К.. Проблемы структурной, инвестиционной и инновационной политики в период кризиса // Проблемы прогнозирования. – 2016. – № 4 (157). – С. 14–23.

⁹ Мантуров Д. В. Государственное регулирование промышленности в течение 25 лет. Промышленность в 2000–2009 гг. // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2016. – № 4. – С. 99–116.

¹⁰ Ивантер В. В. Структурно-инвестиционная политика в целях модернизации экономики России // Проблемы прогнозирования. – 2017. – № 4.

всей экономики [Pack, Saggi, 2006]¹, а также улучшению или сохранению конкурентных позиций страны на мировых рынках². В отличие от приведенного определения, трактовка промышленной политики, законодательно закреплённая в Федеральном Законе «О промышленной политике», ограничивается комплексом мер, направленных на развитие потенциала российской экономики и рост конкурентоспособности отечественной продукции³.

Термины «промышленная политика» и «структурная политика» в нашей работе используются в широкой интерпретации как аналоги «*industrial policy*», что не только подчеркивает ориентацию не только на трансформацию всей экономики, но и на более широкую совокупность политик. Данный термин подчеркивает не только ориентированность на изменения во всей экономике, но и определяет широкий взгляд на совокупность необходимых структурных изменений, не ограничивающихся структурой ВВП или экспорта.

Движущими силами структурных трансформаций и восстановления ключевых отраслей обрабатывающей промышленности на территории своей страны в развитых странах являются:

– значительное сокращение доли промышленности в ВВП в результате переноса производственных мощностей в развивающиеся страны с низкими издержками в предшествующие десятилетия (офшоризация), «что стало одной из причин замедления экономического роста и препятствием стабилизации обострившейся социально-экономической обстановки;

– необходимость стимулирования роста экономик после мирового финансового кризиса и компенсация снижения производства в период быстрой глобализации;

¹ Pack H., Saggi K. The case for industrial policy: a critical survey (English). Policy, Research working paper. WPS 3839. – Washington, DC: World Bank, 2006. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/640951468138862957/The-case-for-industrial-policy-a-critical-survey>.

² Stiglitz J. E. Industrial policy, learning, and development // WIDER Working Paper 2016 / World Institute for Development Economic Research. – Helsinki: United Nations University, 2016.

³ Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации».

– конкурентное давление со стороны быстрорастущих экономик Восточной и Юго-Восточной Азии»¹;

– стремление развитых стран к устойчивому развитию.

Кроме того, приоритетное развитие сферы услуг в западных странах и преобладание доли сектора услуг в ВВП перестали рассматривать как однозначно положительный тренд и основу развития экономики. Интенсивный рост НИОКР настоятельно требует сферы их применения – материального производства, где и формируется спрос на инновации и высококвалифицированную рабочую силу.

Наглядными примерами структурных трансформаций являются выдвижение лозунгов «экономического патриотизма» в ряде стран ЕС, а также действия Д. Трампа, направленные на возврат в страну ряд некогда перемещенных в другие страны отраслей промышленности².

Новое поколение разрабатываемых и реализуемых в разных странах структурных политик характеризуется большим разнообразием, сложностью и множественностью целей. «В США, где произошло сокращение доли промышленности в ВВП примерно на 15%, в основном, в результате офшоринга крупных многонациональных компаний в развивающиеся страны, новая промышленная политика направлена на восстановление своей промышленности на высокотехнологичной основе. В Японии, экономика которой долгое время опиралась на экспорт своей автомобильной и электронной промышленности, основной акцент делается на диверсификации промышленности. Германия сосредоточена на укреплении своей конкурентоспособности в области индустрии 4.0 и обеспечения страны энергией за счет возобновляемых источников. Китай поставил своей целью к 2015 г. стать ведущей инновационной державой мира, но в программных документах на ближайшую перспективу задекларирована не только цель развития передового производства, но и модернизация традицион-

¹ Чернова В. Ю. Новая промышленная политика развитых стран // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – Том 8, № 10А. – С. 271–278.

² Фрумкин Б. Е. Продовольственное эмбарго и продовольственное импортозамещение: опыт России // Журнал НЭА. – 2016. – № 4 (32). – С. 162–169.

ных отраслей промышленности»¹. Во Франции национальная промышленная политика, ориентированная на индустрию 4.0, реализуется одновременно с промышленной политикой, направленной на технологическую модернизацию своей промышленности².

Для трансформационных экономик движущей силой замещения импорта стала необходимость воссоздания утраченных в ходе реформ обрабатывающих производств и преодоления технологической деградации целых отраслей промышленности.

«Новое поколение структурных политик характеризуется большей гибкостью, интерактивностью, всеобъемлющим характером, связью с другими сферами экономики и существенно отличается от предыдущего поколения в силу своей направленности не только на достижение целевого уровня развития страны и обеспечения ей конкурентных преимуществ на мировых рынках, но и на решение широкого круга современных проблем: от создания рабочих мест и сокращения бедности до участия в технологической революции и развития возобновляемых источников энергии и «зеленой» экономики. Поэтому новые структурные политики используют широкий спектр мер и инструментов, направленных на развитие и совершенствование инфраструктуры, образования и профессиональной подготовки, развития инноваций и социальной сферы»³.

Одной из политик общего пакета структурной политики является импортозамещение. По данным ЮНКТАД, около одной трети стран мира включают импортозамещение⁴ как средство развития внутреннего производства в комплексе более масштабных стратегий, направленных на структурно-технологическую модернизацию и устойчивое развитие национальной эконо-

¹ Чернова В. Ю. Новая промышленная политика развитых стран // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – Том 8, №10А. – С. 271–278.

² New Industrial France. 2016. Building France's industrial future. – URL: <https://www.economie.gouv.fr/files/files/PDF/web-dp-indus-eng.pdf> (дата обращения: 03.10.2018).

³ Чернова В. Ю. Новая промышленная политика развитых стран // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – Том 8, №10А. – С. 271–278.

⁴ Investment and new industrial policies // UNCTAD: официальный сайт. – URL: <http://investmentpolicyhub.unctad.org> (дата обращения: 15.09.2018).

мики или ее ключевых секторов¹. Поскольку, если импортозамещение является частью программ или отдельных стратегий по достижению технологической модернизации, оно может оказаться полезным, тогда как если оно будет реализовываться изолированно, то, скорее всего, потерпит неудачу².

Как отмечено в статье В. Черновой, «несмотря на наличие существенных различий в целях, задачах, мерах, инструментах, институциональных условиях, уровнях разработки и управления, новые структурные политики обладают рядом общих характеристик:

- многоуровневый характер – вовлечение в разработку и управление структурной политикой всех, или почти всех, уровней управления страной;
- многослойность структурной политики, которая подразумевает широкий отраслевой охват – от фирм, отраслей и всей промышленности до экономики страны в целом;
- взаимозависимость отдельных политик внутри пакета структурной политики проявляется в наличии зависимости эффективности каждой отдельной политики от ее интегрированности в общий пакет политик, состава этого пакета политик и эффективности других политик;
- взаимодополняемость политик выражается в их одновременном воздействии на одни и те же аспекты регулирования. Так, к примеру, рост производительности может быть обеспечен реализацией нескольких политик: инновационной политикой, политикой в области образования и подготовки кадров, инвестиционной политикой и традиционной промышленной политикой;
- сквозной характер новой структурной политики проявляется во внедрении одних и тех же мер в разные сектора экономики. К примеру, прорывные технологии, или их модификации, внедряются в несколько отраслей и секторов промышленности (среднетехнологичных, высокотехнологичных и даже низко-

¹ Фрумкин Б. Е. Продовольственное эмбарго и продовольственное импортозамещение: опыт России // Журнал НЭА. – 2016. – № 4 (32). – С. 162–169.

² Harrison A., Rodriguez-Clare A. From hard to soft industrial policies in developing countries. Vox CEPR Portal. – URL: <https://voxeu.org/article/hard-soft-industrial-policies-developing-countries>. (дата обращения: 15.09.2018).

технологичных), создают новые виды экономической деятельности и сектора экономики;

– интерактивность, которая предполагает не только постоянный мониторинг результатов реализации промышленной политики и ее элементов, но и их своевременную корректировку. Именно постоянная адаптация к меняющимся условиям, способность к постоянным технологическим и организационным обновлениям стала важнейшим, или даже определяющим, фактором роста и сохранения уровня конкурентоспособности предприятия, отрасли и всей экономики в целом»¹.

Российская экономика, перед которой стоит задача выхода на траекторию устойчивого долговременного роста темпами не ниже среднемировых, не имеет альтернативы своего развития вне глобальных трендов реиндустриализации и возрождения промышленности на новой высокотехнологичной основе². Для успешной трансформации российской экономики, с одной стороны, необходимо принимать во внимание и использовать наработки и опыт зарубежных стран применительно к российской действительности, с другой стороны, все примеры успешных реализаций структурных политик определялись определенным набором внутренних и внешних условий: условиями и уровнем развития конкретной страны и/или ее отрасли, организационных возможностей государства и специфики его взаимоотношений с обществом и бизнесом, а также рыночной конъюнктурой, геополитическими и другими факторами.

Основными инструментами политики импортозамещения в России являются:

– протекционизм как комплекс мер, ограничивающих импорт, в его крайне жесткой форме – в виде эмбарго, которое по количеству стран и товаров не имеет аналогов в российской современной истории³;

¹ Чернова В. Ю. Новая промышленная политика развитых стран // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – Том 8, №10А. – С. 271–278.

² Ленчук Е. Б. Курс на новую индустриализацию – глобальный тренд экономического развития // Studies on Russian Economic Development. Проблемы прогнозирования. – 2016. – № 3 (156). – С. 132–143.

³ Фрумкин Б. Е. Продовольственное эмбарго и продовольственное импортозамещение: опыт России // Журнал НЭА. – 2016. – № 4 (32). – С. 162–169.

– стимулирование роста отечественного производства продукции мирового уровня конкурентоспособности на новой высокотехнологичной основе;

– структурные изменения экономики с опорой на потенциал внутреннего рынка.

При этом протекционизм, как вынужденная и политически мотивированная стратегия защиты внутреннего рынка, вступает в противоречие с задачей технологической модернизации и роста конкурентоспособности российской экономики.

Мы полагаем, что импортозамещение, реализуемое сегодня в российской экономике, недостаточно эффективно и не способствует позитивным структурным изменениям.

Темпы роста российской экономики в 2019 г. оказались далеки от целевого темпа роста в 3%. Несмотря на ускорение роста ВВП в III квартале 2019 г. до 1,7%, по результатам года он не превысит 1,2%. В соответствии с прогнозами ЦБ, международных рейтинговых агентств и Всемирного банка невыполнение запланированных темпов роста ожидается и в последующие два года. Так, Всемирный банк на 2020 г. и 2021 г. прогнозирует рост российской экономики в пределах 1,6% и 1,8% соответственно¹.

Накопленные структурные проблемы (недостаточное развитие малого и среднего бизнеса, высокая доля госсектора, ограниченное следование мировым трендам формирования новых секторов в экономике) в совокупности с низкой производительностью, слабыми институтами и недостаточно развитой конкуренцией являются препятствиями для роста российской экономики. Кроме этого, факторами риска является ослабление мировой экономики, усиление торговой напряженности. Сохраняется вероятность введения новых санкций, которые повлекут за собой дальнейшее снижение притока ПИИ и сокращение внутренней инвестиционной активности. С 2013 г. объем ПИИ из развитых стран значительно сократился (на 88% из стран ЕС и на 41% из США). Рост ПИИ из

¹ Доклад об экономике России // Всемирный банк: официальный сайт. – URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/country/russia/overview#3>.

азиатских стран (на 420%) с более низким уровнем технологического развития не может обеспечить российским отраслям промышленности необходимого высокого уровня технологического обновления. Недостаточная диверсификация экспорта и, как следствие, сохранение зависимости российского бюджета от мировых цен и спроса на углеводороды в условиях замедления темпов роста мировой экономики, прежде всего, в крупнейших торговых партнерах России – странах ЕС и Китае, а также переход этих стран на менее ресурсоемкие технологии и возобновляемые источники энергии могут стать причиной сокращения экспортной выручки. Серьезную угрозу росту экономики представляет сокращение численности занятого населения, которое, по прогнозу Всемирного банка, продолжится до 2027 г.¹ Самым серьезным препятствием экономическому росту продолжает оставаться низкий внутренний спрос. Несмотря на некоторый рост реальных заработных плат и индексацию пенсий в 2019 г., реальные располагаемые доходы населения продолжают снижаться. В ситуации, когда большая часть населения страны не может приобретать безопасные и качественные продукты питания, по объему и ассортименту соответствующие рекомендованным нормам для ведения активного и здорового образа жизни, импортозамещение целесообразно и оправдано лишь по тем продуктам, цены на которые не выше, а качество не хуже, чем у импортных аналогов. В ином случае переориентация на отечественные продукты питания ухудшает экономический доступ населения к продовольствию, а достижение продовольственной независимости снижает уровень продовольственной безопасности². В связи с этим, ключевой задачей импортозамещения является повышение конкурентоспособности российской продукции.

Истинное импортозамещение невозможно без повышения конкурентоспособности отечественной продукции, которая может быть обеспечена за счет роста производительности труда на основе технического переоснащения и модернизации отрасли, внедрения передовых современных технологий, структур-

¹ Там же.

² Шагайда Н. И., Узун В. Я. Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы – М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. – 2015. – 110 с.

ных изменений. Важное значение в повышении ценовой конкурентоспособности отечественной агропродукции играют издержки, формирующиеся за пределами агропродовольственного сектора, на которые аграрии не имеют возможности влиять:

- высокие ставки по кредитным продуктам, превышающие уровень многих европейских стран, США, Австралии;

- отсутствие льготных цен на топливо;

- завышенные цены на минеральные удобрения, производителям которых выгоднее отправлять свою продукцию на экспорт, чем продавать на внутреннем рынке;

- высокие затраты на присоединение сельхозпроизводителей к электросетям и отсутствие их компенсаций;

- дискриминационные тарифы на электроэнергию в сравнении с промышленными предприятиями¹.

Поэтому импортозамещение мы рассматриваем как воссоздание в стране конкурентоспособных отраслей промышленности и формирование новых, способных насыщать внутренний рынок и поставлять на экспорт продукцию мирового уровня качества без длительного применения запретительных барьеров для импорта.

Концептуальный подход к определению приоритетных импортозамещающих проектов в агропродовольственном секторе, включающий обоснованный выбор импортозамещающих отраслей и производств, оценку потенциала импортозамещения, мониторинг хода реализации импортозамещающего проекта и оценку его эффективности, состоит из этапов, отображенных на Рисунке 4.12:

- выбор импортозамещающих производств на основе оценки самообеспеченности по доле отечественного производства в потреблении (методика Росстата), оценки самообеспеченности по доле отечественного предложения продуктов питания на внутреннем рынке в общем предложении, оценки самообеспеченности по доле отечественного предложения продуктов питания на внутреннем рынке в

¹ Там же.

нормативном потреблении, оценки экономической доступности группы товаров, рассчитываемой, как отношение доли расходов домашних хозяйств на приобретение рекомендуемого количества группы продуктов питания по существующему уровню цен к среднему денежному доходу населения;

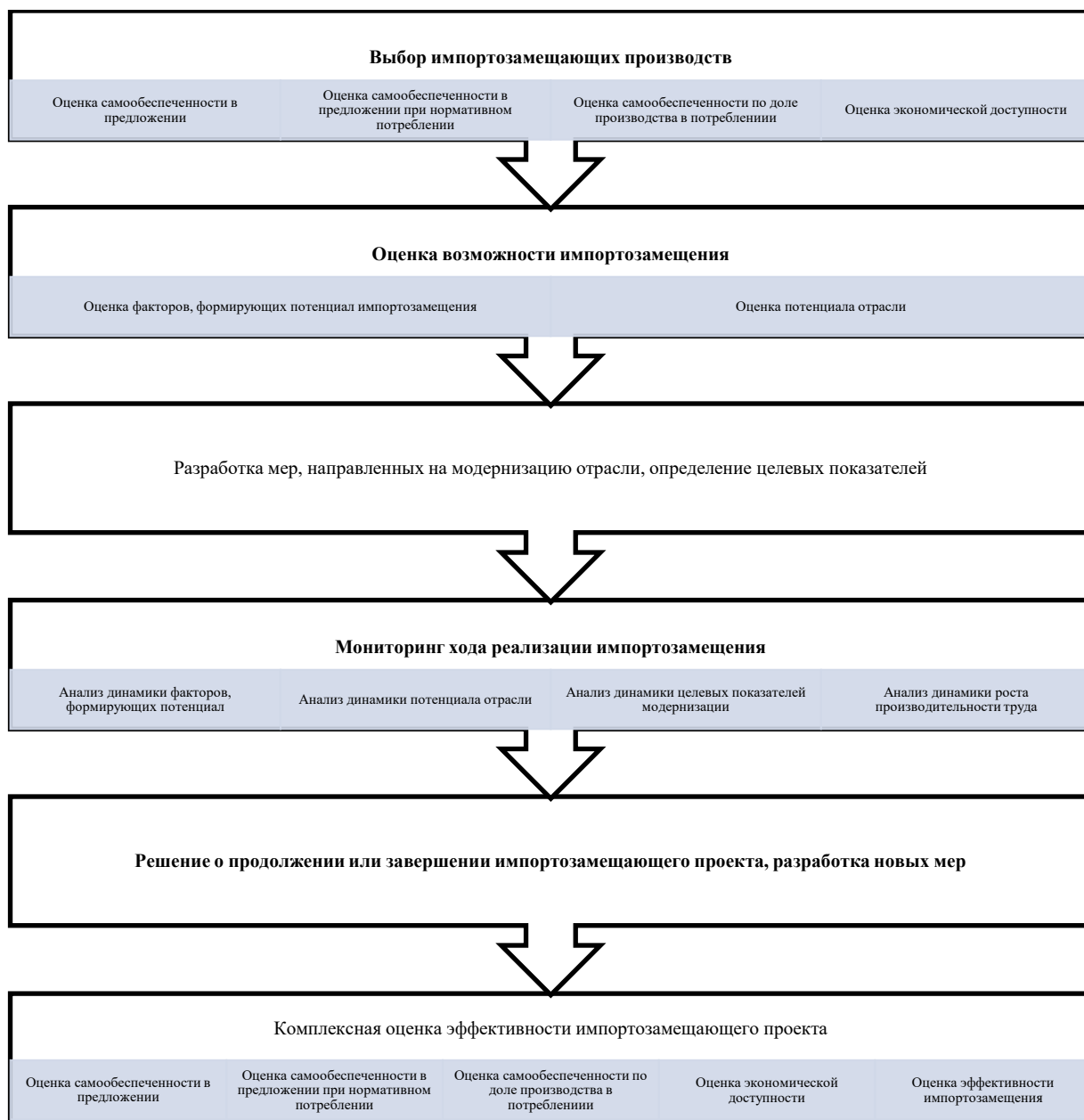

Рисунок 4.12 – Комплексный подход к выбору импортозамещающих отраслей и производств и оценке эффективности реализации импортозамещения¹

– анализ возможности импортозамещения данной группы продуктов питания на основе оценки факторов, формирующих потенциал импортозамещения и оценки фактического потенциала отрасли;

¹ Составлено автором.

– разработка мер, направленных на модернизацию отрасли, установление уровня целевых показателей;

– мониторинг хода реализации импортозамещения на основе анализа динамики факторов, формирующих потенциал, анализа динамики потенциала отрасли, анализа динамики целевых показателей модернизации, анализа динамики роста производительности труда;

– решение о продолжении или завершении импортозамещающего проекта, разработка новых мер;

– комплексная оценка эффективности импортозамещающего проекта по показателям самообеспеченности по доле отечественного производства в потреблении (методика Росстата), самообеспеченности по доле отечественного предложения продуктов питания на внутреннем рынке в общем предложении, самообеспеченности по доле отечественного предложения продуктов питания на внутреннем рынке в нормативном потреблении, экономической доступности группы товаров, эффективность импортозамещения.

Концептуальный подход к определению стратегических приоритетов государственной политики импортозамещения в агропродовольственном секторе должен включать:

1. Установление пороговых значений продовольственной самообеспеченности в нормативном потреблении (сейчас по доле производства в текущем потреблении, которое в период кризиса и снижения покупательной способности падает, а произведенная отечественными сельхозпроизводителями продукция только частично поступает на внутренний рынок).

2. Рост конкурентоспособности отраслей агропродовольственного сектора. Российский агропродовольственный сектор обладает огромным потенциалом для технологической модернизации. Задачи достижения продовольственной безопасности страны, обеспечения населения качественными и безопасными продуктами питания в достаточном количестве и развития ее экспортного потенциала немыслимы без внедрения новейших технологий и передовых управленческих практик. Для этого необходимо создать возможности

для внедрения передовых разработок, в том числе, малым и средним предприятиям агропродовольственного сектора, которые особо испытывают трудности с их внедрением. Внедрение технологий четвертой промышленной революции дает возможность российскому агропродовольственному сектору повысить конкурентоспособность и улучшить свои позиции в международном разделении труда. С другой стороны, высокие требования к производственным процессам и к качеству продукции, принятые на мировых рынках, делают внедрение новейших технологий обязательным условием для доступа на эти рынки и расширения экспорта.

3. Обеспечение реализации преимуществ каждой из форм хозяйствования путем сочетания крупных агрохолдингов, малых и средних сельскохозяйственных организаций, фермерских и личных подсобных хозяйств на основе развития контрактной формы взаимодействия крупного и малого агробизнеса и устранения барьеров, препятствующих фермерским хозяйствам стать эффективными участниками агропродовольственного рынка и вносить свой вклад в экономический рост, достижение продовольственной самообеспеченности и повышение конкурентоспособности отечественного агропродовольственного сектора.

4. Стимулирование участия МНК с локализацией полного цикла производства конечной продукции и локализацией цепочки создания стоимости в решение задачи достижения самообеспеченности продуктами питания высокого качества и роста конкурентоспособности российского агропродовольственного сектора на основе использования механизмов стимулирования локализации их производств на территории России, с целью повышения их роли в импортозамещении и развитии фермерских хозяйств, их модернизации путем распространения новых технологий и достижений научно-технического прогресса.

5. Более тонкое и выборочное использование мер ограничения импорта, прежде всего, в отношении промежуточных товаров, являющихся ча-

стями конечной продукции и определяющих ценовую конкурентоспособность отечественных товаров.

6. Развитие торговых отношений, кооперации и научно-технического сотрудничества с зарубежными странами. Для повышения конкурентоспособности российского агробизнеса и преодоления его значительного отставания в уровне производительности труда в сравнении с зарубежными компаниями большое значение имеет развитие торговых отношений, кооперации и научно-технического сотрудничества с зарубежными странами. При этом несмотря на то, что интеграция со странами-партнерами России по ЕАЭС объявлена приоритетным направлением в этой сфере, потенциал кооперации в торговой и производственной сфере для России невелик. В развитии торговых отношений с зарубежными странами в агропродовольственном секторе России необходимо совершенствовать структуру экспорта в направлении увеличения доли агропродовольственных товаров с высокой долей добавленной стоимости, и стимулировать развитие производства и экспорт той продукции, в которой страна имеет конкурентные преимущества, а также развивать импорт продукции, производство которой обходится дороже импортной продукции, или невозможно по природно-климатическим условиям.

7. Участие России в решении глобальных агропродовольственных проблем и продовольственных рисков. Глобальными трендами в продовольственной сфере являются:

- быстрый рост населения Земли, особенно в странах азиатско-тихоокеанского региона, Индии, Африке, в результате которого к 2050 г. ожидается дополнительное увеличение потребности в продуктах питания от 49 до 60%;
- урбанизация, в результате которой численность сельского населения сократится на 11% к 2050 г. в сравнении с 2019 г.;
- повышение благосостояния и рост спроса на качественные продукты;
- изменение структуры потребления как следствие урбанизации, роста благосостояния и глобализации;
- изменение климата и участвовавшие случаи возникновения экстремаль-

ных климатических явлений;

- замедление роста экономики;
- политические конфликты.

Часть перечисленных трендов носят позитивный характер для развития агропродовольственного сектора, другая часть становится испытанием для мирового сельского хозяйства и факторами риска снижения продовольственной безопасности.

Роль российского агропродовольственного сектора в народном хозяйстве страны и мировой экономике в настоящее время не соответствует его потенциалу. Наша страна занимает 3-е место в мире, после США и Индии, по площади сельскохозяйственных земель, доля которых в национальном богатстве страны превышает среднемировой уровень более чем в 1,5 раза. На сегодняшний день российский агропродовольственный сектор отстает от мировых продовольственных лидеров по показателям производительности труда и урожайности, но, с учетом имеющегося потенциала, может увеличить долю в мировом объеме производства продовольственных товаров, по меньшей мере, в два раза.

В современных условиях, когда продовольственная безопасность стала геополитическим фактором, когда нарастают глобальные продовольственные проблемы и увеличиваются продовольственные риски, Россия, эффективно используя имеющийся у нее потенциал развития агропродовольственного сектора, может стать мировой продовольственной державой.

4.4. Возможности повышения эффективности национальных проектов в области политики импортозамещения в агропродовольственном секторе

Майскими указами Президента Российской Федерации¹ определены национальные цели развития страны, в числе которых:

- рост численности населения и продолжительности жизни до 80 лет к 2030 году;

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года».

- рост реальных доходов населения, в том числе, пенсионного обеспечения, и снижение уровня бедности;
- ускорение технологического развития экономики страны;
- внедрение цифровых технологий ускоренными темпами;
- обеспечение темпов роста экономики выше мирового уровня и вхождение России в число пяти крупнейших экономик мира;
- создание в базовых отраслях экономики, прежде всего, в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, экспортно-ориентированных секторов, развивающихся на базе ускоренного внедрения новейших технологий, в том числе, цифровых технологий, и труда высококвалифицированных кадров.

Для реализации национальных целей в настоящее время создан инструмент национального проекта как приоритетное направление государственной политики с особым режимом управления. Национальные проекты сконцентрированы на решении трех основных целей: развитие человеческого капитала, комфортная среда для жизни и экономический рост. При этом национальные проекты не исполняются непосредственно как меры, они реализуются через государственные программы. В агропродовольственном секторе в настоящее время действуют программы:

- Государственная программа «Развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.»¹;
- Государственная программа «Развития рыбохозяйственного комплекса»².

Приоритетами государственной политики в агропродовольственном секторе является:

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 31.03.2017 № 396 «Государственная программа развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия».

² Постановление Правительства Российской Федерации от 27.03.2019 № 324 «Развитие рыбохозяйственного комплекса».

- обеспечение продовольственной независимости России в соответствии с Доктриной продовольственной безопасности;
- повышение конкурентоспособности продукции агропродовольственного сектора на внутреннем и внешнем рынках;
- воспроизводство и повышение эффективности использования в земельных и других ресурсах, модернизация материально-технологической базы и обновление основных фондов производства;
- развитие кадрового потенциала агропродовольственного сектора, формирование корпуса квалифицированных инженерно-технических специалистов, повышение эффективности деятельности образовательных организаций высшего образования сельскохозяйственного профиля, включение их в стратегическую повестку развития отрасли, обеспечение высокого уровня подготовки кадров и проведение научных исследований на их базе в интересах развития агропродовольственного сектора.

Государственные программы, направленные на достижение перечисленных целей и задач, указаны в Таблице 4.13.

По мнению автора, совершенствование организационно-экономического механизма трансформации агропродовольственного сектора требует встраивания импортозамещения в систему национальных проектов для решения следующих задач:

- стимулирование инновационной деятельности;
- развитие науки и образования;
- техническая модернизация и переоснащение отрасли;
- привлечение инвестиций;
- развитие кадрового потенциала;
- развитие инфраструктуры;
- стимулирование внутреннего спроса и экспорта (Приложение Ж).

Таблица 4.13 – Участие государственных программ и национальных проектов в реализации импортозамещения в агропродовольственном секторе¹

<i>Государственные программы</i>		<i>Национальные проекты</i>
«Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.»	<i>Импортозамещение</i>	«Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы»
«Развитие рыбохозяйственного комплекса»		«Международная кооперация и экспорт»
«Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности»		«Повышение производительности труда и поддержка занятости»
«Экономическое развитие и инновационная экономика»		«Безопасные и качественные автомобильные дороги»
«Развитие внешнеэкономической деятельности»		«Цифровая экономика Российской Федерации»
«Содействие занятости населения»		«Образование»
«Комплексное развитие сельских территорий»		«Наука»
«Воспроизводство и использование природных ресурсов»		«Здоровье»
«Информационное общество»		
«Развитие науки и технологий»		
«Научно-технологическое развитие Российской Федерации»		

За время реализации политики импортозамещения с 2014 г. ни одна из государственной программ агропродовольственного сектора не была выполнена полностью (Рисунок 4.13). Наихудший результат выполнения государственной программы развития сельского хозяйства был достигнут в 2018 г., когда из 127 запланированных мероприятий, было выполнено только 29 (23%).

Наиболее очевидная причина выполнения государственной программы менее чем на $\frac{1}{4}$ лежит в области ее финансирования. Так, начиная с 2016 г., расходы федерального бюджета на реализацию государственной программы снижались даже в абсолютном выражении (с 237 млрд руб. до 194 млрд руб.) (Рисунок 4.14), и к 2017 г. и 2018 г. снизились в 1,22 раза в сравнении с объемом финансирования 2016 г.

¹ Составлено автором.

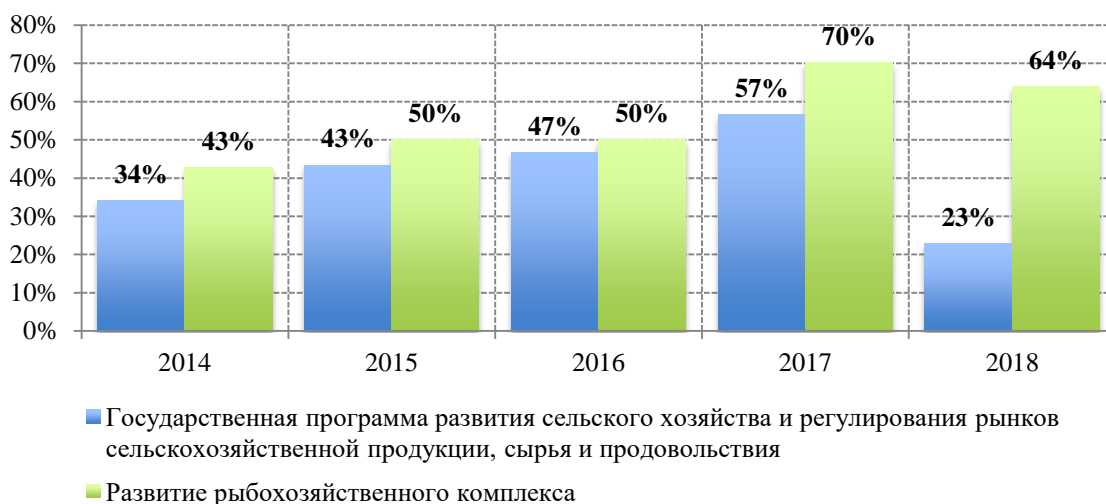

Рисунок 4.13 – Выполнение государственных программ развития сельского хозяйства и рыбохозяйственного комплекса с 2014 по 2018 гг.¹

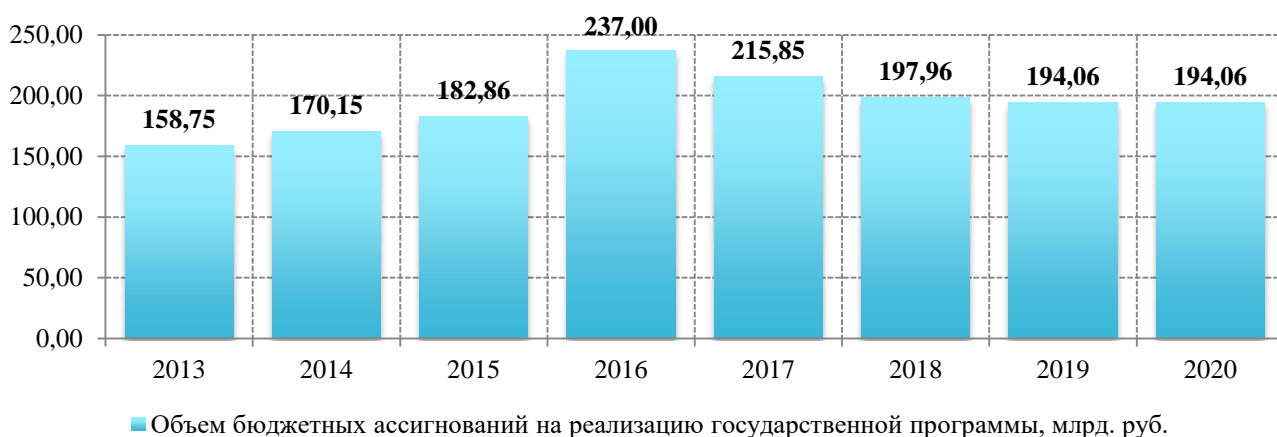

Рисунок 4.14 – Государственное финансирование государственной программы развития сельского хозяйства²

В определенной степени ослабление государственной поддержки является сигналом частным инвесторам о снижении интереса к данному сектору, что оказывает дестимулирующее влияние на приток инвестиций в отечественный агропром.

С нашей позиции, действующая в настоящее время государственная программа «Развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.» и ее подпрограм-

¹ Составлено автором по: Портал Госпрограмм РФ. – URL: <https://programs.gov.ru/Portal/analytics/gpIndicators?>

² Составлено автором по: Портал Госпрограмм РФ. – URL: <https://programs.gov.ru/Portal/analytics/gpIndicators?>

мы (Рисунок 4.15) не отражают актуальных целей и задач развития агропродовольственного сектора и не содержат достоверных индикаторов ее выполнения.

Рисунок 4.15 – Государственная программа «Развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2013–2020 гг.» и ее подпрограммы¹

Так, ожидаемым результатом программы является рост продовольственной безопасности за счет роста отечественного производства зерновых. Показатель обеспеченности зерновыми входит в перечень показателей, определяющих продовольственную безопасность согласно методике ФАО. В этом смысле ориентация на данный показатель совершенно логична. Однако целевыми ориентирами выполнения государственной программы должны быть не только те показатели, которые рекомендованы международными институтами, не только те

¹ Составлено автором по: Портал Госпрограмм РФ. – URL: <https://programs.gov.ru/Portal/analytics/gpIndicators>.

показатели, уровень которых заведомо находится на высоком уровне (зерновые), но и те показатели, самообеспеченность по которым находится на крайне низком уровне (фрукты, овощи).

Это уже учтено в новой редакции Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации, в которой расширен перечень групп продовольственных товаров, в отношении которых установлены пороговые значения доли отечественного производства – овощи и бахчевые (90%), фрукты и ягоды (60%), семена (75%).

Однако применяемая методика оценки самообеспеченности по доле отечественного производства в объеме внутреннего потребления не способствует росту продовольственного благополучия населения, обеспечению стабильного доступа к такому объему и ассортименту безопасных и питательных продовольственных товаров, который позволяет удовлетворять пищевые потребности и вкусовые предпочтения населения в объеме, достаточном для ведения активного и здорового образа жизни.

В диссертации предложена авторская оценка показателя самообеспеченности по доле отечественного производства в объеме предложения продовольственных товаров, *доступных для* потребления.

В связи с тем, что качество и количество потребляемых продуктов питания оказывает непосредственное влияние на здоровье населения, в диссертации предложено рассчитывать показатель самообеспеченности в нормативном потреблении согласно рекомендованных (рациональных) норм пищевых продуктов в соответствии с современными требованиями здорового питания.

Кроме того, мы предлагаем включить в целевые показатели выполнения государственной программы показатель экономической доступности продуктов питания, поскольку только повышение уровня продуктового благополучия населения может объективно отражать эффективность проводимой политики.

Дальнейшее развитие импортозамещения в направлении наращивания объемов отечественного производства агропродукции немыслимо без роста производительности труда на основе интенсификации инновационной деятельности.

Сокращение численности трудоспособного населения в сельской местности, которое, по всем прогнозам, будет усиливаться с течением времени по ряду причин, придает задаче стимулирования роста производительности труда особую актуальность.

Возможность существенного роста производительности труда может быть обеспечена только внедрением прорывных технологий, в том числе, цифровых технологий, с принципиально лучшими технико-экономическими параметрами машин и оборудования¹. В настоящее время в отечественном сельском хозяйстве наметилась тенденция роста капиталоемкости при отставании темпов роста производительности труда, что уже привело (в 2018 г.) к сокращению выпуска продукции в сопоставимых ценах, впервые за весь период реализации политики импортозамещения. Иначе говоря, в российском сельском хозяйстве на фоне привлечения инвестиций в основные фонды и роста физического капитала качество этого капитала остается на невысоком уровне и не может обеспечить высокий и долговременный рост производительности труда. Другой причиной отсутствия роста производительности труда стало неравномерное внедрение прорывных технологий и техники нового поколения преимущественно в крупных агрохолдингах, как следствие, чрезмерная концентрация отрасли и распределение средств финансовой поддержки крупному бизнесу.

Существенную роль в опережающем росте капиталоемкости при отставании темпов роста производительности труда играет подпрограмма «Техническая и технологическая модернизация, инновационное развитие». Дело в том, что индикаторы выполнения этой подпрограммы не имеют связи с конечной целью повышения производительности труда (Таблица 4.8).

К примеру, количество реализованных инновационных проектов, или объемы реализации новой техники, может привести к росту производительности и эффективности, но может и не привести к поставленной цели или оказаться ниже ожидаемого уровня.

¹ Оболенский В. П., Квашнина И. А., Шуйский В. П. Использование внешних источников для технического перевооружения российской экономики // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – № 11. – С. 3–17.

С нашей позиции, в перечень индикаторов выполнения программ и подпрограмм должны быть включены показатели, отражающие степень выполнения цели программы или подпрограммы.

Таблица 4.8 – Характеристика основных мероприятий подпрограммы «Техническая и технологическая модернизация, инновационное развитие»¹

	<i>Обновление парка сельскохозяйственной техники</i>	<i>Реализация перспективных инновационных проектов в АПК</i>	<i>Развитие биотехнологий</i>
Цели	Обновление парка сельскохозяйственной техники	Осуществление инноваций и достижение экономического эффекта по коммерциализации научных и (или) НТ результатов	Выход АПК на лидирующие позиции в области с/х биотехнологии
Задачи	Стимулирование приобретения с/х производителями высокотехнологичных машин для подотраслей АПК	Развитие новых технологий	Развитие и внедрение энергосберегающих технологий в с/х производство, создание инфраструктуры биотехнологий в с/х
Показатели и индикаторы	Объемы реализации новой техники с/х товаропроизводителям по видам техники	Количество реализованных инновационных проектов	Рост применения биологических средств защиты растений и микробиологических удобрений в растениеводстве; удельный вес отходов с/х производства, переработанных методами биотехнологии

Кроме того, ожидаемые результаты, заложенные в программу, изначально были ориентированы на спад производства. Так, к примеру, увеличение производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий в 2020 г. по отношению к 2012 г. на 24,8% означает рост не более 3,1% в год, в то время как фактически ежегодный рост продукции сельского хозяйства, за исключением 2015 г. и 2018 г., превышал данное значение показателя (Таблица 4.9), уровень оплаты труда в сельском хозяйстве по отношению к уровню оплаты труда по экономике, который должен быть достигнут к 2020 г. (55%), значительно ниже того, который фактически существует в настоящее время (64%).

¹ Составлено автором по: Портал Госпрограмм РФ. – URL: <https://programs.gov.ru/Portal/>.

Занижение показателей дает возможность исполнителю в лице Министерства сельского хозяйства отчитаться о выполнении государственной программы. Тем не менее, даже при заниженных показателях эффективность выполнения Государственной программы остается неудовлетворительной.

Таблица 4.9 – Индекс производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий, в процентах к предыдущему периоду¹

<i>Период</i>	<i>2013</i>	<i>2014</i>	<i>2015</i>	<i>2016</i>	<i>2017</i>	<i>2018</i>
Индекс производства продукции сельского хозяйства в хозяйствах всех категорий	105,8	103,5	102,6	104,8	103,1	99,4

Оценка процесса импортозамещения только по показателям сокращения доли импорта на российском агропродовольственном рынке искажает сущность импортозамещения как политики, призванной создать условия, способствующие модернизации национальных отраслей экономики и росту выпуска отечественной продукции, конкурентоспособной на мировом рынке.

Мы рекомендуем, в целях совершенствования системы мониторинга процессов структурной трансформации отрасли, ее модернизации в ходе импортозамещения, а также для объективной оценки эффективности проводимой политики, использовать методику, позволяющую характеризовать качественную сторону структурно-технологической трансформации отрасли с позиции достижения целей, с учетом эффективности использования потенциала отрасли. Данная методика позволяет проводить оценку как достигнутых темпов роста отрасли и ее потенциала, так и возможность наращивания потенциала импортозамещения, что позволяет выявлять причинно-следственные связи происходящих в отрасли процессов.

Мы рекомендуем также использовать данную методику для обоснования принятия решений, связанных с разработкой мероприятий по реализации импортозамещающих проектов.

Агропродовольственный сектор представляет собой часть агропромышленного комплекса (АПК), которая занимается производством продуктов пита-

¹ Составлено автором по: Портал Госпрограмм РФ. – URL: <https://programs.gov.ru/Portal/>.

ния и кормов для сельскохозяйственных животных, косвенно участвующих в процессе производства продуктов питания, и обеспечивающих население страны продовольственными товарами. АПК, в свою очередь, является крупнейшим межотраслевым комплексом, в состав которого входят не только его ключевые отрасли – сельское хозяйство и пищевая промышленность, но и отрасли, обеспечивающие производство ресурсами и факторами производства: сельскохозяйственное машиностроение и машиностроение для пищевой промышленности, производство минеральных удобрений, химическая и биохимическая промышленность, отрасли лесной промышленности, отрасли инфраструктурного блока. Без решения вопросов межсекторального взаимодействия при наращивании объемов выпуска продукции возможно возникновение «узких» мест, когда недостаток спроса на продукцию одной отрасли начнет тормозить производство другой, что и происходит в настоящее время в отрасли сельскохозяйственного машиностроения.

Масштабная структурная трансформация российской экономики выводит на первый план решение задачи координации процессов импортозамещения, межсекторального и межрегионального взаимодействия, в частности, координации инвестиций, согласования предложения и спроса, с которыми рынок справляется крайне медленно.

Регионы и отдельные территории Российской Федерации занимают площадь, сопоставимую с крупными европейскими государствами, а иногда и с несколькими европейскими государствами, и различаются по географическому положению и геостратегическим позициям, обеспеченностью ресурсами, природно-климатическим условиям, обеспеченностью инфраструктурой, прежде всего, обеспеченностью автомобильными и железными дорогами, емкостью региональных рынков и др.

Успешное решение задач импортозамещения в агропродовольственном секторе России требует учета специфики конкретных регионов при разработке решений в области импортозамещения, что определяется сохраняющейся высокой дифференциацией уровня экономического развития регионов России, ин-

новационно-инвестиционного потенциала, их природно-климатических условий, а, следовательно, и процессов импортозамещения; определения направлений рационального распределения ресурсных потоков для их концентрации на наиболее важных направлениях.

Выводы по главе 4

1. Основными факторами, сдерживающими рост внедрения цифровых технологий в сельское хозяйство, являются:

– отставание сельской местности по развитию цифровой инфраструктуры, доступу к цифровым технологиям и развитию цифровых навыков сельского населения;

– нехватка финансовых средств для внедрения цифровых технологий у большинства сельскохозяйственных производителей, в результате чего внедрение цифровых технологий в сельское хозяйство в России носит неравномерный характер с преимущественным внедрением в крупных агрохолдингах;

– уровень программных решений, которые широко предоставлены в настоящее время на рынке ИКТ, не соответствует потребностям сельхозпроизводителей;

– недостаточная изученность эффективности применения цифровых технологий в агропродовольственном секторе, которая тормозит их внедрение по причине высокой стоимости оборудования и технологий;

– низкий уровень развития машинно-тракторного парка, отсутствие средств механизации, не позволяющее применять современные ИКТ-технологии;

– недостаток знаний и опыта внедрения современных цифровых технологий;

– дефицит квалифицированных кадров и отсутствие специалистов, владеющих цифровыми компетенциями, и другие.

2. С целью преодоления барьеров, препятствующих фермерским хозяйствам стать эффективными участниками агропродовольственного рынка, вносить свой вклад в обеспечение продовольственной безопасности и повышать

конкурентоспособность отечественного агропродовольственного сектора, рекомендована государственная поддержка разработки и внедрения цифровых технологий под нужды и потребности малых и средних форм хозяйствования в агропродовольственном секторе.

3. Существенное воздействие на повышение эффективности и устойчивости агропродовольственного сектора и достижение продовольственной безопасности может оказать^

- региональная экономическая интеграция,
- эффективная система разделения труда в рамках ЕАЭС,
- производственная кооперация,
- совместная инновационная деятельность?
- внедрение цифровых технологий.

Во взаимоотношениях России со странами ЕАЭС наблюдается дисбаланс в пользу торговых отношений и невысокая заинтересованность в развитии кооперационных связей с союзными государствами. Анализ вертикальной внутриотраслевой торговли позволил предложить возможные направления развития торговли продовольственными товарами между Россией и странами ЕАЭС, что позволит странам Союза решить проблемы насыщения внутренних рынков продовольственными товарами.

4. Для повышения эффективности политики импортозамещения в повышении продовольственной самообеспеченности и росте конкурентоспособности отрасли разработан концептуальный подход к определению приоритетных импортозамещающих проектов в агропродовольственном секторе, включающий^

- обоснованный выбор импортозамещающих отраслей и производств,
- оценку потенциала импортозамещения,
- мониторинг хода реализации импортозамещающего проекта и оценку его эффективности.

5. Разработаны рекомендации по встраиванию импортозамещения в систему национальных проектов и государственных программ с целью повыше-

ния их эффективности в области политики импортозамещения в агропродовольственном секторе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основные научные результаты диссертации

На основе проведенного исследования существующих в экономической науке теоретических концепций импортозамещения и современного опыта его практического применения раскрыта феноменологическая сущность импортозамещения, определены основные тенденции и явления, формирующие новые подходы к политике импортозамещения. В современных условиях политика импортозамещения приняла новые формы, используется как развитыми, так и развивающимися, странами, и представляет собой длительный процесс роста конкурентоспособного национального производства с кумулятивным эффектом, который затрагивает почти все отрасли экономики и аспекты общества при избирательном, и часто одновременном, использовании инструментов временного ограничения импорта в импортозамещаемых отраслях (или видах экономической деятельности) при либерализации внешней торговли в других отраслях для производственной и технологической поддержки импортозамещаемых производств и обеспечения их промежуточными товарами, сырьем и другими факторами производства. Игнорирование импортозамещения ведет к недоинвестированию национальных отраслей экономики и росту импортозависимости, а импортозамещение любой ценой, вопреки здравому смыслу, содержит риск истощения национальных ресурсов.

Современной формой импортозамещения в развитых странах является решоринг, или возврат части зарубежных производственных мощностей западных компаний из стран с низкими издержками производства либо в материнскую юрисдикцию, либо на территорию близлежащих государств. Ключевыми драйверами решоринга являются:

– технологии четвертой промышленной революции, внедрение которых нивелирует преимущества переноса производственных мощностей в страны с низкой стоимостью трудовых ресурсов;

– государственная поддержка решоринговых производств.

Основными факторами, препятствующими возвращению производственных мощностей в развитые страны, стали усиление протекционистской политики и санкционные войны, которые оказывают дестимулирующее воздействие на решение о возврате производственных мощностей в развитые страны в пользу их размещения в других странах с низкими издержками производства, не затронутых санкциями и мерами протекционизма.

На основе оценки импортозависимости стран выявлено, что в развитых странах с высоким ВВП на душу населения, высокой добавленной стоимостью на душу населения и высокой обеспеченностью сельскохозяйственными землями наблюдается сильная импортозависимость по ряду продовольственных товаров (преимущественно фруктов и овощей для круглогодичного обеспечения населения, здорового питания и удовлетворения разных вкусовых предпочтений), рост которой обусловлен совершенствованием технологий, улучшением инфраструктуры, ростом доходов населения, снижением тарифов на импорт, изменением пищевых привычек и вкусовых предпочтений вследствие развития туризма и роста миграции.

Выявлено изменение глобального статуса концепции продовольственной безопасности как ключевой темы в мировой продовольственной политике, которая ранее традиционно связывалась с отсталыми формами сельскохозяйственного фундаментализма. Причинами роста значимости концепции продовольственной безопасности в современных условиях являются: изменение климата и структурные проблемы, связанные с ограниченностью ресурсов и производительностью труда, быстрым ростом населения мира, эффектом «изменения питания», а также растущая взаимосвязанность и взаимозависимость агропродовольственных систем.

В исследовании раскрыты особенности российского подхода к обеспечению продовольственной безопасности на основе вынужденного импортозамещения с применением самой жесткой мерой ограничения импорта – эмбарго, его избирательным введением в отношении импорта продуктов питания из стран, поддержавших санкции. Это привело к снижению диверсификации ис-

точников импорта, замене поставщиков из стран с высоким уровнем качества продуктов питания на поставщиков с более низким качеством. Ключевым отличием российского подхода к продовольственной безопасности является приоритетность продовольственной независимости страны над продовольственной доступностью продуктов питания для населения, следствием чего стало снижение экономической доступности продовольствия для населения.

В исследовании обоснована необходимость устранения концептуальной и терминологической путаницы в Доктрине продовольственной безопасности РФ, в которой основным индикатором продовольственной безопасности является продовольственная независимость, определяемая через продовольственную самообеспеченность, которая рассчитывается как доля собственного производства в текущем потреблении продуктов питания. В условиях многолетнего снижения покупательной способности населения текущее потребление продуктов питания снижается в количественном и качественном выражении, находится на уровне значительно ниже уровня развитых стран и не соответствует рациональным нормам потребления пищевых продуктов, отвечающим современным требованиям здорового питания для ведения активного и здорового образа жизни. При этом Доктрина продовольственной безопасности РФ гарантирует обеспечение российских потребителей продуктами питания в объемах не ниже рекомендованных рациональных норм. Таким образом, применяемый в настоящее время подход к трактовке продовольственной самообеспеченности и методике ее расчета искажает реальную картину выполнения Доктрины продовольственной безопасности. Для устранения выявленной концептуальной и терминологической путаницы в диссертационном исследовании предложен авторский подход к оценке продовольственной самообеспеченности по показателю самообеспеченности в предложении, показывающему фактическое удовлетворение потребностей населения, или долю произведенных на территории страны продовольственных товаров, предложенных для потребления на внутреннем рынке и доступных потребителям, и показателю самообеспеченности в

нормативном потреблении, показывающему долю внутреннего предложения в потреблении согласно рекомендованных (рациональных) норм.

Кроме того, в исследовании эмпирически доказано, что методология оценки продовольственной самообеспеченности по доле собственного производства в текущем потреблении продуктов питания также искажает реальную картину состояния продовольственной самообеспеченности, особенно по товарам с высокими объемами экспорта, и, как следствие, снижает эффективность политики импортозамещения в агропродовольственном секторе РФ. Автором предложено при расчете самообеспеченности учитывать только ту часть продукции, произведенной национальными производителями, которая поступает на внутренний рынок и доступна для потребления, что позволит сформировать более ясную картину состояния доступности продовольствия для российского потребителя.

На основе изучения теоретических подходов к измерению самообеспеченности, оценке импортозамещения, разработан методический инструментарий авторской концепции импортозамещения в виде:

- авторской методики оценки уровня продовольственной самообеспеченности,
- авторской методики оценки эффективности импортозамещения,
- комплексной методики выбора импортозамещающих и экспортоориентированных отраслей и производств.

Анализ современного состояния российского агропродовольственного сектора выявил, что импортозамещение оказало неоднозначное влияние на агропродовольственный сектор: с одной стороны, помогло снизить продовольственную импортозависимость (импорт продовольственных товаров и сельскохозяйственного сырья в 2019 г. составил 82% от уровня 2010 г.) и способствовало увеличению производства отечественной агропродукции, а с другой стороны, в ходе его реализации проявились побочные негативные эффекты, препятствующие росту конкурентоспособности отрасли и отразившиеся на экономической доступности продуктов питания и продовольственном благополучии

населения. Кроме того, поспешная реализация политики импортозамещения обострила накопившиеся за предыдущие годы проблемы, среди которых:

- гипертрофированная концентрация отрасли и преимущественная поддержка сверхкрупного бизнеса,
- неравномерный доступ к новейшим технологиям,
- острая необходимость технического перевооружения и модернизации отрасли,
- проблемы кадрового обеспечения и аграрного образования.

Все это стало обоснованием для изменения подхода к импортозамещению с учетом новых вызовов и изменившихся условий.

В исследовании предложена концепция импортозамещения как политики структурно-технологической и инновационной модернизации отечественного агропродовольственного сектора, направленной на достижение устойчивого роста внутреннего производства для обеспечения экономической доступности конкурентных по цене и качеству продуктов питания в объеме согласно рекомендованных норм потребления.

Эмпирическая проверка авторского подхода к оценке самообеспеченности показала, что высокий уровень самообеспеченности достигнут только по двум группам товаров – зерновым, мясу и мясопродуктам, а как раз хлеба и макаронных изделий россияне потребляют выше рекомендованной нормы. Самообеспеченность по овощам, молочным продуктам и фруктам находится на низком уровне, что, при достаточно высоких ценах на эти крайне необходимые для здорового питания продукты, делает их недоступными для большого количества домашних хозяйств. Ситуация на рынке рыбы и рыбопродуктов, когда, при очень высоких показателях улова, наблюдается недопотребление этого продукта почти на 35%, требует мер, регулирующих объемы экспорта. Фактическое текущее потребление некоторых продуктов питания на уровне ниже установленных рациональных норм и превышение его в сравнении с рациональными нормами по другим продуктам питания (хлебу, макаронным изделиям) негативно сказывается на показателях здоровья населения.

Для обоснования выбора импортозамещающих производств и реализации политики импортозамещения в отношении групп продовольственных товаров предложен авторский подход на основе сравнительной оценки самообеспеченности в производстве, самообеспеченности в предложении при существующем уровне потребления, самообеспеченности в нормативном потреблении, и порогового значения, установленного Доктриной продовольственной безопасности. Он позволяет выявить группы товаров с избыточным и недостаточным предложением, а также экспортоориентированные товары с высокими объемами национального производства и низким объемом предложения на внутреннем рынке.

Для оценки эффективности импортозамещения предложена авторская методика, основанная на концепции целевой эффективности и характеризующая отдачу от имеющегося в отрасли потенциала импортозамещения и факторов его формирования. В разработанной методике эффективность импортозамещения определяется, как отношение комплексного индикатора динамики целевых показателей импортозамещения к среднегеометрической величине комплексных индикаторов динамики факторов, способствующих формированию потенциала импортозамещения, и динамики потенциала импортозамещения.

В российском агропродовольственном секторе, на всех этапах цепочки создания добавленной стоимости, работают крупнейшие МНК, доля которых на рынке отдельных продуктов питания достигает 80%.

В исследовании систематизированы стратегии МНК на российском рынке, что может представлять интерес для российских компаний, стремящихся к зарубежной экспансии, и доказано, что, несмотря на угрозу национальной безопасности, на первом этапе импортозамещения (в условиях санкций и российских контрмер) МНК могут вносить положительный вклад в экономический рост и стабилизацию российской экономики. В отличие от российских агрохолдингов, МНК используют контрактную форму взаимодействия с малым бизнесом и являются «неполными агрохолдингами». Контрактная форма предоставляет им возможность расти через увеличение контрактов с россий-

скими сельхозпроизводителями, вовлекая их в свои цепочки добавленной стоимости. При такой организации производства МНК:

- становятся базой для распространения новых технологий и достижений научно-технического прогресса среди фермерских хозяйств,
- содействуют их модернизации,
- способствуют повышению конкурентоспособности, увеличивают занятость и доходы сельского населения.

В диссертационном исследовании рекомендовано включать МНК полного цикла производства конечной продукции и МНК с локализацией цепочки создания стоимости в решение задачи достижения самообеспеченности продуктами питания высокого качества и роста конкурентоспособности российского агропродовольственного сектора на основе использования механизмов стимулирования локализации их производств на территории России.

Выявлена угроза вытеснения мелких и средних фермерских хозяйств из отрасли по причинам[^]

- гипертрофированной концентрации отрасли;
- сужения возможностей для их развития в виде запрета на ведение отдельных традиционных видов деятельности вблизи агрохолдингов;
- создания дополнительных барьеров входа на рынок;
- недоступности для мелких фермеров и владельцев личных подсобных хозяйств значительной части плодородных земель, перешедших под контроль интегрированных структур;
- преимущественной государственной поддержки крупного и сверхкрупного агробизнеса;
- доминирования на рынке инновационных технологических решений технологий, отличающиеся дороговизной, сложностью во внедрении и обслуживании, ненужных и недоступных для мелких фермеров.

С целью преодоления барьеров, препятствующих фермерским хозяйствам стать эффективными участниками агропродовольственного рынка, вносить свой вклад в обеспечение продовольственной безопасности и повышать конку-

рентоспособность отечественного агропродовольственного сектора, рекомендована государственная поддержка разработки и внедрения цифровых технологий под нужды и потребности малых и средних форм хозяйствования в агропродовольственном секторе.

В условиях кризисных явлений в экономике России региональная экономическая интеграция может оказать существенное воздействие на повышение эффективности и устойчивости агропродовольственного сектора и связанных с ним отраслей. Формирование общего рынка агропродовольственной продукции и проведение согласованной политики в этом секторе в формате ЕАЭС должно быть направлено на достижение продовольственной безопасности, основными критериями которой являются экономическая и физическая доступность продовольствия, а также стабильность всей продовольственной системы. Реализация этих целей и создание больших возможностей для развития экспорта на мировые рынки невозможны без формирования эффективной системы разделения труда в рамках ЕАЭС, производственной кооперации, совместной инновационной деятельности и внедрения цифровых технологий.

На основе проведенной оценки потенциала кооперации в производственной и торговой сферах России со странами ЕАЭС выявлен дисбаланс в пользу торговых отношений и невысокая заинтересованность России в развитии кооперационных связей с союзными государствами. Выполненный в диссертационном исследовании анализ вертикальной внутриотраслевой торговли позволил предложить возможные направления развития торговли продовольственными товарами между Россией и странами ЕАЭС, что позволит странам Союза решить проблемы насыщения внутренних рынков продовольственными товарами.

Необходим новый концептуальный подход к определению приоритетных импортозамещающих проектов в агропродовольственном секторе, включающий обоснованный выбор импортозамещающих отраслей и производств, оценку потенциала импортозамещения, мониторинг хода реализации импортозамещающего проекта и оценку его эффективности с учетом потребностей и возможностей всех стран ЕАЭС.

Автором разработаны рекомендации по встраиванию импортозамещения в систему национальных проектов и государственных программ с целью повышения их эффективности в области политики импортозамещения в агропродовольственном секторе.

Рекомендации по практическому использованию результатов диссертационного исследования

Разработанные концептуальные положения, методические разработки, практические рекомендации и выводы направлены на решение актуальных задач формирования модели реализации импортозамещения как ключевого фактора повышения самообеспеченности и роста конкурентоспособности агропродовольственного сектора.

Разработки и рекомендации предназначены для органов государственного управления (Министерства сельского хозяйства Российской Федерации, Министерства экономического развития Российской Федерации, Министерства промышленности и торговли Российской Федерации), органов управления ЕАЭС (ЕЭК), органов управления областного и районного значения, научных и учебных учреждений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты

1. Доктрина продовольственной безопасности Российской Федерации : утверждена Указом Президента Российской Федерации от 21.01.2020 № 20. – Текст : электронный // Президент Российской Федерации : официальный сайт. – 2020. – URL: www.kremlin.ru.

2. О Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия : постановление Правительства Российской Федерации от 14.07.2012 № 717 (ред. от 31.03.2020). – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_133795/.

3. О подтверждении производства промышленной продукции на территории Российской Федерации : постановление Правительство Российской Федерации от 17.07.2015 № 719 (ред. от 23.05.2020). – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_183175/.

4. Об утверждении Методических указаний по составлению годовых балансов продовольственных ресурсов : постановление Росстата от 25.12.2006 № 82 (ред. от 21.10.2013). – Текст : электронный // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_119523/.

Литература

5. Абдрахманова, Г. И. Цифровизация бизнеса в России и за рубежом / Г. И. Абдрахманова, Г. Г. Ковалева. – М. : НИУ ВШЭ. – 2019.

6. Агропромышленный комплекс. Статистика Евразийского экономического союза : статистический сборник. – М. : Евразийская экономическая комиссия, 2018. – 132 с.

7. Алтухов, А. И. Продовольственная безопасность и независимость : сущность и особенности / А. И. Алтухов // «Инвестиционный менеджмент и государственная инвестиционная политика – 2» : материалы международной научной

конференции / Краснодарский ЦНТИ – филиал ФГБУ «РЭА» Минэнерго РФ. – Краснодар, 2018. – С. 16–31.

8. Алтухов, А. И. Парадигма продовольственной безопасности России : монография / А. И. Алтухов. – М. : Фонд «Кадровый резерв». – 2019. – 685 с.

9. Алтухов, А. И. Глобальная цифровизация как организационно-экономическая основа инновационного развития агропромышленного комплекса РФ / А. И. Алтухов, М. Н. Дудин, А. Н. Анищенко // Проблемы рыночной экономики. – 2019. – № 2. – С. 17–27.

10. Алтухов, А. И. Первоочередные меры по реализации новой доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации / А. И. Алтухов // Экономика сельского хозяйства России. – 2020. – № 3. – С. 2–10.

11. Анализ по доступу сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия государств – членов ЕАЭС на рынок Арабской Республики Египет. – М. : ЕЭК, 2018.

12. Арапова, Е. Я. Современные тенденции взаимодействия России с партнерами по БРИКС в торгово-промышленной сфере / Е. Я. Арапова // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. – 2018. – № 4. – С. 87–101.

13. Архипова, В. В. Развитие международных санкционных режимов: исторический аспект / В. В. Архипова, О. О. Комолов // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – № 3. – С. 53–69.

14. Аяпова, Ж. М. Показатели и критерии оценки состояния продовольственной безопасности: опыт Казахстана и зарубежных стран // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. – 2017. – № 1 (71). – С. 445–450.

15. Баев, И. А. Эмпирический анализ взаимосвязи инвестиционной и инновационной активности регионов России / И. А. Баев, И. А. Соловьева // Экономика региона. – 2014. – № 1. – С. 147–155.

16. Бахлова, О. В. Интеграционная политика России в регионе Содружества независимых государств : возможности, оценки, перспективы / О. В. Бахлова // Регионоведение. – 2017. – № 4. – С. 482–511.

17. Бессонов, В. А. Производительность и факторы долгосрочного развития российской экономики / В. А. Бессонов, В. Е. Гимпельсон, Я. И. Кузьминов, Е. Г. Ясин. – Текст : непосредственный // Докл. к X Междунар. науч. конф. ГУ ВШЭ по проблемам развития экономики и общества, Москва, 7–9 апреля 2009 г. / Гос. ун-т Высшая школа экономики. – М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. – 66 с.

18. Блауг, М. 100 великих экономистов до Кейнса / М. Блауг, Г. Кэри – СПб. : Экономикс, 2008. – 352 с.

19. Бобрышев, А. Д. Направления развития национальной инновационной системы / А. Д. Бобрышев, М. В. Чекаданова // МИР ([Модернизация. Инновации. Развитие). – 2017. – Т. 8, № 4. – С. 522–535. – DOI 10.18184/2079-4665.2017.8.4.522-535.

20. Бородин, А. Н. Деятельность ТНК и устойчивость хозяйственной системы / А. Н. Бородин // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. – 2018. – № 4 (112). – С. 157–161.

21. Бортник, И. М. Система оценки и мониторинга инновационного развития регионов России / И. М. Бортник, Г. И. Сенченя, Н. Н. Михеева [и др.] // Инновации. – 2012. – № 9. – С. 48–61.

22. Боткин, О. И. Национальные аспекты оценки продовольственной безопасности / О. И. Боткин, А. И. Сутыгина, П. Ф. Сутыгин // Вестник Удмуртского университета. Серия: Экономика и право. – 2016. – № 47. – С. 20–27.

23. Буздалов, И. Н. Положение дел в АПК представляет угрозу не только для продовольственной, но и для всей национальной безопасности России / И. Н. Буздалов, Б. Е. Фрумкин // Экономические стратегии. – 2014. – Т. 16, № 8 (124). – С. 68–77.

24. Булдыгин, С. С. Концепция промышленной революции : от появления до наших дней / С. С. Булдыгин // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 420. – С. 91–95.

25. Бурцев, В. В. Продовольственная безопасность России: оценка и перспективы / В. В. Бурцев, А. А. Балясова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2017. – № 3. – С. 479–490.

26. Бутов, А. М. Рынок сельскохозяйственных машин / А. М. Бутов. – М. : НИУ ВШЭ, Центр развития, 2017. – 72 с.
27. Виноградов, А. О. Американо-китайская экономическая конфронтация : идеология, хронология, значение / А. О. Виноградов, А. И. Салицкий, Н. К. Семенова // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 35–46.
28. Волкова, Н. Н. Уровень развития инновационной системы и специализация регионов России / Н. Н. Волкова, Э. И. Романюк // Вопросы статистики. – 2011. – № 9. – С. 38–47.
29. Волчкова, Н. А. Микроэкономика российского импортозамещения / Н. А. Волчкова, Н. А. Турдыева // Журнал НЭА. – 2016. – № 4 (32). – С. 140–146.
30. Гаспаришвили, А. Т. Деятельность американских компаний в России / А. Т. Гаспаришвили, Е. М. Романова // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – № 2. – С. 118–134.
31. Глинкина, С. П. Китайская стратегия освоения постсоветского пространства и судьба Евразийского союза : научный доклад / С. П. Глинкина, М. О. Тураева, А. А. Яковлев. – М. : Институт экономики РАН. – 2016. – 59 с.
32. Доклад о мировых инвестициях за 2013 год. Глобальные производственные системы: инвестиции и торговля в интересах развития / Организация объединенных наций. ЮНКТАД. – Нью-Йорк ; Женева, 2013. – С. XI.
33. Евразийский экономический союз.– СПб. : ЦИИ ЕАБР, 2017. – 296 с.
34. Жиряева, Е. В. Продукты питания, вовлеченные в войну санкций: действительно ли страдает продовольственная безопасность? / Е. В. Жиряева // Управленческое консультирование. – 2017. – № 9. – С. 117–133.
35. Загашвили, В. С. ВТО и мегарегиональные торговые соглашения / В. С. Загашвили // Российский внешнеэкономический вестник. – 2017. – № 5. – С. 27–37.
36. Загашвили, В. С. Продовольственная безопасность России в условиях ухудшения отношений с ЕС / В. С. Загашвили // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – № 8. – С. 46–59.

37. Зайцев, А. А. Межстрановые различия в производительности труда : роль капитала, уровня технологий и природной ренты / А. А. Зайцев // Вопросы экономики. – 2016. – № 9. – С. 67–93.
38. Зевин, Л. З. О некоторых проблемах экономического пространства Евразии XXI века / Л. З. Зевин. – М. : Институт экономики РАН, 2015. – 40 с.
39. Ивантер, В. В. Структурно-инвестиционная политика в целях модернизации экономики России / В. В. Ивантер // Проблемы прогнозирования. – 2017. – № 4. – С. 3–16.
40. Идрисов, Г. Российская промышленность отталкивается от дна / Г. Идрисов, А. Каукин, О. Моргунова, М. Турунцева // ОМЭС. – 2015. – № 15. – С. 42–46.
41. Идрисов, Г. Политика импортозамещения и конкурентоспособность российской экономики / Г. Идрисов, Е. Пономарева // Экономическое развитие России. – 2015. – № 10. – С. 64–66.
42. Индикаторы инновационной деятельности 2018 : статистический сборник / Н. В. Городникова, Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2018. – 344 с.
43. Индикаторы инновационной деятельности 2019 : статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, И. А. Кузнецова [и др.] ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2019. – 376 с.
44. Инновационное развитие аграрного сектора экономики России в условиях ЕАЭС : науч. изд. / под ред. И. С. Санду, Н. Е. Рыженковой. – М. : ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. – 176 с.
45. Иншаков, А. А. Характеристика сельскохозяйственных укладов США и России в современных условиях / А. А. Иншаков // Вестник Российского университета кооперации. – 2018. – № 3 (33). – С. 28–34.
46. Кадочников, П. Открытость российской экономики как источник экономического роста / П. Кадочников, А. Кнобель, С. Синельников-Мурылев // Вопросы экономики. – 2016. – № 12. – С. 26–42.

47. Кадочников, П. А. Перспективные вопросы расширения участия России в глобальных цепочках добавленной стоимости / П. А. Кадочников // Российский внешнеэкономический вестник. – 2015. – № 2. – С. 8–13.

48. Кадочников, П. А. Анализ импортозамещения в России после кризиса 1998 года / П. А. Кадочников. – М. : ИЭПП, 2006. – 148 с.

49. Карлик, А. Е. Промышленная кооперация стран-членов ЕАЭС в перспективе цифровой экономики / А. Е. Карлик, С. А. Кречко, В. В. Платонов // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2017. – Т. 8, № 3. – С. 384–395. – DOI 10.18184/2079-4665.2017.8.3.384-395.

50. Кашин, В. Помощь КНР странам Центральной Азии / В. Кашин, А. Королев // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – № 62 (3). – С. 78–85.

51. Киреева, Н. А. Продовольственная безопасность региона в контексте политики импортозамещения / Н. А. Киреева, С. А. Санинский // Информационная безопасность регионов. – 2017. – № 2 (27). – С. 13–18.

52. Клейнер, Г. Б. Эффективность мезоэкономических систем переходного периода / Г. Б. Клейнер // Проблемы теории и практики в управлении. – 2002. – № 6. – С. 35–40.

53. Кнобель, А. Ю. Оценка функции спроса на импорт в России / А. Ю. Кнобель // Прикладная эконометрика. – 2017. – № 4. – С. 3–26.

54. Кнобель А. Российский экспорт в первой трети 2017 г. / А. Кнобель, А. Фиранчук // Экономическое развитие России. – 2017. – № 7. – С. 11–18.

55. Кондратьев, В. Решоринг как форма реиндустриализации / В. Кондратьев // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61, № 9. – С. 54–65.

56. Кондрашин, В. В. Зерно в обмен на валюту и станки: новые документы российских архивов об участии западноевропейских стран в советской индустриализации / В. В. Кондрашин // КЛИО. – 2011. – № 3 (54). – С. 112–115.

57. Копеин, В. В. Экономическая и продовольственная безопасность: новая реальность импортозамещения / В. В. Копеин // Техника и технология пищевых производств. – 2016. – № 1 (40). – С. 126–134.

58. Котляров, И. Д. Локализация производства как инструмент импортозамещения / И. Д. Котляров // Всероссийский экономический журнал ЭКО. – 2016. – № 8 (506). – С. 128–140.

59. Кривошлыков, К. М. Объективные предпосылки для усиления роли государства в развитии селекции и семеноводства масличных культур в России / К. М. Кривошлыков, М. В. Трунова, А. В. Лукомец // Масличные культуры. – 2019. – Вып. 3 (179). – С. 79–84.

60. Кузнецов, А. В. Дезинтеграция мировой торговой системы: причины и следствия / А. В. Кузнецов // Финансы: теория и практика. – 2019. – № 23 (5). – С. 50–61. – DOI 10.26794/2587-5671-2019-23-5-50-61.

61. Курунина, Е. Н. Исследование уровня кооперации в инновационной сфере / Е. Н. Курунина // Национальные интересы : приоритеты и безопасность. – 2014. – № 2. – С. 55–60.

62. Лавровский, Б. Л. Оценка интенсивности инновационной деятельности (на примере США) / Б. Л. Лавровский // Экономика региона. – 2018. – Т. 14, вып. 1. – С. 281–291.

63. Ларин, С. Н. Тенденции развития сельского хозяйства и необходимость взаимодействия агрохолдингов и фермерских хозяйств / С. Н. Ларин, А. Н. Знаменская // Наука без границ. – 2019. – № 5 (33). – С. 20–29.

64. Лебедева, И. П. Япония: промышленность и предпринимательство (вторая половина XX – начало XXI в.). – М. Ин-т востоковедения РАН, 2007. – 221 с.

65. Ленчук, Е. Б. Курс на новую индустриализацию – глобальный тренд экономического развития / Е. Б. Ленчук // Проблемы прогнозирования. – 2016. – №3 (156). – С. 132–143.

66. Ленчук, Е. Б. Формирование промышленной политики России в контексте задач новой индустриализации / Е. Б. Ленчук // Журнал НЭА. – 2018. – № 3 (39). – С. 138–145.

67. Лист, Ф. Национальная система политической экономики : пер. с нем. / Ф. Лист. – М. : Европа, 2005. – 382 с.

68. Маковеев, В. Н. Методические подходы к определению уровня развития инновационной деятельности в обрабатывающих производствах / В. Н. Маковеев // Проблемы развития территории. – 2015. – № 5 (79). – С. 125–134.

69. Маковеев, В. Н. Факторный анализ и оценка развития инновационной деятельности в обрабатывающей промышленности / В. Н. Маковеев // Региональная экономика: теория и практика. – 2016. – № 12 (435). – С. 143–153.

70. Мансуров, Р. Е. Система оценки самообеспеченности региона основными продуктами питания как элемент регионального управления АПК (на примере Смоленской области) / Р. Е. Мансуров // Экономика. Налоги. Право. – 2017. – № 4. – С. 107–113.

71. Мантуров, Д. В. Государственное регулирование промышленности в течение 25 лет. Промышленность в 2000–2009 гг. / Д. В. Мантуров // Вопросы государственного и муниципального управления. – 2016. – № 4. – С. 99–116.

72. Маркарьян, С. Б. Импортозамещение в аграрном секторе Японии / С. Б. Маркарьян // Японские исследования. – 2017. – № 1. – С. 46–59. – DOI 10.24411/2500-2872-2017-00004.

73. Маурисио, М. Аргентина открывает двери для российского бизнеса Макри Маурисио // ТАСС : официальный сайт. – URL: <http://tass.ru/interviews/4898089> (дата обращения: 08.04.2019). – Текст : электронный.

74. Миронов, В. В. О взаимосвязи структурных изменений и экономического роста в мировой экономике и России / В. В. Миронов, Л. Д. Коновалова // Вопросы экономики. – 2019. – № 1. – С. 54–78. – DOI 10.32609/0042-8736-2019-1-54-78.

75. Мониторинг взаимных инвестиций в странах СНГ. 2017. – СПб. : ЦИИ ЕАБР7, 2017. – 60 с.

76. Никитин, А. В. Стратегия развития инновационного научно-технологического центра агропромышленного комплекса / А. В. Никитин, С. Б. Огневцев // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2018. – № 3. – С. 55–60. – DOI 10.24411/2587-6740-2018-13047.

77. Нильсон, Д. Раскрытие потенциала цифровых технологий в сельском хозяйстве России и поиск перспектив для малых фермерских хозяйств / Д. Нильсон, Ю.-Т. Мэн, А. Буйволова, А. Акопян. – Washington : The World Bank Group, 2018. – 42 p.

78. Новикова, И. Диспропорции инновационного развития федеральных округов / И. Новикова // Экономист. – 2014. – № 12. – С. 46–52.

79. Оболенский, В. П. Открытость национальных экономик / В. П. Оболенский // Мировая экономика и международные отношения. – 2017. – Т. 61, № 10. – С. 5–15.

80. Оболенский, В. П. Использование внешних источников для технического перевооружения российской экономики / В. П. Оболенский, И. А. Квашнина, В. П. Шуйский // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – № 11. – С. 3–17.

81. Огневцев, С. Б. Концепция цифровой платформы агропромышленного комплекса / С. Б. Огневцев // Международный сельскохозяйственный журнал. – 2018. – № 2. – С. 16–22. – DOI 10.24411/2587-6740-2018-12019.

82. Онищенко, С. К. Некоторые аспекты продовольственной безопасности России и Беларуси / С. К. Онищенко // Современная Европа. – 2019. – № 1 (86). – С. 119–127.

83. Осинина А. Ю. Сотрудничество России и Китая в области сельского хозяйства: состояние и перспективы / А. Ю. Онищенко. – URL: <http://russiancouncil.ru/papers/Russia-China-Agriculture-Policybrief21-Ru.pdf> (дата обращения: 20.11.2019).

84. Основные тенденции интеграционного развития России в 2018 г. – М.: ЦИИ ЕАБР, 2019. – 31 с.

85. Павлов, К. В. Прямые иностранные инвестиции как фактор экономического роста : общее и особенное / К. В. Павлов, О. В. Носова, И. В. Митрофанова, И. В. Корсакова // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. – 2017. – № 1. – С. 21–27.

86. Петти, В. Экономические и статистические работы : в 2 томах / В. Петти. – М. : Соцэкгиз, 1940.
87. Пичурин, И. И. Обеспечение импортозамещения после вступления России в ВТО : монография / И. И. Пичурин, Д. В. Блинов. – Екатеринбург : Изд-во УМЦУПИ. – 2014. – 144 с.
88. Платонова, Т. Е. Проблемы использования международного опыта в инновационном развитии АПК России / Т. Е. Платонова // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2018. – № 13 (1). – С. 339–342.
89. Пожидаева, Е. С. Экономико-статистический анализ уровня потребления основных продуктов питания в условиях ограничений внешней торговли / Е. С. Пожидаева // Экономический анализ: теория и практика. – 2017. – № 1 (460). – С. 116–127.
90. Полтерович, В. М. Региональные институты модернизации / В. М. Полтерович // Экономическая наука современной России. – 2011. – № 4 (55). – С. 17–29.
91. Портер, М. Конкурентные преимущества стран. Конкуренция / М. Портер. – М. : Вильямс, 2003. – 162 с.
92. Прогноз научно-технологического развития агропромышленного комплекса Российской Федерации на период до 2030 года / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики ; Минсельхоз России. – М. : НИУ ВШЭ, 2017. – 140 с.
93. Развитие экспортного потенциала АПК России: ценовой аспект : науч. изд. – М. : ФГБНУ «Росинформагротех», 2019. – 312 с.
94. Родионова, Е. В. Интеграционные процессы в мясопродуктовом подкомплексе АПК России: результаты, особенности, направления развития / Е. В. Родионова // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. – 2018. – Т. 11, № 2. – С. 144–159. – DOI 10.15838/esc.2018.2.56.10.
95. Рождественская, В. В. Проблема кадрового обеспечения сельских территорий и задачи аграрного образования Томской области / В. В. Рождественская, Г. В. Шипилина, О. В. Бутова [и др.] // Профессиональное образование в современном мире. – 2017. – Т. 7, № 3. – С. 1238–1245. – DOI 10.15372/PEMW20170314.

96. Российский статистический ежегодник. 2018 : стат. сб. / Росстат. – М., 2018. – 694 с.
97. Россия в цифрах. Крат. стат. сб. / Росстат. – М., 2017. – 511 с.
98. Рукинов, М. В. Антироссийские санкции: структура и стратегии противодействия / М. В. Рукинов // Управленческое консультирование. – 2019. – №6 (126). – С. 91–101. – DOI 10.22394/1726-1139-2019-6-91-101.
99. Рябов, А. Постсоветское пространство: факторы и циклы развития / А. Рябов // Россия и новые государства Евразии. – 2018. – № 3. – С. 67–82. – DOI 10.20542/2073-4786-2018-3-67-82.
100. Савинов, Ю. А. Усиление протекционизма во внешней торговле США / Ю. А. Савинов, А. Н. Зеленюк, Е. В. Тарановская [и др.] // Российский внешне-экономический вестник. – 2019. – № 1. – С. 36–51.
101. Скворцов, Е. А. Переход сельского хозяйства к цифровым, интеллектуальным и роботизированным технологиям / Е. А. Скворцов, Е. Г. Скворцова, И. С. Санду [и др.] // Экономика региона. – 2018. – № 3. – С. 1014–1028.
102. Скрябина, В. Ю. Торгово-экономические отношения России и Египта: база для свободной торговли / В. Ю. Скрябина // Торговая политика = Trade policy. – 2015. – № 3/3. – С. 117–130.
103. Скульская, Л. В. Потери сельскохозяйственной продукции и продовольственных ресурсов в российской Федерации / Л. В. Скульская, Т. К. Широкова // Проблемы прогнозирования. – 2010. – № 6. – С. 63–83.
104. Строганов, А. О. К истории вопроса об импортозамещении в России / А. О. Строганов, Л. Н. Жилина // Фундаментальные исследования. – 2015. – № 12-6. – С. 1278–1282.
105. Сухотин, Ю. В. О двух аспектах эффективности общественного производства / Ю. В. Сухотин, В. Е. Дементьев, А. П. Петров [и др.] // Экономика и математические методы. – 1986. – № 4. – С. 35–51.
106. Трибушинина, О. С. Оценка уровня продовольственного самообеспечения региона / О. С. Трибушинина, Н. Р. Куркина // Фундаментальные исследования. – 2014. – № 6-5. – С. 1023–1027.

107. Троцук, И. В. Трактовки и способы измерения продовольственной безопасности в современной России: дискурсивные и реальные противоречия / И. В. Троцук, А. М. Никулин, С. Вегрен // Мир России. – 2018. – Т. 27, № 1. – С. 34–64. – DOI 10.17323/1811-038X-2018-27-1-34-64.

108. Ушачев, И. Фермерству в России быть / И. Ушачев, Н. Жуков // АПК: экономика, управление. – 2020. – № 2. – С. 93–95.

109. Ушачев, И. Г. Новая доктрина продовольственной безопасности и меры по реализации ее основных положений / И. Г. Ушачев, В. С. Чекалин // АПК: экономика, управление. – 2020. – № 4. – С. 4–12.

110. Ушкалова, Д. И. Влияние внешних факторов на экспорт и импорт России / Д. И. Ушкалова, С. А. Никитина // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2019. – № 6. – С. 110–122.

111. Фальцман, В. К. Проблемы структурной, инвестиционной и инновационной политики в период кризиса / В. К. Фальцман // Проблемы прогнозирования. – 2016. – № 4 (157). – С. 14–23.

112. Федорова, Е. А. Экспортная и импортная деятельность российских компаний с ПИИ в условиях санкций / Е. А. Федорова, А. Э. Николаев, Ю. С. Широкова, Ф. Ю. Федоров // Финансовый журнал. – 2019. – № 3. – С. 75–90. – DOI 10.31107/2075-1990-2019-3-75-90.

113. Федорова, Е. А. От какой страны прямые иностранные инвестиции выгоднее для России? / Е. А. Федорова, Ф. Ю. Федоров, А. Э. Николаев // Всероссийский экономический журнал ЭКО. – 2017. – № 7 (517). – С. 112–123.

114. Фрумкин, Б. Е. Продовольственное эмбарго и продовольственное импортозамещение: опыт России // Журнал НЭА. – 2016. – № 4 (32). – С. 162–169.

115. Харитонова, Н. И. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве: экономика vs политика / Н. И. Харитонова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2017. – № 3. – С. 131–136.

116. Хейфец, Б. Политика «Открытых дверей» и экономической интеграции – ответ Вьетнама на вызовы глобальной экономики XXI века / Б. Хейфец // Общество и экономика. – 2017. – № 12. – С. 92–100.

117. Хейфец, Б. А. Как модернизировать Евразийский экономический союз : научный доклад / Б. А. Хейфец. – М. : Институт экономики РАН, 2019. – 45 с.
118. Хейфец, Б. А. Метаморфоза экономической глобализации / Б. А. Хейфец. – М. : Институт экономики РАН, 2018. – 41 с.
119. Хейфец, Б. А. Новые экономические мегапартнерства и Россия / Б. А. Хейфец. – – СПб. : Алетейя, 2019. – 288 с.
120. Хейфец, Б. А. О процессе деофшоризации российской экономики / Б. А. Хейфец // Финансы. – 2017. – № 10. – С. 15–19.
121. Хейфец, Б. А. Российские прямые инвестиции в ЕврАзЭС и их роль в развитии энергетики и транспортной инфраструктуры на евразийском пространстве / Б. А. Хейфец // Евразийская Экономическая Интеграция. – 2009. – № 1. – С. 27–40.
122. Хейфец, Б. А. Влияние внешней торговли на экономическую доступность продовольственных товаров в России / Б. А. Хейфец, В. Ю. Чернова // Общество и экономика. – 2019. – № 10. – С. 62–75.
123. Хейфец, Б. А. Глобальные ТНК в России в условиях импортозамещения / Б. А. Хейфец, В. Ю. Чернова // Россия и современный мир. – 2018. – № 4 (101). – С. 30–45. – DOI 10.31249/rsm/2018.04.03.
124. Хейфец, Б. А. Потенциал экспортоориентированного импортозамещения в агропромышленном комплексе ЕАЭС / Б. А. Хейфец, В. Ю. Чернова // Вопросы экономики. – 2019. – №4. – С. 74–89. – DOI 10.32609/0042-8736-2019-4-74-89.
125. Хейфец, Б. А. Система оценки эффективности и мониторинга результатов политики импортозамещения / Б. А. Хейфец, В. Ю. Чернова // Экономика региона. – 2019. – № 4. – С. 1266–1278.
126. Цифровая экономика: 2019 : краткий стат. сборник / НИУ ВШЭ. – М. : НИУ ВШЭ, 2019.
127. Цухло, С. Какой курс рубля нужен российской промышленности / С. Цухло // Экономическое развитие России. – 2017. – № 6. – С. 35–38.

128. Чернова, В. Ю. Новая промышленная политика развитых стран / В. Ю. Чернова // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – Т. 8, № 10А. – С. 271–278.
129. Чернова, В. Ю. Проблемы формирования единого рынка государственных закупок в ЕАЭС / В. Ю. Чернова // Экономика: вчера, сегодня, завтра. – 2018. – Т. 7, № 1 А. – С. 5–14.
130. Чернова, В. Ю. Развитие стратегии импортозамещения в России (на примере АПК) / В. Ю. Чернова. – М. : Триумф, 2018. – 243 с.
131. Чернова, В. Ю. Экспортоориентированное импортозамещение в пищевой промышленности как элемент углубления интеграции в рамках ЕАЭС / В. Ю. Чернова // Теоретические и прикладные проблемы АПК. – 2018. – № 2. – С. 40–47.
132. Чуфрин, Г. Интересы России на постсоветском пространстве: современные вызовы и ответы / Г. Чуфрин // Россия и новые государства Евразии. – 2019. – № 1. – С. 9–20.
133. Шагайда Н. И. Тенденции развития и основные вызовы аграрного сектора России. Аналитический доклад / Н. И. Шагайда, В. Я, Узун ; РАНХиГС. – URL: <http://www.csr.ru/wp-content/uploads/2017/12/Report-Agricultural-Sector-November-2017-Web.pdf> (дата обращения: 09.07.2019). – Текст : электронный.
134. Шагайда, Н. Экспорт пшеницы Россией / Н. Шагайда // Экономическое развитие России. – 2016. – № 11 (23). – С. 26–30.
135. Шагайда, Н. И. Российский помидор становится более конкурентоспособным / Н. И. Шагайда // Экономическое развитие России. – 2019. – № 3 (26). – С. 29–33.
136. Шагайда, Н. И. Мониторинг состояния продовольственной безопасности России в 2014–2016 гг. / Н. И. Шагайда А. М. Никулин, В. Я. Узун [и др.] ; Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС. – М. : Изд-во «Дело», 2018.
137. Шагайда, Н. И. Продовольственная безопасность в России: мониторинг, тенденции и угрозы / Н. И. Шагайда В. Я. Узун. – М. : Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2015. – 110 с.

138. Шаронов, А. Н. Оценка уровня развития инновационной активности российской экономики / А. Н. Шаронов // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – № 1 – С. 78–82.
139. Шевцов, В. В. О некоторых аспектах работы крупных агроформирований / В. В. Шевцов, Г. Г. Карпенко // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. – 2019. – № 3. – С. 142–151.
140. Шеламова, Н. А. Проблемы и перспективы развития торговли сельскохозяйственной продукцией между Россией и Китаем / Н. А. Шеламова, О. В. Черкасова // АПК: экономика, управление. – 2019. – № 1. – С. 76–87.
141. Acemoglu, D. Labor- and capital-augmenting technical change / D. Acemoglu // Journal of the european economic association. – 2003. – N 1 (1). – P. 1–37.
142. Afesorgbor, S. K. The impact of economic sanctions on international trade : how do threatened sanctions compare with imposed sanctions? / S. K. Afesorgbor // European journal of political economy. – 2019. – Vol. 56 (C). – P. 11–26.
143. Afesorgbor, S. K. The impact of economic sanctions on income inequality of target state / S. K. Afesorgbor, R. Mahadevan // World Dev. – 2016. – N 83. – P. 1– 11.
144. Agricultural Statistics 1955–1968. – Paris : OECD, 1969.
145. Ahn, D. P. Measuring Smartness: Understanding the Economic Impact of Targeted Sanctions / D. P. Ahn, R. D. Ludema // Disrupted Economic Relationships: Disasters, Sanctions, Dissolutions : chapter / edited by Tibor Besedeš and Volker Nitsch. – MIT Press, 2019.
146. Ahn, D. P. The sword and the shield : the economics of targeted sanctions / D. P. Ahn, R. D. Ludema // CESifo Working Paper. – 2019. – N 7620.
147. Aker, J. C. Dial ‘A’ for Agriculture: A Review of Information and Communication Technologies for Agricultural Extension in Developing Countries / J. C. Aker // Agricultural Economics. – 2011. – N 42 (6). – P. 631–647.
148. Allan, J. A. Virtual Water: An Essential Element in Stabilizing the Political Economies of the Middle East. New Haven / J. A. Allan // Yale University Forestry & Environmental Studies Bulletin. – 1998. – N 103. – P. 141–149.

149. Amsden, A. *Asia's next giant : South Korea and late industrialization* / A. Amsden. – New York : Oxford U. Press, 1989.
150. Ancarani, A.. *Reshoring and industry 4.0: how often do they go together?* / A. Ancarani, C. Di Mauro // *IEEE Engineering Management Review*. – 2018. – Vol. 46, N 2. – P. 87–96.
151. Andreoni, A. *Varieties of industrial policy : models, packages and transformation cycles* / A. Andreoni // *Efficiency, Finance and Varieties of Industrial Policy: Guiding Resources, Learning and Technology for Sustained Growth* / A. Noman, J. Stiglitz (eds.). – New York : Columbia University Press, 2016. – P. 245–304.
152. Autor, D. *Computing Inequality: Have Computers Changed the Labor Market?* / D. Autor, L. F. Katz, A. B. Kruger // *Quarterly Journal of Economics*. – 1998. – N 113 (4). – P. 1169–1213.
153. Autor, D. *The skill content of recent technological change : an empirical exploration* / D. Autor, F. Levy, R. J. Murnane // *Quarterly Journal of Economics*. – 2003. – N 118 (4). – P. 1279–1333.
154. Baer-Nawrocka, A. *Food security and food self-sufficiency around the world: a typology of countries* / A. Baer-Nawrocka, A. Sadowski // *PLoS ONE*. – 2019. – N 14 (3) . – P. e0213448. – DOI 10.1371/journal.pone.0213448.
155. Balassa, B. *Development strategies in semi-industrial economies* / B. Balassa. – Baltimore : Johns Hopkins U. (Press for the World Bank), 1982.
156. Balassa, B. *Adjustment Policies in Developing Countries: A Reassessment* // B. Balassa / *World Development*. – 1984. – N 12. – P. 955–972. – DOI 10.1016/0305-750X(84)90053-6.
157. Bapat, N. A. *Determinants of Sanctions Effectiveness: Sensitivity Analysis Using New Data* / N. A. Bapat, T. Heinrich, Y. Kobayashi, T. C. Morgan // *International Interactions*. – 2012. – N 39 (1). – P. 79–98.
158. Bapat, N. A. *Multilateral versus unilateral sanctions reconsidered: a test using new data* / N. A. Bapat, C. T. Morgan // *Int. Stud. Q.* – 2009. – N 53 (4). – P. 1075–1094.

159. Battisti, M. Labor Productivity Growth: Disentangling Technology And Capital Accumulation / M. Battisti, M. Del Gatto, C. F. Parmeter // *Journal of Economic Growth*. – 2018. – Vol. 23, iss. 1. – P. 111–143.
160. Beaudry, P. Changes in the world distribution of output per worker, 1960–1988: How a standard decomposition tells an unorthodox story / P. Beaudry, F. Collard, D. A. Green // *The Review of Economics and Statistics*. – 2005. – N 87 (4). – P. 741–753.
161. Blinder, A. S. How Many US Jobs Might be Offshorable? / A. S. Blinder // *World Economics*. – 2009. – N 10 (2).
162. Blinder, A. S. Alternative Measures of Offshorability: A Survey Approach / A. S. Blinder, A. B. Krueger // *Journal of Labor Economics*. – 2013. – N 31 (2). – P. 97–128.
163. Bown, C. US-China Trade War Tariffs: An Up-to-Date Chart / C. Bown. – Peterson Institute for International Economics, 2019.
164. Bresnahan, R. F. Information Technology, Workplace Organization and the Demand for Skilled Labor: Firm-Level Evidence / R. F. Bresnahan, E. Brynjolfsson, L. M. Hitt // *Quarterly Journal of Economics*. – 2002. – N 117 (1). – P. 339–376.
165. Bresnahan, T. F. Computerisation and Wage Dispersion: An Analytical Re-interpretation / T. F. Bresnahan // *Economic Journal*. – 1999. – N 109 (456). – P. 390–415.
166. Brühlhart, M. Intra-Industry Trade and Industrial Adjustment: The Irish Experience / M. Brühlhart, D. McAleese // *The Economic and Social Review*. – 1995. – N 2. – P. 107–129.
167. Bruton, H. J. A Reconsideration of Import Substitution / H. J. Bruton // *Journal of Economic Literature*. – 1998. – Vol. XXXVI. – P. 903–936.
168. Bruton, H. J. The Import Substitution Strategy of Development: A Survey / H. J. Bruton // *The Pakistan Devel. Rev.* – 1970. – N 10 (2). – P. 123–146.
169. Candel, J. J. L. Food security governance : a systematic literature review / J. J. L. Candel // *Food Security*. – 2014. – N 6 (4). – P. 585–601. – DOI 10.1007/s12571-014-0364-2.

170. Caruso, R. The impact of international economic sanctions on trade: an empirical analysis / R. Caruso // *Peace Econ. Peace Sci. Publ. Pol.* – 2009. – N 9 (2).
171. Chandler, A. *Scale and Scope: The Dynamics of Industrial Capitalism* / A. Chandler. – Cambridge : Harvard University Press, 1970.
172. Chenery, H. *Industrialization and growth* / H. Chenery, S. Robinson, M. Syrquin, eds – New York : Oxford U. (Press for the World Bank), 1986.
173. Clapp, J. Food self-sufficiency: Making sense of it, and when it makes sense / J. Clapp // *Food Policy.* – 2017. – N 66. – P. 88–96. – DOI 10.1016/j.foodpol.2016.12.001.
174. De Backer K. Reshoring : myth or reality? / K. De Backer, C. Menon, I. Desnoyers-James, L. Moussiégt // *OECD Science, Technology and Industry Policy. Papers.* – Paris : OECD Publishing, 2016. – N 27.
175. Deller, S. C. Import substitution and the analysis of gaps and disconnects / S. C. Deller // *Targeting regional economic development* / ed. by S. J. – 2009.
176. Détang-Dessendre, C. EU Agriculture and innovation: What role for the CAP? / C. Détang-Dessendre, F. Geerling-Eiff, H. Guyomard, K. Poppe. – INRA and WUR, 2018. – 32 p.
177. Dithmer, J. Does trade openness contribute to food security? A dynamic panel analysis / J. Dithmer, A. Abdulai // *Food Policy.* – 2017. – N 69. – P. 218–230. – DOI 10.1016/j.foodpol.2017.04.008.
178. Dong, Y. Economic sanction games among the US, the EU and Russia: pay-offs and potential effects / Y. Dong, C. Li // *Economic Modelling.* – 2018. – Vol. 73 (C). – P. 117–128.
179. Dreger, C. J. The Ruble between the Hammer and the Anvil: Oil Prices and Economic Sanctions / C. J. Dreger, F. K. Kholodilin, D. Ulbricht // *DIW Berlin Discussion Paper.* – 2015. – N 1488.
180. Drezner, D. Sanctions Sometimes Smart: Targeted Sanctions in Theory and Practice / D. Drezner // *International Studies Review.* – 2011. – Vol. 13. – P. 96–108.
181. Durham, B. Absorptive Capacity and the Effects of Foreign Direct Investment and Equity Foreign Portfolio Investment on Economic Growth / B. Durham // *Eu-*

ropean Economic Review. – 2004. – Vol. 48, iss. 2. – P. 285–306. – DOI 10.1016/S0014-2921(02)00264-7.

182. Eurofound. Reshoring in Europe: Overview 2015–2018. – Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2019.

183. Fearne, A. The History and Development of the CAP 1945–1990 / A. Fearne // The Common Agricultural Policy / Ritson & Harvey (eds.). – Wallingford : CAB International, 1997.

184. Fedorova, E. A. Influence of Import Substitution Policy on the Industrial Production Level in Russia: Sector-Specific Issues / E. A. Fedorova, D. D. Airapetyan, S. O. Musienko [et al.] // Studies on Russian Economic Development. – 2018. – Vol. 29, iss. 2. – P. 167–173.

185. Fei, J. C. H. Development of the labor surplus economy / J. C. H. Fei, G. Ranis. – Homewood, IL : Richard Irwin, 1964.

186. Fratocchi, L. Motivations of manufacturing reshoring: an interpretative framework / L. Fratocchi, A. Ancarani, P. Barbieri [et al.] // International Journal of Physical Distribution & Logistics Management. – 2016. – Vol. 46, N 2. – P. 98–127.

187. Fratocchi, L. When manufacturing moves back: concepts and questions / L. Fratocchi, C. Di Mauro, P. Barbieri [et al.] // Journal of Purchasing and Supply Management. – 2014. – Vol. 20. – P. 54–59.

188. Frey, C. B. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerization? / C. B. Frey, M. A. Osborne // Technological Forecasting & Social Change. – 2017. – N 114. – P. 254–280.

189. Fröbel, F. The New International Division of Labor: Structural Unemployment in Industrialized Countries and Industrialization in Developing Countries / F. Fröbel, J. Heinrichs, O. Kreye ; translated by Pete Burgess. – Cambridge : Cambridge University Press ; Paris : Éditions de la Maison des Sciences de l'Homme, 1980.

190. Galenson, W. Economic growth and structural change in Taiwan / W. Galenson, ed. – Ithaca : Cornell U. Press, 1979.

191. Galli, F. A transition towards sustainable food systems in Europe. Food policy blue print scoping study / F. Galli, E. Favilli, S. D'Amico, G. Brunori. – Pisa, Italy : Laboratorio di Studi Rurali Sismondi, 2018.
192. Grubel, H. The Empirical Measurement of Intra Industry Trade / H. Grubel, P. Lloyd // *Economic Record*. – 2007. – P. 494 –517.
193. Grubel, H. Intra-industry Trade: The Theory and Measurement of International Trade with Differentiated Product / H. Grubel, P. Lloyd. – London : Macmillan, 1975.
194. Harold, E. M. Digital Agriculture in New York State: Report and Recommendations / E. M. Harold, J. Woodard, M. Glos, L. Verteramo. – Ithaca, N. Y. : Cornell University, 2016.
195. Harrison, A. Openness and Growth / A. Harrison. – Washington, DC : Office of the Vice President, Development Economics, World Bank, 1991. – Working Paper 809.
196. Hill, R. C. Global factory and company town : the changing division of labour in the international automobile industry / R. C. Hill // *Global Restructuring and Territorial Development* / J. Henderson, M. Castells. M. – London : Sage, 1987. – P. 18–37.
197. Hirschman, A. O. The political economy of import substituting industrialization in Latin America / A. O. Hirschman // *Quart. J. Econ.* – 1967. – N 82 (1). – P. 1–32.
198. Hisano, S. Food Security Politics and Alternative Agri-food Initiatives in Japan / S. Hisano. – Kyoto University GSE, 2015. – Working Paper.
199. Hufbauer, G. C. Economic Sanctions Reconsidered / G. C. Hufbauer, J. J. Schott, K. A. Elliott, B. Oegg. – Third ed. – Washington, DC : Peterson Institute for International Economics, 2007.
200. Hvidt, M. Economic diversification in GCC countries: past record and future trends. Kuwait Programme on Development, Governance and Globalisation in the Gulf States (27). – London, UK : London School of Economics and Political Science, 2013.

201. Ilbery, B. Agricultural restructuring and changing food networks in the UK / B. Ilbery, D. Maye // *Reading the Economy: the UK in the 21st Century* / N. Coe, A. Jones, eds. – London : Sage, 2010. – P. 166–180.
202. Jaworska, M. Food Imports And Food Security Of Main Global Market Players / M. Jaworska. – 2018. – DOI 10.22630/ESARE.2018.2.32.
203. Karen, T. International Food Security Assessment, 2019–2029 / T. Karen, M. D. Smith, K. Daugherty, N. Rada. – GFA-30, U.S. Department of Agriculture Economic Research Service, 2019.
204. Kinkel, S. Drivers and antecedents of manufacturing offshoring and backshoring: A German perspective / S. Kinkel, S. Maloca // *Journal of Purchasing and Supply Management*. – 2009. – Vol. 15, N 3. – P. 154–165.
205. Kotyza, P. Food Self Sufficiency in Selected Crops in the Czech Republic and Poland / P. Kotyza, J. Slaboch // *Acta Universitatis Agriculturae et Silviculturae Mendelianae Brunensis*. – 2014. – N 62. – P. 1329–1341. – DOI 10.11118/actaun201462061329.
206. Kovács, I. The Role Of Digitalization In The Agricultural 4.0 – How To Connect The Industry 4.0 To Agriculture? / I. Kovács, I. Husti // *Hungarian Agricultural Engineering*. – 2018. – N 33. – P. 38–42.
207. Krueger, A. Import substitution versus export promotion / A. Krueger // *Finance and Development*. – 1985. – N 22 (2). – P. 20–23.
208. Kumar, S. Technological change, technological catch-up, and capital deepening: Relative contributions to growth and convergence / S. Kumar, R. R. Russell // *American Economic Review*. – 2002. – N 92 (3). – P. 527–548.
209. Kuzmin, E. A. Data on empirically estimated corporate survival rate in Russia / E. A. Kuzmin // *Data in Brief*. – 2018. – Vol. 16. – P. 850–864.
210. Lawrence, G. Food security in Australia in an era of neoliberalism, productivity and climate change / G. Lawrence, C. Richards, K. Lyons // *Journal of Rural Studies*. – 2013.

211. Levy, F. The New Division of Labor: How Computers Are Creating the Next Job Market / F. Levy, R. J. Murnane // Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 2004.

212. Lewis, W. A. Economic Development with Unlimited Supplies of Labour / W. A. Lewis // The Manchester School. – 1954. – N 22. – P. 139–191. – DOI 10.1111/j.1467-9957.1954.tb00021.x.

213. Lipietz, A. New tendencies in the international division of labour: regimes of accumulation and modes of regulation / A. Lipietz // Production, Work and Territory. The Geographical Allatomy of Industrial Capitalism: the geographical allatomy of industrial capitalism / A. J. Scott, M. Stcrper, (eds). – Boston : Allen & Unwin, 1986.

214. Little, I. Industry and trade in some developing countries / I. Little, T. Scitovsky, M. Scott. – London : Oxford U. (Press for the OECD), 1970.

215. Lobley, M. Introduction: knowing the land / M. Lobley, M. Winter // What is Land For? The Food, Fuel and Climate Change Debate / M. Winter, M. Lobley (eds.). – London : Earthscan, 2009. – P. 1–20.

216. Lu, Y. Identifying FDI Spillovers / Y. Lu, Z. Tao, L. Zhu // Journal of International Economics. – 2017. – Vol. 107. – P. 75–90. – DOI 10.1016/j.jinteco.2017.01.006.

217. Mahalanobis, P. C. The approach of operational research to planning in India / P. C. Mahalanobis // Sankahya. – Dec., 1955. – N 16 (1, 2). – P. 3–120.

218. Manikas, I A Community-Based Agro-Food Hub Model for Sustainable Farming / I. Manikas, G. Malindretos, S. Moschuris // Sustainability. – 2019. – N 11 (4). – P. 1017. – DOI 10.3390/su11041017.

219. Masaki, S. The Follow-up System in Order to Establish “Sixth-order Industrialization” / S. Masaki, D.-C. Shin Journal of the Korean Society of International Agriculture. – 2015. – Vol. 29, N 3. – P. 251–261. – DOI 10.12719/KSIA.2017.29.3.251.

220. Maye, D. Food Security: a Fractured Consensus. Editorial for the Journal of Rural Studies Special Issue: Food Security: Emerging Perspectives and Responses / D. Maye, J. Kirwan // Journal of Rural Studies. – 2013. – N 29. – P. 1–6. – DOI 10.1016/j.jrurstud.2012.12.001.

221. Mendes, A. P. F. Industrialization in Sub-Saharan Africa and import substitution policy / A. P. F. Mendes, A. M. Bertella, F. A. P. Rudolph // *Brazilian Journal of Political Economy*. – 2014. – Vol. 34, N 1 (134). – P. 120–138.
222. Moret, E. The New Deterrent: International Sanctions against Russia over the Ukraine Crisis / E. Moret, T. Biersteker, F. Giumelli. – Institute of International and Development Studies in Geneva, 2016.
223. Bapat, M. T. C. The Threat and imposition of economic sanctions 1945–2005: updating the TIES dataset *Conflict Manag.* / M. T. C. Bapat, N. Y. Kobayashi // *Peace Sci.* – 2014. – P. 1–18.
224. Morishima, M. Why has Japan succeeded? / M. Morishima. – Cambridge : Cambridge U. Press, 1982.
225. Muchetu, R. Food self-sufficiency and food sovereignty : examining the fallacy of the 'change in taste and preferences mantra' in the evolution of the Japanese rice system / R. Muchetu. – 2019. – DOI 10.13140/RG.2.2.24274.81602.
226. Müller, J. What Is Populism? / J. Müller. – University of Pennsylvania Press, 2019.
227. Nelson, R. R. Research on Productivity Growth and Differences: Dead Ends and New Departures / R. R. Nelson // *Journal of economic literature*. – 1981. – N 19. – P. 1029–1064.
228. Neuenkirch, M. The impact of UN and US economic sanctions on GDP growth / M. Neuenkirch, F. Neumeier // *Eur. J. Polit. Econ.* – 2015. – N 40. – P. 110–125.
229. Neuenkirch, M. The impact of US sanctions on poverty/ M. Neuenkirch, F. Neumeier // *J. Dev. Econ.* – 2016. – N 121. – P. 110–119.
230. Oechslin, M. Targeting autocrats : economic sanctions and regime change / M. Oechslin // *Eur. J. Polit. Econ.* – 2014. – N 36. – P. 24–40.
231. Pack, H. The case for industrial policy: a critical survey (English) / H. Pack, K. Saggi // *Policy, Research working paper*. – N WPS 3839. – Washington, DC : World Bank, 2006. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/640951468138862957/The-case-for-industrial-policy-a-critical-survey>.

232. Peksen, D. Economic coercion and currency crises in target countries / D. Peksen, B. Son // *J. Peace Res* – 2015. – N 52 (4). – P. 448–462.

233. Pereira, P. A. A. The development of Brazilian agriculture: future technological challenges and opportunities / P. A. A. Pereira, C. B. Martha, C. Santana, E. Alves // *Agriculture and Food Security*. – 2012. – N 4. – DOI 10.1186/2048-7010-1-4.

234. Pivoto, D. Scientific development of smart farming technologies and their application in Brazil / D. Pivoto, P. D. Waquil, E. Talamini [et al.] // *Information Processing In Agriculture*. – 2018. – N 5. – P. 21–32.

235. Porkka, M. The use of food imports to overcome local limits to growth / M. Porkka, J. H. A. Guillaume, S. Siebert [et al.] // *Earth's Future*. – 2017. – N 5. – P. 393–407. – DOI 10.1002/2016EF000477.

236. Porkka, M. From food insufficiency towards trade dependency: a historical analysis of global food availability / M. Porkka, M. Kummu, S. Siebert, O. Varis // *PLoS ONE*. – 2013. – N 8 (12). – P. e82714. – DOI 10.1371/journal.pone.0082714.

237. Prebisch, R. The economic development of latin america and its principal problems / R. Prebisch // UN document no. E/CN.12/89/Rev.1. *Lake Success*. – N.Y : United Nations, 1950.

238. Radulescu, I. G. BRICS Countries Challenge to the World Economy New Trends / I. G. Radulescu, M. Panaita, C. Voicab // *Procedia Economics and Finance*. – 2014. – N 8. – P. 605–613. – DOI 10.1016/s2212-5671(14)00135-x.

239. Reinert, E. S. Mercantilism and economic development: schumpeterian dynamics, institution building and international benchmarking / E. S. Reinert, S. A. Reinert // *OIKOS*. – 2011. – Vol. 10, N 1. – P. 8–37.

240. Rodrik, D. Is Populism Necessarily Bad Economics? / D. Reinert // *American economic review, papers and proceedings*. – 2018. – N 108. – P. 196–199.

241. Rosin, C. Food systems failure: the global food crisis and the future of agriculture / C. Rosin, P. Stock, H. Campbell (eds.). – London : Taylor and Francis, 2012.

242. Sachs, J. D. The curse of natural resources / J. D. Sachs, A. M. Warner // *European Economic Review*. – 2001. – N 45. – P. 828–838.

243. Sadowski, A. Food Self-Sufficiency Of The European Union Countries – Energetic Approach / A. Sadowski, A. Baer-Nawrocka // Journal of agribusiness and rural development. – 2016. – DOI 10.17306/JARD.2016.44.

244. Scherer, F. M. Industrial Market Structure and Economic Performance / F. M. Scherer. – Chicago : Rand McNally, 1970.

245. Schwab, K. The Fourth Industrial Revolution / K. Schwab. – New York : Crown Publishing, 2016.

246. Serrano, R. New directions of trade for the agri-food industry: a disaggregated approach for different income countries, 1963–2000 / R. Serrano, V. Pinilla // Latin American Economic Review. – 2014. – N 23. – P. 10. – DOI 10.1007/s40503-014-0010-6.

247. Sheahan, J. Import Substitution and Economic Policy: A Second Review / J. Sheahan // Research Memorandum N 50. – Williamstown, MA : Center for Development Economics, Williams College, 1972.

248. Singer, H. W. Dualism Revisited: A New Approach to the Problems of the Dual Society in Developing Countries / H. W. Singer // J. Devel. Studies. – 1970. – N 7 (1). – P. 60–75.

249. Singer, H. W. Economic Progress in Underdeveloped Countries. Social Research / H. W. Singer // An International Quarterly of Political and Social Science. – 1949. – N 16 (1). – P. 1–11.

250. Singh, H. V. Industrial policy and manufacturing : options for international trade policy / H. V. Singh // Policy Options Paper / E15 Expert Group on Reinvigorating Manufacturing. – Geneva : New Industrial Policy and the Trade System, E15 Initiative, ICTSD and WEF, 2016.

251. Solow, R. A Contribution to the Theory of Economic Growth / R. Solow // Quarterly journal of economics. – 1956. – N 39. – P. 312–320.

252. Solow, R. Technical Change and the Aggregate Production Function / R. Solow // Review of Economics and Statistics. – 1957. – N 39. – P. 312–320.

253. Srαι, J. S. Institutional and strategic operations perspectives on manufacturing reshoring / J. S. Srαι, C. Ané // *International Journal of Production Research*. – 2016. – Vol. 54, N. 23. – P. 7193–7211.
254. Stentof, J. Manufacturing backshoring: a systematic literature review / J. Stentof, J. Olhager, L. Thoms // *Operations Management Research*. – 2016. – Vol. 9, N 3–4. – P. 53–61.
255. Stiglitz, J. E. Industrial policy, learning, and development / J. E. Stiglitz // *WIDER working paper*. – Helsinki : World Institute for Development Economic Research, United Nations University, 2016.
256. Stiglitz, J. E. Globalization and Its Discontents Revisited: Anti-Globalization in the Era of Trump / J. E. Stiglitz. – New York : W.W. Norton, 2017.
257. Svarin, D. The construction of ‘geopolitical spaces’ in Russian foreign policy discourse before and after the Ukraine crisis / D. Svarin // *Journal of Eurasian studies*. – 2016. – N 7 (2). – P. 129–140. – DOI 10.1016/j.euras.2015.11.002.
258. The 25th Global Trade Alert report // *Global Trade Alert*, 2019.
259. The future of food and agriculture – Trends and challenges. – Rome : FAO, 2017.
260. TongKe, F. Smart Agriculture Based on Cloud Computing and IOT / F. TongKe // *Journal of Convergence Information Technology*. – 2017. – Vol. 8, N 2. – P. 210–216.
261. Tracy, M. Issues of Agricultural Policy in a Historical Perspective / M. Tracy // *Journal of Agricultural Economics*. – 1984.
262. Tuzova, Y. Global oil glut and sanctions: the impact on Putin’s Russia / Y. Tuzova, F. Qayum // *Energy Policy*. – 2016. – Vol. 90. – P. 140–151.
263. Van Bergeijk, P. A. Success and failure of economic sanctions / P. A. Van Bergeijk // *Kyklos*. – 1989. – N 42 (3). – P. 385–404.
264. Vinokurov, E. Do Economic Crises Impede or Advance Regional Economic Integration in the Post-Soviet Space? / E. Vinokurov, A. Libman // *Post-communist economies*. – 2014. – N 3 (26). – P. 341–358.

265. Wade, R. *Managing Trade: Taiwan and South Korea as Challenges to Economics and Political Science* / R. Wade // *Comparative Politics*. – 1993. – N 25 (2).

266. Wegren, S. *Russia's food self-sufficiency and food security: an assessment* / S. Wegren, C. Elvestad // *Post-communist economies*. – 2018. – P. 1–23. – DOI 10.1080/14631377.2018.1470854.

267. Westphal, L. E. *Industrial Policy in an Export Propelled Economy: Lessons from South Korea's Experience* / L. E. Westphal // *J. Econ. Perspectives*. – 1990. – N 4 (3). – P. 41–60.

268. Westphal, L. E. *The Republic of Korea's Experience with Export-led Industrial Development* / L. E. Westphal // *World Devel.* – 1978. – N 6 (3). – P. 347–382.

269. Wilkinson, T. J. *The relationship between export promotion spending and state exports in the U.S.* / T. J. Wilkinson, B. D. Keillor, M. d'Amico // *Journal of global marketing*. – 2005. – N 18 (3). – P. 95–114.

270. Winston, G. C. *The Theory of Capital Utilization and Idleness* / G. C. Winston // *Journal of Economic Literature, American Economic Association*. – 1974. – Vol. 12 (4). – P. 1301–1320.

271. Woldemichael, A. *Transforming Africa's Agriculture through Agro-Industrialization* / A. Woldemichael, A. Salami, A. Simpasa [et al.] // *Brazilian journal of political economy*. – 2014. – Vol. 34, N 1 (134). – P. 120–138.

272. *World development report 2008: agriculture for development*. – Washington, DC : The World Bank, 2008.

273. Yu, Q. *Capital Investment, International Trade and Economic Growth in China: Evidence in the 1980–90s* / Q. Yu // *China economic review*. – 1998. – N 9 (1). – P. 73–84.

274. Zaichenko, S. *Features of Interaction Between Russian Enterprises and Research Organizations in the Field of Innovation* / S. Zaichenko, T. Kuznetsova, V. Roud // *Foresight-Russia*. – 2014. – Vol. 8. – N 1. – P. 6–23.

275. Zhang, H. *China's Food Security Strategy Reform: An emerging global agricultural policy* / H. Zhang, G. Cheng // *China's Global Quest for Resources Energy, Food and Water* / eds. W. Fengshi, Z. Hongzhou. – Routledge, 2016.

276. Zhu, T. Rethinking Import-substituting Industrialization: Development Strategies and Institutions in Taiwan and China / T. Zhu // Research Paper 2006/076. – Helsinki : UNU-WIDER, 2006.

277. Zobbe, H. The Economic and historical foundation of the common agricultural policy in Europe / H. Zobbe // Unit of Economics Working Papers 2001/12. – Copenhagen : The Royal Veterinary and Agricultural University, 2001.

Интернет–источники

278. Аграрный экспорт в Китай: успехи есть – головокружение преждевременно. – 13.09.2019. – URL: <http://eadaily.com/ru/news/2019/09/13/agrarnyy-eksport-v-kitay-uspehi-est-golovokruzhenie-prezhdevremenno> (дата обращения: 20.12.2019).

279. Андреев, Ф. Горизонт открыт / Ф. Андреев // Российская газета : официальный сайт. – URL: <http://rg.ru/2019/01/24/tovaro-ekonomicheskie-otnosheniia-rossii-i-indii-vyrosli-v-obeme> (дата обращения: 25.01.2019).

280. Башкатова, А. ЕС страдает из-за антироссийских санкций больше, чем РФ / А. Башкатова // Независимая газета. – 14 сент. 2017. – URL: http://www.ng.ru/economics/2017-09-14/1_7073_eu (дата обращения: 22.11.2018).

281. Белая, А. Условно российское мясо / А. Белая // Агровести : официальный сайт. – URL: <http://www.agroinvestor.ru/investments/article/24382-uslovno-importnoe-myaso> (дата обращения: 05.03.2019).

282. Белоруссия планирует поставить в Китай в 2020 году продовольствия на \$100 млн. – URL: <http://tass.ru/ekonomika/7076332> (дата обращения: 01.02.2020).

283. В Санкт Петербурге прошла заключительная встреча по итогам визита в Россию представителей Министерства сельского хозяйства и аграрного развития Вьетнама. – URL: <http://fsvps.ru/fsvps/news/32559> (дата обращения: 08.04.2019).

284. Гайва, Е. На треть российский бройлер / Е. Гайва // Агровести : официальный сайт. – URL: <http://www.agroinvestor.ru/markets/article/25805-na-tret-rossiyskiy-broyler/> (дата обращения: 05.03.2019).

285. ГК Danone запустила информационный ресурс VIP Milk // Danone : официальный сайт. – URL: <http://milknews.ru/index/Danon-Vip-Milk.html> (дата обращения: 15.08.2019).

286. Глобальный стратегический механизм в области продовольственной безопасности и питания // Комитет по всемирной продовольственной безопасности. – URL: <http://www.fao.org/3/MR173RU/mr173ru.pdf> (дата обращения: 17.12.2019).

287. Группа компаний «Содружество» : официальный сайт. – URL: <http://sodrugestvo.ru> (дата обращения: 09.12.2019).

288. Danone заключил соглашение с Правительством Московской области // DANONE: официальный сайт. – URL: <http://www.danone.ru/media/novosti/news/%20danone-zakljuchil-soglashenie-s-pravitelstvom-moskovskoi-o.html> (дата обращения: 23.12.2019).

289. Дело техники. Что принесет рынку отмена постановления 1432 // Агроинвестор : [сайт]. – URL: <http://www.agroinvestor.ru/tech/article/32196-delo-tehniki> (дата обращения: 08.10.2019).

290. Дятловская, Е. «Русагро» и TH Group вложат 46 млрд рублей в производство молока на Дальнем Востоке / Е. Дятловская // Агроинвестор. – URL: <http://www.agroinvestor.ru/investments/news/28485-rusagro-i-th-group-vlozhat-46-mlrd-rublej-v-proizvodstvo-moloka> (дата обращения: 08.04.2019).

291. Дятловская, Е. Правительство утвердило балльную систему локализации для тракторов / Е. Дятловская // Агроинвестор : официальный сайт. – URL: <http://www.agroinvestor.ru/tech/news/32627-pravitelstvo-utverdilo-ballnuyu-sistemu> (дата обращения: 08.04.2019).

292. Дятловская, Е. TH True Milk открыл первую ферму в Московской области / Е. Дятловская // Агроинвестор : официальный сайт. – URL: <http://www.agroinvestor.ru/investments/news/29315-th-true-milk-otkryl-fermu-v-moskovskoy-oblasti> (дата обращения: 08.04.2019).

293. Ерохин, В. Торговля сельскохозяйственной продукцией между Китаем и странами ЕАЭС и вопросы обеспечения продовольственной безопасности / В. Ерохин. – URL: http://www.researchgate.net/publication/327745923_Torgovla_selskhozajstvennoj_produkciej_mezdu_Kitaem_i_stranami_EAES_i_voprosy_obespecenia_prodovolstvennoj_

bezopasnosti_Trade_in_Agricultural_Products_between_China_and_the_EAEU_and_Food_Security_Iss (дата обращения: 08.04.2019).

294. 294. Иван Лебедев: качественная подготовка кадров – залог успешного развития АПК // Министерство сельского хозяйства Российской Федерации. – 2019. – URL: <http://mcx.ru/press-service/news/ivan-lebedev-kachestvennaya-podgotovka-kadrov-zalog-uspeshnogo-razvitiya-apk> (дата обращения: 15.11.2018).

295. Импорт пальмового масла в Россию вырос почти на 19 процентов. – URL: <http://realnoevremya.ru/articles/129356-analiz-importa-palmovogo-masla-v-rf-za-2018-god> (дата обращения: 28.10.2019).

296. Институт конъюнктуры аграрного рынка. Масложировая отрасль. – URL: <http://ikar.ru/sunflower/profile.html> (дата обращения: 15.04.2018).

297. Итоги внешней торговли России в 2018 году // Министерство экономического развития России : официальный сайт. – URL: <https://clck.ru/FjNED> (дата обращения: 20.04.2019).

298. Итоги года 2018. Рынок зерна // Агровести : официальный сайт. – URL: <http://agrovesti.net/lib/industries/cereals/itogi-goda-2018-rynok-zerna.html> (дата обращения: 05.03.2019).

299. Информационное общество в Российской Федерации. 2018 : статистический сборник / М. А. Сабельникова, Г. И. Абдрахманова, Л. М. Гохберг, О. Ю. Дудорова [и др.] ; Росстат ; Нац. исслед. Ун-т «Высшая школа экономики». – М. : НИУ ВШЭ, 2018. – URL: <http://www.gks.ru/folder/210/document/13251> (дата обращения: 05.03.2019). – Текст : электронный.

300. Как европейские импортеры «пальмы» перебросили запрещенный товар в Россию. – URL: <http://realnoevremya.ru/articles/129356-analiz-importa-palmovogo-masla-v-rf-za-2018-god> (дата обращения: 28.10.2019).

301. Мониторинг экономической ситуации в России: тенденции и вызовы социально-экономического развития. – 2017. – № 12 (50). – URL: http://www.vedi.ru/macro_r/IER_Monitor_2017_12-50_June.pdf (дата обращения: 09.06.2018).

302. Комраков, А. Отечественный агропром переоценил свои возможности / Комраков, А. – URL: http://www.ng.ru/economics/2019-08-22/1_7657_agro.html (дата обращения: 08.10.2019).

303. Кулистикова, Т. Новые старые вызовы для АПК / Т. Кулистикова. – URL: <http://www.agroinvestor.ru/analytics/article/33169-novye-starye-vyzovy-dlya-apk-bez-masshtabnogo-razvitiya-eksporta-i-rosta-effektivnosti-agrosektoru-v> (дата обращения: 09.02.2019).

304. Кунле, М. Французская Danone выкупила доли основателей «Юнимилк» в объединенной компании / М. Кунле // Ведомости : официальный сайт. – URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2016/02/24/631239-danone-vikupila-doli> (дата обращения: 20.02.2019).

305. Межгосударственные отношения России и Бразилии. – URL: <http://ria.ru/20191114/1560881123.html> (дата обращения: 08.12.2019).

306. Межгосударственный статистический комитет СНГ. База данных. – URL: <http://www.cisstat.com/> (дата обращения: 15.05.2019).

307. Московкин, Л. Семенной фонд сельхозиндустрии / М. Московкин. – URL: <http://mospravda.ru/2019/07/26/119239/> (дата обращения: 08.04.2019).

308. Мощность сельхозтехники в стране за пять лет уменьшилась на 12% // Агроинвестор : [сайт]. – URL: <http://www.agroinvestor.ru/tech/news/29700-moshchnost-selkhoztekhniki-v-strane-umenshilas-na-12> (дата обращения: 08.10.2019).

309. Наумов, И. Российский рынок интересен для западных компаний, хотя выжить на нем удастся не всем / И. Наумов. – URL: <http://profile.ru/economy/rossijskij-rynok-interesen-dlya-zapadnyh-kompanij-hotya-vyzhit-na-nem-udaetsya-ne-vsem-132838> (дата обращения: 01.04.2018).

310. Несколько соглашений в сфере подготовки кадров для АПК подписала Тверская область на выставке «Золотая осень». – URL: <http://xn--ctbbkcp3ddjc7i.xn--p1ai/dailynews/neskolko-soglasheniy-v-sfere-podgotovki-kadrov-dlya-apk-podpisala-tverskaya-oblast-na-vystavke-zolot> (дата обращения: 15.11.2018).

311. Никонов, Н. Малайзия закупит самолёты у России, если ЕС откажется от её пальмового масла / Н. Никонов. – URL: <https://life.ru/p/1252565> (дата обращения: 28.10.2019).

312. Новое руководство меняет стратегию компании // Coca-Cola НВС Россия : официальный сайт. – URL: <http://www.coca-colarussia.ru/stories/ceo-quincey-about-future-of-coca-cola>.

313. О развитии внешнеторговых отношений государств-участников СНГ в 2017 году. – URL: <http://e-cis.info/index.php?id=1093> (дата обращения: 15.05.2019).

314. Обзор рынка картофеля в Росси: потребность в переменах. – URL: <http://www.welikepotato.ru/articles/blog/potatoes/100518> (дата обращения: 15.02.2020).

315. Отечественные тракторы осваивают зарубежные поля. – URL: <http://www.rosagromash.ru/rosspetsmash-v-smi/2944-otechestvennyye-traktory-osvaivayut-zarubezhnyye-polya> (дата обращения: 15.11.2018).

316. Панов, П. На шельфах Вьетнама: Москва и Ханой довольны сотрудничеством / П. Панов. – URL: <http://iz.ru/880881/pavel-panov/na-shelfakh-vietnama-moskva-i-khanoi-dovolny-sotrudnichestvom> (дата обращения: 04.11.2019).

317. Парламентские слушания «О совершенствовании механизмов государственной поддержки агропромышленного комплекса Российской Федерации». 15 февраля 2018 года. – URL: <http://council.gov.ru/media/files/lvXXKErrWGWoTUqles8VxvNq9liDk71g.pdf> (дата обращения: 15.11.2018).

318. Первые признаки восстановления уверенности российских потребителей. – URL: <http://www.nielsen.com/ru/ru/insights/news/2017/q2-2017-Russian-consumer-confidence-index.html> (дата обращения: 15.04.2018).

319. Первый промышленный агродрон успешно прошел испытания // Цифровая экономика. – 20.09.2018. – URL: <http://www.comnews.ru/digital-economy/content/114979/news/2018-09-20/pervyy-promyshlennyy-agrodroid-uspeshno-proshel-ispytaniya> (дата обращения: 15.11.2018) ;

320. Продовольственная безопасность: чем заменить старую доктрину? – URL: <http://economytimes.ru/kurs-rulya/prodovolstvennaya-bezopasnost-chem-zamenit-staruyu-doktrinu> (дата обращения: 05.06.2019).

321. Рейтинги. 2019 // Forbes : официальный сайт. – URL: <http://www.forbes.ru/rating/384135-50-krupneyshih-inostrannyh-kompaniy-v-rossii-2019-reyting-forbes> (дата обращения: 20.02.2020).

322. Россия возобновила поставки пшеницы на рынок Вьетнама. – URL: <http://mcx.ru/press-service/news/rossiya-vozobnovila-postavki-pshenitsy-na-rynok-vietnama/> (дата обращения: 08.04.2019).

323. Россия резко нарастила экспорт сельхозтехники. В тренде – экспорт в Евросоюз. – URL: <http://www.iarex.ru/news/59477.html> (дата обращения: 15.11.2018).

324. РЭЦ и транспортные операторы запускают механизм быстрого экспорта продукции АПК в Китай // ТАСС : официальный сайт. – URL: <http://tass.ru/ekonomika/6840056> (дата обращения: 08.12.2019).

325. Сводный обзор конъюнктуры аграрного рынка России № 1 // Министерство сельского хозяйства РФ : официальный сайт. – 2019. – URL: http://old.mcx.ru/documents/document/v7_show_print/21324.htm (дата обращения: 03.07.2019).

326. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики // Официальный сайт Президента России. – 08.07.2018. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5312> (дата обращения: 08.11.2019).

327. Союзный уговор: фирмы из ЕАЭС допустят к крупным тендерам в РФ. – URL: <http://iz.ru/912706/roza-almakunova/soiuznyi-ugovor-firmy-iz-eaes-dopustiat-k-krupnym-tenderam-v-rf> (дата обращения: 08.02.2020).

328. Страны ЕАЭС сближают позиции в сфере госзакупок. – URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/nae/news/Pages/15-10-2019-3.aspx> (дата обращения: 08.04.2019).

329. Сухорукова, Е. Египет стал крупнейшим покупателем российских продуктов / Е. Сухорукова, Н. Новопашина. – URL:

<http://www.rbc.ru/business/21/02/018/5a8c24c89a79477a3f60a820> (дата обращения: 08.01.2020).

330. Усков, Н. Александр Ткачев о том, за что олигархи полюбили сельское хозяйство, о пользе санкций и их отмене / Н. Усков, Е. Кравченко // Forbes : официальный сайт. – URL: <http://www.forbes.ru/biznes/341409-aleksandr-tkachev-o-tom-za-cto-oligarhi-polyubili-selskoe-hozyaystvo-o-polze-sankciy> (дата обращения: 08.06.2019).

331. Цветов, А. Россия – Вьетнам: как сохранить стратегическое преимущество? / А. Цветов. – URL: <http://ru.valdaiclub.com/a/highlights/rossiya-vietnam-strategiya/> (дата обращения: 08.04.2019).

332. Цифровой потенциал стран – участниц ЕАБР // ЦИИ ЕАБР. – URL: http://eurasian-studies.org/wp-content/uploads/2019/07/EABR_Digital_Potential_06_2019.pdf (дата обращения: 08.04.2019).

333. Чулок, А. АПК будущего. Взгляд на сельское хозяйство сквозь призму анализа больших данных / А. Чулок // Агроинвестор : официальный сайт. – URL: <http://www.agroinvestor.ru/analytics/article/31304-apk-budushchego> (дата обращения: 08.11.2019).

334. Штанов, В. Чиновники предложили два варианта господдержки автоконцернов / В. Штанов. – URL: <http://www.vedomosti.ru/auto/articles/2019/09/25/812092-chinovniki-predlozhili-avtokontsernov> (дата обращения: 15.12.2019).

335. Шустиков, В. Цифровые технологии приходят в сельское хозяйство. Сколково / В. Шустиков. – 21.02.2018. – URL: <http://sk.ru/news/b/pressreleases/archive/2018/02/21/cifrovytehnologii-prihodyat-v-selskoe-hozyaystvo.aspx> (дата обращения: 15.11.2018).

336. Шустиков, В. Ума система / В. Шустиков // Сколково. – 25.04.2018. – URL: <http://sk.ru/news/b/press/archive/2018/04/25/uma-sistema.aspx> (дата обращения: 15.11.2018).

337. Экономика: Россия и Куба: сотрудничество продолжается. – URL: <http://wtcmoscow.ru/services/international-partnership/actual/ekonomika-rossiya-i->

kuba-sotrudnichestvo-prodolzhaetsya/?sphrase_id=14527 (дата обращения: 08.04.2019).

338. 50 крупнейших компаний АПК России. – 2019. – URL: <http://www.acexpert.ru/analytics/ratings/50-krupneyshih-kompaniy-apk-rossii---2019.html> (дата обращения: 09.12.2019).

339. A National Food Strategy for Sweden – more jobs and sustainable growth throughout the country // Short version of Government bill. – 2016. – V. 17. – P. 104. – URL: http://www.government.se/498282/contentassets/16ef73aaa6f74faab86ade5ef239b659/livsmedelstrategin_kortversion_eng.pdf (дата обращения: 03.10.2019).

340. A stronger european industry for growth and economic recovery : industrial policy communication // ЕС. – URL: <http://eurlex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=COM:2012:0582:FIN:EN:PDF> (дата обращения: 20.12.2019).

341. Agro-processing can reduce dependency on food imports. – URL: <http://neweralive.na/posts/agro-processing-can-reduce-dependency-on-food-imports> (дата обращения: 11.10.2019).

342. Apple might be forced to raise prices on its products thanks to Trump's planned tariffs on China. – URL: <http://knowtechie.com/trump-apple-tariffs/> (дата обращения: 16.12.2019).

343. Bank of England 2019. Monetary Policy Report. November 2019. – URL: <http://www.bankofengland.co.uk/monetary-policy-report/2019/november-2019> (дата обращения: 08.12.2019).

344. Bartz, T. U.S. President makes life tough for german companies / T. Bartz, F. Dohmen, M. Hesse [et al.] . – URL: <http://www.spiegel.de/international/world/donald-trump-making-life-tough-for-german-companies-a-1212271.html> (дата обращения: 05.11.2019).

345. Bondolfi, S. Does Switzerland produce half of all the food it needs? / S. Bondolfi. – URL: http://www.swissinfo.ch/eng/fact-check_does-switzerland-produce-half-of-all-the-food-it-needs-/44380058 (дата обращения: 03.10.2019).

346. Collinson, S. How digital farming could boost russia's competitive advantage on global markets / S. Collinson // Skolkovo News. – 21.02.2018. – URL: http://sk.ru/news/b/articles/archive/2018/02/21/howdigital-farming-could-boost-russia_1920_s-competitive-advantage-on-global-markets.aspx (дата обращения: 15.11.2018).

347. Committee On World Food Security. Thirty-ninth Session. Rome, Italy, 5–20 October 2012. – URL: <http://www.fao.org/3/MD776E/MD776E.pdf> (дата обращения: 05.06.2019).

348. Drezner, D. W. Donald Trump has emasculated the American farmer / D. W. Drezner. – URL: <http://www.washingtonpost.com/outlook/2019/08/13/donald-trump-has-emasculated-american-farmer/?noredirect=on> (дата обращения: 11.10.2019).

349. Eurofound. Reshoring in Europe: Overview 2015–2018. – Publications Office of the European Union, Luxembourg. – URL: <http://www.eurofound.europa.eu/publications/report/2019/reshoring-in-europe-overview-2015-2018> (дата обращения: 20.12.2019).

350. Food hunger map // FAO. – URL: <http://www.fao.org/3/a-i4674e.pdf> (дата обращения: 16.10.2019).

351. For a European Industrial Renaissance // ЕС. – URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52014DC0014&from=EN> (дата обращения: 20.12.2019).

352. Ford will not build new Focus cars in US, despite Trump tariffs tweet // The Guardian : [сайт]. – 09.09.2018. – URL: <http://www.theguardian.com/business/2018/sep/09/ford-focus-trump-tariffs> (дата обращения: 18.12.2019).

353. Gokulan, D. UAE to reduce dependence on imported food products / D. Gokulan. – URL: <http://www.khaleejtimes.com/nation/uae-to-reduce-dependence-on-imported-food-products> (дата обращения: 11.10.2019).

354. Gott, J. US Trade policy and reshoring : the real impact of America's new trade policies / J. Gott, P. Van den Bossche // ATKearney : [сайт]. – 2019. – URL:

<http://www.atkearney.com/operations-performance-transformation/us-reshoring-index> (дата обращения: 20.12.2019).

355. Hakobyan, A. Russia: Policies for Agri-Food Sector Competitiveness and Investment (russian) / A. Hakobyan, D. J. Nielson, C. Deblitz [et al.]. – Washington, DC : World Bank Group. – URL: <http://documents.worldbank.org/curated/en/457551512402319602/Russiapolices-for-agri-food-sector-competitiveness-and-investment> (дата обращения: 15.11.2018).

356. Harrison, A. From hard to soft industrial policies in developing countries / A. Harrison, A. Rodriguez-Clare // Vox CEPR Portal. – URL: <http://voxeu.org/article/hard-soft-industrial-policies-developing-countries> (дата обращения: 15.09.2018)

357. IMF 2019. Global Manufacturing Downturn, Rising Trade Barriers. World Economic Outlook, October, 2019. – URL: <http://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2019/10/01/world-economic-outlook-october-2019> (дата обращения: 08.12.2019).

358. Industry 4.0 // European Parliament. – 2016. – URL: [http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/570007/IPOL_STU\(2016\)570007_EN.pdf](http://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/STUD/2016/570007/IPOL_STU(2016)570007_EN.pdf) (дата обращения: 08.08.2019).

359. Investment and new industrial policies // UNCTAD : официальный сайт. – URL: <http://investmentpolicyhub.unctad.org> (дата обращения: 15.09.2018).

360. Irwin, G. Multinationals in Russia in 2015 / G. Irwin, T. Gratowski, A. Smotrov. – URL: http://www.global-counsel.co.uk/sites/default/files/special-reports/downloads/Global_Counsel_Multinationals_in_Russia_in-2015.pdf (дата обращения: 01.04.2018).

361. Karp, D. Most of America's Fruit Is Now Imported. Is That a Bad Thing? / D. Karp // The New York Times. – 13.03.2018. – URL: <http://www.nytimes.com/2018/03/13/dining/fruit-vegetables-imports.html> (дата обращения: 09.09.2019).

362. Kołodziejczak, M. Food self-sufficiency in EU countries: an attempted projection to 2080 / M. Kołodziejczak. – URL:

http://www.researchgate.net/publication/328860153_Food_self-sufficiency_in_EU_countries_an_attempted_projection_to_2080 (дата обращения: 06.08.2019).

363. Lai, L. New government strategy will drive food innovation / L. Lai. – URL: <http://www.straitstimes.com/singapore/health/new-government-strategy-will-drive-food-innovation> (дата обращения: 09.09.2019).

364. Loh, T. Adidas abandons robotic factory experiment in U.S., Europe / T. Lai. – URL: <http://www.bloomberg.com/news/articles/2019-11-11/adidas-abandons-robotic-factory-experiment-in-u-s-Europe> (дата обращения: 20.12.2019).

365. London, M. US Trade Protectionism: what are the knock-on effects on global value chains? / M. London, J. Marcilly // COFACE Economic Publications. – URL: <http://www.coface.com/News-Publications/News/US-protectionism-Significant-knock-on-effect-on-trade-partners-of-targeted-countries> (дата обращения: 08.12.2019).

366. Luft, G. The anti-dollar awakening could be ruder and sooner than most economists predict / G. Luft. – 27.08.2017. – URL: www.cnbc.com/2018/08/27/the-anti-dollar-awakening-could-be-ruder-and-sooner-than-most-economists-predict.html (дата обращения: 05.11.2019).

367. Malaysia among countries eyed by Apple to move production capacity. – URL: <http://www.thestar.com.my/business/business-news/2019/06/20/malaysia-among-countries-eyed-by-apple-to-move-production-facility> (дата обращения: 17.12.2019).

368. Mauritius – Agricultural Sectors. – URL: <http://www.export.gov/article?id=Mauritius-Agricultural-Sectors> (дата обращения: 11.10.2019).

369. Musarurwa, T. Schweppes' import substitution to save US\$1m / T. Musarurwa. – URL: <http://www.sundaymail.co.zw/schweppes-import-substitution-to-save-us1m> (дата обращения: 11.10.2019).

370. Nargi, L. 'Common Food Policy' Offers a Guide to a More Sustainable Food System in Europe. Could It Be a Model for the U.S.? / L. Nargi. – URL: <http://civileats.com/2019/02/06/a-common-food-policy-offers-a-guide-to-a-more-sustainable-food-system-in-europe-could-it-be-a-model-for-the-u-s> (дата обращения: 11.10.2019).

371. Nigeria's Import Substitution Policies: Mixed Results. – URL: <http://gro-intelligence.com/insights/articles/nigerias-import-substitution-policies-mixed-results> (дата обращения: 11.10.2019).

372. OECD Digital Economy Outlook 2017 // OECD : официальный сайт. – URL: <http://espas.secure.europarl.europa.eu/orbis/sites/default/files/generated/document/en/9317011e.pdf> (дата обращения: 08.04.2019).

373. Reshoring Initiative USA (n.d.) // Reshoring initiative: Bringing manufacturing back home : web page. – URL: <http://www.reshorenw.org> (дата обращения: 20.12.2019).

374. Singapore – Agricultural Sectors. – URL: <http://www.export.gov/article?id=Singapore-Agricultural-Sectors> (дата обращения: 08.10.2019).

375. Shared Action Plan Industrie du Futur. Industria 4.0 in France – Germany – Italy // BMWI. – URL: <http://www.plattform-i40.de/PI40/Redaktion/EN/Downloads/Publikation/shared-actionplan-fr-de-it.html> (дата обращения: 20.12.2019).

376. Smartseeds цифровизирует рынок торговли зерном // Цифровая экономика. – 08.06.2018. – URL: <http://www.comnews.ru/digital-economy/content/113416/news/2018-06-08/smartseeds-cifroviziruet-rynok-torgovli-zernom> (дата обращения: 15.11.2018).

377. Sood, J. India's deepening farm crisis: 76% farmers want to give up farming, shows study. Benefits of government schemes and policies go to big farmers, shows survey undertaken by CSDS on behalf of farmers' association / J. Sood. – URL: <http://www.downtoearth.org.in/news/indias-deepening-farm-crisis-76-farmers-want-to-give-up-farming-shows-study-43728> (дата обращения: 08.10.2019).

378. Suite of Food Security Indicators // FAO : официальный сайт. – URL: <http://www.fao.org/faostat/en/#data/FS> (дата обращения: 28.10.2019).

379. Sullivan, K. Farmers are staring down Trump's trade war. WH trade adviser defends President's strategy / K. Sullivan. – URL:

<http://edition.cnn.com/2019/08/18/politics/farmers-china-trade-war-peter-navarro-cnn/tv/index.html> (дата обращения: 11.10.2019).

380. Teh, C. New aquaculture centre to work on improving Singapore's food resilience / C. The. – URL: <http://www.straitstimes.com/singapore/singapore-budget-2019-new-aquaculture-centre-to-work-on-improving-singapores-food> (дата обращения: 09.09.2019).

381. The Digital Economy and Society Index (DESI) // ЕС : официальный сайт. – URL: <http://ec.europa.eu/digital-single-market/en/desi> (дата обращения: 08.04.2019).

382. The Next Production Revolution: Implications for Governments and Business. – Paris : OECD Publishing. – DOI 10.1787/9789264271036-en (дата обращения: 08.08.2019).

383. The State of Food Security and Nutrition in Europe And Central Asia // FAO : официальный сайт.. – URL: <http://www.fao.org/3/a-i8194e.pdf> (дата обращения: 28.10.2019).

384. Thomasson, E. Adidas is closing its high-tech 'robot' factories in the US and Germany just 3 years after the first one opened / E. Thomasson. – URL: <http://www.businessinsider.com/adidas-to-close-german-us-robot-factories-2019-11> (дата обращения: 20.12.2019).

385. Tortajada, C. Singapore's Impressive Food Security. How has Singapore become the second-most food secure country in the world?/ C. Tortajada, T. Kumar, O. Paramasilvam. – URL: <http://thediplomat.com/2015/09/singapores-impressive-food-security/> (дата обращения: 08.10.2019).

386. U.S. trade surplus smallest since 2007 // United States Department of Agriculture Economic Research Service. – URL: <http://www.ers.usda.gov/data-products/ag-and-food-statistics-charting-the-essentials/agricultural-trade/> (дата обращения: 09.09.2019).

387. Will India's new agricultural export policy work? Food grain buffers exceed need, global prices remain depressed. – URL:

<http://www.downtoearth.org.in/news/agriculture/will-india-s-new-agricultural-export-policy-work--62430>(дата обращения: 08.10.2019).

388. Yi, S. B. Parliament: Agri-food innovation park in Sungei Kadut to open from early 2021, says Koh Poh Koon / S. B. Yi. – URL: <http://www.straitstimes.com/politics/parliament-agri-food-innovation-park-in-sungei-kadut-to-open-from-early-2021-koh-poh-koon> (дата обращения: 09.09.2019).

389. Ziady, H. Adidas is closing hi-tech sneaker factories in Germany and the US / H. Ziady // CNN Business. – URL: <http://edition.cnn.com/2019/11/12/business/adidas-speedfactory-plants-closing/index.html> (дата обращения: 20.12.2019).

**Приложение А
(обязательное).**

**Динамика производства основных видов импортозамещающей
продукции по укрупненным товарным группам**

Таблица А.1 – Динамика производства основных видов импортозамещающей продукции по укрупненным товарным группам, проценты к предшествующему периоду

	Год								
	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Мясо крупного рогатого скота парное, остывшее, охлажденное	87	93	112	93	110	96	103	111,7	101,4
Свинина парная, остывшая, охлажденная	108	116	131	117	115	118	94	112,4	106,0
Свинина подмороженная, замороженная, глубокой заморозки и размороженная	107	95	115	144	112	88	108	110,7	109,3
Мясо и субпродукты пищевые домашней птицы	109	112	106	110	109	103	135	99,5	96,8
Изделия колбасные	102	102	99	99	99	100	107	101,0	99,6
Рыба живая, свежая или охлажденная	121	100	104	80	101	114	103	95,7	94,5
Фруктоовощная продукция замороженная	157	105	113	101	121	129	90	108,7	125,5
Фрукты, ягоды и орехи	109	108	246	119	102	90	103	102,7	83,1
Молоко жидкое обработанное	100	107	102	099	102	102	100	103,4	98,4
Творог	102	104	94	104	107	98	102	102,7	92,8
Масло сливочное	103	99	105	111	102	98	130	95,3	100,8
Сыры и продукты сырные	99	104	96	115	118	103	184	102,4	110,9
Продукты кисломолочные, кроме сметаны и творога	97	105	104	100	97	102	98	97,3	97,9

Источник: Составлено автором по данным: Росстат. Официальная статистика. Показатели, характеризующие импортозамещение в России. URL: <https://www.gks.ru/folder/11188>.

Приложение Б
(рекомендуемое).
Крупнейшие агрохолдинги России по итогам 2018 г.

Таблица Б.1 – Крупнейшие агрохолдинги России по итогам 2018 г.

Место в рейтинге 2018 г.	Название	Специализация	Выручка, млн руб.			Чистая прибыль, млн руб.		Объем инвестиций в основной капитал, млн руб.			Торговая марка	Регионы присутствия
			2017.	2018	2018/2017, %	2017	2018	2017	2018	2018/2017, %		
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
1	ГК «Содружество» (С-Соя, Агропродукт +ТДС)	Переработка маслосодержащих культур	111 224,3	151 413,9	36,1	1 469,7	-734,8	80,6	126,1	56,5	–	Россия и СНГ, Европа, Северная Африка
2	Агрохолдинг «Мираторг»	Животноводство и растениеводство, переработка	125 544,6	119 374,5	-4,9	17 780,5	21 420,1	5 600,0	8 500,0	51,8	Мираторг, Gurmana, Витамин	Белгородская область, Брянская область, Курская область
3	ГК «ЭФКО»	Производство растительных рафинированных масел и жиров	108 700,0	114 000,0	4,9	1 400,0	2 000,0	–	–	–	Слобода, Слобода Биолойт, Пикник, Пир горой и EFKO FOOD, Altero	Белгородская область, Краснодарский край, Москва, Воронеж
4	ГК «Данон» (ООО «Данон Трейд»)	Пищевая промышленность	106 565,1	111 267,7	4,4	3828,7	2 969,8	–	–	–	Простоквашино, Био Баланс, Тёма, Актуаль, Летний День, Для всей семьи, Смешарики, Disney, Петмол	Свердловская, Тюменская, Кемеровская, Липецкая, Владимирская, Московская области, Пермский край и др.
5	Группа «Черкизово»	Разведение свиней и сельскохозяйственной птицы, переработка, производство мясной продукции и комбикормов	90 465,0	102 639,0	13,5	5800,0	12 004,0	12 300,0	15 300,0	24,4	Черкизово, Петелинка, Моссельпром, Куриное Царство, Домашняя курочка, Васильевский Бройлер, Империя вкуса, Мясная губерния, Пава-Пава	Липецк, Тамбов, Пенза, Тула, Московская область, Калининград, Воронеж, Курск
6	АО «ВБД» (PepsiCo)	Производство напитков и продуктов питания	95 534,2	98 347,0	2,9	5687,0	6 039,0	5 341,1	4 294,6	-19,6	Чудо, Агуша, Домик в деревне, Любимый, Иммуноле, Био Макс, Мажитэль, Веселый Молочник, Ламбер, Кубанская буренка, Чудо-Ягода	Россия и страны СНГ

Продолжение таблицы Б.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
7	ООО «Каргилл», ООО «Провими»	Производство крахмала и крахмалопродуктов, производство сахаров и сахарных сиропов, комбикормов	87 914,9	93 249,0	6,1	2 706,2	1 710,0	1 720,5	1 728,7	0,5	–	Тульская область, Краснодарский край, Москва, Воронежская область
8	ГК «Русагро»	Производство сахара, свинины, масложировой продукции, выращивание сельскохозяйственных культур	79 057,9	82 977,7	5,0	5 563,2	12 828,0	17 533,9	16 244,4	-7,4	Русский сахар, Брауни, Чайкофский, Mon Café, Мечта хозяйки, Щедрое лето, Провансаль ЕЖК, ЕЖК. Готовим дома!, Маслава, Soya Co., Слово мясника	Тамбовская, Белгородская, Воронежская, Самарская области, Приморский край, Екатеринбург
9	ГК «Агро-Белогорье»	Животноводство в сочетании с растениеводством	66 443,4	82 718,4	24,5	3050,7	6 041,0	–	–	–	Ломтики, Дальние Дали, АБ Примиум, Мясное застолье	Белгородская область
10	АО «Астон продукты питания и пищевые ингредиенты» (АО «Астон»)	Производство продуктов питания и пищевых ингредиентов	42 966,3	81 650,9	90,0	1 984,4	2 765,0	–	–	–	Астон, Затея, Волшебный край, Светлица	Ростовская и Рязанская области
11	ГК «АгроПромкомплектация»	Растениеводство, животноводство, производство кормов	48 924,4	60 912,5	24,5	–	–	–	–	–	Ближние горы, Дмитрогорский продукт, Искренне ваш, Прованс-Бейкери	Тверская, Курская области
12	ГАП «Ресурс»	Производство продуктов питания из мяса птицы, выращивание зерновых и масличных сельскохозяйственных культур	36 116,0	53 170,0	47,2	–	–	–	–	–	Благояр, Нежнино, Благояр Золотой, An-Noog	Ставропольский и Краснодарский край, республики Адыгея и Карачаево-Черкесия, Ростовская и Тамбовская области
13	«Агрокомплекс» им. Н.И.Ткачева	Растениеводство в сочетании с животноводством (смешанное сельское хозяйство)	46 679,8	50 026,1	7,2	-2 112,0	-2 924,7	4 439,6	1 948,7	-56,1	Агрокомплекс	Краснодарский край

Продолжение таблицы Б.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
14	Великолукский агропромышленный холдинг	Разведение и выращивание племенного поголовья свиней, мясопереработка	44 740,8	48 412,9	8,2	6 876,5	1 902,3	1 251,0	1 297,8	3,7	Великолукский мясокомбинат	Псковская область, Ленинградская область + СПб, Карелия, Московская, Тверская, Новгородская, Вологодская, Волгоградская, Астраханская, Ростовская, Калининградская, Смоленская, Брянская, Рязанская области
19	ООО «Продимекс»	Производство сахара	42 813,1	37 268,7	-13,0	950,4	1,7	–	–	–	–	Башкирия, Белгородская, Воронежская, Пензенская, Орловская, Тульская области, Ставропольский, Краснодарский края
20	Агропромышленная группа «ПРОДО»	Птицеводство, свиноводство и переработка	36 400,0	37 000,0	1,6	–	–	–	–	–	Клинский, Омский бекон, Троескурово, Роково, Ясная горка, УМКА и др.	Центральный, Сибирский и Уральский федеральные округа
21	ЗАО «Приосколье»	Разведение сельскохозяйственной птицы	33 947,4	35 083,0	3,3	858,5	2 605,7	330,8	364,2	10,1	Приосколье, аль Сафа, Однажды в деревне, Коко Пулет, Флай де Ланч, Славная марка, Куриные деликатесы	Белгородская область
22	КоПИТАНИЯ	Агропромышленный холдинг полного цикла от растениеводства до производства и реализации мясной продукции	28 077,2	32 303,9	15,1	1 241,5	1 618,2	539,6	1 197,2	121,9	Лавла, Иловлинские цыплята, КМК, Мясная академия, ЗМК	Московская, Тверская, Саратовская, Волгоградская и Новосибирская области
23	ГК «Талина» (основной актив – МПК «Атяшевский»)	Производство колбасной продукции и мясных деликатесов	28 930,4	31 589,7	9,2	2 251,8	2 948,8	1 680,0	5 758,0	242,7	Атяшево, Даурия	Мордовия, Ульяновская область
24	ГК Дамате	Сельскохозяйственное производство (выращивание и переработка индейки, производство и переработка молока)	24 590,5	27 769,4	12,9	1 489,8	417,4	9 366,9	9 145,2	-2,4	Милком, Индилайт	Пензенская область, Тюменская область и Республика Башкортостан

Продолжение таблицы Б.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
25	АО «НМЖК»	Производство маргарина и пищевых продуктов	22 825,0	24 603,7	7,8	591,1	557,7	31,3	604,7	1 831,9	Ряба, Астория, Хозяюшка	Нижегородская область, Самарская область, Оренбургская область, Саратовская область, Республика Башкортостан
26	ООО «МЭЗ Юг Руси»	Производство неочищенных растительных масел	21 747,8	24 513,0	12,7	32,9	206,7	–	–	–	Аведовь, Золотая семечка, ЮгРуси, Злато, Милора, Сто рецептов, Аннинское, Раздолье, Веркино масло, Южное солнце, Солнечный рай, Ядреные, Провансаль, Вкусная почта	Ростовская область, Воронежская область, Волгоградская область, Краснодарский край
27	Агрохолдинг «Стень» (агробизнес АФК «Система»)	Растениеводство, молочное животноводство, интенсивное садоводство, овощеводство и трейдинг сельскохозяйственной продукции	10 210,0	24 161,0	136,6	1 130,0	1 095,0	–	1 900,0	–	Стень	Краснодарский и Ставропольский край, Ростовская область, Карачаево-Черкесия
28	Сибирская аграрная группа	Сельское хозяйство, свиноводство, производство продуктов питания	18 794,0	23 486,0	25,0	4261,0	1 712,8	1 698,0	883,0	-48,0	Свинокомплекс «Томский», Птицефабрика «Томская», Кемеровский мясокомбинат, Жарька-Варька, Царские коптильни, Дорогомиловские деликатесы, Свинокомплекс «Уральский», Свинокомплекс «Восточно-Сибирский», Свинокомплекс «Красноярский»	Томская, Свердловская, Кемеровская, Тюменская области, Красноярский край, республика Бурятия

Продолжение таблицы Б.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
29	Группа «Сфера»	Производство и переработка сельхозпродукции	20 858,0	22 882,8	9,7	-70,9	1 083,5	291,6	204,6	-29,8	Хорошее дело	Республика Мордовия, Ульяновская область
30	ГК «Ренна»	Производство молочных консервов, цельномолочной продукции и мороженого из натуральных сливок	20 308,1	22 346,7	10,0	993,2	1 336,9	1 435,2	1 536,0	7,0	Алексеевское, Коровка из Кореновки, Густияр, Советское, Руслада	Краснодарский край
31	ГК «Здоровая Ферма»	Животноводство, пищевое производство	21 780,7	21 980,8	0,9	–	–	700,9	–	–	Здоровая ферма	Челябинская область, Пермский край, Свердловская область
32	АВК «Эксима» (основной актив – Микояновский мясокомбинат)	Переработка и консервирование мяса	22 906,6	21 486,7	-6,2	2 152,2	2 203,7	1 325,6	4 175,9	215,0	Микоян, Охотный ряд, На углях, Пивчики, Русский фермер	Москва, Московская, Орловская, Владимирская области, Башкортостан
33	Птицефабрика «Северная»	Разведение сельскохозяйственной птицы	17 772,0	20 049,2	12,8	1608,6	3 233,7	219,2	200,6	-8,5	Птицефабрика северная	Ленинградская область
34	АО «Молвест»	Производство молочных продуктов	17 139,2	18 570,2	8,3	151,0	326,2	–	–	–	Вкуснотеево, Фруате, Иван Поддубный, Волжские просторы, Кубанский хуторок, Нежный возраст	Воронежская область, Самарская область, Саратовская область, Ульяновск, Липецк, Курск, Ростовская область, Крым, Краснодарский край
35	ГК «Янта» (основные активы – Иркутский масложиркомбинат, Ангарская птицефабрика)	Производство качественных продуктов питания, сырья для пищевой и перерабатывающей промышленности, сельскохозяйственных кормов	18 967,7	18 481,5	-2,6	1057,6	1 196,4	615,8	568,0	-7,8	Янта	Приморский край, Иркутская, Амурская области
36	АО «Макфа»	Производство муки из зерновых и растительных культур и готовых мучных смесей и теста для выпечки	18 095,8	18 185,3	0,5	2807,3	2 592,2	437,6	589,5	34,7	Макфа	Челябинская область

Продолжение таблицы Б.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
37	Аладушкин групп (основной актив – Ленинградский комбинат хлебопродуктов им. С.М. Кирова)	Производство муки из зерновых и растительных культур и готовых мучных смесей и теста для выпечки, крупы, гранул и прочих продуктов из зерновых культур, производство готовых кормов	17 803,8	18 073,0	1,5	970,9	1 040,1	–	–	–	Мельница Кирова, Комбикормовый завод Кирова, Ясно Солнышко, Аладушкин, Предпортовая, Кудесница, Горница, Хлеббург, Глазунья, Профессор Желтков, Яйцо из деревни Батово, Снегири	Санкт-Петербург, Ленинградская область, Самарская область, Тюменская область
38	Холдинг «Благо»	Производство растительных масел	11 593,9	17 856,4	54,0	10,3	10,4	–	–	–	Благо, Дары Кубани, Подворье, Каролина	Краснодарский край, Воронежская область
39	Холдинг «Авангард-Агро»	Сельскохозяйственное производство	12 719,0	17 322,0	36,2	466,0	4 732,0	2 611,0	2 457,0	-5,9	–	Воронежская область, Тульская область, Курская область, Липецкая область, Орловская область, Белгородская область, г. Москва
40	ООО «Агрофирма Ариант»	Сельскохозяйственное производство	15 467,9	17 305,0	11,9	913,5	1 430,9	447,6	698,5	56,1	Ариант	Челябинская область, Свердловская область
41	ПАО «Русская аквакультура»	Выращивание, переработка и консервирование рыбы, ракообразных и моллюсков	15 110,4	16 421,5	8,7	475,8	2040,6	571,9	1268,7	121,8	–	Мурманская область, Карелия
42	ООО «Птицефабрика Акашевская»	Разведение сельскохозяйственной птицы, переработка	13 187,8	16 176,5	22,7	-2224,6	-365,6	635,3	1 628,9	156,4	Акашево, Царевослобосткие колбасы	Республика Марий Эл
43	ГК АПК Дон	Животноводство, растениеводство, производство кормов	13 307,9	16 079,6	20,8	626,3	1 565,6	–	–	–	–	Белгородская и Воронежская области
44	ЭкоНива-АПК Холдинг	Животноводство в сочетании с растениеводством	15 196,5	14 597,5	-3,9	1073,9	–	–	–	–	–	Воронежская, Курская, Новосибирская, Калужская, Оренбургская, Тюменская области

Продолжение таблицы Б.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
45	Агрохолдинг «Звеноговский»	Животноводство и растениеводство, переработка	13 018,0	14 417,2	10,7	1189,1	1 147,2	556,5	644,7	15,9	Звенигов	Республика Марий Эл
46	Холдинг «Российские мясопродукты»	Производство колбас и мясных деликатесов	14 317,1	14 121,0	-1,4	555,5	764,2	–	–		СПК, КПК, Дымки,	Новосибирская область, Алтайский край
47	Объединение «Союзпищепром»	Производство макаронных изделий, готовых завтраков, муки всех сортов, крупяных изделий, яйца, мяса птицы	14 987,2	13 281,8	-11,4	657,9	491,4	675,9	475,3	-29,7	Царь, СоюзПищепром, Чебаркульская птица	Челябинская область
48	Холдинговая компания «АК-Барс»	Растениеводство, животноводство, птицеводство, переработка сельскохозяйственной продукции и молока	18 297,8	12 356,7	-32,5	1025,2	912,3	1 784,7	297,3	-83,3	–	Татарстан, Нижегородская область
49	ООО «Мясокомбинат Бобровский»	Переработка и консервирование мяса	10 230,8	11 842,8	15,8	-48,3	18,9	66,5	39,3	-40,9	Бобровский мясокомбинат	Воронежская область
50	ОАО «Сады Придонья»	Производство фруктовых и овощных соков	11 294,3	11 656,3	3,2	1098,0	763,9	281,9	252,7	-10,4	Сады Придонья, Золотая Русь, Мой, Сочный мир, Спеленок	Пензенская, Саратовская, Волгоградская области

Приложение В
(рекомендуемое).
Обзор методик оценки потенциала импортозамещения

Источник: составлено автором по открытым источникам информации.

Методика количественной оценки потенциала импортозамещения на основе сравнительных преимуществ (*Revealed comparative advantage – RCA*) дает возможность определить интенсивность экспорта товара страны в сравнении со среднемировым уровнем. Индекс Баласса¹ рассчитывается как соотношение между долей экспорта определенного товара в общем объеме экспорта страны и долей этого товара в общем объеме мирового экспорта:

$$CA = (X_{Ai} / X_{Am}) / (X_{ni} / X_{nm}) = (X_{Ai} / X_{ni}) / (X_{Am} / X_{nm}), \quad (B.1)$$

где X – экспорт,

A – исследуемая страна,

i – товар (или отрасль промышленности),

m – группа товаров (или отраслей промышленности),

n – группа стран.

Более поздние модификации индекса Баласса, например, Д. Гринвэя и К. Милнера с учетом импорта данного товара, позволяют определить сравнительные преимущества и «не преимущества» страны в производстве товара при наличии внутриотраслевой торговли².

Оценка импортозамещения на основе анализа системы национальных счетов, предложенная Митяковым и др.³, позволяет выявить наличие либо отсутствие тенденции к импортозамещению в отдельных отраслях промышленности, о чем свидетельствует снижение (рост) индикатора доли импорта в потреблении (β):

¹ Balassa B. Trade Liberalisation and «Revealed» Comparative Advantage // The Manchester School of Economic and Social Studies. – 1965. – Vol. 33, issue 2, – P. 99–123.

² Greenaway D., Milner C. Trade and Industrial Policy in Developing Countries: A Manual of Policy Analysis. The Macmillan Press, esp. Part IV. Evaluating Comparative Advantage. – 1993. – P. 181–208.

³ Митяков С. Н., Митякова О. И., Усачева Ю. В. Методика оценки импортозамещения продукции различных отраслей промышленности // Экономика в промышленности. – 2013. – № 4. – С. 19–23.

$$\beta = I_m/Y, \quad (\text{B.2})$$

$$Y = X + I_m - E_x, \quad (\text{B.3})$$

где Y – уровень внутреннего потребления;
 X – объем производства товара отрасли,
 E_x – объем экспорта исследуемого товара;
 I_m – объем импорта этого товара.

Уменьшение доли импорта в потреблении свидетельствует о положительной тенденции к импортозамещению.

Методика оценки потенциала импортозамещения на основе модернизации и экспортной экспансии, разработанная К. Лебедевым, основана на перспективном спросе. Согласно его подходу, в авиационной отрасли импортозамещение может быть определено как произведение перспективного спроса в период t ($ПС_t$), коэффициента импортозамещения отрасли (k_t) и средней каталажной стоимости одного авиалайнера ($КС_t$):

$$ЗИ_t = k_t \cdot ПС_t \cdot КС_t. \quad (\text{B.4})$$

Согласно Лебедеву, инвестиции в модернизацию и развитие производственной базы машиностроительного комплекса способствуют более быстрой диверсификации структуры промышленности за счет отраслей среднего и высокого уровня технологического передела, в сравнении с преимущественным инвестированием в другие отрасли промышленности, что, в свою очередь, ведет к более высоким темпам роста ВВП¹.

С позиции Дж. Перски, политика импортозамещения мобилизует местные ресурсы таким образом, что значительно повышает их производительность. В связи с чем, Дж. Перски предложил оценивать импортозамещение количеством дополнительно созданных рабочих мест². Показатель занятости и темп специализации в сопоставлении с национальной специализацией, индексы промышленного

¹ Лебедев К. К. Диверсификация структуры промышленного производства в условиях экспортной экспансии и импортозамещения продукции высокотехнологичного машиностроения: дис. ... канд. экон. наук: 08.00.05 / Лебедев Кирилл Константинович. – М., 2010. – 123 с.

² Persky J., Ranney D., Wiewel W. Import Substitution and Local Economic Development // Economic Development Quarterly. – 1993. – Issue 7 (1). – P. 18–29.

производства и ВВП использованы в кластерном подходе Э. Фейзера¹, темп роста ВВП – для оценки результативности импортозамещения с точки зрения экономического роста². Подход к анализу импортозамещения на основе показателей роста объема инвестиций, объема торговли и темпа роста создания рабочих мест использован в работе С. Адамса³. Чтобы подчеркнуть важность импортозамещения в достижении экономической диверсификации, А. Ирвин⁴ утверждает, что ресурсы становятся более эффективными и продуктивными, когда отвлекаются от сельского хозяйства и перераспределяются в промышленность.

И. Ершовой и А. Ершовым предложена методика оценки эффективности мер государственной политики импортозамещения на основе комплексной оценки ее эффективности⁵ с использованием системы показателей. Методика оценки и анализа импортозамещения, разработанная П. Кадочниковым, основана на теории потребительского спроса. Исследование функций спроса на импортные товары в различных странах позволило выделить основные факторы, определяющие функции спроса на импортные и отечественные товары, выявить характер такой зависимости, и сделать вывод об определяющем влиянии на импортозамещение реального курса национальной валюты⁶.

Интегральный показатель импортозамещения для оценки целесообразности его проведения в отдельных отраслях экономики предложен Л. Матвеевой, О.

¹ Feser E., Renski H., Goldstein H. Clusters and economic development outcomes: An assessment of the link between clustering and economic growth in Appalachia // *Economic Development Quarterly*. – 2008. – № 22 (4). – P. 324–344.

² Nurhaliq P., Masih M. Export orientation vs import substitution: which strategy should the government adopt? Evidence from Malaysia. MPRA Paper No. 821137. – Germany: University Library of Munich, 2016. – 20 p.

³ Adams S. Foreign direct investment, domestic investment, and economic growth in Sub-Saharan Africa // *Journal of Policy Modelling*. – 2009. – № 31(6). – P. 939–949.

⁴ Irwin A. D. Did Import Substitution Promote Growth in the Late Nineteen Century?, NBER Working Paper #8751. – Cambridge: National Bureau of Economic Research, 2002. – 38 p.

⁵ Ершова И.Г., Ершов А.Ю. Оценка эффективности мер государственного регулирования политики импортозамещения // *Фундаментальные исследования*. – 2016. – № 3. – С. 375-379.

⁶ Кадочников П. А. Анализ импортозамещения в России после кризиса 1998 года. – М.: ИЭПП, 2006. – 148 с.

Черновой, В. Климук¹. Интегральный показатель импортозамещающего эффекта определяется на основе агрегированного значения экономического, социального и экологического эффектов с учетом их весовых значений.

¹ Матвеева Л.Г., Чернова О.А., Климук В.В. Оценка эффективности политики импортозамещения в промышленности: методический инструментарий // Вестник ДВФУ. – 2015. – № 3. – С. 3–127.

**Приложение Г
(обязательное).**

**Определение весовых коэффициентов и расчет интегральных индикаторов
в методике оценки эффективности импортозамещения**

Экспертам было предложено оценить важность каждого показателя в баллах по шкале [0-100] с интервалом 5 таким образом, чтобы сумма баллов по каждой группе показателей была равна 100.

Вес каждого показателя, подсчитанного каждым экспертом, определен по формуле (Г.1):

$$R_{ij} = \frac{h_{ij}}{\sum_{j=1}^m h_{ij}}, \quad (\text{Г.1})$$

где R_{ij} – вес j -го показателя, определенный i -м экспертом;
 h_{ij} – балл i -го эксперта, выставленный j -му показателю;
 m – количество показателей.

Весовые коэффициенты определены по формуле (Г.2)

$$W_j = \frac{\sum_{i=1}^n R_{ij}}{\sum_{j=1}^m \sum_{i=1}^n R_{ij}}, \quad (\text{Г.2})$$

где n – число экспертов.

В Таблице Г.1 представлен расчет весовых коэффициентов для показателей динамики целевых показателей импортозамещения. Для дальнейших расчетов значения весовых коэффициентов были умножены на 100.

Таблица Г.1 – Расчет весовых коэффициентов для показателей динамики целевых показателей импортозамещения¹

Эксперты	Баллы показателей			Сумма	Веса показателей		
	h_{i1}	h_{i2}	h_{i3}		R_{i1}	R_{i2}	R_{i3}
1	60	20	20	100	0,6	0,2	0,2
2	60	20	20	100	0,6	0,2	0,2
3	60	20	20	100	0,6	0,2	0,2
				3	$R_1 = \sum_{i=1}^n R_{i1} = 1,8$	$R_2 = \sum_{i=1}^n R_{i2} = 0,6$	$R_3 = \sum_{i=1}^n R_{i3} = 0,6$
Весовые коэффициенты					$W_1 = 1,8/3 = 0,6$	$W_2 = 0,6/3 = 0,2$	$W_3 = 0,6/3 = 0,2$

¹ Рассчитано автором.

Таблица Г.2 – Значения весовых коэффициентов методики оценки эффективности импортозамещения¹

<i>Показатели</i>	<i>Значения весовых коэффициентов, %</i>
<i>1. Динамика факторов, способствующих формированию потенциала импортозамещения</i>	100
1.1. Динамика количества и качественного состава трудовых ресурсов	30
1.1.1. Темп роста среднегодовой численности занятых в отрасли	10
1.1.2. Темп роста выпуска квалифицированных рабочих и служащих для отрасли	20
1.2. Динамика качества институциональной среды	10
1.2.1. Темп роста зарегистрированных новых предприятий в отрасли	10
1.3. Темп роста инвестиций в отрасль	50
1.3.1. Темп роста инвестиций в основной капитал отрасли	10
1.3.2. Темп роста инвестиций на реконструкцию и модернизацию	40
1.4. Темп сокращения импорта отрасли	10
1.4.1. Темп сокращения импорта	10
<i>2. Динамика потенциала импортозамещения</i>	100
2.1. Темп роста производительности труда и высокопроизводительных рабочих мест в отрасли	30
2.1.1. Темп роста производительности труда	20
2.1.2. Темп роста числа высокопроизводительных рабочих мест	10
2.2. Интенсивность обновления основных фондов отрасли	35
2.2.1. Динамика изменения наличия основных фондов на конец года в долях к предыдущему году	5
2.2.2. Динамика коэффициента обновления основных фондов (в долях к предыдущему периоду)	10
2.2.3. Динамика показателя ввод в действие ОФ на 1 рубль инвестиций	10
2.2.4. Темп роста активной части ОФ	10
2.3. Темп роста инновационного потенциала отрасли	35
2.3.1. Темп роста инновационной активности организаций отрасли	5
2.3.2. Темп роста удельного веса инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров отрасли	10
2.3.3. Темп роста числа используемых передовых технологий предприятиями отрасли	10
2.3.4. Темп роста количества приобретенных новых технологий предприятиями отрасли	5
2.3.5. Темп роста числа разработанных новых технологий в отрасли	5

¹ Рассчитано автором.

Продолжение таблицы Г.2

<i>Показатели</i>	<i>Значения весовых коэффициентов, %</i>
<i>3. Динамика целевых показателей импортозамещения</i>	100
3.1. Темп роста выпуска и эффективности отрасли	80
3.1.1. Темп роста объема отгруженных товаров собственного производства	60
3.1.2. Темп роста рентабельности	20
3.2. Темп роста экспорта	20
3.2.1. Темп роста экспорта	20

Таблица Г.3 – Интегральные индикаторы динамики импортозамещения в сельском хозяйстве и обрабатывающей промышленности¹

<i>Интегральные индикаторы</i>	<i>2011/10</i>	<i>2012/11</i>	<i>2013/12</i>	<i>2014/13</i>	<i>2015/14</i>	<i>2016/15</i>	<i>2017/16</i>
Интегральный индикатор динамики факторов, способствующих формированию потенциала импортозамещения в сельском хозяйстве	0,85	1,04	0,86	0,96	1,02	0,93	1,04
Интегральный индикатор динамики факторов, способствующих формированию потенциала импортозамещения в обрабатывающей промышленности	1,08	0,74	1,01	1,12	0,97	0,95	0,88
Интегральный индикатор динамики потенциала импортозамещения в сельском хозяйстве	1,07	0,95	1,01	0,99	1,00	1,00	1,06
Интегральный индикатор динамики потенциала импортозамещения в обрабатывающей промышленности	1,06	0,99	1,03	0,99	0,97	0,99	0,98
Интегральный индикатор динамики целевых импортозамещения в сельском хозяйстве	1,25	1,10	0,91	1,44	1,12	0,99	1,08
Интегральный индикатор динамики целевых показателей импортозамещения в обрабатывающей промышленности	1,13	1,01	1,01	1,07	1,11	0,97	1,09

¹ Рассчитано автором.

Приложение Д (рекомендуемое).

Многонациональные корпорации на агропродовольственном рынке РФ

Таблица Д.1 – Локализация МНК в агропродовольственном секторе¹

<i>ТНК</i>	<i>Сегменты рынка</i>	<i>Локализация на территории РФ</i>
Сельскохозяйственное машиностроение и машиностроение для пищевой промышленности		
AGCO (США)	Один из ведущих мировых производителей сельскохозяйственной техники: полный ассортимент тракторов, комбайнов, сенокосилок, кормозаготовительной и почвообрабатывающей техники и др.	AGCO-RM совместное предприятие AGCO (США) и корпорации «Русские машины»
Amazone (США)	Производство разбрасывателей минеральных удобрений, сеялок, агрегатов активной (роторные культиваторы и ротационные бороны) и пассивной (дисковые культиваторы и бороны) обработки почвы, сеялок точного высева и опрыскивателей для защиты растений	Производственное предприятие «Евротехника» (г. Самара)
Bühler (Швейцария)	Оборудование для переработки сельхозсырья и выпуска продуктов питания и кормов для скота, рыбы и домашних животных	ООО «Бюлер Сервис» технологии и поставка оборудования: в России и СНГ 8 подразделений и 5 сервисных станций
Claas (Германия)	Производство сельскохозяйственной техники: зерно- и силосоуборочных комбайнов, тракторов, прессов и кормозаготовительной техники	Завод «КЛААС» в Краснодаре, сбытовая компания ООО Клаас Восток в Москве и 18 партнеров по сбыту по России
DeLaval (Швеция) входит в Tetra Laval Group	Оборудования для автоматизированного доения, кормораздачи и других технологических процессов молочных ферм	Дочерняя компания «ДеЛаваль» занимает 1/3 рынка доильного оборудования в РФ
Lemken (Германия)	Производство почвообрабатывающей, посевной техники и техники для защиты растений	Производственный комплекс Лемкен-Рус (Калужская обл.)
KUHN (Франция)	Оборудование для заготовки и раздачи кормов, ухода за посевами, внесения удобрений, посевная и почвообрабатывающая техника	«КУН Восток» инвестиции (3 млрд руб. в строительство завода в Воронежской области, в 2019 г. открыт сервисный центр в Татарстане, подписано соглашение о стратегическом сотрудничестве в сфере научной и учебной деятельности и подготовки кадров
Big Dutchman (Германия)	Разработка и создание систем кормления и содержания для современного свиноводства и птицеводства	Совместно с «Агро-Белогорье» начат проект совместного производства оборудования для свиноводов в Белгородской области, для внутреннего рынка и экспорта
Maschio Gaspardo (Италия)	Производство сельскохозяйственной техники и оборудования: широкая линейка фрез, роторных борон, мульчировщиков, сеялок точного высева, сеялок для овощных и зерновых агрокультур, комбинированных сеялок, косилок, машин для минимальной обработки почвы, опрыскивателей и оборудования для заготовки сена	Дочернее предприятие «Маскио-Гаспардо Руссия» (Волгоградская обл.)
Pöttinger (Австрия)	Крупнейший в мире производитель прицепов-подборщиков	Представительство
Same Deutz-Fahr Group (Италия)	Производство тракторов, уборочной техники	Совместное с Claas предприятие в Московской обл. (2 тыс. тракторов и 500 уборочных комбайнов в год)

¹ Составлено автором на основе открытых источников информации и официальных сайтов компаний.

Продолжение таблицы Д.1

<i>ТНК</i>	<i>Сегменты рынка</i>	<i>Локализация на территории РФ</i>
Grimme (Германия)	Производство картофелеуборочных комбайнов, посадочной, обрабатывающей и складской техники, овощной техники	Представительство
Hartmann Lebensmitteltechnik Anlagenbau GmbH (Германия)	Услуги по планированию и обслуживанию оборудования как для новых помещений, так и для модернизации зданий в отраслях: птицеводства, свиноводства и др.	ООО «Hartmann»
Horsch (Германия)	Производство специальной сельскохозяйственной техники: оборудование для культивации почвы, посевную технику, оборудование для защиты агрокультур, оборудование для сбора урожая, компоненты для обработки почвы	Сборка на Лебедянском заводе строительного-отделочных машин («Строймаш»), сбытовой и сервисный центр «Хорш Русь» в Липецкой области
John Deere (США)	Производство сельскохозяйственной техники: тракторы, зерновые и кормоуборочные комбайны, посевной техники (в т. ч. сеялки точного высева), почвообрабатывающей техники, систем точного земледелия AMS и пр.	Сборочное производство в Домодедово (Московская область), в Оренбурге, лизинговая компания John Deere Financial
Kverneland (Норвегия)	Производство техники для сельского хозяйства и виноградарства	Завод в Липецкой области: посевные комплексы, культиваторы, плуги, сеялки точного высева, разбрасыватели, опрыскиватели
Väderstad (Швеция)	Производство техники для обработки почвы и сева	Представительство
Vicon (Норвегия)	Производство сельскохозяйственной техники сегмента «премиум»	Сборочное производство в Липецкой обл.
Weidemann GmbH (Германия)	Производство техники для фермеров, коммунальных и садовых хозяйств, питомников	Представительство
Информационные технологии		
Farmers Edge (Канада)	Глобальный лидер в области информационных технологий для сельского хозяйства	Представительство (г. Краснодар)
Агрохимическая отрасль, производство семян, биотехнологии		
BASF (Германия)	Лидер мировой химической отрасли, имеет более 150 производственных площадок на различных континентах и поставляет свою продукцию в 200 стран мира	10 производственных площадок в 6 сегментах, в том числе: «Химикаты», «Питание и уход», «Решения для сельского хозяйства»
DowDuPont (США) (слияние Dow Chemical и DuPont в 2017 г.)	Химическая транснациональная корпорация	У Dow Chemical завод по производству химических материалов в Казахстане и Владимирской области («Дау Изолан»), у DuPont в инновационный центр в Москве и научно-исследовательские центры DuPont Pioneer в Липецке, Краснодаре и Ростове-на-Дону
Corteva Agriscience	Сельскохозяйственное подразделение DowDuPont специализируется на производстве семян люцерны, рапса, кукурузы, хлопка, риса, сорго, сои, подсолнечника и пшеницы; выпускает средства защиты растений; производит программное обеспечение для сельского хозяйства	Подразделение анонсирует внедрение ряда инновационных технологий, которые созданы с целью помочь российским сельхозпроизводителям принимать решения, влияющие на урожайность
Genus PIC (Великобритания)	Genus – лидер в области биотехнологий, PIC специализируется на усовершенствовании генетики свиней	Подразделение «Генетика ПИК» (г. Белгород)

Продолжение таблицы Д.1

<i>ТНК</i>	<i>Сегменты рынка</i>	<i>Локализация на территории РФ</i>
Syngenta (Швейцария)	Производство средств защиты растений, регуляторов роста и семян полевых, овощных и цветочных агрокультур; октябрь 2019 завершение сделки по приобретению Scorio Group – агротехнологической платформы с и фокусом деятельности на Восточную Европу (система дистанционного контроля сельскохозяйственных угодий: оперативный мониторинг состояния посевных площадей с помощью спутниковых снимков, планирование и документирование сельскохозяйственных операций, а также отслеживание работы техники)	Лаборатория ООО «Сингента» (Сколково); три научно-исследовательские станции (в Краснодарском крае, Липецкой и Воронежской областях), лаборатория по контролю качества посевного материала (Ставропольский край), ведется строительство Института защиты семян
Bayer (Германия) субконцерн Bayer CropScience	Производство продукции для сельского хозяйства: семян полевых и овощных культур, инновационных решений для защиты посевов с химическими и биологическими механизмами действия	Представительство, реализация спецпроектов (образовательный, платформа агротехнологических компетенций и др.)
Limagrain (Франция)	Семена полевых и овощных агрокультур	Филиал (семена подсолнечника, кукурузы, рапса, пшеницы, ячменя, льна-долгунца и гороха)
Monsanto (США) приобретена Bayer	Производство семян сельскохозяйственных зерновых и овощных культур, химических средств защиты растений, новейшие высокотехнологичные решения	
Alta Genetics (Канада)	Генетика КРС	Представительство
ChemChina (госкорпорация) (Китай)	Агрохимический бизнес: агрохимикаты, резиновые изделия, химические материалы и специальные химикаты	2017 г. ChemChina и «Еврохим» подписали меморандум о создании совместного производства промышленной продукции в России
Сельское хозяйство		
Black Earth Farming (BEF) (Швеция)	Производство зерновых и масличных агрокультур, а также картофеля	Дочерняя компания «Агро-Инвест» 271 тыс. га (2014) в Курской, Липецкой, Воронежской и Тамбовской обл.
Bonduelle (Франция)	Производство консервированных, замороженных и свежих овощей под брендами Bonduelle, Cassegrain, Arctic Gardens, Globus на 43 заводах в 11 странах	Завод в Краснодаре, 99% компании «Кубанские консервы»
Charoen Pokphand Foods (Таиланд)	Производство кормов для сельскохозяйственных животных, птицы и аквакультуры (53%), свиноводство, бройлерное и яичное птицеводство, разведение уток, рыбы и креветок (35%), переработка сельхозпродукции, производство продуктов питания и готовых блюд (12%)	CP Foods «Чароен Покпанд Фудс» (Московская обл.) сельхозпроизводство, выпуск комбикормов, свиноводство; строительство свинокомплексов в Московской, Калужской, Липецкой, Курской, Калининградской и Нижегородской обл., 67% акций норвежской группы Russia Baltic Pork Invest (RBPI), которая управляет в России проектами «Правдинское Свино Производство» (Калининградская область, основной актив), «ННПП» (Нижегородская область) и «Пензенский Агри Инвест», покупка у голландской Agro Invest Brinky BV птицефабрики «Северная» и «Войсковицы»
Ecossem-Agrar (Германия)	Инвестиционная и управляющая компания	Холдинг «ЭкоНива» - одна из крупнейших сельскохозяйственных компаний России, лидер по производству молока-сырья, на июнь 2018 г. ей принадлежит 350 тыс. га в Калужской, Воронежской, Курской, Оренбургской, Тюменской и Новосибирской обл.

Продолжение таблицы Д.1

<i>ТНК</i>	<i>Сегменты рынка</i>	<i>Локализация на территории РФ</i>
Volga Farming (Швеция)	Учредитель компании –Третий шведский национальный пенсионный фонд. В 2009 г. Volga Farming объединилась с «Хартланд фармз», в 2015 г. все российские активы VF проданы структурам турецкой Agsen	«Зерновая компания», компании «Премиум», «Титан» и «Ломов-агро»: производство зерновых и масличных агрокультур
United Green Group (Великобритания)	Частная стратегическая инвестиционная группа с диверсифицированным и динамичным международным портфелем	ООО «Агро Фарм Ю Джи» планирует вложить 5 млрд руб. в строительство в России молочной фермы на 5 тыс. голов КРС в Псковской обл. (2019 г.)
Пищевая и перерабатывающая промышленность		
Phileo by Lesaffre (Франция)	Бизнес-подразделение группы Lesaffre: производство хлебопекарных дрожжей, а также других продуктов, получаемых путем ферментации; разработка инновационных решений в области кормления	Цех по производству живых дрожжей «Актисаф» (Воронеж); с 2021 г. производство и продвижение бактериальных пробиотиков, высококачественных функциональных протеинов для производства кормов
Danone (Франция)	Кисломолочные продукты, детское питание, бутилированная питьевая вода, медицинское питание, продукты питания и напитки	20 производственных объектов
PepsiCo (США)	Продукты питания и напитки	12 производственных объектов
The Coca-Cola Company (США)	Концентраты, сиропы, безалкогольные напитки	10 производственных объектов
Unilever (Великобритания)	Продукты питания и напитки; средства личной гигиены, бытовая химия	8 производственных объектов
Nestle (Швейцария)	Продукты питания, напитки	11 производственных объектов
Heinz (США) (2015 слияние Kraft Foods и Heinz KraftHeinz)	Напитки и продукты питания	2 производственных объекта
Fazer (Финляндия)	Продукты питания, хлебобулочные и кондитерские изделия	4 производственных объекта
Bonduelle (Франция)	Консервированные и замороженные овощи	2 производственных объекта
Mars (США)	Продукты питания, питание для домашних животных, шоколад, жевательная резинка	10 производственных объектов
Bunge Ltd (США)	Переработка подсолнечника, заготовка и экспорт зерна	МЭЗ в Воронежской области (торговые марки растительного масла: «Олейна», Ideal, «Масленица», Primoliva), зерновой элеватор в Краснодарском крае и Воронежской области и зерновой терминал в Ростове-на-Дону
Cargill (США)	Торговля зерном и семенами масличных культур, поставки продуктов питания, сельскохозяйственных, финансовых и промышленных товаров и услуг	Глубоководный зерновой терминал «КСК» в Новороссийске; промышленный комплекс компании в г. Ефремов (крупнейшая в Европе производственная площадка по производству растительных масел, крахмалопродуктов, премиксов и кормовой продукции для с/х животных, полуфабрикатов из мяса птицы; маслоэкстракционный завод в г. Новоаннинский; Давыдовский элеватор; терминал в Ростове-на-Дону; завод в г. Азов по выпуску кормов для сельскохозяйственных животных и птицы; производственная площадка г. Клин (комбикорма для с/х животных и птицы, полнораціонные сухие корма для непродуктивных животных и овсяные хлопья)

Продолжение таблицы Д.1

<i>ТНК</i>	<i>Сегменты рынка</i>	<i>Локализация на территории РФ</i>
Olam International Ltd (Сингапур)	Международный аготрейдер, лидер по поставкам какао, кофе, риса, шелка, дерева, орехов и других биржевых товаров на мировой рынок	Азовский зерновой терминал; 75% акций «Русской молочной компании» («Русмолко»), в перспективе планирует увеличить стадо коров до 50 тыс.
Glencore (США, Швейцария)	Трейдера сырьевых товаров, производство и переработка сельхозсырья	дочерняя структура – Международная зерновая компания (МЗК) (контролирует более 65 тыс. га сельхозземель), 12 элеваторов в Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской и Волгоградской обл.
Louis Dreyfus (Франция)	Транснациональный агропромышленный конгломерат представлен более чем в 100 странах мира, управляет 260 производственными и логистическими комплексами; один из крупнейших поставщиков сельскохозяйственной продукции в мире, также занимается торговлей, производством и переработкой	российское подразделение Louis Dreyfus Commodities Vostok владеет зерновым терминалом в Азовском районе Ростовской области, входит в ТОП-5 экспортеров зерна

Таблица Д.2 – Инвестиционные проекты крупнейших МНК в пищевой промышленности России в 2017 г.¹

<i>МНК</i>	<i>Инвестиционные проекты 2017 – начало 2018 гг.</i>
PepsiCo, США	– новая линия по производству детского питания на заводе «Манрос-М» в Омске; – комплекс очистных сооружений на заводе «Сибирское молоко» в Новосибирске; – строительство комплекса локальных очистных сооружений на заводе по производству безалкогольных напитков в Домодедово; – комплекс очистных сооружений на заводе PepsiCo по производству снеков в Азове, Ростовская область; – инвестиционный проект по расширению мощностей завода в Московской области; – инвестиционный проект по расширению производственных мощностей Нижегородского молочного комбината, входящего в состав АО «Вимм-Билль-Данн»; – новая линия по производству творога Веселый молочник на заводе «Бишкексут»; – объявлено о намерении реализовать проект по строительству завода детского питания на территории Тимашевского молочного комбината.
Nestle, Швейцария	– инвестиции в проект по расширению производственных мощностей фабрики в поселке Ворсино Калужской области в период с 2017 по 2019 гг. 10 млрд руб.

¹ Составлено автором на основе открытых источников информации и официальных сайтов компаний.

Продолжение таблицы Д.2

<i>МНК</i>	<i>Инвестиционные проекты 2017 – начало 2018 гг.</i>
Mars, США	<ul style="list-style-type: none"> – новая производственная площадка в Ростовской области; – инвестиционный проект по модернизации производства жевательной резинки; – анонсирован проект по строительству новых и модернизации существующих очистных сооружений на фабриках в Московской, Ульяновской и Новосибирской областях с общим объемом инвестиций в течение двух лет около 1 млрд руб.
Danone, Франция	<ul style="list-style-type: none"> – модернизация молочного комбината «Владимирский», г. Владимир с объемом инвестиций 300 млн руб. ежегодно в течение двух лет; – модернизация самарского молочного комбината, с объемом инвестиций более 1 млрд руб.; – открытие передовой производственной площадки по розливу бутилированной воды Evian; – запуск собственного интернет-магазина с доставкой продуктов в Москве, и через год начать в других городах-миллионниках; – компанию выступила соинвестором в строительство молочно-товарного комплекса в Тюмени группы компаний «Дамате» (проект стоимостью 5,6 млрд руб. профинансирован за счет собственных средств ГК «Дамате», банковского финансирования со стороны АО «Россельхозбанк» и инвестиций компании Danone).

**Приложение Е
(рекомендуемое).**

Потенциал кооперации и развития торговли со странами ЕАЭС

Таблица Е.1 – Потенциал наращивания взаимной торговли и кооперации агро-продовольственными товарами России со странами ЕАЭС¹

Наименование товара	Индекс Грубеля – Ллойда		Наименование товара	Индекс Грубеля – Ллойда	
	2014 г.	2017 г.		2014 г.	2017 г.
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>
Крупный рогатый скот живой	0,93	0,89	Дыни, арбузы и папайя, свежие	0,86	0,61
Свиньи живые	0,28	0,54	Яблоки, груши свежие	0,00	0,00
Овцы и козы живые	0,00	0,01	Абрикосы, вишня, черешня, персики, сливы	0,00	0,00
Домашняя птица живая	0,10	0,14	Фрукты свежие прочие	0,10	0,00
Говядина свежая или охлажденная	0,00	0,00	Фрукты замороженные	0,12	0,06
Говядина замороженная	0,09	0,06	Фрукты, консервир. для кратковрем. хранен.	0,45	0,06
Свинина	0,45	0,90	Кофе	0,05	0,43
Баранина или козлятина	0,38	0,94	Чай	0,26	0,28
Пищевые субпродукты домашних животных	0,55	0,25	Пшеница	0,13	0,58
Мясо и пищевые субпродукты домашней птицы	0,30	0,58	Рожь	0,00	0,30
Жир свиной и домашней птицы, сырые	0,78	0,85	Ячмень	0,01	0,58
Мясо и пищевые субпродукты переработанные	0,06	0,50	Овес	0,89	0,13
Живая рыба	0,40	0,12	Кукуруза	0,00	0,00
Рыба свежая или охлажденная	0,77	0,11	Рис	0,90	0,47
Рыба мороженая	0,26	0,47	Гречиха, просо и пр. злаки	0,09	0,19
Филе рыбное и прочее мясо рыбы	0,70	0,53	Мука пшеничная или пшенично-ржаная	0,88	0,96
Рыба переработанная	0,36	0,20	Мука из зерна прочих злаков	0,16	0,10
Молоко и сливки несгущенные	0,12	0,08	Крупа и гранулы зерновых злаков	0,21	0,08
Молоко и сливки сгущенные и сухие	0,28	0,16	Зерно злаков обработанное	0,30	0,37
Пахта, йогурт, кефир	0,73	0,50	Крахмал	0,92	0,56
Масло сливочное	0,11	0,05	Колбасы и аналогичные продукты из мяса	0,81	0,81
Яйца	0,21	0,20	Сахар	0,03	0,96

¹ Рассчитано автором.

Продолжение таблицы Е.1

1	2	3	4	5	6
Картофель	0,01	0,24	Меласса	0,09	0,00
Томаты	0,00	0,00	Кондитерские изделия из сахара	0,64	0,80
Лук репчатый, чеснок	0,13	0,05	Макаронные изделия	0,23	0,30
Капуста	0,02	0,00	Хлеб и мучные кондитерские изделия	0,38	0,33
Салат-латук	0,08	0,01	Овощи, фрукты, орехи, консервированные с уксусом	0,21	0,31
Морковь, свекла столовая и др. корнеплоды	0,00	0,01	Томаты, приготовленные или консервированные без уксуса	0,46	0,61
Огурцы и корнишоны	0,01	0,01	Овощи прочие, приготовленные или консервированные без уксуса, замороженные	0,11	0,88
Овощи бобовые	0,74	0,28	Овощи прочие, приготовленные или консервированные без уксуса, незамороженные	0,86	0,90
Овощи прочие	0,01	0,02	Фрукты, орехи, приготовленные или консервированные иным способом	0,15	0,52
Овощи замороженные	0,10	0,04	Соки фруктовые и овощные	0,24	0,52
Овощи консервированные для кратковрем. хранен.	0,15	0,00	Мороженое	0,56	0,65
Финики, инжир, ананасы, авокадо, гуайява, манго	0,03	0,24	Пищевые продукты прочие	0,51	0,78
Цитрусовые плоды	0,32	0,52	Воды минеральные	0,01	0,01
Виноград, свежий или сушеный	0,05	0,04	Воды, включая минеральные и газированные, с сахаром	0,66	0,91

Таблица Е.2 – Индекс маржинальной внутриотраслевой торговли России и стран ЕАЭС в агропродовольственном секторе¹

Наименование товара	ИМТ	Наименование товара	ИМТ
Крупный рогатый скот живой	-0,045	Дыни, арбузы и папайя, свежие	-0,502
Свиньи живые	-0,391	Яблоки, груши и айва, свежие	0,267
Овцы и козы живые	1,000	Абрикосы, вишня, персики, сливы	-0,808
Домашняя птица живая	-0,153	Фрукты свежие прочие	-0,911
Говядина свежая или охлажденная	-0,237	Фрукты замороженные	-0,390
Говядина замороженная	-0,263	Фрукты консер. для кратковр.хранен.	-0,794
Свинина	0,617	Фрукты сушеные, смеси орехов	-0,360
Баранина или козлятина	-0,581	Кофе	-0,833
Пищевые субпрод. дом. животных	-0,451	Чай	-0,030

¹ Рассчитано автором.

Продолжение таблицы Е.2

<i>Наименование товара</i>	<i>ИМТ</i>	<i>Наименование товара</i>	<i>ИМТ</i>
Мясо и пищ. субпрод. дом. птицы	0,390	Пшеница	0,944
Мясо и пищ. субпрод. переработ.	0,823	Рожь	-0,975
Живая рыба	-0,590	Ячмень	-0,972
Рыба свежая или охлажденная	-0,829	Овес	-0,892
Рыба мороженая	-0,352	Кукуруза	0,073
Филе рыбное и прочее мясо рыбы	0,683	Рис	-0,599
Рыба переработанная	-0,315	Гречиха, просо и прочие	0,990
Молоко и сливки несгущенные	-0,210	Мука пшеничная, пшенично-ржаная	0,156
Молоко и сливки сгущен. и сухие	-0,301	Мука из зерна прочих злаков	-0,265
Пахта, йогурт, кефир	-0,264	Крупа и гранулы зерновых злаков	0,476
Масло сливочное	-0,337	Зерно злаков обработанное	-0,129
Сыры и творог	-0,157	Крахмал	0,505
Яйца	-0,028	Масло оливковое	-0,165
Картофель	0,897	Масло подсолнечное	-0,054
Томаты	0,046	Колбасы и аналог. продукты из мяса	0,000
Лук репчатый, чеснок	-0,460	Готовые и консер. продукты из мяса	0,287
Капуста	-0,886	Сахар	0,970
Салат-латук	-0,858	Меласса	1,000
Морковь, свекла и др. корнеплоды	0,586	Кондитерские изделия из сахара	-0,176
Огурцы и корнишоны	0,009	Макаронные изделия	-0,162
Овощи бобовые	-0,827	Хлеб и мучные кондитерские изделия	0,100
Овощи прочие	0,382	Овощи, фрукты, консервир. с уксусом	0,230
Овощи замороженные	-0,454	Томаты, приготвл. без уксуса	-0,185
Овощи конс. для кратковр. хранен.	-1,000	Соки фруктовые и овощные	-0,439
Овощи бобовые сушеные	-0,448	Мороженое	-0,115
Финики, инжир, ананасы, манго	0,814	Пищевые продукты прочие	-0,305
Цитрусовые плоды	0,303	Воды минеральные	-0,102
Виноград, свежий или сушеный	-0,041	Воды минеральные и газированные с сахаром	-0,412

